

К 200-ЛЕТИЮ
СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
А. С. ПУШКИНА

А. А. ОЛЕНИНА

ДНЕВНИК.
ВОСПОМИНАНИЯ

Санкт-Петербург
Гуманитарное агентство
«Академический проект»
1999

Научный редактор
В. М. Файбисович

Подготовка русского текста
Н. А. Казакова

Подготовка французского текста, перевод
М. В. Арсентьева

Вступительная статья
В. М. Файбисович

Комментарии
Л. Г. Агамалян, В. М. Файбисович

Стихотворные посвящения А. А. Олениной:
составление, комментарий
Л. Г. Агамалян, В. М. Файбисович

Подбор иллюстраций
Л. Г. Агамалян, В. М. Файбисович

Компьютерная обработка текста
Е. В. Казаков

- © В. М. Файбисович, вступительная статья, 1999
- © Л. Г. Агамалян, В. М. Файбисович, Н. А. Казакова, М. В. Арсентьева, составление, подготовка текста, комментарии, 1999
- © Гуманитарное агентство «Академический проект», 1999

ISBN 5-7331-0150-4

lib.pushkinskiydom.ru

СУДЬБА ДНЕВНИКА АННЫ ОЛЕНИНОЙ

Дневник Анны Алексеевны Олениной представляет собою рукопись в темно-красном сафьяновом переплете с золотым обрезом и тисненой золотом надписью «Annette»; этот журнал велся на русском и французском языках преимущественно в 1828—1829 гг., но в нем есть отдельные записи 1830—1831 и 1835 гг.

Дневник А. А. Олениной дошел до нас по счастливой случайности, сохранившись в годы войн и революций в Польше у Софьи Андреевны Гарбинской, внучки Анны Алексеевны, передавшей его в 1920-х гг. своей двоюродной сестре Ольге Николаевне Оом¹, эмигрировавшей во Францию. В 1936 г. О. Н. Оом опубликовала в Париже «Журнал» Анны Олениной, предпослав ему краткое «Посвящение»: «Вам, дорогие внуки и внучки мои, посвящаю я этот маленький труд, в котором я собрала все то, что я помню и знаю о бабушке моей, Анне Алексеевне Олениной, а также о жите-бытье наших предков в начале XIX-го столетия. В предисловии моем вы прочтете о великих наших писателях, поэтах и художниках, о творениях которых вам, воспитанным вдали от дорогой нашей Родины, мало пришлось слышать. Я была бы счастлива, если бы при чтении этой небольшой книги в вас укрепилась любовь к России и ее великому прошлому и если бы в сердцах ваших эта любовь сохранилась так же, как она хранится в сердцах людей нашего поколения».

Дневник Анны Алексеевны был издан тиражом в 200 нумерованных экземпляров². Это ничтожное число было обусловлено, вероятно, не только материальными соображениями: по-видимому, Ольга Николаевна искренне полагала, что дневник ее бабушки не способен претендовать на широкую читательскую аудиторию (в 1936 г. у нее были для этого веские основания), и она ориентировалась на узкий круг родственников и друзей.

Однако эта публикация не осталась незамеченной на родине Анны Алексеевны: в дни столетия со дня гибели Пушкина, в 1937 г., газета «Известия» поместила в одном из своих февральских номеров популярную статью В. Д. Бонч-Бруевича «Пушкин в воспоми-

ниях А. А. Олениной», основанную на материалах парижского издания³. Вновь к дневнику Анны Олениной пушкинисты обратились уже после войны. В 1958 г. Т. Г. Цявловская опубликовала свое чрезвычайно обстоятельное и ценное исследование «Дневник Олениной», введя в научный оборот пространные выдержки из «Журнала» Анны Алексеевны, которые она приводела по экземпляру парижского издания, приобретенному Государственным Литературным музеем⁴. С этого времени «Дневник» Анны Олениной постоянно цитируется по этой публикации в научных и научно-популярных изданиях.

Между тем в 1966 г. И. С. Зильберштейн посетил в Париже сына покойной О. Н. Оом, Владимира Николаевича Звегинцова⁵; после ряда встреч и бесед между ними В. Н. Звегинцов принял решение отправить на родину часть принадлежавших ему семейных документов и портретов. В их числе оказались дневник и две главы воспоминаний А. А. Олениной, переданные И. С. Зильберштейном по согласованию с Владимиром Николаевичем в Центральный государственный архив литературы и искусства⁶. «Самое отрадное воспоминание, — писал И. С. Зильберштейн, — осталось у меня от встреч в Париже с сыном О. Н. Оом — В. Н. Звегинцовым, человеком широким познаний в различных областях истории, литературы и искусства, владеющим пятью языками. Какое счастье, что реликвии его прабабушки Анны Алексеевны Олениной попали именно к нему! Несмотря на все трудности и превратности своей жизни, Владимир Николаевич сумел сохранить их. И как характерна для этого человека фраза, сказанная им в одном из последних писем ко мне: «Вы не можете себе представить, какой камень спал с моей души после того, что благодаря Вам удалось все эти предметы вернуть домой, на Родину»⁷.

Ознакомившись с «Журналом» Анны Алексеевны в подлиннике, И. С. Зильберштейн констатировал, что в парижской публикации «текст дневника приведен не полностью, притом со многими неточностями, перестановками, изменениями. Поэтому дневник Аннет Олениной нуждается в новом издании, научно подготовленном»⁸. К сожалению, это указание не было услышано. Между тем сличение текста дневника в редакции О. Н. Оом с его оригиналом способно обескуражить: действуя из лучших побуждений, преследуя воспитательные и просветительные цели, сформулированные ею в «Посвящении», издательница подвергла «Журнал» весьма существенной правке. Несмотря на то, что дневниковым записям ко-

лорит придает их первоизданная непосредственность (Анна Алексеевна свой журнал не редактировала), дневник был издан Ольгой Николаевной в последовательно проведенной «литературной обработке». О. Н. Оом компоновала записи, повествующие об одном событии, но сделанные в разные дни, в некое единое целое; стремясь беллетризовать дневник бабушки, Ольга Николаевна внесла в него несколько новых датировок. Так эпиграф, помещенный на форзаце дневника и датированный 22 сентября 1828 г., О. Н. Оом перенесла в основной текст. Ею выставлены даты 7, 18 и 19 июля, 10 и 11 августа, 1 и 2 октября, 5 и 22 ноября 1828 г., 23 апреля, 9 и 10 июня, 10 и 20 июля, 22 и 23 августа 1829 г. При этом произвольные даты 10 и 11 августа 1828 г. заменили собою реальную дату 13 августа, а запись от 5 декабря 1828 г. оказалась разделенной на две, датированные Ольгой Николаевной 5 и 22 ноября.

Некоторые из этих датировок привязаны к реальным событиям (например, дату 22 ноября 1828 г. О. Н. Оом выставляет над рассказом А. А. Олениной о дне рождения ее отца, А. Н. Оленина), но в большинстве они произвольны и вступают порой в явное противоречие с действительностью. Так, в частности, первое упоминание имени казачьего хорунжего А. П. Чечурина мы находим в дневниковой записи от 13 августа; в редакции О. Н. Оом под вымышленной датой 19 июля приводится позднейшая (конца сентября) ретроспективная запись А. А. Олениной о знакомстве с Чечуриным, к которой О. Н. Оом добавляет от себя первую фразу: «Сегодня мы поехали на дачу к тетушке Сухаревой...» Между тем по дневнику А. А. Олениной нетрудно расчислить, что первая встреча А. А. Олениной с А. П. Чечуриным состоялась не 19, а 30 июля — в день рождения А. М. Сухаревой — недаром у нее было в этот день столько гостей.

Вероятно, ограждая Анну Алексеевну от упреков в злоязычности, О. Н. Оом опустила нелестные характеристики, которыми та награждала своих знакомых (Наумов — «дурак», Сонцов — «немалая скотина», Фролова-Багреева — «Сантиментальная Корова»). Выкинула Ольга Николаевна и вполне законченные записи от 18 февраля 1831 г. и от 1 января 1833 г.; при этом соответствующие изменения претерпела и следующая запись (от 2 февраля 1835 г.): вместо «Прошло целых два года...» в публикации О. Н. Оом значится «Прошло целых четыре года...»

Впрочем, Ольга Николаевна не только своевольно сокращала текст, но даже внесла в него собственное (и весьма существенное) дополнение, основанное, быть может, на семейных преданиях, но

ничем не подтвержденное и никак не оговоренное в парижском издании. «Наконец стало поздно, и Маминька стала просить его, чтоб он оставил ей сочинение Рылеева, — рассказывает о прощении с А. П. Чечуриным Анна Оленина. — Он на то не скоро согласился, но наконец отдал мне его (...)». В издании 1936 г. этот фрагмент выглядит иначе: «Наконец стало поздно. Маменька снова попросила его, чтобы он оставил ей сочинения и письма Рылеева. Он долго на это не соглашался, но наконец отдал их мне».

Комментарии, которыми снабдила дневник А. А. Олениной О. Н. Оом, весьма скрупулезны; многие из них не утратили своего значения и сегодня. Несомненной заслугой О. Н. Оом является установление личности человека, внушившего Анне Олениной то глубокое чувство, дань которому мы находим на многих страницах ее журнала — кн. А. Я. Лобанова-Ростовского. Вместе с тем ее примечания не свободны и от ошибок (порою серьезных), обусловленных, быть может, недоступностью справочной литературы⁹. К сожалению, все недостатки парижского издания были воспроизведены шестнадцатитысячным тиражом в книжке «Дневник Annette», выпущенной в свет в 1994 г. Фондом им. И. Д. Сытина. Впрочем, издатели последней не ограничились ими, умножив ошибки Ольги Николаевны собственными ошибками, в изобилии рассыпанными в переводе с французского¹⁰.

* * *

Приступая к работе над настоящим изданием, мы надеемся восполнить научный пробел, на который указал некогда И. С. Зильберштейн. Несмотря на то, что дневник Анны Алексеевны Олениной хранится ныне в РГАЛИ, мы сочли своим долгом испросить согласие на публикацию его в первоизданном виде у сына покойного В. Н. Звегинцова — В. В. Звегинцова, одного из тех внуков О. Н. Оом, которым было адресовано ее «Посвящение». «Насчет Дневника А. Олениной могу только выразить мое полное согласие с проектом «академического» издания, — ответил Владимирovich. — Думаю, что моему отцу это было бы еще одно удовольствие, в дополнение ко всем тем другим радостям, которые ему не суждено было испытать при жизни»¹¹.

Памяти двух замечательных людей, благодаря которым смогла увидеть свет лежащая перед Вами книга, — В. Н. Звегинцова и И. С. Зильберштейна, — посвящено это издание.

Примечания

¹ Оом Ольга Николаевна, рожденная баронесса Сталь фон Гольштейн (3.02.1868—17.09.1938), дочь генерал-лейтенанта барона Николая Александровича и баронессы Софии Федоровны Сталь фон Гольштейн, рожденной Андро. В первом браке за Н. А. Звегинцовым; овдовев (1920), вышла замуж за Ф. Ф. Оома.

² Дневник Анны Алексеевны Олениной (1828—1829) / Предисловие и редакция Ольги Николаевны Оом. Париж, 1936, XLI, 137 с.

³ *Бонч-Бруевич В. Д.* Пушкин в воспоминаниях А. А. Олениной // Известия ЦИК СССР и ВЦИК, 1937. № 35. 9 февраля.

⁴ *Цявловская Т. Г.* Дневник А. А. Олениной // Пушкин. Исследования и материалы. Т. II. АН СССР. М.; Л., 1958. С. 247—292. В дальнейшем — «Цявловская Т. Г.», с указанием страницы.

⁵ Владимир Николаевич Звегинцов (11. 02. 1891—1973) — сын Ольги Николаевны и Николая Александровича Звегинцова (28. 04. 1848—9. 12. 1920), офицера Кавалергардского полка (1865—1872), Воронежского губернского и Новохоперского уездного предводителя дворянства (1882—1901), Смоленского (1901—1905) и Лифляндского (1905—1914) губернатора, сенатора (1916—1917). Офицер Кавалергардского полка; с 1922 г. в эмиграции. Военный историк, автор исследования «Кавалергарды декабристы» (Париж, 1977, тираж 200 экземпляров). Женат на Анастасии Михайловне Раевской, правнучке героя Отечественной войны Н. Н. Раевского.

⁶ РГАЛИ. Ф. 1124. Оп. 2. Ед. хр. 10 (Дневник) и ед. хр. 11 (Воспоминания).

⁷ *Зильберштейн И. С.* Парижские находки. Дневник Аннет Олениной // Огонек, 1966, № 49; *Зильберштейн И. С.* Парижские находки. М., 1993. С. 71.

⁸ Там же. С. 67.

⁹ Наиболее существенные фактические ошибки, допущенные в парижском издании, оговорены нами в комментариях.

¹⁰ Дневник Annette. Анна Алексеевна Оленина. М., Фонд им. И. Д. Сытина, 1994. В переводе с французского только одной записи А. А. Олениной от 2 октября 1828 г. Л.-гв. Егерский полк назван «стрелковым», И. И. Дибич назван «Дебичем», адмирал, генерал-адъютант А. С. Меншиков назван «лейтенантом», а гр. И. Ф. Паскевич — «Пашкевичем» (с. 119—120).

¹¹ Владимиру Владимировичу Звегинцову (р. 19. 10. 1914 по ст. ст.), известному военному историку, также не довелось дожидаться выхода в свет этой книги: он скончался в Гийанкуре близ Парижа 30. 01. 1996.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Годы в Аркадии

Auch ich war in Arcadien geboren.

I. F. Schiller. Resignation

(И я в Аркадии родился.

И. Ф. Шиллер. Отречение)

И я в Приютиве бывал...

А. К. Мейендорф. А(нне) О(ленино)й

Анна Алексеевна Оленина родилась 11 августа 1808 года в семье сорокачетырехлетнего действительного статского советника, кавалера ордена св. Анны I класса и Командора ордена св. Иоанна Иерусалимского Алексея Николаевича Оленина и его сорокалетней супруги Елизаветы Марковны, рожденной Полторацкой. Вместе с родителями появления Анны Алексеевны на свет ожидали три ее брата — Николай, Петр, Алексей — и сестра Варвара.

К этому времени А. Н. Оленин был уже не только преуспевающим чиновником, но и весьма известным деятелем русского Просвещения, признанным главой влиятельного литературно-художественного кружка.

С первых дней жизни девочку окружали знаменитости.

В мемуарной и биографической литературе уже неоднократно отмечалась та выдающаяся роль, которую играл в культурной жизни северной столицы салон Олениных¹. Резюмируя

свидетельства современников и отзывы биографов А. Н. Оленина, В. О. Ключевский писал в своем очерке «Алексей Николаевич Оленин» (1893): «Прекрасно образованный человек, страстный любитель искусств и литературы, талантливый рисовальщик, с тонким чувством изящного и огромной начитанностью, любитель отечественной старины и покровитель нарождающихся отечественных талантов, при обширных связях в высшем петербургском обществе, простой в обращении и гостеприимный хозяин-хлебосол, деливший свое время и силы между службой и дружбой — вот таким изображается Оленин в этих биографиях и мемуарах»². «Дому Оленина служила украшением его супруга Елисавета Марковна, урожденная Полторацкая, — вспоминал С. С. Уваров. — Образец женских добродетелей, нежнейшая из матерей, примерная жена, одаренная умом ясным и кротким нравом, — она оживляла и одушевляла общество в своем доме»³. Упомянув о недугах, которыми страдала Е. М. Оленина, Ф. Ф. Вигель свидетельствовал: «Часто, лежа на широком диване, окруженная посетителями, видимо мучась, умела она улыбаться гостям. Я находил, что тут и мужская твердость воли и ангельское терпение, которое дается одним только женщинам. Ей хотелось, чтобы все у нее были веселы и довольны, и желание беспрестанно выполнялось. Нигде нельзя было встретить столько свободы, удовольствия и пристойности вместе, ни в одном семействе — такого доброго согласия, такой взаимной нежности, ни в каких хозяевах — столь образованной приветливости. Всего примечательнее было искусное сочетание всех приятностей европейской жизни с простотой, с обычаями русской старины»⁴.

Анна Оленина росла в тесном и жизнерадостном кругу своеобразно одаренных друзей и сподвижников отца, в теплой атмосфере гостеприимного и открытого дома. По меткому наблюдению Ф. Ф. Вигеля, «гувернантки и наставники, французы, англичанки и дальние родственницы, проживающие барышни, несколько подчиненных, обратившихся в домочадцев, наполняли дом сей, как Ноев ковчег, составляли в нем разнородное, не менее того весьма согласное общество и давали ему вид трогательной патриархальности»⁵.

Первые годы своей жизни Анна Алексеевна прожила на набережной Фонтанки⁶; возможно, точнее было бы сказать не лет, а зим — ибо с младенчества едва ли не половину года Анна Алексеевна проводила в пригородном имении Олениных Приютино, в 17 верстах от центра столицы. «В известном многим *Приютино* жизнь текла тихая, мирная, аккуратная, простая деревенская, — свидетельствовала ее старшая сестра Варвара Алексеевна, — и казалось, по образу жизни, верст за 500 от Петербурга»⁷. В воспоминаниях Анны Олениной, ее брата Петра и сестры Варвары, написанных ими на склоне лет, Приютино приобретает черты утраченной Аркадии — страны идиллического счастья.

Но как скорбное напоминание о бренности бытия («Et in Arcadia ego» — «И я был в Аркадии...») среди деревьев приютинского парка до наших дней возвышается полуразрушенный кенотаф, воздвигнутый Алексеем Николаевичем и Елизаветой Марковной в 1813 г. в память об их первенце Николае. Несохранившаяся надпись на нем гласила:

Здесь некогда наш сын дуб юный возвращал:
Он жил, и дерево взрастало.
В полях Бородина он за Отчизну пал,
И дерево увяло!
Но не увянет здесь дней наших до конца
Куст повилики сей, на камень насаженный;
И с каждою весной взойдет он, орошенный
Слезами матери и грустного отца⁸.

Однако гибель сына не ожесточила Олениных. Их дом оставался миром гармонии и добра⁹. Из этого мира доносится до нас голосок маленькой девочки — Анны Олениной, читающей своему батюшке стихотворение, приуроченное ко дню его рождения, быть может, к пятидесятилетнему юбилею (21 ноября 1814):

Ах, папенька, — одна ли я,
Как вас приветствуют родные и друзья
Как и всегда и рады так нелестно, —
Одна ли буду я молчать?

Нет, нет, и мне уже известно,
Что детям чувств не следует скрывать,
А у меня от них все сердце так и бьется...
Чтоб к вам заговорить вот так оно и рвется...
Но слов я, папенька, не знаю, где сыскать —
И! полно! что в словах, — ведь я не сочиняю —
Люблю вас папенька! Вот что я только знаю
И что хочу сказать!¹⁰

Анна Алексеевна с детства была участницей и тех традиционных «празднеств», которые устраивались в Приютино ко дню рождения (2 мая) и именинам (5 сентября) Елизаветы Марковны. Так в воскресенье, 5 сентября 1815 г. семилетняя Анна Оленина под именем девицы Догадкиной дебютировала в комедии «Стихотворец в хлопотах», поставленной «на новом приютинском театре» по пьесе «г-на Приютина» (Н. И. Гнедича). Наряду с автором в этом спектакле участвовали «г-н Лентяинов» — И. А. Крылов, «г-н Долгоносов» — Алексей Оленин-младший, «девица Ленивина» — Варвара Оленина и другие. Программа постановки обещала, что «за оною последует Дивертиссемент, в котором будут по Русски плясать г-жи Ленивина и Догадкина»¹¹.

Вскоре оленинский круг заметно расширился: 17 апреля 1817 г. А. Н. Оленин был назначен президентом Академии художеств. Совмещение Алексеем Николаевичем этой должности с должностью директора Императорской Публичной библиотеки сделало его одной из центральных фигур в литературно-художественной жизни столицы, и все пути отечественной культуры если не вели в его дом, то, по крайней мере, пролегли через него. В гостиной Олениных неизбежно должен был появиться и Пушкин.

«Девике Догадкиной» было, вероятно, немногим более девяти, когда их дом впервые посетил «юноша Пушкин», как назвал его в одном из своих писем Алексей Николаевич: через десять лет Анна Алексеевна запишет в своем журнале, что «знала его еще ребенком». С 1813 г. Оленины жили в собственном доме на Фонтанке, 97, и первые встречи поэта с будущей вдохновительницей знаменитого цикла его любовной

лирики состоялись именно здесь; но они не запомнились ни ей, ни ему. Нет, этим стенам Пушкин был обязан «чудным мгновением» другой встречи — встречи с Анной Керн, двоюродной сестрой Анны Олениной. Впрочем, встрече с Пушкиным не придавала в то время значения и А. П. Керн: «На одном из вечеров у Олениных я встретила Пушкина и не заметила его: мое внимание было поглощено шарадами, которые тогда разыгрывались и в которых участвовали Крылов, Плещеев и другие. Не помню, за какой-то фант Крылова заставили прочитать одну из его басен. Он сел на стул посередине залы; мы все столпились вокруг него, и я никогда не забуду, как он был хорош, читая своего Осла! (...) В чаду такого очарования мудрено было видеть кого бы то ни было, кроме виновника поэтического наслаждения, и вот почему я не заметила Пушкина»¹². Но в эту пору в доме Олениных и сам Пушкин не раз становился «виновником поэтического наслаждения».

Так, он выступил в качестве актера домашнего театра, исполнив роль мичмана Альнаскарова в комедии Н. И. Хмельницкого «Воздушные замки»; его партнерами в этой постановке были знаменитый комик И. И. Сосницкий и великая трагическая актриса Е. С. Семенова, избравшие для себя роли, противоположные их обычному амплуа. 2 мая 1819 г., участвуя в шараде, задуманной И. А. Крыловым на слово «Баллада» (Бал-Лада), Пушкин сочинил вместе с Жуковским стихотворение «Что ты, девица, грустна», посвященное Елизавете Марковне Олениной. К ее следующему дню рождения в Приютине была приурочена постановка «Le Roman d'une heure ou La folle gageure (безумное пари)», но Пушкин в ней, очевидно, не участвовал: в эти дни решалась его судьба. Еще в середине апреля 1820 г. над молодым поэтом собралась гроза, и по Петербургу распространился слух, что Пушкина ссылают. Среди благожелателей, заступавшихся за поэта перед Александром I, был и А. Н. Оленин¹³. 6 мая Пушкин надолго покинул столицу, отправляясь на службу в Кишинев к генералу Инзову... Но Алексей Николаевич не забыл о Пушкине и во время его южной ссылки: летом 1820 г. он исполнил ри-

сунок для фронтисписа к поэме «Руслан и Людмила», изданной в Петербурге Н. И. Гнедичем¹⁴.

А в октябре этого же года разразилась громкая «семеновская история», вслед за которой один из старейших полков русской гвардии был раскассирован, а часть его офицеров переведена в армейские полки на юге России. Эти драматические события заделали за живое и Олениных: Петр Оленин числился в Семеновском полку, и офицеры-семеновцы были завсегда-тремя оленинского дома. Капитан Л. -гв. Семеновского полка Сергей Муравьев-Апостол, солировавший в хоре, петом в Приютине в честь именин Елизаветы Марковны год назад, 5 сентября 1819 г., был переведен тогда в армию, в Полтавский пехотных полк, и отправился на юг вслед за Пушкиным; семеновцы кн. И. Д. Щербатов, певший в том же хоре, и Д. П. Ермолаев, за месяц до возмущения проживший в Приютине целую неделю, оказались позднее в крепости... Штабс-капитан Петр Оленин избежал наказания: он служил адъютантом у гр. Коновницына¹⁵ и не был в казармах во время бунта; однако и его перевели тем же чином в Л.-гв. Егерский полк.

Осенью 1822 г. скончалась известная своим богатством и крутым нравом бабка Анны Алексеевны по материнской линии, Агафокля Александровна Полторацкая, оставившая внучке внушительную сумму; в этом же году в семью Олениных вошел их родственник, Григорий Никанорович Оленин, к которому Анна Алексеевна искренне привязалась: он был помолвлен с ее старшей сестрой Варварой, обвенчавшейся с ним 3 февраля 1823 г., в день своего рождения¹⁶. Дом на Фонтанке, 97 отошел в приданое Варваре Алексеевне.

С осени 1819 г. Оленины жили в казенной квартире на Мойке в доме А. И. Северина у Красного моста (ныне наб. р. Мойки, № 67) — этот дом арендовала Государственная канцелярия, правителем которой был А. Н. Оленин. Здесь 7 ноября 1824 г. Анну Алексеевну застало знаменитое наводнение. О ее безопасности позаботился Г. Н. Оленин; он писал матери 14 ноября 1824 г., повествуя о потопе в своем доме на Фонтанке, 97: «...Бедные мои лошади сначала плавали по двору, потом мы их втащили в комнаты внизу, где им было воды повыше ко-

лена. — У нас, слава Богу, все благополучно окончилось — страху не было нисколько, напротив того, Анеточка, которую я к себе перевез заблаговременно из папинькиного дома, много смеялась с Варинькой. — В этот день папинька и маминька были в Приютине и ничего не видели — Алексей и Петр в Москве, и так Анеточка одна оставалась дома с Mlle David и барышнями — Я расчел при начале наводнения, что ей гораздо лучше быть с нами в такое нещастие, за продолжение которого нельзя было отвечать. — Я перевез ее по воде в актерской карете, которую поймал на улице»¹⁷. Кто знает, не послужил ли впоследствии рассказ Анны Алексеевны о наводнении одним из источников «Медного всадника»?

В 1825 году Анне Олениной исполнилось семнадцать. Она была миниатюрна, очаровательна и жизнерадостна; кроме неизбежного французского она знала английский и итальянский языки, хорошо и охотно пела, играла на фортепьяно и превосходно владела искусством верховой езды. Все эти достоинства и совершенства (в сочетании с заслугами отца) были увенчаны фрейлинским шифром, который получила Анна Алексеевна этим летом¹⁸.

Раздавайтесь шум и клики,
Будет пир у нас великий,
Грянемте ура! (bis!)

К нам Приютина царевна
Едет Анна Алексевна,
Фрейлина двора! (bis!)

— так встретили в Приютине новоиспеченную фрейлину: живость характера, обаяние молодости и красоты сделали Анну Алексеевну душою приютинского общества.

Как всегда много гостей съехалось в этом году на именины Елизаветы Марковны; судить об этом можно по исполненной на другой день (в воскресенье, 6 сентября) акварели И. А. Иванова (1779—1848), сотрудника Оленина по его художественной деятельности. На переднем плане — Алексей Николаевич и Елизавета Марковна, предшествуемые важно выступаю-

щим павлином (перо его, найденное при земляных работах, хранится в приютинском музее) и сопровождаемые большим псом (вероятно, небезызвестным Медором). С ними беседует барышня, на руке которой угнезвился большой попугай. По дорожкам в упоении носится чей-то мальчик. На террасу вышли две дамы; у ног их расположился в весьма непринужденной позе какой-то тучный господин. На заднем плане — группа всадников; за работой Ивана Иванова, изобразившего на своей акварели и самого себя, наблюдают два охотника¹⁹. Все дышит миром и благоденствием... Акварель Иванова была послана Алексею Оленину-младшему, уехавшему весною в отпуск на год для лечения за границей; он получил ее в Лондоне 26 октября 1825 г. — за полтора месяца до восстания на Сенатской площади.

Оленин был членом Союза благоденствия, и пребывание за границей послужило ему надежным алиби. Тем не менее, и Алексей Алексеевич, и вся семья Олениных долгое время жили под дамокловым мечом. Во уважение к заслугам отца причастность Оленина-младшего к тайному обществу высочайше повелено было оставить без внимания, хотя Оленин-старший и сам вызвал неудовольствие государя, уклонившись от участия в следствии над декабристами: он мотивировал свою просьбу тем, что в числе государственных преступников оказались его родные и близкие. 4 мая 1826 г. срок отпуска Алексея Оленина-младшего истекал. Он выехал из Парижа в Россию вместе со своим новым знакомым Д. Н. Свербеевым. «Не доезжая до Праги, — вспоминает его спутник, — в богемском городе Пильзене Оленин нашел давно ожидаемое им письмо из Петербурга от своих родителей и, развернув его, преобразился от восхищения: ему прислали продолжение отпуска. В порыве восторга он проговорился мне, что ожидал над собой следствия и суда, но тотчас же очнулся и убедительно просил более об этом его не расспрашивать. Дальше ему ехать со мной было незачем»²⁰. Алексей Оленин продолжил свои заграничные странствия; Д. Н. Свербеев отправился в Петербург один. В середине июня (не позднее 20-го) 1826 г. он посетил А. Н. Оленина. «Ему я доставил, — пишет Д. Н. Свербеев в своих запис-

ках, — тяжеловесное письмо от сына вместе с часами к сестре его, очень красивой и весьма кокетливой Анне Алексеевне (...). Редко случалось мне встретить такой радушный, такой ласковый и утонченно-вежливый прием, какой сделал мне Оленин. Он, как я его о том ни просил, не распечатал при мне сыновнего письма и в то же время упрасивал меня подольше с ним побеседовать и взял с меня слово приехать к ним обедать, когда воротятся жена и дочь его с дачи. В тот же день вечером получил я от него чрезвычайно любезную записку, в которой он писал, что, узнав из письма сына о взятых им у меня тысяче рублях, он с признательностью привезет их мне сам в назначенное мною время и выпишет жену из деревни для скорейшего свидания со мною, чтобы доставить и ей удовольствие поблагодарить меня за их сына. (...) Супруга его нарочно для свидания со мной ускорила приездом в город из их «Приютина» и, как нежная мать, обо всем расспрашивала и благодарила за сына. У них обедал я и провел целый день с двумя постоянными их посетителями, знаменитостями того времени: переводчиком Илиады, красивым и осанистым, с античною важностью, Гнедичем и добродушным дедушкой Крыловым, для которого было за столом и его любимое блюдо — поросенок под хреном. Умный разговор хозяев с этими двумя гостями слушал я с большим удовольствием, отдавая справедливость Оленину в том, что он в беседе своей нисколько не походил ни на знатного вельможу, ни на государственного сановника; мила и любезна была дочь Оленина, преживая и прехорошенькая блондинка, а матушка ее старалась допытать у меня, в каких отношениях был я с ее сыном, знал я или нет что-нибудь о дружеских связях его с некоторыми декабристами и о том, что он подозреваем был в соучастии с ними. Касаясь слегка этого жгучего вопроса, чета Олениных, а еще более дочка, заметно были в неловком положении: им, находившимся в кружке правительственном и придворном, с одной стороны, следовало с ожесточением нападать на декабристов, тогда как, с другой стороны, давняя дружба всего их семейства с главными из мятежников и их семействами, да и всем известное либеральное направление их двух сыновей мешали им высказать свое мне-

ние, а тем самым стесняли и простое дружелюбное отношение со мной»²¹.

Казнь С. И. Муравьева-Апостола и М. П. Бестужева-Рюмина, гибель И. И. Муравьева-Апостола, каторга кн. С. Г. Волконского, М. И. Муравьева-Апостола, Н. М. и А. М. Муравьевых, З. Г. Чернышева, кн. С. П. Трубецкого, кн. Е. П. Оболенского, Н. А. и А. А. Бестужевых, ссылка А. Н. Муравьева и др. переживалась Олениными как семейная драма. У А. Н. Оленина было достаточно оснований для скорбных намеков в письме к Н. И. Гнедичу от 29 июля 1827 г.: «непостоянство судеб человеческих рассеяло приютинское общество по лицу земли: многие лежат уже в могиле, многие влачат тягостную жизнь в дальних пределах света, а многие *ближние* рассеялись по разным странам, как то: Петр, Алексей и Варвара!.. И вы скоро нас оставите, любезный Николай Иванович! Из сего следует, что наше теперешнее общество очень жидко стало»²²

Впрочем, и это лето было ознаменовано для Олениных несколькими примечательными вехами. 26 августа исполнилось 15 лет со дня Бородинского сражения и гибели в нем Николая Оленина; можно думать, что состоявшаяся в этот день закладка новых Нарвских триумфальных ворот, в разработке проекта которых Алексей Николаевич принял деятельнейшее участие, стала для Олениных семейным событием. Через несколько дней, 1 сентября, открылась выставка в Академии художеств; украшением ее стал знаменитый портрет А. С. Пушкина работы О. А. Кипренского, словно предвсказавший новое появление поэта в оленинской гостинице... Оленины не изменили и своей старой традиции: несмотря на сетования А. Н. Оленина на «жидкость» приютинского общества, 5 сентября состоялось традиционное празднество, посвященное именинам Елизаветы Марковны. В этот раз была поставлена «Пословица в лицах: по-русски и по-французски — «Чем богаты, тем и рады». В ней участвовали Слепцов, Краевский, кн. Волконский, Гампельн, Буйницкий, Оленин, А. А. Оленина, Е. Е. Василевская, М. Ф. Коханеева. Во фрагменте озеровского «Эдипа в Афинах» Анна Алексеевна выступила в роли Антигоны, Краевский играл Эдипа.

По возвращении в Петербург Оленины сменили адрес: осенью 1827 г. они переехали на Дворцовую набережную, в дом П. Г. Гагарина (современный адрес — Дворцовая набережная, д. 10).

Зима 1827—1828 гг. была для Анны Олениной «бурной» — девятнадцатилетняя Анна Алексеевна впервые испытала глубокое сердечное чувство... Оно было внушено ей кн. Алексеем Яковлевичем Лобановым-Ростовским, блестящим флигель-адъютантом, полковником Л. -гв. Гусарского полка. Юным кавалерийским поручиком он участвовал в кампании 1814 года; этой зимой ему исполнилось тридцать два. Судя по портрету работы Ф. Крюгера, Алексей Яковлевич был очень хорош: его черты отмечены мужеством и благородством, достоинством и умом. Кн. Лобанов-Ростовский был вдов: он воспитывал трех сыновей восьми, пяти и трех лет. По-видимому, князь был искренне расположен к Анне Алексеевне, но любовь ее была безответной. Она осознала это, очевидно, после решительной для нее встречи с князем Алексеем 29 марта 1828 г. «Пылкие страсти и веселые надежды», которые питала Анна Алексеевна зимой, растаяли вместе со снегом. Весною на ее горизонте появился Александр Пушкин.

Red Rower

Ожидание решительного ответа было самым болезненным чувством жизни моей. Ожидание последней заметавшейся карты, угрызение совести, сон перед поединком — все это в сравнении с ним ничего не значит.

А. С. Пушкин.

«Участь моя решена. Я женюсь...»

Как явствует из «Журнала», встреча А. А. Олениной с Пушкиным после его возвращения из ссылки произошла на балу у Елизаветы Михайловны Хитрово (19.IX.1783—3.VI.1839), доче-

ри М. И. Кутузова. Анна Алексеевна сама сделала первый шаг к возобновлению знакомства. «Она собиралась выбрать его на один из танцев, — рассказывает Анна Алексеевна, говоря о себе в третьем лице. — Она тоже хотела отличить знаменитого поэта. Боязнь быть высмеянной им заставила ее опустить глаза и покраснеть, когда она подходила к нему. Небрежность, с которой он у нее спросил, где ее место, задела ее. Предположение, что Пушкин мог принять ее за простушку, оскорбляло ее, но она кратко ответила: «Да, мсье», — и за весь вечер не решилась ни разу выбрать его. Но настал его черед, он должен был делать фигуру, и она увидела, как он направился к ней. Она подала руку, отвернув голову и улыбаясь, ибо это была честь, которой все завидовали».

Эта встреча состоялась, по-видимому, поздней осенью 1827 г., не ранее 17 октября, когда А. С. Пушкин вернулся в Петербург из Михайловского. Первое известие об увлечении Пушкина Олениной содержится в письме П. А. Вяземского к жене от 18 апреля 1828 г.: «Вчера немного восплясовали мы у Олениных. Ничего, потому что никого замечательного не было. Девица Оленина довольно бойкая штучка: Пушкин ее называет драгунчиком и за этим драгунчиком ухаживает»²³. Можно думать, однако, что для Пушкина это еще не более, чем флирт; во всяком случае, привязанность к Анне Алексеевне не способна удержать поэта у ее ног: в это время он ожидает от императора разрешения на участие в войне против турок, и, получив 20 апреля высочайший отказ, на следующий день, 21 апреля, обращается к Бенкендорфу с просьбой разрешить ему провести «6 или 7 месяцев» в Париже...

Но в мае встречи Пушкина с Олениной учащаются, и его увлечение ею приобретает бурный характер.

2 мая 1828 г. Елизавете Марковне исполнилось шестьдесят, и после девятилетнего перерыва Пушкин вновь оказывается гостем Олениных на празднестве в честь дня ее рождения. 3 мая П. А. Вяземский, повествуя о вчерашних событиях, пишет Вере Федоровне: «После был я у Олениной, праздновали день рождения старушки. У них очень добрый дом. Мы с Пушкиным играли в кошку и мышку, т. е. волочились за Зубовой-

Щербатовой, сестрою покойницы Юсуповой, которая похожа на кошку, и за малюткою Олениною, которая мала и резва как мышь»²⁴. Через три дня, 5 мая, Анна Алексеевна вновь встретилась с Пушкиным на балу у кн. Мещерских. П. А. Вяземский, дядюшка Е. Н. Мещерской, рожденной Карамзиной, в письме к жене от 7 мая рассказывал: «Вечер очень удался, и плясали мы до утра, так что ни одной свечи в зале не было (...). С девицей Олениною танцевал я rot-rouggi и хвалил ее кокетство: она просила меня написать ей что-нибудь на опохале; у вас в Пензе еще не знают этого рода альбомов. И вот что я написал:

Любви я рад всегда кокетство предпочтеть:
Любовь — обязанность и может надоесть;
Любовь как раз старье: она всегда новинка.
Кокетство — чувства блеск и опыт поединка,
Где вызов — нежный взор, оружие — слова,
Где сердце — секундант, а в деле голова.

Пушкин думает и хочет дать думать ей и другим, что он в нее влюблен, и вследствие моего rot-rouggi играл ревнивого»²⁵. Вероятно, поэт не раз давал повод для подобных наблюдений; об этом свидетельствуют и впечатления Анны Алексеевны от «короткого знакомства» с Пушкиным: «он умен, иногда любезен, очень ревнив, несносно самолюбив и неделикатен». «А поэт, — комментирует Т. Г. Цявловская письма П. А. Вяземского, — в эти дни чертит среди черновиков «Полтавы» анаграммы «Eli Eninelo», «ettenna eninelo», «eninelo etenna», «Olenina» и, наконец, «Annette» и поверх этого имени свою фамилию «Rouchkine». Пушкин задумывался уже о возможности брака с Олениной»²⁶.

По-видимому, в это время у него были основания надеяться на этот союз. Позднее П. А. Вяземский рассказывал: «Во время одной из своих молодых страстей, это было весною,» Пушкин «почти ежедневно встречался в Летнем саду с тогдашним кумиром своим. Если же в саду ее не было, он кидался ко мне, или к Плетневу, и жалобным голосом восклицал: «Где Бренский? — Я Бренского не вижу». Разумеется, с того времени и красавица пошла у нас под прозванием Бренской»²⁷.

А. А. Оленин, внучатый племянник Анны Алексеевны, с ее слов утверждал, что встречи эти были тайными. Считая, что «тетушка была весьма увлечена Пушкиным», он поясняет: «Это видно из того, что она имела с ним тайные свидания. Происходили они так. Она уезжала со своей гувернанткой англичанкой в Летний сад; в эти же часы туда являлся Пушкин, и вот они там под надзором этой англичанки прогуливались. Англичанка была, так сказать, в заговоре, и моя тетушка с ней уговаривалась всегда в обществе называть Пушкина «Брянским», чтобы скрыть с первым свои свидания»²⁸.

Вероятно, Анне Алексеевне не было нужды *приезжать*: от дома Гагарина на Дворцовой набережной до Летнего сада два шага; кроме того, А. А. Оленин называет героя трагедии В. А. Озерова *Брянского* Брянским, но нам важнее другое: флиртуя с «самым интересным человеком своего времени», весной 1828 г. А. А. Оленина вольно или невольно подавала поэту надежды.

Через четыре дня после бала у Мещерских, 9 мая, Оленины предприняли поездку в Кронштадт, связанную, вероятно, с проводами Дж. Доу, уезжавшего на родину по завершении работы над портретами Военной галереи Зимнего дворца; к ним присоединился Пушкин. Об этой поездке мы знаем мало, но она была отмечена пушкинской записью «9 мая 1828. Море. Ол(енины). Дау», под черновиком пушкинского стихотворения «Увы! Язык любви болтливый...» и увековечена стихотворением «To Dawe esq»:

Зачем твой дивный карандаш
Рисует мой арапский профиль?
Пусть ты векам его предашь,
Его освишет Мефистофель.
Рисуй Олениной черты.
В жару сердечных вдохновений
Лишь юности и красоты
Поклонником быть должен гений.

Встречи в Летнем саду могли иметь место не позднее 20 мая: в это время Оленины принимали Пушкина уже в Приютино; но и там подле Анны Алексеевны Пушкин еще чув-

ствовал себя счастливым. Оговорка Анны Олениной, обратившейся к Пушкину в этот день на «ты», вызвала к жизни его полное радужных надежд стихотворение «Ты и вы», датированное 23 мая. А на листе пушкинской рукописи, где 19 мая было завершено вчерне стихотворение «Воспоминание», отмечена дата ее оговорки — «20 мая 1828 При(ютино)». В этот день в Приютино гостили также П. А. Вяземский и А. Мицкевич. «Ездил я с Мицкевичем к Олениным в деревню, в Приютино, верст за 17, — писал П. А. Вяземский жене на другой день. — Там (нашли) мы и Пушкина с своими любовными гримасами. Деревня довольно мила, особливо же для Петербурга: есть довольно движения в видах, возвышения, вода, лес. Но зато комары делают из этого места суший ад. Я никогда не видал подобного множества. Нельзя ни на минуту не махать руками: поневоле спляшешь *камаринскую*. Я никак не мог бы прожить тут и день один. На другой я, верно, сошел бы с ума и проломил себе голову об стену. Mickiewicz говорил: que c'est une journée sanglante. Пушкин был весь в прыщах и осаждаемый комарами, нежно восклицал: сладко»²⁹.

Однако эта идиллия длилась недолго.

Через пять дней Пушкину исполнилось двадцать девять; 26 мая, днем рождения поэта, отмечено мрачное и безысходное «Дар напрасный, дар случайный...»

Накануне, 25 мая, Пушкин в компании друзей вновь сопровождал Олениных в увеселительной поездке в Кронштадт. Эта путешествие готовилось задолго. На следующий день после поездки с Мицкевичем в Приютино, 21 мая 1828 Вяземский отправил Пушкину и Алексею Оленину-младшему («junior») записку следующего содержания:

«Да будет известно честным господам, что я завтра еду в Царское Село и предлагаю в четверг вечером, или в пятницу в обеденное время, или в ужинное, составить прощальный пикник, где, как и у кого угодно. Вот предлагаемые, или лучше сказать предполагаемые собеседники:

Алексей Оленин junior

Грибоедов

Киселев

Пушкин
К(нязь). Сергей Голицын
Шиллинг
Мицкевич

Если проект мой будет одобрен честными господами, то приглашаю их приступить к принятию потребных мер в отношениях личных, местных и съестных, а тем паче питейных. Я заранее даю на все свое согласие. В четверг явлюсь за ответом».

Пушкин и Оленин визировали это послание:

Читал junior

Читал Пушкин и лапку приложил. (XIV,19)

Очевидно, они и предложили поехать в Кронштадт для осмотра готовящегося к отплытию флота: в записке П. А. Вяземского к Н. А. Муханову, отправленной на следующий день, идея «прощального пикника» получила уже окончательное оформление: «Сейчас еду в Царское Село до четверга. В пятницу (25 мая) едем в Кронштадт с Мицкевичем, Пушкиным, Серг. Голицыным и пр. Поезжайте с нами»³⁰.

Этот замысел был осуществлен. На следующий день после круиза П. А. Вяземский писал жене из Петербурга:

«...Наконец, вчера совершил я свое путешествие в Кронштадт с Олениными, Пушкиным и проч. В два часа ночи возвратился я из Царского Села, в девятом утра был я уже на пристани. Вот деятельность. В Кронштадте осматривали мы флот или часть флота, которая выступает в море сначала под командою Сенявина, но он доплывет с ним только до Копенгагена, а там возвратится: начальником же останется Рикорд, известный своими японскими приключениями и пребыванием в Камчатке и женою, Балладною Людмилою, которая печаталась в журналах. На корабле у меня опять закипел демон мятежный и волнующий, но я от него скоро отмолился. Туда поехали мы при благоприятной погоде; но на возвратном пути, при самых сборах к отплытию, разразилась такая гроза, поднялся такой ветер, полил такой дождь, что любо. Надобно было видеть, как весь народ засуетился, кинулся в каюты, шум, крики, давка; здесь одна толстая англичанка падает с лестницы, но не в во-

ду, а на пол, там француженку из лодки тащут в окошко, на пароход; толстый Шиллинг садится в тесноте и в темноте возле какой-то немки, и какой-то немец по этому случаю затевает une guerelle d'allemand; во всех углах истории. Прелесть!

Старик Оленин ссорится с англичанином (...). Оленин-сын выпивает портера и водки на одну персону на 21 рубль. C'est sublime. Пушкин дуется, хмурится, как погода, как любовь»³¹.

Последняя фраза была написана Вяземским, быть может, в ту самую минуту, когда под пером Пушкина рождались безысходные строки стихотворения «Дар напрасный, дар случайный»: письмо Вяземского и стихи Пушкина помечены одной датой — днем рождения поэта, 26 мая. Впрочем, по мнению Т. Г. Цявловской, эта помета на пушкинской рукописи «говорит не о дне написания, а о дне, которому посвящено стихотворение, дне рождения Пушкина»: возможно, оно было создано ранее, 25 мая, по возвращении из Кронштадта. Как бы то ни было, но мрачное мироощущение Пушкина накануне его двадцатидевятилетия или в самый день его рождения, несомненно, было связано с развитием его отношений с Анной Алексеевной. По-видимому, во время этой поездки между ними произошло объяснение, убедившее поэта в бесперспективности его надежд: «Пушкин дуется, хмурится как погода, как любовь...»

Тем не менее, 27 мая Пушкин снова поехал в Приютино; в этот день он вручил Анне Алексеевне стихотворение «Ты и вы», написанное за два дня до поездки в Кронштадт. Выражаясь языком Анны Алексеевны, это была прямая *декларация* — признание в любви, но и этот шаг был бесплоден. Увлечение Анны Алексеевны Пушкиным было продиктовано тщеславием, столь простительным в двадцать лет. Серьезность намерений Пушкина отрезвила ее, а его порывистой и безудержной натуры она просто побаивалась. В первой же записи, сделанной Анной Олениной в дневнике 20 июня 1828 г., Пушкин упомянут в контексте, не оставляющем ему никаких надежд:

«Вчера была я для уроков в городе, видела моего ангела Машу Elmpt и обедала у верного друга Варвары Дмит(риев-

ны) Полт(орачкой). Там был Пушкин и Миша Полт(орачкий). Первой довольно скромно, и я даже с ним говорила и перестала бояться, чтоб не соврал чего в сантиментальном роде». Заметим, что опасения Анны Алексеевны, несомненно, были подогреты ее тетушкой, упомянутой здесь же В. Д. Полторацкой, мечтавшей выдать ее за своего брата Николая Дмитриевича Киселева; она не преминула сообщить Елизавете Марковне и Анне Алексеевне неосторожные слова Пушкина, оброненные им в дружеском кругу: «Мне бы только с родными сладить, а с девчонкой я уж слажу сам». Эта фраза, дошедшая до В. Д. Полторацкой едва ли не через брата, произвела в Приютине должный эффект и вооружила против Пушкина Елизавету Марковну.

Вскоре любовные неудачи Пушкина становятся достоянием слухов. 28 июня С. Н. Карамзина пишет из Царского Села Вяземскому: «Говорят, что Пушкин, чтобы утешиться в превратностях любви, играет и проигрывает все свои деньги. У него дух поэтический, но не характер»³².

Вспомним, что Вяземский называл временем тайных свиданий Пушкина с Олениной весну 1828 года. Это не случайно — и не только потому, что в начале июня Вяземский покинул Петербург и не мог быть свидетелем этих встреч позднее — Вяземский говорит о весне потому, что летом 1828 Пушкин испытал и другое увлечение — А. Ф. Закревской.

Еще 6 мая на балу у Авдулиных Пушкин, как шутливо сообщал жене Вяземский, «отбил» у него Закревскую; однако развитие этот роман получил лишь летом. Это не мешало Пушкину по-прежнему часто бывать у Олениных; более того, он не скрывал своего нового увлечения от Анны Алексеевны. «Пушкин или Red Rover, как прозвала я его, был по обыкновению у нас — заметила она в своем Журнале, рассказывая о праздновании в Приютине дня своего рождения 11 августа. — Он влюблен в Закревскую и все об ней толкует, чтоб заставить меня ревновать, но при том тихим голосом прибавляет мне нежности»³³.

В первой половине октября 1828 г. П. А. Вяземский писал А. И. Тургеневу: «Пушкин, сказывают, поехал в деревню; те-

перь самое время случки его с музою; — глубокая осень. Целое лето кружился он в вихре петербургской жизни, воспевал Закревскую...»³⁴

Итак, по Вяземскому, весна была порой увлечения Олениной; лето — Закревской. Однако захватывающее чувство, которое Пушкин испытал к Анне Алексеевне весной, не было вытеснено из его сердца романом с замужней Закревской: оно изначально было связано с мечтами о женитьбе. Еще в октябрьских черновиках «Полтавы» Пушкин примерял на полях свою фамилию к имени Анны Алексеевны, как делал это прежде в мае³⁵. Но теперь эти записи становятся скорее свидетельствами несбывшихся надежд на семейное счастье, тщетных упований на обретение дома.

Отчаянные попытки Пушкина уклониться от навязываемой ему роли придворного поэта уже привели правительство в раздражение. После слушания в ряде инстанций дело о распространении запрещенного цензурой отрывка из элегии «Андрей Шень» попало в Сенат; 11 июня 1828 г. доклад Сената был рассмотрен в Департаменте гражданских и духовных дел Государственного Совета. Здесь суровые меры, которых требовал доклад Сената по отношению к Пушкину, поддержки не нашли: журнал заседания подписал вместе с двумя другими членами департамента статс-секретарь Алексей Николаевич Оленин. Но Общее собрание Государственного Совета не удовлетворилось либеральностью заключения, предложенного ему Департаментом гражданских и духовных дел, и вынесло 28 июня 1828 г. суровый вердикт об учреждении за Пушкиным секретного надзора. Ровно через месяц это решение было утверждено императором. В первых числах августа Пушкину пришлось давать письменные показания уже по делу о «Гавриилиаде»; 19 августа последовал допрос в канцелярии петербургского военного губернатора.

В этих обстоятельствах попытка сватовства обернулась бы фарсом. В «Предчувствии», датированном 3—19 августа³⁶ и обращенном к Анне Алексеевне, Пушкин предвидит уже неизбежную разлуку с нею. В письме, начатом 19 или 20 августа, но завершеном лишь 1 сентября, Пушкин грустным каламбуром

сообщает П. А. Вяземскому о крушении своих надежд: «Я пустился в свет, потому что бесприютен» (XIV, 26).

Бестактность Е. П. Штерича, неловко вмешавшегося в отношения Пушкина с Олениной, усугубила положение; когда 5 сентября поэт приехал в Приютино на именины Елизаветы Марковны, его ожидал, судя по беседе Анны Алексеевны с кн. С. Г. Голицыным, пересказанной в ее журнале, весьма холодный прием.

Этот визит оказался прощальным.

«Души моей утешитель, Журнал»

Я хотела, выходя замуж, жечь Журнал, но ежели то случится, то не сделаю того. Пусть все мысли мои в нем сохраняются; и ежели будут у меня дети, особливо дочери, отдам им его, пусть видят они, что страсти не ведут к счастью, а что путь истинного благополучия есть путь благоразумия.

А. А. Оленина. Дневник.

Анна Алексеевна вела свой дневник в 1828—1835 гг. Однако дневником в полном смысле этого слова он служил ей лишь в 1828—1829 гг.: в эти годы она сделала в нем три десятка записей. В 1830 г. в ее журнале появилась лишь одна запись, в 1831 — две³⁷, в 1832 г. Анна Алексеевна свой журнал не продолжала, затем она отметила лишь приглашение ко двору в первый день 1833 г., после чего не обращалась к дневнику более двух лет — до февраля 1835 г., когда вновь извлекла на свет свой журнал, чтобы сделать в нем единственную и последнюю запись.

На страницах дневника Анны Алексеевны находят отражение многочисленные события современной истории. Отзвуки декабрьского восстания слышатся в ее записях 1828 г.: она служит благодарственный молебен при известии, что с узников

сняли цепи, и уделяет несколько страниц рассуждениям о целях декабристов и их средствах, повторяя, вероятно, высказывания отца.

Своего рода фоном для дневника 1828—1829 гг. становится русско-турецкая война. На первых же его страницах Анна Оленина с тревогой размышляет о судьбе брата Алексея, намеревающегося принять участие в этой войне; на эту войну отправляется девятнадцатилетний казачий хорунжий из Иркутска Алексей Чечурин, остановившийся на некоторое время у Олениных и ставший в их доме своим; на превратности этой войны обрекает милого Сергея Голицына-Фирса жестокость равнодушной к нему m-lle Ярцевой; там, на этой войне, совершает блистательные подвиги полковник Алексей Лобанов-Ростовский, возвращающийся с орденом св. Георгия в петлице нового генеральского мундира из Варны с известием о ее взятии... Записи Анны Алексеевны пестрят географическими названиями театра военных действий — Варна, Шумла, Силистрия, Анапа, Карс, Ахалцых; она восхищается полководческим гением И. Ф. Паскевича, талантом и мужеством тяжело раненого А. С. Меншикова, посылает черта в адрес бездарного И. И. Дибича. Анна Алексеевна искренне сопереживает своей доброй знакомой М. Н. Дурново, потерявшей в этой войне старшего сына; она ужасается слухам о разгроме и бегстве Л. - гв. Егерского полка...

Однако дневник Анны Олениной не может служить ни хроникой ее эпохи, ни даже хроникой ее семьи: многочисленные семейные события, произошедшие в эти годы — женитьба братьев Петра (1831) и Алексея (1833), рождение двух племянниц и двух племянников Анны Алексеевны, смерть близкого друга дома Н. И. Гнедича (1833), путешествие за границу, предпринятое А. А. Олениной летом 1834 г., так же как и драматические события внешней жизни — русско-польская война 1830—1831 гг. и страшная эпидемия холеры летом 1831 г. — остались за пределами «Дневника». Почему? — Один Бог знает: ведь «сердцу девы нет закона»... Было бы весьма опрометчиво судить о значении тех или иных событий для Анны Алексеевны по месту, которое уделено (или не уделе-

но) им в дневнике. Так, в ее журнале упоминается персидское посольство Хозрев-Мирзы, прибывшее в Петербург летом 1829 г. с официальными извинениями за избиение в Тегеране русской дипломатической миссии с Грибоедовым во главе. Анна Алексеевна записывает в дневнике свои впечатления от «премилого персиянина Мирза-Сале», с которым познакомилась 17 августа на балу у Потоцкого, но Грибоедов, один из героев романа, который она собиралась некогда написать, более не поминается в Журнале ни разу. «Прием, ожидавший Хосров-мирзу в столице, — замечает биограф персидского принца, — превзошел всякие ожидания и ясно свидетельствовал, как легко мы прощаем всякие обиды и оскорбления, не исключая и тех случаев, когда ими затрогиваются национальная честь и самолюбие». Может показаться, что этого упрека заслуживает и А. А. Оленина, — но мы знаем, что память о Грибоедове Анна Алексеевна пронесла через многие годы.

Вместе с тем по меньшей мере наивно было бы трактовать длиннейший экскурс в современную французскую историю, предпринятый Анной Олениной в дневниковой записи от 28 февраля 1831 г., как знак ее напряженного внимания к общественно-политической жизни Европы — он лишь предваряет появление в ее журнале французского эмигранта графа Альфреда де Дама, ставшего предметом нового увлечения Анны Алексеевны. Наконец, в дневнике насчитывается семь цитат из произведений Пушкина, но экстравагантный визит поэта 12 января 1830 г. к Олениным в компании ряженных (которые, разумеется, были немедленно опознаны) в журнале отражения не находит...³⁸

Лейтмотив дневника Анны Олениной — мечта о любви и создании семьи; его содержание — истории ее увлечений. «Пушкин и Киселев — вот два героя моего романа», — записала на одной из начальных страниц своего дневника Анна Алексеевна 17 июля 1828 г., обдумывая программу автобиографического художественного произведения. Н. Д. Киселев сблизился с Пушкиным в Петербурге, возвратясь в столицу из Персии, где он находился с дипломатической миссией,

ранней весной (вероятно, в марте) 1828 г.³⁹ Николай Киселев органично влился в дружеский круг, о составе которого можно судить по участникам прогулки в Кронштадт 25 мая 1828 г. Поощряемый своей сестрой В. Д. Полторацкой, он проявил было осторожный интерес к Анне Алексеевне Олениной, но 14 июня, получив служебное назначение, уехал за границу. Варвара Дмитриевна, считавшая Анну Алексеевну превосходной партией для брата Николая, деятельно готовила для этого брака почву. 7 июля Анна Алексеевна спрашивает себя в своем дневнике: «Ежели брат ее за меня посватывается, возвратясь из Турции, что сделаю я? Думаю, что выду за него». *«Дай Бог, чтоб он вздумал это сделать!»* — приписывает внизу Анна Федоровна Оом (могут ли они предполагать, что внучка первой выйдет впоследствии замуж за внука второй?). Через неделю в разговоре с И. А. Крыловым Анна Алексеевна назвала «двух людей, за которых бы вышла, хотя и не влюблена в них: Мейендорфа и Киселева». Одобрив кандидатуру последнего, Крылов подтвердил, что Киселев сам того желает. «Но он и сестра говорят, — заметил с римской прямоотой баснописец, — что нечего ему соваться, когда Пушкин того же желает».

Уверившись (вероятно, безосновательно) в любви к себе Н. Д. Киселева, Анна Алексеевна с простодушной досадой записывает: «Я всегда думала, что Вар(вара) Д(митриевна) того же хотела, но не думала, чтоб они скрыли от меня эту тайну. Жаль, очень жаль, что не знала я этаго, а то бы поведение мое было иначе».

Однако недели через две после этого Анна Алексеевна встречается на дне рождения своей тетушки А. М. Сухаревой с девятнадцатилетним казачьим офицером Алексеем Чечуриным, направляющимся из Иркутска на турецкую войну. Его непосредственность и неиспорченность подкупают Анну Алексеевну, побеждая легкое высокомерие, которым было обусловлено ее первое впечатление о нем («Но уж куда проста его физиономия»). А. П. Чечурин, побывавший в декабристских острогах, оказывается носителем опасной тайны и превращается в хрестоматийного романического героя — недаром он на-

граждается своей юной покровительницей прозвищами «Квентин Дорвард» и «Роланд Грейм» (см. Дневник, примеч. № 39). Алексей Чечурин становится героем романа Анны Алексеевны и в буквальном смысле этого слова: бросив навсегда роман о Пушкине и Киселеве, оборванный на третьей странице, она вдохновенно сочиняет роман о несравненном казаке... Знакомство с А. П. Чечуриным длилось семь недель; он простился с Олениными 20 сентября. Что случилось с этим милым юношей? Вернулся ли он за своей саблей и реликвиями, оставленными им на сохранение Анне Олениной? Бог весть. Он исчезает из «Журнала», и следы его теряются.

Между тем, герои оставленного Анной Алексеевной романа («Непоследовательность, или Любовь достойна снисхождения») напоминают ей о себе еще за две недели до отъезда хорунжего, на именинах Елизаветы Марковны. Любовные интересы Пушкина и Киселева вследствие интриг В. Д. Полторацкой и нескромности Е. П. Штерича, бесцеремонно вмешавшегося в отношения Пушкина с Анной Алексеевной, закручиваются в тугую спираль. Отстаивая честь Пушкина, Сергей Голицын указывает Анне Алексеевне на неблагоприятную роль В. Д. Полторацкой и Е. П. Штерича, а заодно открывает ей глаза на ухаживания Н. Д. Киселева за замужней Е. Е. Василевской (не случайно еще в программе романа «Непоследовательность...» были заявлены всего три женских персонажа — сама Анна Оленина, тетушка Варвара Дмитриевна и г-жа Василевская)... Этот разговор приводит Анну Алексеевну к заключению, что у Н. Д. Киселева «не довольно честных правил нащет женщин». Тем не менее, она еще долго числит его среди возможных женихов, и следующая встреча, происходящая в день рождения А. Н. Оленина, 22 ноября 1829 г., вызывает некоторое смущение у них обоих. Более того, еще ранней весной 1829 г., несмотря на неопределенность ситуации (запись от 20 марта), Анна Алексеевна уверена, что Киселев ее любит — вероятно, благодаря уверениям Варвары Дмитриевны, объяснявшей поведение брата тем, что объективные обстоятельства не разрешают ему жениться: «Но к счастью не тот резон он бы мне дал, а тот, что имение его не позволяет в разстроенном его

положении помышлять об супружестве, — тешит она свое самолюбие, — но все равно я в него не влюблена». Ненадолго на ее горизонте возникает новая кандидатура: ей прочат в женихи П. Д. Дурново; однако смотрины, состоявшиеся 17 апреля 1829 г., успеха не имеют. Окончательно избыть надежды на брак с Киселевым помогает ей новое увлечение. 12 мая она не без удовольствия наблюдает ярость г-жи Василевской, ревнующей к ней Киселева: Анна Алексеевна поглощена уже романом с гр. Матвеем Виельгорским. Последнее упоминание Киселева в ее дневнике носит саркастический оттенок: «Вы не на своем месте сидите», — замечает Анна Алексеевна, обращаясь к Киселеву, севшему рядом с нею, а не с влюбленной в него Е. Е. Василевской...

Тридцатипятилетний гр. Матвей Юрьевич Виельгорский, безупречный джентльмен, камергер, талантливый музыкант-виолончелист, друг В. А. Олениной появился в доме Анны Алексеевны 5 мая 1829 г. Развязкой этого романа должна была стать «декларация», которой сестры Оленины с трепетом ожидали в день именин Елизаветы Марковны — 5 сентября 1829 г. Приезда М. Ю. Виельгорского пришлось ждать долго. «Теряя всякую надежду, — пишет Анна Алексеевна, — разозлившаяся Варвара взяла под руку И. А. Крылова и стала рассказывать ему о наших радостях и горестях. На крыльце было много народу, я стояла там тоже и грустно смотрела на дорогу. Ко мне подошел Красовский и стал говорить об Ольге Ферзен. Я проклинала ту скуку, которую он на меня наводил, отвлекая меня от моих мыслей, но я была вознаграждена за свое терпение, ибо увидела коляску с двумя мужчинами и незабываемую серую шляпу. О, мое сердце чуть не выпрыгнуло у меня из груди от радости: это был он, тот, кого я ждала с таким страхом и с такой надеждой». Но и этим надеждам не суждено было сбыться... Могла ли знать Анна Алексеевна, что ее будущий муж, поручик Л.-гв. Конно-Егерского полка, адъютант И. Ф. Паскевича, въезжает в это время в столицу с ключами от города Сливно? Могла ли она представить, что ее мечта о замужестве осуществится лишь через десять лет?.. Анна Алексеевна долго не могла расстаться с надеждой на счастье с графом Виельгорским, и лишь в 1830 г., накануне своих

именин, 2 февраля, она подвела окончательный итог этому увлечению: «Последний это был может быть — что не удар, нет, но сердечное горе. Я его пережила, но мне оно стоило, ах, стоило, да признаюсь и стоит».

Более года не бралась после этого Анна Алексеевна за свой журнал. Лишь 28 февраля 1831 года она начала пространную запись, посвященную приезду в Петербург графа Альфреда де Дама, брата батальонного командира Николая и Петра Олениных в войне 1812 года. Максим Иванович Дамас, как называли его в России, возвратясь после низвержения Наполеона на родину, сделал блестящую карьеру, стал военным министром и министром иностранных дел; Людовик XVIII назначил его воспитателем малолетнего герцога Бордосского, но июльская революция 1830 г. обрекла последнего на изгнание. Воспитатель не бросил своего воспитанника и разделил с ним невзгоды. Эмигрантом сделался и брат министра, Альфред. И вновь, вопреки рассудку, Анна Алексеевна увлекается странником, пригретым их семьей, и вновь проливаются при расставании горячие слезы, и вновь, прильнув к оконному стеклу, она напряженно вглядывается в темноту, поглотившую благородного графа, французского легитимиста, как поглотила некогда несравненного хорунжего, сибирского казака...

Мимолетное увлечение Зиновьевым запечатлено в майской записи этого же года — и дневник, в сущности, завершен.

Его начальные записи дышат ощущением полноты бытия и предчувствия счастья. Горечь неизбежной драмы первой любви не способна победить это чувство, а сетования на «старость» и опустошенность кажутся романтической позой. Но со временем в общей тональности журнала начинают преобладать ноты искреннего отчаяния, вызванные чувством необъяснимой и незаслуженной обделенности: Анна Оленина не испытывает недостатка в поклонниках, но достойного претендента на ее руку среди них нет.

Впрочем, последняя запись (в феврале 1835 г.) свидетельствует, что в тесной дружбе с сестрами А. и Л. Блудовыми Анна Алексеевна вновь обрела опору и утраченное душевное равновесие. С ними, сообщает О. Н. Оом, «в особенности с Ан-

тониной, она тогда вся ушла в изучение немецких философов Канта и Фихте, увлекалась метафизикой и религиозной философией». Смеем думать, что роль Канта и Фихте в жизни Анны Алексеевны и ее подруг была скромнее⁴⁰; влияния немецких идеалистов мы не обнаружим ни в полной радужных надежд «Небылице, которая может сбыться», сочиненной ими осенью 1834 г., ни в искрящемся весельем Договоре (см. Приложение), заключенном тогда же членами приютинского кружка.

По словам О. Н. Оом, позднее (вероятно, во второй половине 1830-х гг., до замужества) Анна Алексеевна вела другой журнал, но он до нас не дошел. «Особенно печальна пропажа дневника, относящегося к последним годам жизни нашего великого поэта, трагическая гибель которого глубоко потрясла Анну Алексеевну и была ею подробно в нем описана, — говорит в предисловии, имея в виду Пушкина, Ольга Николаевна.

«Чувство и невзгоды душевные, — признавалась Анна Алексеевна, — превратили мой дневник из бытописания, чем он был сначала, в печальные и унылые раздумья о жизни и приносимых ею страданиях...» Да, журнал Анны Алексеевны — это прежде всего исповедь ее чувств. «История души человеческой, хотя бы самой мелкой души, — заметил Лермонтов, — едва ли не любопытнее и не полезнее истории целого народа, особенно когда она — следствие наблюдений ума зрелого над самим собою и когда она писана без тщеславного желания возбудить участие или удивление. Исповедь Руссо имеет уже тот недостаток, что он читал ее своим друзьям». Мы не беремся утверждать, что перо Анны Олениной было совершенно свободно от «тщеславного желания возбудить участие или удивление». Упомянутая уже приписка А. Ф. Оом (рожденной Фурман) на одной из страниц журнала свидетельствует, что избранные подруги Анны Алексеевны имели доступ к ее дневнику. Не был журнал Анны Олениной и плодом «наблюдений ума зрелого над самим собою»: философические отступления в дневнике наивны, общественно-политические рассуждения — несамостоятельны (в них без труда угадываются воззрения А. Н. Оленина). Что же делает тогда журнал Олениной столь притягательным?

Разумеется, на его страницах находят желанные имена и историк, и филолог, и музыковед. Но в каком контексте!

«Приезжают Гости. Из Дам — Бакунина и Хитровы, Васильчикова и еще куча мужчин. За обедом приезжает Голицын, потом и Пушкин.»

«В тот день, как возвращались мы из города, разговорилась я после обеда с Иваном Андреевичем Крыловым об наших делах.»

«Милой Глинка и премоилой Serge Galitz Firce был у нас: первой играл чудесно и в среду придет дать мне первой мой урок пенья...»

«Второго мая — маменькины именины: у нас был вечер, довольно гостей и знаменитый Гумбольдт, но о нем позже.»

Много ли еще найдем мы литературных памятников, в которых имена Пушкина или Крылова, Глинки или Гумбольдта были столь органично и простодушно вплетены в ткань повседневного повествования? Эти имена мелькают в исповедальных страницах засидевшейся в девушках красавицы, всплывают в потоке городских новостей (порою с привкусом сплетни), любовных драм и светских интриг. Поистине:

Как обаятельны (для тех, кто понимает)
Все наши глупости и мелкие злодейства
На фоне Пушкина...

Между тем, некоторые пушкинисты (и, особенно, пушкинистки), не желающие простить Анне Алексеевне ее отношения к Пушкину, склонны видеть в ее мечтах о замужестве и семейном счастье прагматизм и приземленность. Воля ваша, нам кажется, что именно в этих мечтаниях сквозь условности нервически-утонченного светского идеала проступает ее наивное и простосердечное естество: «Что-то будет со мною эту зиму, не знаю, а дорого бы дала знать, чем моя девственная карьера кончится. УВИДИМ».

«Отчего вы не наивны?» — восклицал Пушкин с шутливой досадой в письме к А. П. Керн. Вероятно, он мог бы адресовать свой укор и Анне Алексеевне — ведь он ее журнала не читал.

От дневников до воспоминаний

Я пережил и многое и многих.

П. А. Вяземский.

Летом 1838 г. в Приютино скончалась Елизавета Марковна. Для Олениных ее смерть знаменовала собою конец целой эпохи. В завещании, обращенном к Алексею Николаевичу, Елизавета Марковна писала: «Так как Приютино будет после меня тебе, другу моему, тяжело видеть, и напоминать меня, а между тем при последних минутах жизни (мне следует) виниться в грехах моих, то должна признаться, что Приютино по состоянию нашему нам в тягость — потому Алексею Алексевичу еще более его будет содержать в тягость, и потому желаю — чтоб его продали»⁴¹.

Воля покойной была исполнена⁴².

24 октября 1839 на тридцать втором году жизни Анна Алексеевна была помолвлена, и может показаться, что ее мечта о замужестве осуществилась лишь тогда, когда приютинские пенаты утратили власть над нею... Но вместе с их властью она потеряла и их покровительство.

16 марта 1840 г. Анна Алексеевна обвенчалась с полковником Л. -гв. Гусарского полка Федором Александровичем Андро (р. 16. 03. 1804)⁴³. Супруги поселились в оленинском доме на Большой Морской; лето они проводили в Павловске⁴⁴. Алексей Николаевич, на глазах постаревший после смерти Елизаветы Марковны, жил с ними; он по-прежнему служил, получал награды (16 апреля ему был пожалован орден св. Владимира I класса), но все было в прошлом: «Скоро будет и моя кончина; я половину себя потерял», — произнес он на похоронах жены⁴⁵. Старик жил прошлым и на настоящее смотрел сквозь призму былого; 20 марта 1841 г. Алексей Николаевич писал старшему сыну: «Вчера, в час пополудни, в день воспоминаний, за 27 лет назад знаменитого вшествия в Париж 19 марта 1814 года — в котором действовал и участвовал добрый мой Петр! — вчера, говорю я, сестра твоя Анна после 72-х часов страданий и муки родила сына Михаила»⁴⁶.

Судьба не щадила Анну Алексеевну: ее первенец умер в младенчестве. Отец угасал; в конце 1842 г., чувствуя близкий конец, Оленин подал прошение об отставке, но оно было отклонено. 17 апреля 1843 г. Алексей Николаевич скончался. Через три месяца умер муж Варвары Олениной, добрый друг Анны Алексеевны, Григорий Никанорович Оленин; Варвару Алексеевну разбил паралич — она не вставала с постели семь месяцев...

В конце 1844 г. вместе с мужем и маленькими дочерьми Александрой (р. 1842) и Софией (р. 1844) Анна Алексеевна покинула Петербург и переехала в Варшаву, где ее муж получил место при кн. И. Ф. Паскевиче, наместнике Царства Польского. В Варшаве у нее родились сын Федор (1845) и дочь Антонина (1847). Гр. Ф. А. Андро стал президентом города Варшавы и оставался на этом посту в продолжение четырнадцати лет; в 1861 г. он был назначен сенатором Варшавских Департаментов.

«В качестве супруги Президента столицы края, — писала О. Н. Оом, — Анне Алексеевне предстояло открыть двери своего дома весьма обширному кругу лиц, принадлежавших по религии, национальности и личным интересам к самым разнообразным слоям общества. С делом этим она на первых же порах справилась очень удачно, применив к своим приемам традиции Оленинского дома: приветливое радушие и широкое гостеприимство. Этим путем она сумела соединять у себя русское и польское общество и все посещавшие ее уходили довольными ее любезным и ласковым обращением»⁴⁷. В Варшаве Анна Алексеевна прожила ровно полжизни — до смерти гр. Ф. А. Андро. «Муж Анны Алексеевны был видный, красивый, голубоглазый блондин, весьма аккуратный, честный до щепетильности, формалист, — вспоминает О. Н. Оом. — Хотя он имел весьма доброе сердце, но тяжелый нрав, вспыльчивый, обидчивый, не терпевший возражений, делал жизнь Анны Алексеевны довольно трудной. Он считал, что семейная жизнь, воспитание детей и обязанности, налагаемые на его жену их положением в Варшаве, должны были составлять единственный интерес в жизни его супруги. К ее блестящему прошлому он относился скептически, с затаен-

ным чувством ревности, и потому все, что некогда наполняло ее девичью жизнь не должно было более существовать, даже как воспоминание»⁴⁸.

Но отнять у Анны Алексеевны ее воспоминания не мог никто. В этих воспоминаниях, ставших ее внутренним убежищем от неурядиц лишенной тепла семейной жизни, прошлое приобретало идеальные черты. «Помните ли вы то счастливое время, где мы были молоды, и веселы, и здоровы! Где Пушкин, Грибоедов и вы сопутствовали нам на невском пароходе в Кронштадте. Ах, как все тогда было красиво и жизнь текла быстрым шумливым ручьем...» — писала Анна Алексеевна П. А. Вяземскому 18 апреля 1857 г.⁴⁹, как будто и не было в этом прошедшем страданий неразделенной любви, мучительной нервной болезни, уязвленного самолюбия красавицы, которую не берут замуж — и даже бури с грозой и ливнем на обратном пути из Кронштадта...

П. М. Устимович, знавший Анну Алексеевну «уже старушкою, в бытность ее в Варшаве», рассказывал, что она «в беседах охотно погружалась в воспоминания дорогого ей прошлого, которое она сохранила в памяти с мельчайшими подробностями». А. А. Андро не раз намеревалась «перенести свои воспоминания на бумагу, — не раз и бралась она за мемуары, но к сожалению, преклонные лета, а отчасти и внешние обстоятельства не дозволили довести этих весьма интересных записок до конца»⁵⁰. Анна Алексеевна действительно дважды принималась за свои записки — в 1881 и 1884 гг., посвятив первые страницы своих мемуаров предкам и родственникам⁵¹. Написанные через полвека после дневника, эти записки, исполненные старческой мудрости, донесли до нас ее вечерние слова, проникнутые благодарной любовью к безвозвратному и далекому началу и стоической готовностью к неизбежному и близкому концу: «Я собрала в памяти своей столь много великих и прекрасных воспоминаний, что в нынешнее время, когда глаза слабеют, и слух изменяет, они являются для меня отрадою, и я спокойно с надеждой и верой думаю о близкой будущей жизни. Несмотря на мои 73 года сердце еще не окаменело и чувство к больному мужу, детям,

внукам и друзьям все еще слава Богу, и живо, и горячо! Старость моя, хотя и болезненная, надеюсь не в тягость другим и всем этим я обязана — былому, великому прошедшему. Сажу, иногда, работаю, молчу, а мысли — одна другую сменяют. Моему воображению представляются то исторические факты, то веселые и умные шутки Крылова и других, то какой-нибудь анекдот, стихи, музыка Глинки, разговоры батюшки с Александром Гумбольдтом, которого первый визит, после представления Императору Николаю Павловичу, был к моему отцу. Приходят мне также на память наши приютинские праздники, павловские театры у Блудовых, Плещеевых, и звон колоколов, производимый соединением разных голосов и слов — все это так нас забавляло, что сам отец мой и граф Блудов приходили иногда в такой восторг от удачного исполнения, что сами присоединялись к нам, принимали участие во всех играх и даже сами звонили в колокола. Поверит ли кто теперь этому?»

В 1885 г. Анна Алексеевна овдовела: гр. Ф. А. Андро скончался 7 июля, на восемьдесят первом году; он был погребен во Франции, в семейном склепе родового замка Ланжеронов⁵². После его смерти Анна Алексеевна переехала в имение своего сына в местечко Деражни Ровенского уезда Волынской губернии, а оттуда, в 1888 г. — в Срединные Деражни Новгород-Волынского уезда, имение своей младшей дочери, А. Ф. Уваровой⁵³. По-видимому, именно там Анна Алексеевна извлекла на свет свой архив, отправленный некогда на чердак — подальше от ревнивого oka Федора Александровича. Теперь заветный сундук был возвращен из сорокалетней ссылки, и Анна Алексеевна занялась его разборкой.

«Из нашей памяти никогда не изгладится та умилительная картина, — вспоминала О. Н. Оом, — которая предстала перед нашими глазами, когда мы застали Анну Алексеевну, нашу милую 77-летнюю бабушку⁵⁴ — точно помолодевшею при воспоминании о прошлом, разбирающую пожелтевшие листки писем дорогих подруг: Маши Эльмпт, Алины Лаваль, Александры Репниной, Антонины и Лидии Блудовых, сестры Вареньки. Все любимое пережитое воскресало к ее памяти.

Из сундука были уже вынуты бабушкой и лежали около нее на столе всевозможные предметы: веера с автографами великих людей и художников, другие с миниатюрными портретами отца и матери, окаймленные веночками из незабудок, разные художественные «carnets de bal» с именами Пушкина, Вяземского и других ее кавалеров, с которыми она должна была танцевать экосезы, попури или мазурки; зрительные театральные трубки ее отца, афиши, отпечатанные на розовом и белом атласе, крошечные коробочки для мушек, принадлежавшие ее матери; браслеты, кольца, плетеные на память из волос ее подруг... Тут же лежала вылитая из бронзы, в натуральную величину, работы скульптора Гальберга, прелестная рука бабушки, служившая ее отцу пресс-папье на рабочем столе. Рядом находилась отлитая тем же художником из бронзы ножка Анны Алексеевны, узенькая и маленькая, которая была восторженно воспета великим поэтом...

Нас, детей, эти предметы очень забавляли, но особенно нас тогда интересовали альбомы с рисунками, относившиеся к молодости бабушки. С той живостью и ясностью ума, которые она сохранила до конца своей жизни, она нам объясняла, при каких обстоятельствах были написаны в ее альбомы разные автографы поэтов. Мы жадно вслушивались в ее живые рассказы, для нас — уже осколки истории.

«Вот, смотрите, дети, — это рисунок Кипренского, — поясняла нам бабушка, взяв в руки большого формата альбом, — он изобразил дедушку Крылова, сидящим в большом вольтеровском кресле, а против него за круглым столом, на котором горит лампа под большим абажуром, сидит с работой в руках Анна Федоровна Фурман, которую моя мать воспитывала вместе с нами и которая была другом всей нашей семьи».

Набросок этот, сделанный Кипренским двумя карандашами, дышал тихим уютом Приютинского дома⁵⁵. В этом же альбоме находились редкие рисунки Брюллова, акварельные его эскизы для костюмированных балов во Дворце и у знакомых, которые по талантливости исполнения являлись настоящими художественными произведениями.

«А вот рисунок, сделанный для меня отцом, — продолжала бабушка, перелистывая другой альбом. — На одном из костюмированных балов в Эрмитаже я изображала Вечер «Vesper» в платье и плаще серого тюля. Мой отец для этого случая придумал рисунок для ювелирной работы, придав пряжкам платья форму Гордиева узла. Диадема, запястья, ожерелье и пряжки были платиновые с кальцедонами»⁵⁶.

Прощальные отблески былого озарили последние месяцы Анны Алексеевны. «В этом милом и уютном деревенском уголке, — писал в 1890 г. П. М. Устимович, — доживала свои последние дни, уже дряхлую старушкой, Анна Алексеевна, сохранив до самой смерти своей свежесть ума и светлую память пережитого прошлого; покойная особенно любила часто гулять в соседнем сосновом лесу, — здесь часто прохаживалась она, опираясь на костыль, вся погруженная в светлые воспоминания далекой, но незабвенной поры. Медленно угасала под бременем лет, среди чуждого ей поколения, Анна Алексеевна, — едва ли не последняя представительница высшей женской среды пушкинской эпохи, пока наконец 15 декабря 1888 г. смерть не скосила ее на 81 году жизни. Покойная, согласно собственному желанию, не раз при жизни высказанному, похоронена в соседнем женском монастыре в м. Корце, в верстах 5 от Деражни. Могила ее находится у самой соборной стены на монастырском кладбище; над могилою воздвигнут чугунный крест, на котором надпись гласит: «Анна Алексеевна Андро, урожденная Оленина, род. 11 августа 1808, умерла 15 декабря 1888 г.»⁵⁷.

Примечания

Годы в Аркадии

¹ См.: *А. В. [Уваров С. С.] Литературные воспоминания // Современник*. Т. 27, 1851, № 6, отд. II. С. 37; *Вигель Ф. Ф. Записки*. Т. 2. М., 1928. С. 46—47; *Зотов Р. М. Записки Р. М. Зотова // Исторический вестник*. Т. LXVI, 1896. С. 407—409; *Лобанов М. Е. Жизнь и сочинения И. А. Крылова*. СПб., 1847. С. 69; *Солнцев Ф. Г. Моя жизнь и художественно-археологические труды // Русская старина*, 1876. Т. 15, № 3. С. 619 и сл.; *Соллогуб В. А. Из воспоминаний гр. В. А. Соллогуба // Русский архив*, 1865, № 5—6, стлб. 737; *Стасов В. В. Воспоминания о моей сестре // Книжки недели*, 1896, № 1. С. 205; *Стояновский Н. И. Очерк жизни Алексея Николаевича Оленина // Археологические труды Алексея Николаевича Оленина*. Т. I, СПб, 1881. С. XXVI—XXVII; *Толстой Ф. П. Записки // Русская старина*, 1873. Т. 7, № 2. С. 133; *Аронсон М., Рейсер С. Литературные кружки и салоны*. Л., 1929. С. 145; *Литературные салоны и кружки. Первая половина XIX в.* Под ред. Н. Л. Бродского. М.; Л.: Academia, МСМXXX. С. 39—42; *Томашевский Б. В. Пушкин*. Кн. I. АН СССР, М.; Л., 1956. С. 302—303; *Прийма Ф. Я. Пушкин и кружок А. Н. Оленина // Пушкин. Исследования и материалы*. Т. II. М.; Л., 1958. С. 234—235; *Гиллельсон М. И. Молодой Пушкин и арзамасское братство*. Л., 1974. С. 4—37; *Шубин В. Ф., Файбисович В. М. К литературной жизни Пушкинского Петербурга // Русская литература*, 1982, № 3. С. 155—158; *Тимофеев Л. В. В кругу друзей и муз*. Л., 1983 и др.

² *Ключевский В. О. А. Н. Оленин // В. О. Ключевский. Неопубликованные произведения*. М., 1983. С. 130.

³ *А. В. [Уваров С. С.] Литературные воспоминания // Современник*. Т. 27, 1851, № 6, отд. II. С. 37.

⁴ *Вигель Ф. Ф. Записки*. Т. 2. М., 1928. С. 46—47.

⁵ Там же. С. 47. Свообразным комментарием к этим словам меуариста может послужить надпись на обороте портрета работы П. А. Оленина, хранящегося в Касимовском краеведческом музее: «Портрет брамина Индийского, пришедшего из Индии из области Мальвы, города Удерпура, владения Пешвы в Санкт-Петербург в 1816 году. Имя — Нам Джаги Алан.» (Приписка:) «Скончался в доме нашем 29 апреля 1818 года».

⁶ До лета 1813 г. Оленины жили в доме № 101 по набережной Фонтанки; 16 июня этого года они приобрели дом № 97, в который переехали не позднее 26 августа. Здесь Оленины прожили до осени 1819 г.

⁷ РО РНБ, ф. 542, ед. хр. 577, л. 102.

⁸ «Сия надпись была сочинена покойным другом покойного моего сына Николая, убиенного за веру, царя и отечество на поле Бородинском! — писал А. Н. Оленин. — Сия надпись помещена была на камне, поставленном в саду Приютинской мызы на том месте, на котором сын мой Николай посадил засохшее по смерти его дубовое дерево» (*Г. П. Георгиевский* А. Н. Оленин и Н. И. Гнедич. СПб, 1914. С. 30). Анне Алексеевне было три с половиной года, когда старший брат простился с нею навсегда: 9 марта 1812 г. восемнадцатилетний прапорщик Николай Оленин 1-й (р. 29. XI. 1793) и семнадцатилетний портупей-прапорщик Петр Оленин 2-й выступили в рядах Л.-гв. Семеновского полка к западным границам России, навстречу Великой армии Наполеона. Семеновский полк прошел полтысячи верст без единого столкновения с неприятелем; Бородино должно было стать для братьев боевым крещением. «26 августа 1812 г. еще было темно, когда неприятельские ядра стали долетать до нас, — вспоминал их товарищ Матвей Муравьев-Апостол. — Так началось Бородинское сражение. Гвардия стояла в резерве, но под сильными пушечными выстрелами. Правее 1-го батальона Семеновского полка находился 2-й батальон. Петр Алексеевич Оленин, как адъютант 2-го батальона, был перед ним верхом. В 8 часов утра ядро пролетело близ его головы; он упал с лошади и его сочли убитым. Князь Сергей Петрович Трубецкой, ходивший к раненому на перевязку, успокоил старшего Оленина тем, что брат его только контужен и останется жив. Оленин был вне себя от радости. Офицеры собрались перед батальоном в кружок, чтоб порасспросить о контуженном. В это время неприятельский огонь усилился, и ядра начали нас бить. Тогда командир 2-го батальона, полковник Максим Иванович Де-Дама (de Damas) скомандовал: «Г-да офицеры, по местам». Николай Алексеевич Оленин стал у своего взвода, а граф Татишев перед ним у своего, лицом к Оленину. Они оба радовались только что сообщенному счастливому известию; в эту самую минуту ядро пробило спину графа Татишева и грудь Оленина и унтер-офицеру оторвало ногу...» (*Муравьев-Апостол* М. И. Записки // Русский архив, 1885. Кн. 10. С. 261.)

⁹ В этом мире нашлось место и для раненого француза — военнопленного М. Пикара, водворившегося в Приютине в феврале 1814 г.;

он долго жил у Олениных и женился на одной из их дворовых. В архиве А. Н. Оленина сохранилась следующая расписка: «1814 года февраля 1-го дня военнопленный француз Матвей Пикар (по объявлению его уронцею города Лиона, служивший рядовым в 33-м линейном французском полку) мною принят, для отправления его немедленно в Шлюссельбургский уезд на мызу Приютину, где он житьствовать будет, с дозволения правительства». В. А. Оленина сделала к этому документу приписку: «Picard, soldat français blessé, qui a vecu années chez mon Père: a fini par epouser la petite fille de ma bonne, une russe.» — *Пикар, раненый французский солдат, который долго жил у моего отца; в конце концов он женился на русской, внучке моей няни.* (РО РНБ, ф. 542, оп. 1, ед. хр. 357).

¹⁰ Это стихотворение было опубликовано П. М. Устимовичем в 1890 г. (*П. М. Устимович. Анна Алексеевна Андрю, рожденная Оленина* // РС, 1890. Т. 67, август. С. 400). По словам П. М. Устимовича, текст написан рукою Елизаветы Марковны; на обороте листа — записка, обращенная к А. Ф. Фурман: «Анна Федоровна постарайтесь, чтоб Анеточка это выучила наизусть, а я постараюсь, чтоб она прочла хорошенько, как умненькая девочка». А. Ф. Фурман (см. о ней *Дневник, примечание № 14*) жила в семье Олениных до переезда в Дерпт в 1816 г.; следовательно записка должна датироваться ноябрем 1813, 1814 или 1815 г. Содержание записки позволяет предположить, что маленькая Анна Алексеевна еще не выучилась читать. Возьмем также на себя смелость предположить на основании интонационно-ритмических и стилистических особенностей этого стихотворения, что его автором был И. А. Крылов.

¹¹ РО РНБ, ф. 542, ед. хр. 359.

¹² Керн А. П. Воспоминания. Дневники. Переписка. М., 1989. С. 28.

¹³ См.: *Ф. Н. Глинка. Письмо к П. И. Бартеневу с воспоминаниями о высылке А. С. Пушкина из Петербурга в 1820 году / А. С. Пушкин в воспоминаниях современников. Т. 1, М., 1985. С. 210.*

¹⁴ По-видимому, личное участие президента Академии художеств в издании первой книги ссыльного поэта, которому едва минул 21 год, было некоторой неожиданностью даже для друзей поэта. Гнедич писал в июле 1820 г. Жуковскому: «Пушкина поэма — finis! только окончится виньетка, которую рисовал Алек(сей) Н. Оленин (Эге? а ты, друг, и не подозревал) и которая уже гравировается». См. в кн.: *М. А. Цявловский. Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина. 1799—1826. Л., 1991. С. 220.* Получив экземпляр изданной в Петербурге поэмы, Пушкин писал Гнедичу 24 марта 1821 г.: «вот уже четыре дни как печатные

стихи, виньета и переплет детски утешают меня. Чувствительно благодарю почтенного *Ю*; эти черты сладкое для меня доказательство его любезной благосклонности» (*Пушкин А. С. Полное собрание сочинений* в 16 тт. АН СССР, М.; Л., 1937—1949. Т. XII. С. 28. В дальнейшем все ссылки даются по этому изданию; римская цифра обозначает том, арабская — страницу).

¹⁵ П. А. Оленин был назначен адъютантом генерала от инфантерии гр. П. П. Коновницына 17 декабря 1819 г., но числился по-прежнему штабс-капитаном в Л. -гв. Семеновском полку.

¹⁶ О помолвке Варвары Алексеевны с Григорием Никаноровичем мы узнаем из письма А. Н. Оленина к Е. П. Олениной, матери жениха, от 21 сентября 1822 г. Шафером Г. Н. Оленина на свадьбе был кн. Е. П. Оболенский, будущий декабрист.

¹⁷ РО РНБ, ф. 542, ед. хр. 841, л. 1—1 об.

¹⁸ Анна Алексеевна Оленина была назначена фрейлиной 30 августа 1825 г. См. ниже, с. 334.

¹⁹ См.: Московская изобразительная Пушкиниана. М., 1986. С. 314. В девушке с попугаем предполагают Анну Оленину, но внушительный рост изображенной заставляет в этом усомниться: как и отец, Анна Алексеевна была очень невелика.

²⁰ *Свербеев Д. Н.* Записки. Т. 2, М., 1899. С. 353. Посещение Д. Н. Свербеевым Олениных датируется по следующему фрагменту его воспоминаний: «До позднего вечера пробыл я у них и провел время очень приятно. Бесцеремонное их обращение победило мою дикость и отчасти рассеяло то тяжелое чувство, под влиянием которого я находился с самой Варшавы. Я почти дал слово быть у них в деревне на следующей неделе и тут же узнал, что скоро последует решение верховного суда над государственными преступниками, что немногие избранные члены онога на днях должны отправиться в Петропавловскую крепость для передопросов заточенных в казематах, и что после исполнения этой окончательной меры, приговор им будет постановлен, и появится манифест. Прощаясь с Олениным, получил я от него билет на одно из номерованных мест, устроенных у императорской библиотеки, чтобы смотреть погребальную процессию, сопровождавшую из Царского Села в Зимний дворец тело императрицы Елисаветы Алексеевны». Елизавета Алексеевна скончалась в Белеве 4 мая 1826 и была погребена 21 июня 1826.

²¹ Там же. С. 356—357.

²² Сборник отделения русского языка и словесности ИАН. Т. 91, № 1, СПб, 1914. С. 125.

Red Rower

²³ Пушкин в неизданной переписке современников. ЛН. Т. 58, 1952. С. 75; Цявловская Т. Г. С. 250. «Во французском оригинале письма Вяземского игра слов, — замечает в книге «Друзья Пушкина» В. В. Кунин, воспользовавшийся указанием А. Лациса: — dragon по-французски имеет два значения: «драгун» и «дракон», а в переносном смысле — «злая, злоязычная женщина» (Кунин В. В. Друзья Пушкина. Т. II, М., 1984. С. 393).

²⁴ Боровкова-Майкова М. С. Письма Вяземского // Литературно-художественный сборник «Красной панорамы», ноябрь, Л., 1929. С. 49; Цявловская Т. Г. С. 250—251.

²⁵ Боровкова-Майкова М. С., ук. соч. С. 49; ЛН. Т. 58. С. 77—78; Цявловская Т. Г. С. 251.

²⁶ Цявловская Т. Г. С. 251.

²⁷ Вяземский П. А. О жизни и сочинениях В. А. Озерова. ПСС. Т. I, СПб, 1878. С. 58; Цявловская Т. Г. С. 253.

²⁸ Цявловская Т. Г. С. 253

²⁹ РГАЛИ, ф. Вяземских, № 195, оп. 1, ед. хр. 3267; Цявловская Т. Г. С. 254.

³⁰ Мицкевич А. Собрание сочинений. Т. 5, М., 1954. С. 627.

³¹ ЛН. Т. 58. С. 80.

³² ЛН. Т. 58. С. 71. Подлинник по-французски.

³³ Красноречивым комментарием к этой записи может послужить обращенное к А. Ф. Закревской стихотворение «Наперсник», созданное Пушкиным на другой день после поездки в Приютино, 12 августа 1828 г.:

Твоих признаний, жалоб нежных
Ловлю я жадно каждый крик:
Страстей безумных и мятежных
Как упоителен язык!
Но прекрати свои рассказы,
Таи, таи свои мечты:
Боюсь их пламенной заразы,
Боюсь узнать, что знала ты!

³⁴ Остафьевский архив кн. Вяземских. СПб, 1899—1909. Т. III. С. 179.

³⁵ Цявловская Т. Г. С. 274. Записи сделаны на полях черновика третьей песни «Полтавы» 9—16 октября 1828 г.

³⁶ Сандомирская В. Б. Рабочая тетрадь Пушкина 1828—1833 гг. (ПД № 838). (История заполнения) // Пушкин. Исследования и материалы. Т. X, Л., 1982. С. 245.

Души моей утешитель, Журнал.

³⁷ В 1831 г. А. А. Оленина вновь обратилась к беллетристике: 4 августа в Приютино она приступила к «Роману нашего времени», незавершенная объемистая рукопись которого хранится ныне в Российской национальной библиотеке (РО РНБ, ф. 542, ед. хр. 935). В «Романе нашего времени» можно усмотреть некоторые автобиографические мотивы: его героиня Маша Ландышева влюблена в гусарского полковника Виктора Датчева. В «Продолжении» этого романа, начатом в Петербурге 9 декабря этого же года, мы находим небезынтересное описание ее комнаты: «Но вот бьет 11 часов утра, и Ка(терина) Пе(тровна) с (с)жатым сердцем идет в комнату дочери. Но мы предупредим ее и вкрадемся в эту комнату, где бегут часы в счастливых картинах: где сердце часто горюет, не зная об чем. Где минуты, часы летят в непонятном неизъяснимом забытьи, где сидя на диване и устремив глаза на персической ковер, трудно дать ответ в мыслях, пересекающих одна другую; где настоящее сливается с будущим, где все постоянно как рок и так же неизвестно, как его законы, но где *le mobil (движитель)* всего любовь, любовь к Нему! Диван в углу маленькой комнатки, покрытой пестрым ситцом у ног ковер персической, тут клавикорты, там этажерка, покрытая разными безделками; в другом углу шкаф с книгами, тут зеркало и туалет, а вот у окна письменный стол с заветным ящиком. Невидимкой пробежимся, описывая все предметы (...). На нем стоят часы, красивые стаканы для перьев, богатая чернильница, ваза для облаток и для цветов и перо. Все предметы подарены друзьями, все имеют свои значения. На бронзовой маленькой пагоде висят печати и кольца (нрзб) их. На одной — девиз *constante per la vita (постоянная на всю жизнь — итал.)*, (на) другой на чистом голубом камушке выгравирована одна только звездочка, она без девиза, но кто не угадает, чей она образ! Печать подарена Аделью Мельской, и хранится! Но вот и кольца, одни с камнями, прекрасные, другие золотые, хорошо задуманные, но вот одно совсем простое изкапаемое: спросите, что оно значит, постарайтесь его взять, и, покраснев до ушей, его у вас вырвут из рук, его спрячют... Но вы теперь в комнате невидимкой, читайте.

Сперва четыре точки, а потом: *et pour toujours (и навсегда)*. Что они значат, сами догадайтесь, но я вам, право, не скажу. Но перед вами ключ от стола. Откройте средний ящик, вы там найдете много переписанных стихов, и статей, романов, философических замечаний из книг серьезных, и вот в конце ящика журнал. Поспешите раскрыть его и прочитайте» (Там же, л. 133 (об)—134).

Заметим, что в некоторых деталях обстановка кабинета Маши Ландышевой напоминает убранство комнаты Анны Алексеевны в Приютино, запечатленной на ее портрете с натуры, исполненном кн. Г. Г. Гагариным 4 июня 1833 г.

³⁸ 13 января 1830 г. Д. Ф. Фикельмон записала в своем дневнике: «Вчера 12-го мы доставили себе удовольствие поехать в домино и масках по разным домам. Нас было восемь — маменька, Катрин (гр. Е. Ф. Тизенгаузен), г-жа Мейендорф и я, Геккерн, Пушкин, Скарятин и Фриц (Лихтенштейн). Мы побывали у английской посольши, у Лудольфов и у Олениных. Мы очень позабавились, хотя маменька и Пушкин были тотчас узнаны (...)» (А. С. Пушкин в воспоминаниях современников. СПб., 1998, Т. II. С. 142).

³⁹ Цявловская Т. Г. Ук. соч. С. 263.

⁴⁰ Не следует представлять себе подруг «академиками в чепцах»: они, кажется, всегда были готовы предпочесть философским штудиям светскую шалость. Одна из их шуток едва не обернулась для Ф. Г. Солнцева серьезными неприятностями. «Однажды Анна Алексеевна Оленина, которой я давал уроки по рисованию, — вспоминал впоследствии художник, — вместе с подругами своими, графиней Блудовой и Уваровой, попросили меня нарисовать картину «Погребение кота мышами». Милые, умные и любезные просительницы рассказывали, как следовало сделать мышей, в каком мундире нарисовать кота и проч.» Через некоторое время Солнцева вызвал к себе А. Х. Бенкендорф. «Знаете, что это карикатура над известными в столице лицами?» — спросил у пораженного Федора Григорьевича шеф жандармов, получивший лист с «Погребением» от самой императрицы... (См.: *Солнцев Ф. Г. Моя жизнь и художественно-археологические труды // Русская старина*, 1876, июнь. С. 267—268)

От дневников до воспоминаний

⁴¹ Устимович П. М.. Ук. соч. С. 409.

⁴² Приютино было продано надворному советнику Адамсу лишь в 1841 г.: «В течение почти трех лет явилось 18-ть покупателей, но почти все не изъявили прямого желанья на покупку помянутой мызы», — писал А. Н. Оленин, сообщая сыну Петру о намерениях Адамса. (ГА РО, фонд Олениных, письмо А. Н. Оленина к П. А. Оленину от 11 мая 1841 г.)

⁴³ Ф. А. Андро был внебрачным сыном известного военного и государственного деятеля генерала от инфантерии гр. А. Ф. Ланже-

рона (2. I. 1763—4. VII. 1831) от Анжелины Дzierжановской. Граф Ланжерон эмигрировал из Франции после революции 1789 г., во время которой была убита его первая жена, маркиза Диана де ла Вольпьер; все имущество графа было конфисковано. После Реставрации ему был возвращен родовой замок Ланжерон; в 1822 г. Людовик XVIII подтвердил право А. Ф. Ланжерона и его сына на графский титул во Франции.

⁴⁴ 19 июля 1841 г. А. Н. Оленин приобрел в Павловске дом. — ГА РО, ф. Олениных, письмо А. Н. Оленина П. А. Оленину от 6 апреля 1839 г.

⁴⁵ Солнцев Ф. Г. Ук. соч. С. 284.

⁴⁶ Касимовский краеведческий музей, ф. Олениных, письмо А. Н. Оленина П. А. Оленину от 20 марта 1841 г.

⁴⁷ Оом О. Н. Предисловие. С. XXXIII.

⁴⁸ Там же. С. XXXIV.

⁴⁹ ЛН. Т. 47—48, 1946. С. 237.

⁵⁰ Устимович П. М. Ук. соч. С. 392.

⁵¹ Не обнаружив в бумагах Анны Алексеевны после ее смерти никаких воспоминаний, П. М. Устимович сожалел об их утрате. «Было найдено одно письмо между бумагами покойной, — сообщал он, — письмо одного уважаемого нашего литератора; в этом письме говорится о мемуарах Анны Алексеевны, посланных ему на рассмотрение, причем относительно этих мемуаров там сказано, что, судя по началу, они обещают быть очень интересными...» (Устимович П. М. Ук. соч.. С. 392). Эти воспоминания, хранящиеся ныне в РГАЛИ, публикуются ниже (с. 225).

⁵² Замок Ланжерон находится близ г. St. Pierre le Moutier в департаменте Nièvre, в 230 км к северу от Парижа.

⁵³ Уварова, Антонина Федоровна, рожденная Андро (1847—1920), в первом браке за Аполлоном Аполлоновичем Уваровым; по смерти его (не ранее 1890) за генералом Войде.

⁵⁴ Вспоминая трогательную сцену, происходившую в имени Антонины Федоровны, О. Н. Оом ошибается, относя ее, очевидно, к 1885 г.: по сообщению П. М. Устимовича, Анна Алексеевна переехала к А. Ф. Уваровой лишь в 1888 г., когда ей было уже около восьмидесяти.

⁵⁵ «Рисунок сохранялся у нас до октября 1917 г.», — замечает О. Н. Оом. Память изменяет ей: этот набросок хранился в ее семье до 1909 г. Этот лист принадлежит теперь собранию ГТГ. Он сопровождается собственноручной надписью А. А. Андро: «Приютино, 1820. Крылов и М-те Оом (née Фурман).» На обороте паспарту надпись пером: «Fe-

дору Федоровичу Оом от Ольги Звегинцовой, внучки Анны Алексеевны Андро. 1909 Года 12 Марта». Эта надпись исполнена Ольгой Николаевной Оом, издательницей дневника А. А. Олениной. Рожденная Сталь фон Гольштейн, в первом браке Звегинцова, она вышла впоследствии за Федора Федоровича Оома; ее подарок был напоминанием о старинных связях семей Олениных и Оом: Федор Федорович приходился Анне Федоровне Фурман родным внуком. Описывая этот лист по памяти спустя два десятилетия, Ольга Николаевна допустила некоторые неточности; Кипренскому этот рисунок приписан ею также ошибочно: в 1820 г. художник находился в Италии. См. в кн.: *О. А. Кипренский*. Графика. Каталог. Л., 1990, № 591. Фамилия «Звегинцова» прочтена здесь неверно («Званцова»): Ольга Звегинцова, очевидно, не идентифицирована авторами с О. Н. Оом.

⁵⁶ О. Н. Оом сопровождает это сообщение примечанием: «Парюра сохранилась у моей сестры, графини Александры Николаевны Руджери-Ладерки» (Оом О. Н. Предисловие. С. XXXVII).

⁵⁷ Устимович П. М. Ук. соч. С. 391—392.

А. А. ОЛЕНИНА

ДНЕВНИК

Dans la jeunesse on vit dans un monde, créé par l'imagination. Peu à peu l'âge et la raison dissipent les illusions d'un bonheur poétique et ne laissent après elles que la certitude de l'existence réelle et l'assurance du néant de la vie. La vieillesse apporte d'autres vues et des consolations, elle ouvre le chemin à la mort et à l'espérance dans immortalité.

Prioutino 1828 22 Septembre

(В юности живут в мире, созданном воображением. Мало-помалу лета и рассудок разрушают иллюзорные упования на поэтическое счастье и не оставляют после них ничего, кроме ощущения суровой действительности и убеждения в ничтожности бытия. Старость приносит иные воззрения и утешения: она торит дорогу к смерти и дарует надежду на бессмертие.

Приютино, 1828 22 сентября)

Я все грущу: но слез уж нет,
И скоро, скоро бури след
В душе моей совсем утихнет
«Е(вгений) О(негин)»

Как много ты в немного дней
Прожить, прочувствовать успела!
В мятежном пламени страстей
Как страшно ты перегорела!
Раба томительной мечты
В тоске душевной пустоты
Чего еще душою хочешь?
Как покаянье плачешь ты
И как безумие хохочешь¹

⟨Среда⟩ 20 июня 1828.

Вот настоящее положение сердца моего в конце бурной зимы 1828 года, но слава Богу, дружбе и разсудку, они взяли верх над разстроеным воображением моим, и холодность и спокойствие заменило место пылких страстей и веселых надежд. **Все прошло с зимой холодной²**, и с жаром настал сердечный холод! И к счастью, а то бы проститься надобно с разсудком. Вообразите каникулярный жар в уме, в крови и... в воздухе. Это и мудреца могло бы свести с ума...

Да, смейтесь теперь, Анна Алексеевна, а кто вчера обрадовался и вместе испугался, увидя в Конюшенной улице³ колязку, в которой сидел мушкетер с полковничными эполетами и походивший на...⁴ Но зачем называть его! зачем вспоминать то щастливое время, когда я жила в идеальном мире, когда думала, что можно быть щастливой или быть за ним, потому что то и другое смешива-

лось в моем воображении: счастье и Он... Но я хотела все забыть... Ах, зачем попалась мне колязка, она напомнила мне время... невозвратное.

Вчера была я для уроков в городе⁵, видела моего Ангела Машу Elmpt⁶ и обедала у верного друга Варвары Дмит(риевны) Пол(торацкой)⁷: как я ее люблю, она так добра, мила! Там был Пушкин и Миша Полт(орацкий)⁸: первой довольно скромн, и я даже с ним говорила и перестала бояться, чтоб не соврал чего в сантиментальном роде.

⟨Суббота⟩ 23 июня. ⟨1828⟩

Папинец приехал из города вчера вечером очень поздно. Сего дня я встала и, позавтракавши, услышала голос брата Алексея, которой болен душевно и телесно⁹, и живет у нас с некоторых пор. Он звал меня, я пошла к нему; он вручил мне письмо, писанное им к Папинецу. Он хочет вступить в военную службу, он прав, я сама ему то советываю... нет, не советываю, а соглашаюсь на его доказательства и повторяю, ты прав. Но хотя честь есть для меня превыше всего в мире, я не знаю, что делается со мной, когда я подумаю, что может быть мое согласие погубит его, что может быть я лишусь брата, но нет, Бог милостив, Он не захочет погубить целое семейство. Ах, как тяжело решиться на такое дело, где не можно отвечать за последствия. Но все он прав, потому что жизнь пустая и без занятий также убьет его¹⁰.

De colline en colline en vain portant ma vue
Du sud à l'Aquillon, de l'Aurore au couchant
Je parcours tous les points de l'immense étendue
Et je dis: nulle part le bonheur ne m'attend.
Que me font ces vallons, ces palais, ces chaumières —
Vains objets, dont pour moi le charme est envolé;

Fleuves, rochers, forêts, solitude si chère —
Un seul être vous manque et tout est dépeuplé.

.....
.....

Quand je pourrais le suivre en sa vaste carrière
Mes yeux verraient le vide et les déserts
Je ne désire rien de tout ce qu'il éclaire
Je ne demande rien à l'immense univers

Mais peut être au-delà des bornes de la sphère
Lieux où le vrai soleil éclaire d'autres cieux
Si je pouvais laisser ma dépouille à la terre
Ce que j'ai tant rêvé paraîtrait à mes yeux.
Là je m'enivrerais à la Source où j'aspire
Là je retrouverais et l'espoir et l'amour.
Et ce bien idéal que toute âme désire.
Et qui n'a pas de nom aux terres du séjour.

.....
.....

Quand la feuille des bois tombe dans la prairie,
Le vent du soir se lève et l'arrache aux vallons;
Et moi, je suis semblable à la feuille flétrie,
Emportez-moi, comme elle, orageux Aquillon.

L'isolement.
Lamartine.

«Nulle part le bonheur ne m'attend!» Voilà la vie de ceux qui ont trop senti dans leur jeunesse, voilà la vie de celle, dont la main trace ces lignes. A peine à l'âge de vingt ans, et elle a cessé déjà de jouir. Sans un seul vrai malheur et sentant avec toute la chaleur d'une âme enthousiaste tout le bonheur d'une vie passée avec des êtres adorés, sans avoir éprouvé encore aucune rigueur du sort elle est «comme la feuille flétrie», car la raison lui a ôté d'une main barbare toutes les illusions! Sans fortune, sans beauté elle attache pour un jour, pour un mois, mais jamais pour la vie. La jeunesse s'écoule, le bonheur fuit

pour ne revenir jamais! Pour voir la fortune de ses parens délabrée et toute la famille au bord du précipice! L'un des frères livré à une passion indigne de lui, l'autre quittant son pays pour chercher le bonheur à la guerre et dans les camps, elle-même renonçant à tout à quoi son coeur tenait, même à l'espérance. Ah, pardonnez-lui alors de dire: «EmpORTEZ-moi, comme elle, orageux Aquillon!»

*(С холма на холм вотще перевозжу я взоры,
На полдень с севера, с заката на восход,
В свой окоем включив безмерные просторы,
Я мыслью: «Счастье меня нигде не ждет».*

*Какое дело мне до этих долов, хижин,
Дворцов, лесов, озер, до этих скал и рек?
Одно лишь существо ушло — и, неподвижен
В бездушной красоте, мир опустел навек!*

.....
.....

*Что, кроме пустоты, предстало б мне в эфире,
Когда б я мог лететь вослед его лучу?
Мне ничего уже не надо в этом мире,
Я ничего уже от жизни не хочу.*

*Но, может быть, ступив за грани нашей сферы,
Оставив истлеть в земле мой бренный прах,
Иное солнце — то, о ком я здесь без меры
Мечтаю, — я в иных узрел бы небесах.*

*Там чистых родников меня пьянила б влага,
Там вновь обрел бы я любви нетленной свет
И то высокое, единственное благо,
Которому средь нас именованья нет!*

.....

*Когда увядший лист слетает на поляну
Его подбьмлет ветр и гонит под уклон;*

*Я тоже желтый лист, и я давно уж вяну:
Неси ж меня отсель, о бурный аквилон!*

«Одиночество»

Ламартин ¹¹

⟨Пер. Бенедикта Лившица⟩

«Счастье меня нигде не ждет». Вот жизнь тех, кто слишком много перечувствовал в своей молодости, вот жизнь той, чья рука пишет эти строки! Ей не исполнилось и двадцати, а она уже перестала радоваться жизни. Не пережив ни единого истинного несчастья и, чувствуя со всем жаром пылкой души все счастье прошлой жизни с обожаемыми существами, не испытав еще никаких превратностей судьбы, она подобна «увядшему листу», ибо рассудок отнял у нее варварской рукой все иллюзии! Без состояния, без красоты она привязывает на один день, на один месяц и никогда на всю жизнь. Молодость проходит, счастье исчезает, чтобы никогда не вернуться. Не приведи Господи увидеть состояние своих родителей расстроеным и всю семью на краю пропасти! Один из братьев предается страсти, не достойной его, другой покидает родину, чтобы искать счастья на войне и на полях сражений. Сама она отказывается от всего, чем дорожит ее сердце, даже от надежды. О, простите ей, когда она говорит: «Неси ж меня отсель, о бурный Аквилон!»)

7 Juillet 1828. ((Суббота) 7 июля 1828)

Тетушка уехала более недели¹², я с ней простилась и могу сказать, что мне было очень грустно. Она, обещая быть на моей свадьбе, с таким выразительным взглядом это сказала, что я очень, очень желаю знать, об чем она тогда думала. Ежели брат ея за меня посва-
тывается, возвратясь из Турции¹³ [⟨Рукою А. Ф. Оом:¹⁴⟩

Дай Бог, чтоб он вздумал это сделать! А:Оом.], что сделаю я? Думаю, что выду за него. Буду ли счастлива, Бог весть. Но сомневаюсь. Перейдя пределы отцовского дома, я оставляю большую часть счастья за собой. Муж, будь он ангел, не заменит мне все, что я оставлю. Буду ли я любить своего мужа? Да, потому что пред престолом Божиим я поклянусь любить его и повиноваться ему. По страсти ли я выду? **НЕТ**, потому что 29 марта я сердце схоронила и навеки. Никогда не будет во мне девственной любви и, ежели выду замуж, то будет супружественная. И так как супружество есть вещь прозаическая без всякаго идеализма, то и заменит разсудок и **повиновение** несносной власти ту пылкость воображения и то **презрение**, которыми плачу я теперь за всю гордость мужчин и за **мнимое** их преимущество над нами. Бедные твари, как вы ослеплены! Вы воображаете, что управляете нами, а мы... не говоря ни слова, водим вас по своей власти: наша ткань, которою вы следуете, тонка и для гордых глаз ваших неприметна, но она существует и окружает вас. Коль оборвете с одной стороны, что мешает окружить вас с другой. Презирая нас, вы презираете самих себя, потому что презираете которым повинуетесь. И как сравнить скромное наше управление вами с вашим гордым надменным уверением, что вы одни повелеваете нами. Ум женщины слаб, говорите вы? Пусть так, но разсудок ея сильнее. Да ежели на то и пошло, то отложа повинование в сторону, отчего не признаться, что ум женщины так же пространен, как и ваш, но что слабость телеснаго сложения не дозволяет ей выказывать его. Да что ж за слава быть сильным, вить и медведь людей ломает, зато пчела мед дает.

Я уже писала к тетушке, и вот послание, которое сочинила ей.

Искавши в мире идеала
И не нашед его,
Анета счастья искала
В середине сердца своего.
Все в 20 лет ей надоело:
Веселье, балы и пиры.
Младое счастье улетело,
И Юности прекрасные дары
Как призрак милой исчезают
И скоро, скоро пропадают.
Еще 5 лет Анета прожила,
Настали годы и разсудка,
Почти и молодость прошла,
Ведь 25 — не шутка.
Уж образ милой, молодой
Все понемножку исчезает,
Супруг не идеальной, а простой
Его все понемногу заменяет.
Не Аполлон уж Бельведерской,
Не Феба дивный ученик.
А просто барин Новоржевской:
Супругу 40 лет, да с ними и парик.
И правда, Грации забыли
Его при колыбели посетить,
Умом и ловкостью забыли наделить,
Зато именем наградили.
(нрзб) в мир глупцом
Представлен был своим отцом.
Но он ухаживал усердно,
Вздыхал, потел, кряхтел.
Душ 1000 считал наверно,
Чуть в мир поэзии не залетел,
Чтоб лучше нравиться любезной.
Что ж оставалось сделать бедной?
Она с рукой разсудок отдала.
А сердце? Бросила с досады,
И ум хозяйством заняла,

Уехавши в его посады.
И так она принуждена забыть
То love, d'aimer, amar*, любить,
Заняться просто садом,
Садить капусту «рядом»,
Разходы дома проходить
И птичной двор свой разводить.

* * *

Вы счастье в супружестве нашли,
Вы любите и обожаемы супругом,
Пять лет счастливо протекли,
Он заменил вам все, и другом
Вы называете его.
И так Вы посудите сами,
В сравненьи счастья своего
Анета наравне ли с вами?

Другие, писанные вчера в минуту горести.

.....
В утеху оставалось горе,
И часто, сидя у скалы,
Глядела пристально на море
И погружалася в мечты.
Любовь давно я позабыла,
И Дружба милая одна
Меня за слезы наградила
И заменила многое она.
Но тайны сердца забывать
Не пособила,
И горе весело переживать
Не научила.
С летами, знаю, все пройдет.
Пройдет и время наслажденья,

---

*любить — англ., франц., исп.

Остаток жизни протечет
В спокойствии и в покоенье,
Но молодость свое возьмет:
Любовь и горести земные.
А старость гробу принесет
Надежду, упования иные.
И камень хладной гробовой
Покроет прах несчастной,
И за могилой... неземной
Откроет век прекрасной.

⟨Вторник⟩ 17 Июля ⟨1828⟩

Я лениво пишу в Журнале, а, право, так много имею вещей сказать, что и стыдно пренебрегать ими: они кажутся может быть до счастья жизни моей. Несчастной случай заставил нас поехать в город, а именно смерть Алек(сандра) Ива(новича) Ермолаева¹⁵, он умер, прохворавши несколько времени. Отец в нем много потерял. Но что же делать, воля Божия видна во всем, надобно покориться ей без ропота, ежели можно.

В тот день, как возвращались мы из города, разговорилась я после обеда с Ив(аном) Анд(реевичем) Крыловым¹⁶ об наших делах. Он вообразил себе, что Двор скружил мне голову, и что я пренебрегала бы хорошими партиями, думая вытти за какого-нибудь генерала: в доказательство, что не простираю так далеко своих видов, назвала я ему двух людей, за которых бы вышла, хотя и не влюблена в них. Меендорфа¹⁷ и Киселева¹⁸. При имени последняго он изумился. «Да, — повторила я, — и думаю, что они не такие большие партии, и уверена, что вы не пожелаете, чтоб я вышла за Краевского¹⁹ или за Пушкина. — Боже избави, — сказал он, — но я желал бы, чтоб вы вышли за Киселева и, ежели хотите знать, то он сам того желал, но он и сестра говорили, что не-

чего ему соваться, когда Пушкин того ж желает». Я всегда думала, что Вар(вара) Д(митриевна) того же хотела, но не думала, чтоб они скрыли от меня эту тайну.

Жаль, очень жаль, что не знала я этаго, а то бы поведение мое было иначе. Но хотя я и думала иногда, что Киселев любит меня, но не была довольно горда, чтоб то полагать наверное. Но может быть все к лучшему, Бог решит судьбу мою. Но я сама вижу, что мне пора замуж, я много стою родителям, да и немного надоела им: пора, пора мне со двора. Хотя и то будет ужасно. Оставя дом, где была щастлива столько времени, я вхожу в ужасное достоинство Жены! Кто может узнать судьбу свою, кто сказать, выходя замуж даже по страсти: я уверена, что буду щастлива. Обязанность жены так велика, она требует столько *abnégation de lui-même* (*самоотречения*), столько нежности, столько снисходительности и столько слез и горя. Как часто придется мне вздыхать об том, кто пред престолом Всевышняго получил мою клятву повинования и любви... Как часто, увлекаем пылкими страстями молодости, будет он забывать свои обязанности! Как часто будет любить других, а не меня... Но я преступлю ль законы долга, буду ли пренебрегать мужем? НЕТ, никогда. Смерть есть благо, которое спасает от горя: жизнь не век, и хоть она будет несносна, я знаю, что после нее есть другой мир, мир блаженства. Для него и для долга моего перенесу все нещастия жизни, даже презрение мужа. Боже великой, спаси меня!

Я хотела, выходя замуж, жечь Журнал, но ежели то случится, то не сделаю того. Пусть все мысли мои в нем сохраняются; и ежели будут у меня дети, особливо дочери, отдам им его, пусть видят они, что страсти не ведут к щастью, а что путь истиннаго благополучия есть путь благоразумия. Но пусть и они пройдут пучину страстей, они узнают суетности мира, научатся полагаться на од-

ного Бога, одного Его любить пылкой страстью. Возможно, Он один заменяет всю любовь земную, Он один дарит надежду и счастье не от мира сего, но от блаженства Небесного.

17. Juillet.

(«Вторник» 17 июля (1828))

Les accidens et faits accumulés.

О память сердца, ты сильней
Разсудка памяти печальной.

Батюшкова

Le sentiment et les chagrins d'esprit ont rendu mon journal non une narration, comme il l'était dans son commencement, mais une discussion triste et mélancolique sur la vie et ses souffrances: je veux abandonner pour un moment cette mélancolie, qu'il m'est si difficile de vaincre, surtout quand je suis seule, et je tâche de raconter en détail les accidens et faits, qui ont tant agi sur moi pendant ces derniers mois.

Батюшков а bien raison de dire, que la mémoire du coeur est bien plus forte, que celle de l'esprit; à peine puis-je dire ce qui m'est arrivé hier et pourtant je puis narrer mot à mot des conversations, qui ont eu lieu, il y a plusieurs mois. Пушкин et Киселев sont les deux héros de mon roman actuel. Serge Galitzine Fierce, Glinka, Грыбаедов et surtout Wiasemsky sont les personnages plus ou moins intéressants. En fait de femmes, il n'y en a que trois: l'héroïne — c'est moi, les nécessaires sont ma Tante Barbe Dmitrievna Poltoratsky et Madame Wacilevsky. Il faut avouer que le roman est riche en caractères variés; il y en a même d'effrayans. Mais commençons. Comment nommer ce roman? Pensons... Le voilà trouvé!

Les inconséquences ou pardonnez à l'Amour.

(Je parle à la troisième personne, je passe les premières années, j'arrive droit au fait).

Annette Olenine avait une amie, une amie sincère. Elle seule, en connaissant sa passion pour Alexis, tâchait de l'en détourner. Marie disait souvent: « Annette, ne vous fiez pas à lui: il est faux, il est fat, il est méchant. » Son amie lui promettait de l'oublier et aimait toujours. Aux bals, aux spectacles, aux montagnes, elle le voyait toujours et peu à peu le besoin de le voir plus souvent devenait une idée fixe. Mais elle savait aimer sans faire voir qu'elle était occupée de quelqu'un et son caractère gai trompait bien du monde. Un jour, au bal chez la comtesse Tisenhausen Hitroff, Annette vit le personnage le plus intéressant de son temps et distingué dans la carrière des lettres: c'était le fameux Poète Pouchkine.

(Собрание происшествий и событий)

О память сердца, ты сильнее
Разсудка памяти печальной.

Батюшкова ²⁰

Чувство и невзгоды душевные превратили мой дневник из бытописания, чем он был сначала, в печальные и унылые раздумья о жизни и приносимых ею страданиях: я хочу хоть на миг отрешиться от печали, с которой мне так трудно справиться, особенно, когда я одна. Я попытаюсь подробно рассказать о происшествиях и событиях, которые столь сильно повлияли на меня в последние месяцы. Батюшков прав, говоря, что память сердца сильнее памяти рассудка: я едва ли смогу рассказать, что произошло со мной накануне, однако могу передать слово в слово разговоры, происходившие много месяцев назад. Пушкин и Киселев — вот два героя моего романа. Серж Голицын Фирс ²¹, Глинка ²²,

Грыбаедов²³ и, особенно, Вяземский²⁴ — персонажи более или менее интересные. Что же до женщин, то их всего три: героиня — это я, на втором плане — моя тетушка Варвара Дмитриевна Полторацкая и мадам Василевская²⁵. Надо сказать, что в романе много характеров, и есть даже ужасающие... Но начнем. Как назвать этот роман? Думаю... вот, нашла!

Непоследовательность или Любовь достойна снисхожденья

(Я говорю от третьего лица. Я опускаю ранние годы и перехожу прямо к делу).

У Аннет Олениной была подруга, искренний друг, лишь она знала о страсти ее к Алексею²⁶ и старалась образумить ее. Мари не раз говорила: «Аннет, не доверяйтесь ему, он лжив, он пуст, он зол»²⁷. Подруга обещала ей забыть его, но продолжала любить. На балах, в театре, на горах²⁸ она встречала его постоянно, и мало-помалу потребность видеть его чаще стала неотвязной. Но она умела любить, не показывая, что увлечена кем-то, и ее веселый характер вводил в заблуждение свет.

Однажды на балу у графини Тизенгаузен-Хитровой²⁹ Анета увидела самого интересного человека своего времени, отличавшегося на литературном поприще: это был знаменитый поэт Пушкин).

Бог, даровав ему Гений единственной, не наградил его привлекательной наружностью. Лице его было выразительно, конечно, но некоторая злоба и насмешливость затмевала тот ум, которой виден был в голубых или, лучше сказать, стеклянных глазах его. Арапской профиль³⁰, заимствованный от поколения матери, не украшал лица его, да и прибавьте к тому ужасные бокембарды, разтрепанные волосы, ногти как когти, малень-

кой рост, жеманство в манерах, дерзкой взор на женщин, которых он отличал своей любовью, странность нрава природного и принужденного и неограниченное самолюбие — вот все **достоинства** телесные и душевные, которые свет придавал Русскому Поэту 19 столетия. Говорили еще, что он дурной сын, но в семейных делах невозможно знать; что он разпутной человек, да к похвале всей молодежи, они почти все таковы. И так все, что Анета могла сказать после короткаго знакомства, есть то, что он умен, иногда любезен, очень ревнив, несносно самолюбив и неделикатен.

Parmi les singularités du poète était celle d'avoir une passion pour les petits pieds, que dans un de ses poèmes il avouait être préférable à la beauté même. Annette à un extérieur passable réunissait deux choses: elle avait les yeux, qui quelques fois étaient jolis, d'autres fois bêtes. Mais son pied était vraiment très petit et presque personne ne pouvait entre les jeunes personnes du grand monde mettre un de ses souliers.

Pouchkine avait remarqué cet avantage et ses yeux avides suivaient sur le parquet glissant le pied de la jeune Olénine. Il était à peine revenu d'un exil de dix ans: tout le monde — hommes et femmes — s'empressaient de lui montrer des attentions, que l'on a toujours pour le génie. Les uns le faisaient par mode, d'autres — pour tâcher d'avoir de jolis vers pour se faire par cela une réputation, d'autres, enfin, par un respect véritable pour le génie; mais la plus grande partie — par la faveur, qu'il avait auprès de l'Emp(ereur) Nicolas, qui était son censeur.

Annette l'avait connu, quand elle était encore enfant. Depuis elle avait admiré avec enthousiasme sa poésie entraînante.

Elle aussi voulait distinguer, voir le fameux poète, elle allait le choisir dans une des danses: la crainte, qu'elle avait

d'être ridiculisé par lui, lui fit baisser les yeux et rougir en approchant de lui.

La nonchalance, avec laquelle il lui demanda, où était sa place, la piqua. Supposer, que Pouchkine put croire, qu'elle était une sottise, la blessait, mais elle répondit simplement: «Oui, Monsieur» — et de toute la soirée ne se hasarda point à venir le choisir.

Mais c'était à son tour de venir faire la cour, à son tour de faire la figure et elle le vit avancer vers elle. Elle donna la main, en détournant la tête et en souriant, car c'était un honneur, que tout le monde lui enviait.

.....
Je voulais écrire un roman, mais cela m'ennuie, j'aime mieux n'en rien faire et écrire simplement mon journal.

* * *

J'ai relu le portrait de Pouchkine, et je suis contente de l'avoir aussi bien esquissé. On le reconnaîtrait entre mille!

Mais continuons mon cher journal.

(Среди странностей поэта была особенная страсть к маленьким ножкам, о которых он в одной из своих поэм признавался, что они значат для него более, чем сама красота ³¹. Анета соединяла со сносной внешностью две вещи: у нее были глаза, которые порой бывали хороши, порой простоваты, но ее нога была действительно очень мала, и почти никто из молодых особ высшего света не мог надеть ее туфель.

Пушкин заметил это ее достоинство, и его жадные глаза следовали по блестящему паркету за ножкой молодой Олениной. Он только что вернулся из десятилетней ссылки ³²: все — мужчины и женщины — спешили оказать ему знаки внимания, которыми отмечают гениев. Одни делали это, следуя моде, другие — чтобы заполучить преле-

стные стихи, и благодаря этому, придать себе весу, третьи, наконец, — из действительного уважения к гению, но большинство — из-за благоволения к нему имп(ератора) Николая, который был его цензором.

Анета знала его, когда была еще ребенком. С тех пор она пылко восхищалась его увлекательной поэзией.

Она собиралась выбрать его на один из танцев. Она тоже хотела отличить знаменитого поэта. Боязнь быть высмеянной им заставила ее опустить глаза и покраснеть, когда она подходила к нему. Небрежность, с которой он у нее спросил, где ее место, задела ее³³. Предположение, что Пушкин мог принять ее за простушку, оскорбляло ее, но она кратко ответила: «Да, мсье», — и за весь вечер не решилась ни разу выбрать его. Но настал его черед, он должен был делать фигуру, и она увидела, как он направился к ней. Она подала руку, отвернув голову и улыбаясь, ибо это была честь, которой все завидовали.

.....

Я хотела писать роман, но это мне наскучило, я лучше это оставляю и просто буду вести мой Журнал.

* * *

Я перечитала свое описание Пушкина и очень довольна тем, как я его обрисовала. Его можно узнать среди тысячи.

Но продолжим мой драгоценный Журнал.)

13 Aout.

⟨Понедельник⟩ (13 августа) ⟨1828⟩

В субботу были мои рожденья. Мне минуло 21 год!³⁴ Боже, как я стара, но что же делать. У нас было много гостей, мы играли в барры³⁵, разбегались и после много

пели. Пушкин или **Red Rover**³⁶, как я прозвала его, был по обыкновению у нас. Он **влюблен** в Закревскую³⁷ и все об ней толкует, чтоб заставить меня ревновать, но при том тихим голосом прибавляет мне нежности. Милой Глинка и премилой Serge Galitz Firce (*Фирс*) был у нас: первой играл чудесно и в среду придет дать мне первой мой урок пенья. Но Любезной Герой сего дня был милой Алексей Петрович Чечурин³⁸ или прелестной **(Roland) Graeme**³⁹ как прозвала я его: он из Сибири, с границ Китая, был в Чите⁴⁰, видел всех⁴¹, имел ко мне большую доверенность и очень интересен. Он победил всех женщин, возхитил всех мужчин и посмеялся над многими. Он познакомился со мной у те(тушки) Сухаревой⁴², приежжал гостить к нам и жил несколько дней, и придет еще на несколько времени.

Портрет Милаго Козака или Roland Graeme

Он большего роста и удивительно как сложен, телесная красота и сила, плод свободной и немного дикой жизни, соединяются с выразительными чертами и придают неизъяснимую приятность Молодому Graeme. Ему только 19 лет, и борода его еще покрыта только легким пухом. Он белокур, но не довольно, чтоб сделать лицо его женским; его **взор быстр, выразителен, умен, чувствителен, улыбка приятна**. Он красавец телом, а лицом приятный, ежели бы писать Амура северных стран, надобно писать с него. Душа его чиста, как не испорченная душа юноши только может быть. Чувствительность и удивительное почтение к старшим отличают все его поступки, он обожает родину, без слез не говорит об умершей матери, без восхищения не называет имя Отца своего, сестры и Амура, приверженного ему Козака. Он удивительно ловок; стреляет из лука,

ездит верхом, прелестно точит, кует, полирует, плетет корзинки, вяжет узелки и пр. Все делает с удовольствием и, хотя не знает по Французски, но очень учен для того края, пишет, читает и переводит по Монгольски. Он не знает еще любви, и с чистою душою, не понимая, чего хочет, сам ищет любви и потому — бед. С какою чувствительностью принял он совет мой беречься молодых модных людей, он почти заплакал, отошел от меня и сел в угол. Когда же на другой день я спросила его, что от сердца ли он меня оставил, то он сказал с пылкою выразительностью: «Вы не поняли меня, я слишком чувствовал, не находил слов. — И еще прибавив несколько выражений, вдруг остановился и сказал — Дурак я, признался в том, в чем никогда не хотел признаваться».

⟨Среда⟩ 19 Сентября. ⟨1828⟩

Что Анета, что с тобою? Все один ответ,
Я грущу, но слез уж нет⁴³.

Но об чем? Об неизвестности. Будущее все меня невольно мучит. Быть может быть замужем и — ⟨быть⟩ несчастной. О, Боже, Боже мой! Но все скажу из глубины души: Да будет воля Твоя! Мы едем зимой в Москву к Вариньке⁴⁴, я и радуюсь и **грущу**, потому что последнее привычное чувство души моей — я как Рылеев говорю⁴⁵:

Чего-то для души ищу
И погружаюсь в думы⁴⁶.

Но грустной оставлю разговор.

5-го Сентября Маминькины именины. Неделю перед тем мы ездили в Марьино⁴⁷. Там провели мы 3 дня довольно весело. Мы ездили верхом, филозофствовали с Ольгой⁴⁸ и наконец воротились домой. Тут я задумала

сыграть proverb. Милая Полина Галицына⁴⁹ согласилась, я выбрала proverb, разслала роли, но имела горе получить отказ от Сергея Галицына⁵⁰ и накануне от Полины. Что делать. В пятницу 4-го приехал Слебцов⁵¹ с женой и Краевским. Он взялся играть роль Галицына. Мы отделали театр в зале⁵² весь в цветах, зеркалах, вазах, статуях. Но вдруг письмо от Полины: отказ и баста нашему proverbу. Но гений мой внушил мне другое. Мы сказали Маминьке и Папиньке об неудаче сюрприза, вынесли все цветы, но оставили шнурки для зеркала и других украшений, все сделали неприметным. Я после ужина предложила Слепцову сыграть шараду в лицах и с разговорами. План одобрен, шарада выбрана la **Mélomanie** (Меломания)⁵³ На другой день поутру назначена репетиция. Я встаю, поутру надобно ехать к обедне⁵⁴, но без меня не может быть репетиции. Я представляю, что у меня болят зубы, чудесно обманываю Маминьку и Папиньку, остаюсь дома и иду делать репетицию. Вот кто составлял нашу шараду. Слебцов, Краевской, милой Репнин⁵⁵, M-me Wasilevsky, несравненной Козак и я. Все устроено. Занавесь сшита, парики готовы и к возвращению Маминьки все уже внизу, как ни в чем не бывало. Приезжают Гости. Из Дам — Бакунина⁵⁶ и Хитровы⁵⁷, Васильчикова⁵⁸ и еще куча мужчин. За обедом приезжает Голицын, потом и Пушкин. Как скоро кончили обед, Маминьку уводят в гостиную и садятся играть в карты⁵⁹. А я и актеры идем все приготавливать, через два часа все-все готово. Занавесь поставлена, и начинается шарада прологом. Я одна сию на сцене! Как бьется у меня сердце. Я сию, читаю книгу, зову потом Елену Еф(имовну)⁶⁰, она входит, я спрашиваю об нашем proverbе: никто еще из Актеров не бывал: я их ожидаю с нетерпением. Входит мальчик и приносит письмо: это отказ — она не будет. Я в отчаянии наконец созываю всех наших Актеров,

сказываю им об нашем горе. Они не умеют пособить мне, наконец я предлагаю сыграть шарад в лицах: план одобрен, Елена Еф(имовна) и я идем одеваться, Слепцов говорит сочиненные им стихи. Занавесь опускается.

Мы накидываем сарафаны⁶¹ и пока все на сцене приготавливают, — Голицын, Е(лена) Е(фимовна) и я поем за занавесью трио Гейдена⁶².

Первое действие. Ме.

Театр представляет ярмарку. С одной стороны Милой Козак в Китайском платье разкладывает товары, возле него Дунька китайской ему помогает, подалее и ближе к сцене Репнин Жидом сидит и перед ним фортушка⁶³. С другой стороны Слепцов — купцом сальных свеч, Краевской — мужик, торгующий квасом. Начинается ярмарка. Монголец начинает свою молитву, Жид считает деньги, купец зазывает покупателей. Входит Е(лена) Е(фимовна) и я в русских платьях, мы торгуемся, ничего не покупаем. Е(лена) Е(фимовна) уходит, и скоро слышен шум за дверьми, потом песни «Заплетися плетень». Услышав пение, я бегу со сцены, крича: «Хоровод, хоровод». (рисунок: рука) (ищи другую руку).

⟨Пятница⟩ 21 Сентября ⟨1828⟩

Вчера к обеду приехал к нам милой благородной Алексей Петрович Чичурин. Он приехал прощаться, и это слово одно заставило меня покраснеть. Je ne sais, quel sentiment il m'inspire. Ce n'est pas de l'amour — non! Mais c'est un sentiment, qui en approche. Il est bien plus fort que de l'amitié. Et je ne puis mieux le comparer qu'au sentiment, que je porte à mes frères. Oui! c'est justement cela. Je l'aime comme un frère... Et lui? il m'aime... plus tendrement...

J'écrirai absolument son histoire, elle est trop intéressante pour ne pas le faire et puis je dois écrire car je deviens parresseuse.

(Я не знаю, какое чувство он мне внушает, но это не любовь, нет, это чувство, которое к ней приближается, оно значительно сильнее, чем дружба, и я ни с чем другим не могу его сравнить как с чувством, которое я испытываю к своим братьям. Да, это именно так. Я его люблю как брата. А он? Он любит меня... еще нежней...

Я непременно напишу его историю, она слишком интересна, чтобы не сделать это, и к тому же я должна писать, потому что становлюсь ленивой.)

Как я его люблю, он так благороден! так мил! Вчера, сидя возле меня, сказал он: «Боже мой, как мне не хочется ехать!» Я стала над ним смеяться. «Но вы не знаете, как мне грустно расставаться с Приютиным, — потом, — Вы удивительная женщина, в вашем нраве такие странности, столько пылкости и доброты. Что меня убивает, это то, что не могу сказать вам одной вещи, вы все мои секреты знаете, а этот я не могу вам сказать, а это меня убивает.» Я же догадалась, что такое, но не сказала ему.

Он писал мне ⟨на⟩ браслет⟨е⟩ по Монгольски, но сам не знал что, говоря, что не смеет мне то написать, что у него в голове, и написал то, что я не могла разобрать, хотя он ⟨сказал, что⟩ это был компримент. У нас пошла переписка на маленьком кусочке бумажки. В последний раз, как он здесь был, он выпросил у меня стихи Пушкина на мои глаза⁶⁴. Я ему их списала и имела неблагоразумие написать свою фамилию, также списала стихи Вяземскаго⁶⁵ и Козлова⁶⁶, и Пушкина. Я написала ему на бумажке просьбу, чтоб он вытер имя мое, и, когда спросила, сделает ли он это, он сказал: «Неужели думаете, что не исполню Вашего малейшего жела-

ния». Я извинилась тем, что боюсь, чтоб они не попали в чужие руки: «Ах, Боже мой, я это очень понимаю и исполню». Он просил меня беречь его саблю, и я ему то обещала. Недавно подарила я ему своей работы кошелек, и он обещал носить его вечно. Наконец стало поздно, и Маминька стала просить его, чтоб он оставил ей сочинение Рылеева⁶⁷. Он на то не скоро согласился, но наконец отдал мне его; тогда я схватила эту счастливую минуту, когда разтроган он был, и просила его, чтоб оставил он Батюшке под запечатанным пакетом все дела, касающиеся до:⁶⁸. Все — брат Алексей, приехавший в тот день из деревни⁶⁹, Маминька и мы все стали упрашивать его. Он представлял нам свои резоны, мы — свои, наконец он уверил нас в самом деле, что он прав и дал мне слово, что положит все в пакет, запечатает двумя печатями и, приехавши в армию, отдаст сам генералу Б:⁷⁰. «Чтоб доказать вам, как благодарен я за ваши ко мне попечения, то признаюсь, что у меня есть стихи от них, и я сожгу их. — Зачем, — сказала я, — положите их в пакет и отдайте отцу, он, право, сохранит их и возвратит, когда вы возвратитесь». Но он не хотел на то согласиться, но обещал разорвать их. Наконец пришла минута разставаться: у меня сжалось сердце. Я сидела возле него, мы все замолчали, встали, перекрестились. Он подошел к Маминьке прощаться, я отошла к столу, потому что была в замешательстве. Потом подошел ко мне и поцеловал у меня руку. В первой раз я поцеловала его щеку и, взяв его за руку, потрясла по Англички. Он простился с Алексеем и опять пришел ко мне, мы опять поцеловались, и я пошла к себе. Тут я нашла его саблю, завернула в платок и спрятала. Тут вспомнила я, что надобно написать Анне Ант(оновне)⁷¹. Он был у Алексея в нашем коридоре, я велела просить его подождать. Написала ей и

ему маленькую записочку, в которой уверяла об сохранности сабли, просила прислать браслет и окончила теми словами: «Бог да сопутствует вам». Я стала молиться Богу, молилась за него и поплакала от души. Долго смотрела я в мглу ночную, слушала и, наконец, услышала шум его коляски; хотела знать, по какой дороге он ехал: по косо́й, по той, что я ему советовала. Шум утих, я перекрестилась и заснула. Несколько дней перед тем он был у нас и, когда уехал, то я слышала, что по косо́й дороге. Когда же приехал он прощаться, я ему то сказала, он отвечал: «Вы ведь приказали мне по ней ездить, и я слушаюсь».

24 (сентября 1828) Понедельник

Вчера были у нас гости: Меендорф, Василевский⁷² и Лобановы⁷³, возвратившиеся из Чужих край. В Дрездене видели они Вариньку⁷⁴. Слава Богу, ей лучше, и она много заботится обо мне, все хочет знать, хороша ли я. Когда увидит, то будет *desappointee* (*разочарована*), потому что я подурнела и о том сама жалею. Но есть дни, в которые я еще порядошна. Вчера же получила я пакет от Алексея Петровича, в нем был один браслет, другого он не успел кончить. Письмецо было в сих словах: «Я дождал проволоки до 4 часов. Видно мне должно кончить их после войны. Слуга Ваш Груши маченые. 22 Сентября». (**Груши маченые** — имя, которое Елена Е(фимовна) дала Львову⁷⁵ и справедливо). В том же пакете были некоторые бумаги, писанные ему на память, и также кусок руды серебряной, на которой было написано «Юноше несравненному»⁷⁶. Кусок сей завернут был в бумажке, испачканной **ероглифами**, но я разобрала их, потому что у меня был ключ, вот они: «Вам, несравненная Анна Алексеевна, поручаю вещь для меня драгоценную. **Прощайте.**»

Я взяла бумаги, положила в пакет и надписала: «Отдать по возвращении». Кусок руды положила в ящичек, вытаченной нарочно, написала внутри: «Отдать Алексею Петровичу Чечурину». Завязала тесьмой и положила свою печать. И теперь спокойна. Я сделала то, что должно, сохраню его тайну, она не касается до меня.

Сегодня, нет; вчера вечером сказала мне Мама: «Вить Козак в тебя влюбился». А я очень рада, что он уехал, я не любовь к нему имела, но то неизъяснимое чувство, которое имеешь ко всему прелестному и достойному. Он был мой идеал в существе. Он имел то чистое, непорочное чувство чести, которое непонятно для наших молодых людей, он не мог подумать без ужаса об разпутстве, хотя имел пред собою, и с молодых лет, разврат пред глазами: но чистая душа его не понимала удовольствий жизни безнравственной. Благородность души, правила непорочные, ненависть к разврату и притеснению, чистая вера, пылкость чувств и любовь, которую только узнал при своем отъезде — вот что привязало меня к нему.

25 <сентября 1828> вт<орник>

Grande nouvelle: Alexandrine Repnine épouse Koucheleff. Je lui en souhaite! Mais le mariage n'est pas encore déclaré.

(Большая новость: Александрин Репнина⁷⁷ выходит замуж за Кушелева⁷⁸. Я ей того желаю! Но о женитьбе еще не объявлено.)

<Изображение руки>

Мы потом все входим после и пляшем, Слепцов входит в наш хоровод и танцует, потом мы все уходим со сцены.

Дейст<вие> 2. Лотаря.

Приходит брать билет Краевской Лотарейщик. Входит на сцену Слепцов, одетый молодым негодяем, рассказы-

вает, что проиграв всю фортуна в карты, он рисковал последними деньгами и купил лотарейной билет. Что видя везде неудачи, посватался за богатую старуху и что, быв еще женихом и получив от ее 50 тысяч для заведения дома, он половиною заплатил долг, а другую опять проиграл, и даже билет лотарейной отдал Фиакру⁷⁹, которой вез его и которому нечем было заплатить. Проклина Фортуну он уходит со сцены; в то время как он рассказывает свою историю, я вхожу, беру билет и слушаю рассказ его. По выходе его входит Фиакр Репнин, мой жених, я спрашиваю его, что он делал с тех пор, что мы не видались, он рассказывает свою историю с Картежником и билет лотарейный. Я браню его, зачем он его взял, и в эту минуту Лотарей начинается, Basil⁸⁰ выигрывает 500... не знаю чего. Приходит Слепцов с старой своей супругой Е(леной) Е(фимовной), узнает об щастии Василя, которой хочет вернуть ему билет, он от него отказывается и желает нам счастья (и тихо говорит мне на ухо: «Скажите что-нибудь»), я же замешалась и сказала громко: «Я не знаю, что». Все засмеялись, и занавесь опустилась.

Дей(ствие) 3. Mani.

С одной стороны у комелька сидит Химик Слепцов. По комнате ходит с луком и стрелами Козак и горюет об забытой своей охоте. Он подходит к Химику и спрашивает его про его занятия. Слеп(цов) доказывает ему, чтоб хорошо стрелять, то надобно знать химию. Смешной разговор между ними. Я вбегаю и ко всем пристаю с моим провербом, никто меня не слушает. Реп(нин) в то время ездит на неизъяснимой части и делает разные штуки. Входит поэт с стихами, все от него бегут, и Слепц(ов) говорит: «Уходи: я все терпел, но поэт — это невозможно».

Дей(ствие) 4 и последнее.

С одной стороны клавикурты, за ними сидит Слеп(цов) в колпаке и халате. С другой — Краев(ский) пи-

шет ноты. Слеп(цов) берет аккорд и встает в восхищении. Потом представляет голосом и руками весь оркестр и увертюру своей новой оперы «Семирамида». В самом пылу его рассказа подходит к нему Краев(ский) и спрашивает, в каком тоне писать Арию. Melomane прогоняет его с гневом, вдруг входит молодой человек, Реп(нин), и подносит ему рекомендательное письмо, он его не читает, а схватывает за руку и спрашивает, на каком он инструменте играет. Тот признается, что ни на каком, он, однако, просит сделать репетицию. Сцена происходит между Семирамидой, Аспиком⁸¹, и (слышен) колокол, которой в то время звонит: он дает ему колокольчик в руки и заставляет свистать и звонить. Я (дочь его) и кухарка Е(лена) Е(фимовна) вбегаем в комнату, думая, что дом горит. Тут узнаю я в молодом человеке своего любезного. Меломан, поймав кухарку, заставляет ее петь *Perche (окунь)*, она выговаривает это слово истинной французинькой. Он с гневом хочет прогнать, его все успокаивают, говоря, что *Madelaine* знает со мной дуо. Я сажусь за пиано, и мы поем *Napolitana*. После этаго *Méломане* вспоминает, что он должен ехать на репетицию и убегает со сцены. Тут подходит ко мне *Vasil* и спрашивает, есть ли надежда, чтоб мой отец позволил ему на мне жениться, я говорю ему, что не думаю, потому что он не музыкант. В ту минуту он стучит в дверь, *Va(sil)* схватывает музыку «Семирамиды» и клянется, что он сожжет ее, ежели он не согласится на нашу свадьбу; он на все соглашается от страха, и мы его впускаем, и он соединяет наши руки, и пьеса кончена. *Serge Galitz(in)* подходит к спектакерам и поет куплет своего сочинения.

Вечером мы играли в разные игры, все дамы уехали. Потом молодежь делали разные **тип de passe-passe** (*фокусы*) и очень поздно разъехались. Прощаясь, Пушкин ска-

зал мне, что il doit partir pour ses terres, si toutefois il en aura le courage, ajouta-t-il avec sentiment. Pendant que tout se préparait dans la salle, je rappelai à Serge Gal(itzine) la promesse qu'il m'avait faite de me dire certains faits. Après bien des manières, il me dit, que cela concernait le poète, me pria en grâce de ne pas changer de manière d'être, blâma maman pour la rudesse qu'elle avait employée avec lui en disant que ce n'était pas le moyen de le calmer. Lorsque je lui parlai de l'impertinence, avec laquelle Sterich m'avait parlé chez la cs Koutaisoff de l'amour de P(ouchkine), il me dit qu'il l'avait aussi blâmé en disant que ce n'était pas son affaire et que j'avais très bien répondu. Puis lorsque je lui dis que j'étais furieuse des propos, que tenait P(ouchkine) sur mon compte, il me dit de celui-ci: «N'est-ce pas, qu'il avait dit: «Мне бы только с родными сладить, а с девчонкой уж я слажу». «Но вить это при мне было, и не так сказано, но вить я знаю, кто вам сказал и зачем. Вам сказала Вар(вара) Д(митриевна)». Là j'ai pensé, qu'il savait aussi bien la raison que moi et je me tus. Nous parlâmes après de Kiceleff et de la cour, qu'il avait faite à M-me Vacilevsky. Il me dit, qu'il l'avait beaucoup blâmé. Enfin c'était une conversation très intéressante. (Прощаясь, Пушкин сказал мне, что он должен уехать в свои имения⁸², если только ему достанет решимости — добавил он с чувством. В то время, как в зале шли приготовления, я напомнила Сержу Гол(ицыну) его обещание рассказать мне о некоторых вещах. Поломавшись, он сказал мне, что это касается поэта. Он умолял меня не менять своего поведения, укорял маменьку за суровость, с которой она обращалась с ним, сказав, что таким средством его не образумить. Когда я ему рассказала о дерзости, с которой Штерич⁸³ разговаривал со мной у графини Кутайсовой⁸⁴ о любви Пушкина, он объявил, что тоже отчитал его, сказав, что это не его дело, и что я очень хорошо ему ответила. А когда я выразила ему свое возмущение вы-

сказываниями Пушкина на мой счет, он мне возразил: «По-вашему, он говорил: «Мне бы только с родными сладить, а с девчонкой уж я слажу», — не так ли? Но вить это при мне было, и не так сказано, но вить я знаю, кто вам сказал и зачем. Вам сказала Вар(вара) Д(митриевна)»⁸⁵. И тут я подумала, что у него такие же веские доводы, как и у меня, и умолкла. Потом мы говорили о Киселеве и о его ухаживании за мадам Василевской, он мне сказал, что он его крепко за это выбрал. В общем, это была очень интересная беседа.)

Сегодня пушки ужасно палили, не взяли ли Варну⁸⁶. Дай Боже. Теперь бы поскорее взяли Шумлу да Силистрию⁸⁷, да и за мир при(няться)⁸⁸. Николай Дми(триевич) Киселев пойдет в люди, его брат в большом фаворе⁸⁹, да и он сам умен: жаль только, что не довольно честных правил нащет женщин. Что-то будет со мною эту зиму, не знаю, а дорого бы дала знать, чем моя девственная Карьера кончится. УВИДИМ.

Роман моего сочинения

Его История

Иртыш кипел в крутых берегах,
Вздымались седые волны,
И рассыпались с ревом в прах,
Бия о брег, козачьи челны.⁹⁰
(Романс, положенной мной на музыку⁹¹)

Он родился в краю далеком. Там, где олень, закинув рога на спину, быстро летит от охотника, где легкая ди-кая коза забирается на высоты скал и с них смотрит спо-

койным взглядом на пропасти и неизмеримыя степи. Где разъяренной медведь нападает на охотника и получает смерть от неустрашимаго козака. Где дикой вепрь не избегает винтовки ловкаго. Край дикой, но свободной, где сама природа прекрасна, хотя не украшена трудами человека. Где везде видна Рука Всевышняго, где сама дикая природа величественна! Где реки текут меж скал, где тигр и овца оба находят пищу. Где дурной человек и сын природы одинаково обитают.

Что делал он в юных годах, что делал в детстве? Гонялся за зверьми, любил свободу, пылал желанием вступить в службу. У него был отец, я мало его знаю. Мать его умерла два года тому назад, сестру выдали замуж поневоле за недостойнаго человека и в 14 лет, она еще молода, но уже давно знает горе. Брат его — разпутной человек и недостойной носить имя онаго.

Кто ж изо всей семьи воспитал милого юношу? Добрая Мать, это совершенство природы, с доброй Матерью ничто не может сравниться! Как он это знает и чувствует. Еще воспитал его Дядя, брат матери его, он старался внушить ему вкус к великому и возвышенному, к учению и познанию людей, он дал ему правила и более ничего не мог сделать, но в одном слове сем заключена вся жизнь, все счастье человека. Сперва дядя его строго держал. В 14 лет сделан он был офицером и послан в первый раз в Иркутск. На дорогу дали ему 300 рублей.

Приехав туда в первой раз, вздумал он купить себе книг, не от желания образования, но только от того, что у дяди было их много. К счастью, попался ему в книжной лавке друг его, молодой человек, несколько годами старше его: он выбрал ему книг, как то: всего Коромзина, Жуковского, Ролленеву историю⁹² и др. Возвратясь, дядя, удивляясь тяжести его чемодана, раскрыл его и увидел книги! А герой мой страшился только для одно-

го сочинения — это был Жуковской и прельстил его по красоте переплета. С тех пор стал он читать: целой год читал, ничего не понимая, наконец, понял и вдаль в чтение, и ум от природы понятной и великой скоро с жадностью схватил первые впечатления наук. Но умной дядя перестал обходиться с ним как с ребенком, сделался его другом и Ментором, дал ему правила истинные и обратил пылкость нрава к добродетели.

Его молодость

Любил он по лесам скитаться,
День целой за зверьми гоняться,
Широкой Днепр переплывать.
Любил опасностью играть,
Над жизнью дерзостно смеяться.⁹³

Козлова

Я уверена, что Бог создал его к чему-нибудь необыкновенному. С малолетства Рука Его ведет прекрасного юношу. Или умрет он на поле брани во цвете лет, или сделается знаменит. Но сердце говорит, что Великий не допустит умереть так рано всем прелестным дарованиям. Он пройдет много испытаний, но возвратится из них победителем. Три года еще после поездки в Иркутск вел он жизнь беззаботную, жизнь счастья и свободы. Но скоро готовил рок ему ужасное испытание. Мать, Ангел-хранитель его, занемог. Его потребовали по должности в Иркутск. Он подошел к постели Ея... Она вздохнула, поцеловала его, сняла кольцо обручальное и отдала ему! Он уехал и, возвратясь из путешествия, увидел себя сиротой... Бедной юноша! Да хранит тебя Бог на пути превратном Мира. Но горе не вечно. Опять охота и дружба заняли его. Но невидимая Рука не допускала его вести

жизнь простую. Бури непогоды бушевали над главой его, и пока занимался он охотой, жил весело с козаками и с другом своим Амуром, Монгольцем, увозил жен для молодых козаков, он вызван был в пограничные крепости и получил в 18 лет поручение делать объезды и ловить контребанду. С честью отправив эту должность, он приехал в Иркутск и с губернатором поехал путешествовать по городам⁹⁴. В один несчастной день самое важнейшее дело жизни его совершилось⁹⁵. Потом посвятил он себя добру и чести. Но все неизъяснимое желание, чувство, которое не мог разтолковать себе, поощряло его к желанию видеть свет. Услышав о войне, он поспешил отправиться сюда, думая, что желание драться и отличиться было то неизъяснимое чувство, которое он чувствовал. Но нет, то была одна любовь, которую он искал, и с нею вместе и горе.

Наше знакомство

*N'en jugez pas par l'apparence
(Не судите по внешнему виду)*

Из романа

Случайно нас судьба свела⁹⁶

Из «Чернеца» Козлова

Я приехала к тетушке на дачу⁹⁷. Было много гостей. Я взошла, и юноша, сидевший у окна, встал и поклонился мне. Я отвечала наклонением головы довольно гордо и холодно. Я немного была не в духе. Общество было не для меня, скучное и низкое. Я села возле двоюродной сестры⁹⁸ и рассматривала Варшавские башмаки, но все невольно взглядывала на незнакомца и спрашивала, кто такой, молчаливой этот гость. Никто не мог сказать, кто

он. А я? Я поглядывала: он строен, велик ростом, но куда проста его физиономия, думала я. Мы пошли обедать, я забыла о незнакомце, он обедал в другой комнате. Потом, наскучив обществом, взяла я руку Софьи Б.⁹⁹ и пошли с ней гулять по одной существующей аллее сада¹⁰⁰. Поворотив назад по ней, увидела я идущаго к нам навстречу молодого козака. Мундир не козаков донских¹⁰¹ привлек к себе с перваго взгляда мое внимание, потом и ловкий стан юноши, странное молчаливое обхождение, сопряженное с ужасною учтивостью к старикам и дамам — все заставляло меня невольно желать знать, кто он. Он поравнялся с нами и снял козатской кивер: еще странность: молодые люди редко это делают. Он прошел, и я сказала Софье, засмеявшись: «Вот какой философ, ходит один». «Не смейся над ним, он очень интересен.» Я поняла. «Ах, ради Бога, позовите его.» Он сей час воротился. Мы стали говорить, чувство горя заставило меня заплакать. Как странно посмотрел он на меня! Мне стало стыдно, я покраснела. Но пылкость его рассказа, чувства благородные, изъявляемые во всех его мнениях — все заставило меня забыть, что я вижу его в первой раз. Я сама пылкаго нрава, и желание спасти его заставило меня давать ему советы. Он смотрел пристально и выразительно; как тогда переменялось его лице, как умны сделались глаза его, вся прелестная душа его была видна в них! Он слушал меня с некоторым удивлением. Я опомнилась и боялась показаться странною и глупою, но он лучше умел понять меня, нежели я разобрать его тогдашние мысли. «Не рассказывайте это никому, — сказала я умоляющим голосом, — вам может быть худо. — Так что же, у меня душа чиста, я ничего не сделал недостойнаго. — У вас есть родные, — был пылкой мой ответ. — Да, отец. — Так ежели не для себя, то для него поберегите себя». Он казался тронутым. В то время по-

дошла к нам m-He Г.¹⁰² Я сейчас переменяла разговор. «Пойдемте, — сказала я ему, — я покажу вам лошадь, на которой ездю; она горской породы, и вы, верно, скажете мне, хороша она или нет.» Отделавшись так от несносной Г., я подошла к Алексею и шепнула ему секрет наш, он подошел, я представила его моему герою. После подвела к Матушке и Отцу; они позвали его к нам, и он принял наше приглашение и обещал быть у Алексея. Через несколько дней он и приехал к нам на дачу. Остался на несколько дней, подружился и с этой минуты сделался почти сыном дома и моим другом. (изображение руки)

⟨Воскресенье⟩ 30 Сентября. ⟨1828⟩

Боже мой, какая радость! Вчера приехали Папинька и брат, и вот их хорошие и худые новости: 1. что с них сняли цепи¹⁰³, и потому, приехавши в город, я исполнила желание сердца моего и иду служить неведомо никому благодарную молебень 2-е. что Муравьев, Александр Николаевич, сделан начальником в Иркутске¹⁰⁴. Все чувства радости проснулись в душе моей! Они свободны хоть телом, думала я, и эта мысль услаждала горе знать их далеко и в заточении. Но, увы, жалея об них, горя об ужасной участи, не могу не признаться, что рука Всевышняго карает их за многие дурные намерения. Освободить родину прекрасно, но проливать реками родную кровь есть первейшее из преступлений. Быть честным человеком, служить безкорыстно, облегчать нещастия, пожертвовать всем для пользы общей, соделать щастливыми тех, кто под властью твоей, и понемногу приучать народ необразованной и пылкой к мысли свободы, но свободы благоразумной, а не безграничной — вот истинной гражданин, вот сын отечества, достойный носить имя славное, имя Русскаго. Но

тот, кто, увлекаясь пылкостью воображения, желает дать свободу людям, не понимающим силы слова сего, а воображающим, что она состоит в неограниченном удовлетворении страстей и корыстолюбия; тот, наконец, которой для собственного величия и, ослепляя себя мнимым желанием добра, решается предать родину междоусобиям, грабежу, неистовству и всем ужасам бунта и под именем блага будущих поколений хочет высидеться на развалинах собственного края, тот не должен носить священного имени, и одно только сострадание к его заблуждениям — вот все, что может он желать и получить от общества граждан.

Свобода народа есть желание сильнейшее души моей, но вот, в чем оно заключается. Сначала запрети однажды навсегда явную и тайную продажу людей, позволяй мужикам откупаться на волю за условленную цену. Тогда тот, кто понимает силу слова сего, сам откупится. Я не прошу дать вдруг свободу всей России, они не могут понимать, что она состоит только в свободном пропуске из одного края в другой и что кроме собственной своей души и семейства и принадлежащих им домашних вещей они ничего не имеют и что все земли должны остаться за владельцами. Еще дай честное и безкорыстное управление внутренней части государства, ограничь лихоимство, позволь последнему нищему жаловаться на богатого вельможу, суди их публично и отдавай справедливость по установленным однажды и навсегда законам. Чтоб указ один не противоречил другому, чтоб, подписанный однажды, он навсегда сохранил свою силу и точность. Вот, в чем состоит счастье России, и вот, что всякая душа желать должна, а не той неограниченной и пустой детской конституции (имя которой, не говоря об самом уложении, едва ли 3 часть людей понимает), которую хотели нам дать 14 числа¹⁰⁵.

Les mauvaises nouvelles sont de l'armée. La première est affreuse, l'autre terrible. Le pauvre Général Dournoff a été tué en montant à l'attaque. Ses pauvres bons parens, avec lesquels nous nous sommes tant vus et qui ont eu tant de bonté pour moi! Je ne sais vraiment, comment la pauvre Mère pourra supporter cette nouvelle terrible. Dieu veuille la soutenir! L'autre nouvelle est encore plus terrible, car elle abîme plus de monde. Elle est pire, que la mort même: le régiment des chasseurs a fuit devant un détachement des Turcs! Leur général, deux colonels et dix officiers ont été tués et tout le régiment aurait péri, si ce ne fut pas le secours, donné par un régiment d'armée, qui, par sa valeur, a fait replier les Turcs. Quelle honte, grand Dieu, un régiment de la garde, fuir l'ennemi! C'est affreux, et lorsqu'on pense, que le nom de fuyards leur restera pour la vie, c'est terrible. Varna n'est pas encore prise. Nous perdons du monde, la campagne a été très mal conçue grâce au cher Dibich — que le diable emporte ces allemands. Au commencement de l'assaut de Varna Menchikoff — le fameux — qui avait été chargé de la conduire après la prise d'Anapa avait reçu une blessure qui grâce à Dieu n'est pas mortelle. Toute sa conduite pendant sa campagne a été celle d'un homme de Génie. Toute l'armée perd en lui un membre bien utile. Mais heureusement nous pouvons espérer le conserver. Il a été remplacé dans son commandement par le comte Varontzoff. Pour Paskevich — il fait des miracles dans la Turquie d'Asie. Il a pris Kars, en entrant dans la ville avec l'ennemi, qui, ayant fait une sortie, fuyait vers la ville devant nos bataillons victorieux. Il vient de prendre Ahaltshik par assaut et pour faire avancer plus gaiement les soldats, il a fait chanter les «pécelniks» des régimens: il a pris encore plusieurs places. Pour la grande armée ses affaires s'embrouillent. Dieu sait par quoi cela finira.

Nous attendons avec impatience la nouvelle de la prise de Varna, la saison est trop avancée pour continuer la guerre

cette année et après cette prise on s'arrêtera aux quartiers d'hiver.

(Плохие новости пришли из армии. И первая страшна, но вторая просто ужасна. Бедный генерал Дурнов был убит ¹⁰⁶, когда поднимал свои войска в атаку. Несчастные его добрые родители! Мы с ними встречались, они были так добры ко мне. Я, право, не знаю, как бедная его Маменька сможет перенести этот ужасный удар. Дай Бог ей сил вынести это! Другая новость еще страшнее, ибо это весть о гибели не одного, а множества людей. Она хуже, чем сама смерть. <Л.-гв.> Егерский полк бежал под натиском турок ¹⁰⁷. Их генерал, два полковника и 10 офицеров убиты, и весь полк был бы истреблен, если б не армейская пехота, которая своей доблестью заставила турок отступить. О боже! какой стыд! Гвардейский полк, бегущий от врага!

Это страшно, но мысль о том, что клеймо трусливых беглецов останется за ними на всю жизнь, — просто невыносима. Варну еще не взяли. Мы несем потери, кампания была плохо продумана по милости дражайшего Дибича ¹⁰⁸, черт побери этих немцев. Меншиков (знаменитый) ¹⁰⁹, которому после взятия Анапы было поручено руководить осадой Варны, при самом ее начале получил рану, которая, слава Богу, не смертельна. Все его действия во время кампании были действиями гениального человека ¹¹⁰. Армия рискует потерять в его лице очень дельного военачальника. К счастью, можно надеяться, что он вернется в строй. Его заместил граф Воронцов ¹¹¹.

Что до Паскевича ¹¹² — то он творит чудеса в азиатской Турции. Он занял Карс, войдя в город на плечах неприятеля, который, совершив вылазку, бежал к городу, преследуемый нашими победоносными батальонами. Он только что взял штурмом Ахалцых. Чтобы подбодрить своих солдат, он приказал песельникам всех полков петь; он занял еще много других мест.

Что касается основных сил, то их дела ухудшаются. Бог знает, чем это закончится. Мы с нетерпением ждем взятия Варны, так как с наступлением зимы условия становятся неблагоприятными для ведения войны, и после ее взятия армия расселится по зимним квартирам.)

〈Изображение руки〉

Первые Впечатленья

Я помню чудное мгновенье:
Передо мной явилась ты,
Как мимолетное виденье,
Как гений чистой красоты¹¹³.

Он часто был у нас, гостил, и все мы и весь дом полюбили пылкаго добраго юношу. Он ходил с нами в лес, учил меня стрелять из лука; и наконец понемногу рассказал всю свою жизнь и вверился мне вполне. Тогда спросила я его рассказать мне первое впечатление, которое сделала я на него, и вот ответ его. «Вы взошли в комнату и удивили меня вашим станом. В нем не видел я того несноснаго жеманства, той ужасной затянутой тонины, которая так не нравилась мне в других. Мне же сказали, когда я спросил про вас, что вы Оленина и **Фрейлина!**¹¹⁴ Я этому не хотел верить, потому что там еще сказали мне, что все Фрейлины стары и дурны. Наконец вы пошли гулять. Скучая быть с людьми, с которыми я не любил сообщество, и помышляя о любезном крае, я пошел по одной существующей дорожке. Прошед мимо вас, я скоро услышал, что зовет меня Софья и вместе милый голосочек ваш произнес: «Ах, пожалуйста, подите сюда». Я удивился и подошел: вы стали со мной говорить и так пылко, искренно, так чувствительно, так умно, что я подумал: «Так молода, а как разумна: какая доверенность! какая искренность, она не знает меня и вверяет

тайну¹¹⁵, боится, чтоб для нее незнакомой совсем человек не подвергся опасности и напоминает ему священное имя Отца, чтоб дать силу своим просьбам и советам, не зная меня, остерегает против дурных людей». Все это удивило и восхитило меня, я узнал, что в вас есть душа чувствительная и что лице не обмануло меня. Я не могу описать, что чувствовал, смотря на вас, вы так меня удивили и восхитили».

А мое какое было первое впечатление. Когда он подошел к нам в саду и стал говорить с таким чувством, с такою душою, я сей час поняла, что он пылкой и добрейший из людей. Глаза его блистали, все изъясняемые им чувства и мнения показывали ум чистый, рассудительной, душу непорочную и благородную. Казалось, что с первой минуты нашего разговора мы поняли друг друга. Лице его, перед тем грустное, сделалось живым, глаза, до того незначущие, заблестали умом и чувствительностью. Когда встречались наши глаза, то казалось, что мы оба удивлялись друг другу. Мы забыли про Софью и только занялись тем разговором, который так интересовал нас обоих. Мы стали играть в кольца, два молодые пажа предложили мне свои услуги: один держал шаль мою, другой подымал роняемые мною кольца. Козак стоял и смотрел. А я, я была *(в)* восхищении от нашего разговора и чуть не прыгала на месте. Мы стали собираться ехать. Я гордо поблагодарила услужливых пажей. Подошла к нему и сказала, что надеюсь, что он будет к нам. Светской Молодой Человек верно бы повернул в свою пользу настоятельность, с которою я звала его к нам; особливо естлиб имел его стан, ловкость и приятную физиономию. Но милой этот сын природы умел лучше понимать меня и не увидел в моем поведении ничего предосудительного: он видел в нем чувство простое, не любопытства и не глупа-

го кокетства, а просто желание сердца успокоиться. Мы поехали: всю дорогу думала я об молодом моем герое, все дрожала от нетерпения, чтоб он не нашел странным нашего приглашения, чтоб побоялся ввериться негодяям незнакомым. Прошло два дня. Приехал батюшка и сказал, что у него был Козак и что он очень интересен, что приедет с Алексеем. Как часто в этот день поглядывала я на дорогу и как забилося сердце мое, когда увидела я колязку Алексея и в ней высокаго мужчину в козатской шапке. Кто бы прочитал эти строки, подумал, что любовь действовала во мне тогда. Тот ошибется, и я пожалею от души об том, которой не может различить между благородным чувством желать знать об участи несчастных и <чувством> той пустой любви, которую называют Англичане to be in Love*.

Пребывание его в деревне.

Мы подружились! Наступили мои рожденья. Приехало много гостей. Накануне ездили мы за грибами. Маминька в одной колязочке, William и Helene¹¹⁶ на одной стороне линейки, милая добрая Mary¹¹⁷ на другой, также и я, а он посреди нас. Я была этот день нездорова, мои обыкновенные нервы разигрались, мне дергало всю половину лица. Чета на другой стороне занималась для них приятным разговором. Наш трио молчал, Mary жалела обо мне, он смотрел на меня с сожалением и участием, а я закрывала рукою половину лица, чтоб не так приметно было, что его дергает. Наконец приехали мы в лес и вышли. Я стала просить его, чтоб он сделал мне из корки дерева чашечку, чтоб пить воду: мне было так дурно, что с помощью Mary добралась я до реки, и он ско-

---

* Быть влюбленным — англ.

ро принес мне чашечку и оставил нас, потому что однажды, когда со мной сделался в лесу спазмодической кашель, его не пустили и поэтому думал он, что ему и этот раз быть невозможно; я тому рада была и отдохнула на траве. Выпила воды, и мне стало легче. Мы разговорились потом об свете, об молодежи нашей, которую я бранила; я рассказывала ему, смеючись, как «делают куры» и как весело обходиться холодно и приказывать народу, которой ловит малейшее ваше желание. «Мне кажется, что свет вас немного избаловал и что вы любите всю эту пустую услужливость ваших молодых людей; она испортит вас. — Не бойтесь, я уже привыкла к этому, и не свернуть так скоро мне голову, завтра посмотрите, как обрашась я с ними».

Рожденья

И вот багряную рукою
Заря от утренних долин
Выводит с солнцем за собою
Веселый праздник имянин.¹¹⁸

Настал желанный день. Мне минуло, увы, 21 год. Еще когда я одевалась, я получила несколько подарков, а именно герой прислал мне китайское зеленое вышитое шелком одеяло. Я сошла вниз. Все поздравляя меня, я благодарила. Смеялась, шутила и была очень весела. Поехали к обедне, и возвратясь, сей час пошли одеваться. Накануне еще он говорил мне, что ему неприятна мысль быть в таком большом обществе, и просил, чтоб я его не примечала во весь тот день и не вызывала на **поприще**. Хотел даже уехать, но я ему объявила что разсержусь. Возвращаясь из церкви, лишь только что показались мы на мосту, как увидела я его

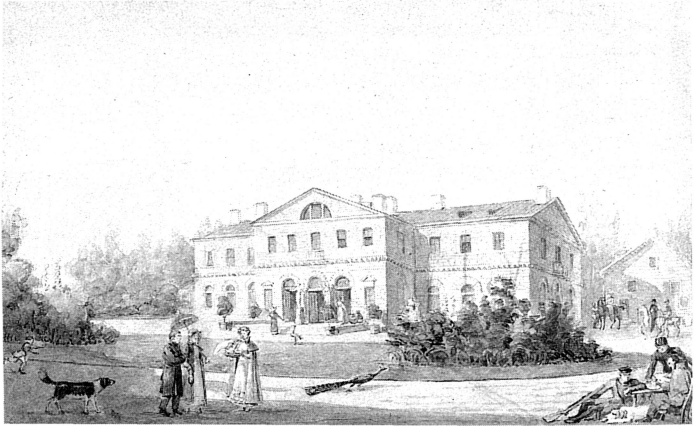
бегущаго к нам, он дожидался нас, сидя на маленькой крепости, и поспешил вынуть меня из коляски. «Я совсем соскучился без вас, как долго вы там были. — Право? А я думала, что вам не может быть скушно в таком милом обществе», — сказала я, смеясь хитро и посмотрев на Магу, которая тут была и про красоту коей он мне часто говорил. Ответ его был взгляд, которой, казалось, обвинил меня. Сошедши вниз и одевшись со вкусом, я нашла его одного. Он, смеючись, посмотрел на мое одеяние и сказал, что я очень **разфрантилась** (его термин), я спросила, где тетушки мои¹¹⁹. «Они в саду. — И так я пойду искать их. — Я могу следовать за вами». Я замешкала ответом. «Но вспомните, что я весь день не буду говорить с вами». Я согласилась, и мы пошли. «Я буду наблюдать за вами, — сказал он. — Да, я вам это позволяю, и я то же буду делать и заставлять вас входить во все игры и веселья. — Анна Алексеевна! — был умоляющий ответ. — Да хоть как ни просите, но оно так будет, и я вас прошу не форсить, я этаго не люблю». Он обещался быть послушным и милым. В конце сада нашла я тетушек: мы возвратились домой и понемногу стали приежжать гости. Мы сели за стол. Пушкин, Сергей Галицын, Глинка, Зубовы¹²⁰ и прочие приехали. Меня за обедом все поздравляли, я краснела, благодарила и была в замешательстве. Наконец стали играть в Барры. Хорунжий¹²¹ в первой раз играл в них. Его отрядили наши неприятели, в партии коих он находился, чтоб он освободил пленных, — сделанных нами. Он зашел за клумбу и, непримечен никем, подошел к пленному дураку Наумову¹²² (влюбленному в Зубову) и освободил его. Увидя это, я то же решила сделать. Прошла через дом, подошла на цыпочках и тронула Урусова¹²³, все закричали «виктоіге» («победа»). Наконец мы переменяли игру. Потом стали петь. Часто

поглядывал он на меня, и тогда я подошла к нему и сказала : «Ну, что — каково?» Он отвечал: «Чюдесно». Наконец все разъехались дамы, остались одни мужчины: мы сели ужинать за особой стол¹²⁴, и тут пошла возня: всякой пел свою песню или представлял какого-нибудь животного, потом заняла нас игра жидовской школы и наконец всякой занялся своим соседом. Гали(цын) Рябчик¹²⁵ сидел возле меня и сказал мне: «Я в восхищении от Козака». Да, сегодня он **всем** вскружил голову. «Но какая прелестная искренность (я стала пристальнее слушать), видно в нем сына природы! Вообразите, как подарил он меня, он мне сказал: «Не знаю, почему, но я к вам имею доверенность». Он проговорился, подумала я, и покраснела от страха и досады. Сердце все время не было у меня спокойно, пока были тут гости: они уехали поздно, он пошел провожать их, а мне, как ни хотелось спать, но я дождалась его прихода и, подошед к нему, сказала: «Боже мой, не проговорились ли вы, вот что сказал мне Рябчик. — Уверю вас, что я ничего не говорил ему. — И так я спокойна, пожалуйста, берегитесь, я никому из них не доверяю и все боюсь за вас». Он быстро посмотрел на меня и отошел в сторону, сел и закрыл лицо руками. Я подошла к нему. «Вы сердиты?» — спросила я. Он поднял голову, слезы блистали в его глазах, он с усилием вымолвил: «**Нет**. — Ежели обидела вас, то прошу извинения, но это от одного участия. — Ах Боже, вы не понимаете меня». И через несколько минут мы простились. На другой день, когда несносной фразер Львов пошел со мной с Магу гулять, Хорунжий подошел ко мне. Львов подошел к Маминьке, чтобы сказать ей какой-то сантиментальной вздор об сажаемых ею цветах¹²⁶. «Не стыдно ли вам было сердиться на меня вчера. — Ах, А(нна) А(лексеевна), вы тогда меня не поняли, я сердился на вас?

О. А. Кипренский. Портрет Анны Алексеевны Олениной. 1828. ГРМ.
lib.pushkinskiydom.ru

И. А. Иванов. Вид Приютина. 1825. Акварель. ГМП.
lib.pushkinskiydom.ru

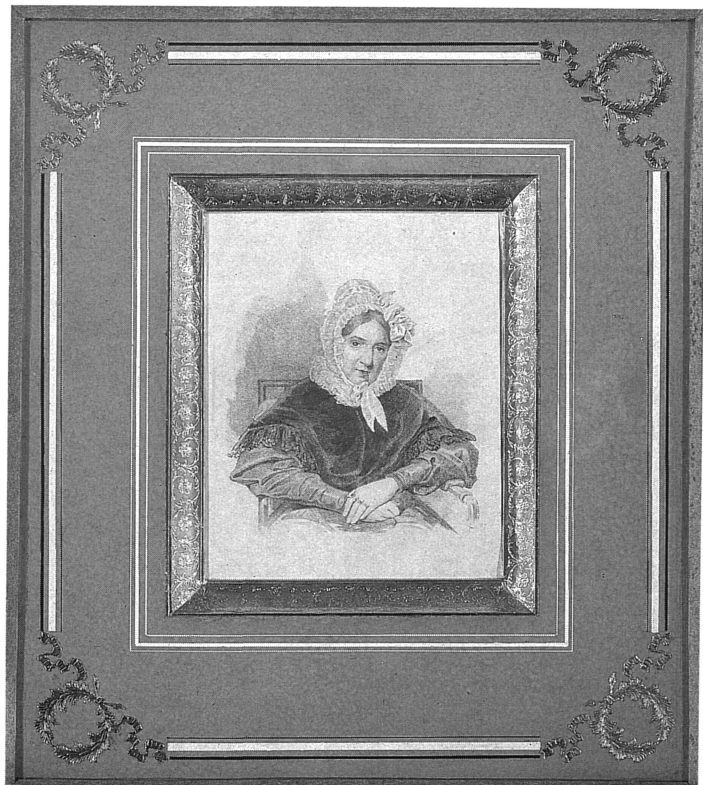

Д. Г. Левицкий. Портрет Агафоклеи Александровны Полторацкой.
Ок. 1780. Холст, масло. ГТГ.

Неизвестный художник. Портрет Алексея Николаевича Оленина.
1817—1824. Акварель, гуашь, кость. Музей-усадьба «Приютино».

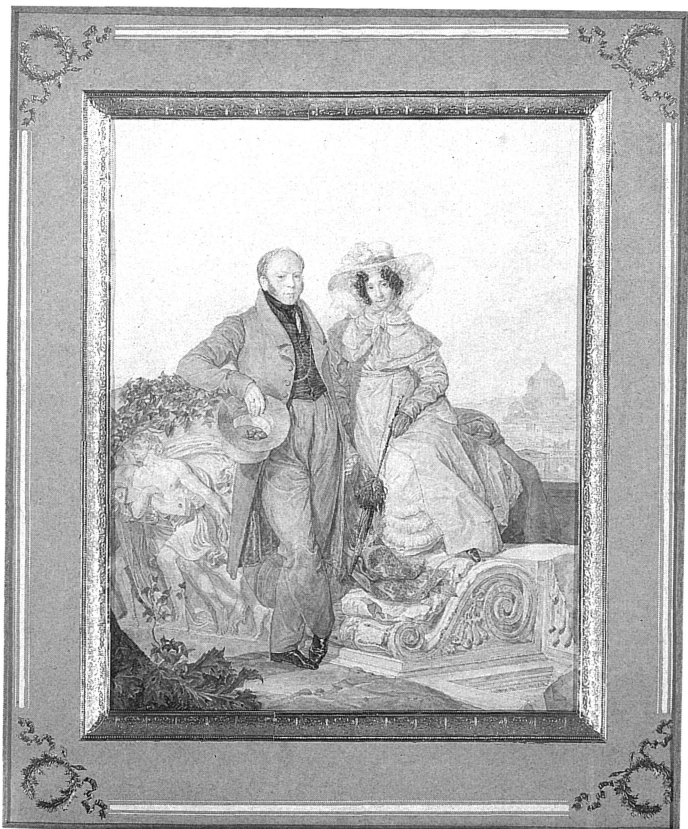
lib.pushkinskiydom.ru

**А. А. Васильевский. Портрет Елизаветы Марковны Олениной.
Литография с рисунка. 1830-е. ИРЛИ.**

К. П. Брюллов. Портрет Петра Алексеевича Оленина. 1821—1822.
Акварель. Музей-усадьба «Приютино».

К. П. Брюллов. Портрет Варвары Алексеевны и Григория Никаноровича Олениных. 1827. Акварель. ГТГ.

**А. П. Брюллов. Портрет Алексея Алексеевича Оленина. 1830-е.
Акварель. Музей-усадьба «Приютино».**

А. П. Брюллов. Портрет Александры Андреевны Олениной. 1830-е.
Акварель. Музей-усадьба «Приютино».

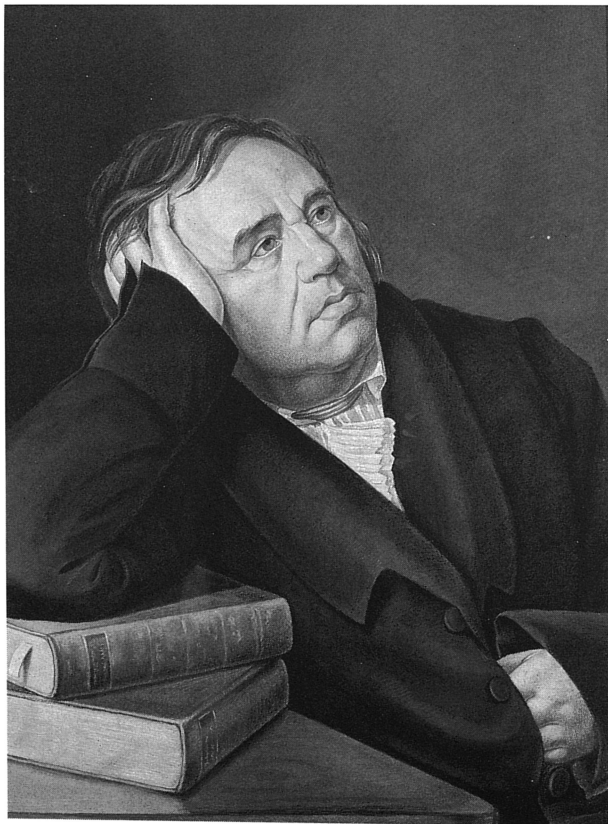
П. Ф. Соколов. Портрет Анны Алексеевны Олениной. 1825. Акварель.

Местонахождение неизвестно.

Снимок из фототеки вел. кн. Николая Михайловича.

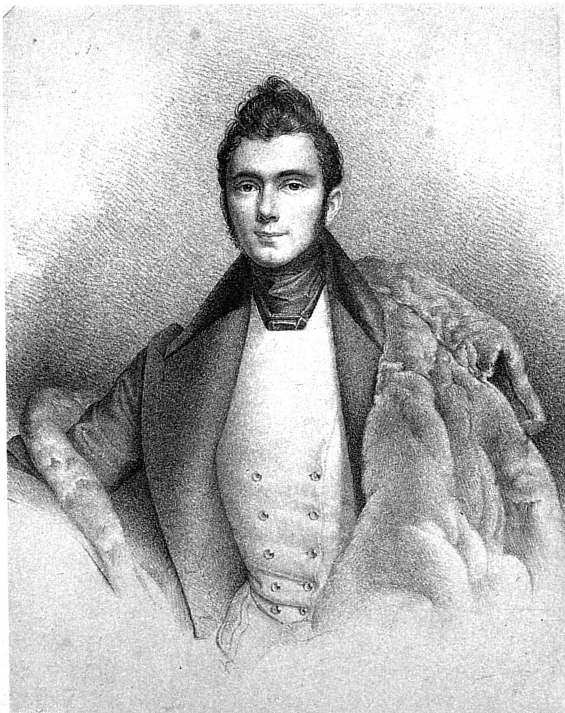
Ф. Йенцен с ориг. Ф. Крюгера. Портрет Алексея Яковлевича Лобанова-Ростовского. Конец 1828 — начало 1829. Литография. ГЭ.

П. А. Оленин. Портрет Ивана Андреевича Крылова.
1824. Пастель. ГРМ.

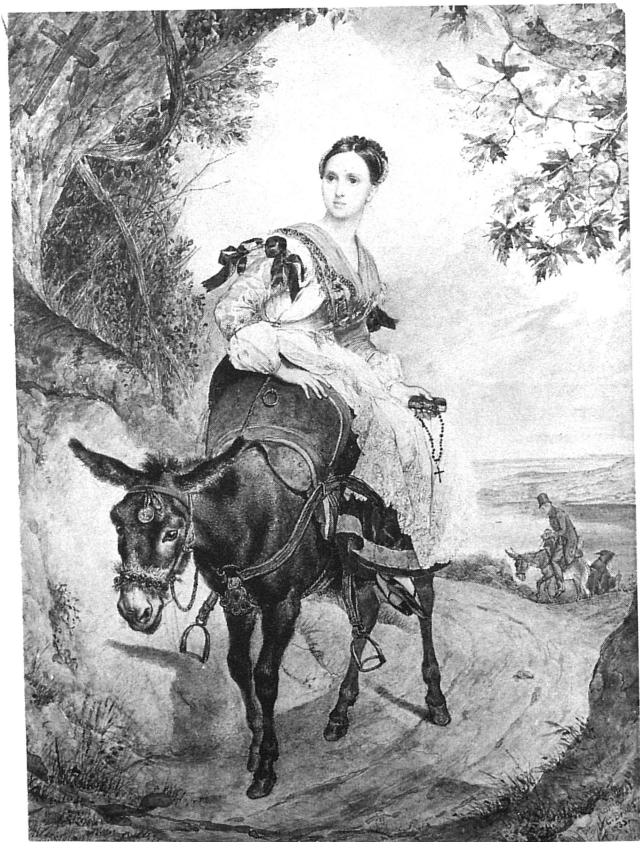
Неизвестный художник. Портрет Николая Дмитриевича Киселева.
Акварель. ВМП.

Неизвестный художник. Портрет Евгения Петровича Штерича. Начало 1830-х (не позднее 1833). Литография. Музей-усадьба «Приютино».

К. П. Брюллов. Портрет гр. Матвея Юрьевича Виельгорского.
1820-е. Снимок из фототеки вел. кн. Николая Михайловича.

**К. П. Брюллов. Портрет Ольги Павловны Ферзен.
Холст, масло. 1835. ГРМ.**

Боже мой, я слишком чувствовал, не мог найти слов изъяснить мысли мои, ваши слова дошли до глубины сердца!...» Но вдруг, остановившись, вскричал: «Дурак, сказал это всем, никогда не хотел признаться». Я покраснела, не продолжая разговора, пошла домой.

Ссора

Давно ль они часы досуга
Трапезу, мысли и дела
Делили дружно? Ныне злобно,
Врагам наследственным подобно,
.....
.....
.....
Не засмеяться ль им, пока...¹²⁷

Долго жили мы в ладу; но и самая вернейшие друзья иногда ссорятся. Между нами не кошка проскочила, а целые две лошади. Я должна признаться, что люблю спорить. **А почему?** Вопрос сделала совесть, а ей нельзя не отвечать. И так, Душа, будь снисходительна и прости **вольное** мое прегрешение. Журнал — исповедь, и так, Отче Совесть, слушай. Я люблю спорить, потому что знаю, что спорю умно-разумно, что доказательства мои не суть доказательства пустые и даже не от уверенности собственной, но чтение книг и потом рассуждение об них с чтением, а не слегка, что часто сама отвергаю мысли сочинителей, спрашиваю мнение у Отца, сообщаю ему свои суждения и получаю одобрение так часто, что оно заставляет меня думать, что я сужу здраво и разумно. Вот почему я люблю спорить серьезно. Шутя же я принимаюсь за другое дело, за софизмы. Доказываю, что белое — черное, и часто так оно удается, что я почти уверю, а через час после того ста-

ну доказывать то же совсем в противоположном смысле. Весело так спорить, когда видишь, что твой соперник горячится и что сама чувствуешь, что говоришь против себя же. Весело заставить его согласиться, чтоб потом довести его, чтоб он опять переменял свое мнение. Еще у меня достоинство: я умею невинно бесить и от этаго-то произошла наша ссора.

Все жить в ладу скучно: мир есть образ постоянства, а я это только прошаю в дружбе и **иногда** в любви. И так единообразность обыкновенно доводит нас к скуке, скука к зевоте, зевота к разстроенным нервам, нервы к слабости, слабость ко сну, сон к смерти, смерть к Вечности. А до последней я не хочу так скоро добратся, а потому стараюсь усыпать путь мой не маковыми цветами, которые клонят ко сну, но розами и даже с шипами, потому что последние, кольнув, разбудят иногда тебя посреди Рая воображения, но зато и не доведут к единообразию, к чему примыкает даже и путь счастья. Вот почему я поссорилась с Хорунжиим, а именно за степных двух лошадей его (которых, между нами, никогда не видала, да и не знаю, на что они похожи).

Сидели мы у круглаго стола¹²⁸. Мы, т(о) е(сть) Mary, цветок после мороза, Львов, Хорунжий и Аз. Все было спокойно. Mary шила и, подымая голову, *darted a meaning glance at me and Quentin Durward**. Ленивой, но сантиментальной Львов гробовым голосом, и переплетя ногами, собирался читать стихи Батюшкова, я, перья ошипывая, завременно зевала, а Хорунжий собирался плести корзинку. «Которой-то час», — спросила я небрежно и тем разстроила позицию Львова, который, сидя против меня, собирался было обрисовать

---

* бросала многозначительные взгляды на меня и Квентина Дорварда¹²⁹ — англ.

глазами всю пылкость и нежность поэзии недостойной своей кухне: но, услышав вопрос мой, как верной рыцарь, побежал смотреть на солнечные часы¹³⁰.

Ответ его был, что скоро час. «Боже! — воскликнула я, — Mary, come and I will teach you to send an arrow, it will serve you in good time»*. Я вскочила и, как стрела сама, полетела к цели, которая стояла на лугу. Все встрепнулись. «Дайте мне лук и стрелы,» — было мое повеление, и оба юноши принесли мне их¹³¹. Я поблагодарила их и стала стрелять не в мету, а в высоту. Стрелы падали в кусты (еще порядочный стих), Львов, мешая, подбирали. «Не пускайте стрел в кусты, — сказал Хорунжий. — А почему? — был мой вопрос. — Потому что неловко поднимать. — Какой вздор, я хочу. — Но я не пойду за ними. — А пойдете. — Нет — Да — Нет — Да...» И стрела полетела в кусты. «Пожалуйста, принесите мне ея. — Я сказал, что нет. — Вы не принесете?» Он покачал головою. «И так я с вами не буду говорить». Позвонили к столу. Мы сели кушать. Он заговорил со мной, я улыбнулась, но молчала. Он заглядывал, заигрывал, заговаривал, а я... молчала. Прошел тот день, я все молчу. Другой настал. Заря прекрасная встала, день был хорош; я сошла вниз. «Ах, здравствуйте, А(нна) А(лексеевна), — было мне приветствие. — Но что же, все еще сердиты?» Я все молчала. Пришел полдень. Глаза его меня умоляли простить его, но не хотел он сказать «Простите?». А я, я улыбалась и молчала. Mary взялась мирить нас и написала на бумаге: «**Помиритесь, попросите прощения**». «Благодарю», — был короткий ответ.

---

* идемте, я научу вас стрелять из лука, это вам когда-нибудь пригодится — англ.

⟨Воскресенье⟩ 14 Октября ⟨1828⟩

Сей час из церкви: рожденья Марьи Феод(оровны)¹³², был молебен и тут же услышали мы о приезде государя¹³³. Проживши в Приютине до ужасного вихря и снега, я в прошедшее воскресенье приехала с Папинькой в град Петров. Накануне еще протрадала я нервической болью в щеке и целых пять дней сидела дома, была больная и принимала гостей — милую Barette¹³⁴ и чудесную Алину¹³⁵. Я теперь здорова, но все еще болит щека. Три дня тому назад получили известие, что Варна взята или по усильному сопротивлению сдалась, но не прежде, как несколько рот нашей гвардии, вошел в пролом, прогулялись по городу и возвратились только по усильному повелению Государя. Кто же привез веселую эту новость? Человек, которой с штыком в руках взошел в Варну и за то получил чин Генерала и крест Георгия. Но кто же это? **ОН**¹³⁶, и **вновь знакомые мечты в душе уснувшей пробудила**¹³⁷.

*17 Octobre.
Jour mémorable.*

J'ai revu... ce matin au magasin anglais. Je l'ai revu après la guerre Général et portant la marque d'une bravoure bien méritée — l'ordre de St. Georges. Nous avons parlé ensemble, j'ai eu le courage de paroître gaie et non embarrassée. Lui, il a été aimable, bien aimable. J'ai été triste tout le jour. J'ai rêvé à mes souvenirs du passé, qui ne peut revenir, at my blighted hopes, à la vie présente et future sans charmes, sans désirs, mais, hé!às, toute remplie de souvenirs. Je puis être malh(eureuse) non, pourquoi le penser. Je puis être indifférente à tout, hors à l'amitié. Je ne forme plus de désirs, tous ils ont été flétris et arrachés comme les fleurs d'un beau printemps; de même que mon printemps elles ont disparu pour

ne renaître jamais. J'aimais l'un, j'estimais l'autre: le premier est plus haut que moi, l'autre au-dessous. Heureusement la vie a un terme, de même que la souffrance! Mais du moins la première a une consolation, que n'ont pas les secondes: on a l'espérance d'un meilleur monde et les souffrances n'ont pas d'avenir!

(«Среда») 17 октября.(1828)

Памятный день.

Я снова увидела... сегодня утром в английском магазине ¹³⁸! Я увидела его вновь после войны уже генералом с заслуженным знаком отличия за храбрость — орденом Св. Георгия ¹³⁹. Мы побеседовали, у меня достало смелости не смущаться и казаться веселой. Он был любезен, очень любезен. Весь день я была грустна. Меня одолевали воспоминания о прошлом, которого нельзя вернуть, мысли об утраченных надеждах мысли о настоящем, но, увы, тоже наполненным воспоминаниями, и мысли о будущем без иллюзий, без желаний. Я могу быть несч..., но нет, к чему думать об этом? я могу быть равнодушной ко всему, кроме дружбы. Я не задумываю больше желаний, все они, как прекрасные весенние цветы, сорваны и увяли, так же, как и моя весна, они исчезли, чтобы никогда не возродиться. Я любила одного, уважала другого, первый стоит выше меня, другой ниже ¹⁴⁰. К счастью, жизнь, как и страдания, имеет предел! Первая по меньшей мере имеет утешение, которого не имеют вторые: мы надеемся на лучший мир, страдания же не имеют будущего!)

5 Decembre.

Un temps énorme que je n'ai pas écrit dans mon journal. Que de grands et terribles événemens dans le monde, que de choses sérieuses dans ma vie privée. Après avoir écrit cette

triste tirade, je suis tombée malade d'un rhumatisme à la tête et j'ai passé trois semaines au lit; pendant ce temps toute la Russie mit le deuil, et un deuil de coeur pour la perte de l'Ange-gardien de tous les Malheureux — l'Impératrice Marie. La prise de Varna lui a causé une telle joie, qu'elle en est tombée malade. Au commencement la maladie n'était pas dangereuse, mais après elle a augmenté. L'Empereur arrive de l'armée la veille de sa fête le 14 Novembre; huit jours après elle n'existait déjà plus.

Et la Russie pleure en elle une Impératrice, une Mère, un Ange Consollateur!

Cette nouvelle affreuse me donna une espèce de rechute. Je me remis, pourtant, peu à peu et j'eus la bêtise d'aller faire mon service auprès du corps. Je payai cette imprudence par le retour de mon rhumatisme. Ah! quelle souffrance, Grand Dieu, le seul souvenir me fait dresser les cheveux. Je passais des nuits entières sans pouvoir me coucher ni d'un côté ni de l'autre. J'eus 2 dents d'arrachées et enfin pour me donner un peu de sommeil, on dut me donner de l'opium. Je guéris enfin, grâce aux soins de Wolsky.

Mais venons au sujet le plus important. C'est que je suis entrée bon chemin d'être promise et ne sais plus ce que je dois faire. Pendant que je souffrais, Barbe Polt(oratzky)-Kiceleff eut le temps d'arriver. Le frère était venu un jour avant, je ne le vis point, je souffrais trop, mais je rougis en l'apprenant. Encore huit jours se passèrent. J'allais mieux, mais j'étais trop faible encore pour paroître au salon. Le 22 Nov.(embre): fête de mon Père et jour du quel je puis compter ma convalescence.

((Среда) 5 декабря (1828)

Как давно я не писала в своем Журнале. Сколько великих и ужасных событий произошло в мире, сколько серьезных испытаний выпало на мою долю.

Вскоре после того, как я написала эту грустную тираду, у меня начались ревматические головные боли, и я слегла на 3 недели. Тем временем вся Россия надела траур, то был траур сердца по Ангелу-хранителю всех Несчастных — Императрице Марии ¹⁴¹. Взятие Варны вызвало в ней такую радость, что она заболела. Поначалу болезнь не казалась опасной, но впоследствии она вызвала осложнение. Государь приехал из армии 14 ноября ¹⁴², накануне дня рождения Государыни, а десять дней спустя матери его не стало. Вся Россия оплакивает в ее лице Императрицу, Мать, Ангела-утешителя.

Эта страшная новость меня снова подкосила. Однако я поправлялась понемногу, но имела неосторожность отстоять дежурство у тела покойной ¹⁴³ — за эту неосмотрительность я заплатила новым приступом ревматизма. Господи Боже, какие мучения! От одних лишь воспоминаний о них у меня волосы на голове встают дыбом. Ночи напролет я не могла лечь ни на один, ни на другой бок. Мне удалили 2 зуба и, наконец, чтобы я смогла хоть ненадолго заснуть, мне вынуждены были дать опиум. В конце концов, благодаря заботам доктора Вольского ¹⁴⁴, я выздоровела.

Но перейдем к самому важному: дело в том, что меня просватали, и теперь я не знаю, как мне быть ¹⁴⁵.

Пока я мучилась, приехала Варвара Полторацкая-Киселева. Днем ранее приехал ее брат. Я с ним не виделась, потому что очень страдала, но, узнав о его приезде, покраснела.

Прошла еще неделя. Я чувствовала себя лучше, но была еще слишком слаба, чтобы выходить в гостиную.

22 ноября — день рождения папеньки и день, с которого я могу отсчитывать начало моего выздоровления.)

Настали рождения Батюшки, и я решилась выйти в гостиную. «Он будет», ¹⁴⁶ — думала я, и (употребила) кокетство, которое заставляет женщину приодеться, чтоб

не потерять в глазах человека не совсем ей неприятного: и так чепчик был надет к лицу, голубая шаль драпирована со вкусом, темной капот с пуговками, и хотя уверяю, что сидела без всякого жеманства на диване, но чувствовала, что я была очень недурна. Приехали гости, друзья, родные, приехали милые Репнины¹⁴⁷, все окружили мой диван, все искренно меня поздравляли, все говорили, как рады видеть меня. Как приятны эти доказательства дружбы и *Interrêt (внимания)*, они меня очень тронули. Добрый Basil сидел у ног моих и напевал мне нежной вздор. Вдруг дверь отворила(сь), и вошел Киселев. Как он покраснел, и я так же. Он подошел, поздравил меня с замешательством с выздоровлением и с рождением Папинь(ки), я отвечала, также немного смутившись.....

20 Mars

Combien de mois, combien de changemens, que de joies et de peines ont passé depuis que je n'ai revu ces feuilles! J'ai fait un voyage à Moscou, j'y ai revu ma soeur et me voilà revenue dans mes foyers. Mais Dieu! quel changement s'est opéré en moi! Je ne ris plus, je ne plaisante plus et je m'étonne moi-même, comment l'année passée je pouvais animer toute une société à Moscou, comment même j'ai pu soutenir une conversation enjouée ou sérieuse. Mon caractère a changé effroyablement. J'en suis moi-même étonnée. Un seul but, une seule idée absorbe toutes les autres. C'est un chagrin accablant non pour moi, mais pour ma chère Aline et Olga, dont la conduite a été affreuse. Pour la première — poursuivie par le sort, elle a fait un coup de tête qui a détruit toutes les illusions, que je m'étais faites sur la perfection de son caractère. Hélas, grand Dieu, à quoi tient la réputation et le sort d'une Femme!

(«Среда» 20 марта (1829))

Сколько месяцев пролетело, сколько радостных и горестных событий произошло за то время, что я не раскрывала этих страниц! Я ездила в Москву, вновь повидала сестру¹⁴⁸ и вот я снова у своего очага. Но боже, какая перемена свершилась во мне! Я больше не смеюсь, не шучу, и мне самой уже непонятно, как могла я в прошлом году оживать целое общество, а в Москве поддерживать то игривый, то серьезный разговор. Мой характер страшно изменился. Я этому сама дивлюсь. Один единственный предмет, одна единственная мысль занимает меня. Но скорблю я не о себе, а о милой моей Алине¹⁴⁹ и об Ольге¹⁵⁰, чье поведение было невообразимо. Что же касается первой, то, влекомая роком, она допустила безрассудный поступок, разрушивший все иллюзии, которые я питала относительно совершенства ее натуры.

Увы! Боже милосердный, от чего зависит добрая репутация и доля женская!)

Оставя Петерб(ург), я уверена была, что Киселев меня любит и все еще думаю, что он, как Онегин «Я верно б, кроме вас одной, Невесты не искал иной». ¹⁵¹ Но к счастью, не тот резон он бы мне дал, а тот, что имение его не позволяет в разстроенном его положении помышлять об супружестве, но все равно я в него не влюблена и, по счастью, ни в кого, и потому люблю просто его общество и перестала прочить его в женихи себе. И так, баста. Приезд мой в Москву и пребывание там было только приятно, потому что я видела сестру, счастливую как нельзя более: Grégoire — ангел¹⁵². Таких людей найти невозможно, я все время почти жила с нею и приезжала домой ночевать, иногда выезжала по балам, но веселья мало находила, познакомилась с Баратынским¹⁵³ и восхитила его и Гурко¹⁵⁴ своею любезностью. Ого ого ого.

Наконец Варинька родила дочь Ольгу, и все прошло благополучно. Мы поутру ничего не знали, они нас обманули, прислав сказать с утра, что едут обедать к Сонцову¹⁵⁵ (немалая скотина), но когда мы туда вечером в 5 часов приехали, то узнали что Вар(енька) родила. Маминька туда поехала, а мне от радости сделалось дурно, потом и я туда приехала и в тот же вечер видела ея — трудно описать мою радость. Поживши с нею еще 5 недель, я простилась! Ах, как грустно! И не оглядываясь, оставили скучной город Москву. Приехавши сюда, услышала я все истории, случившиеся без меня. И вот причина моей грусти. Может быть и собственное мое состояние вмешивается во все это, и что неизвестность и пустота сердечная прибавляют многое к настоящей грусти моей, но повторю опять во всем: да будет воля ТВОЯ.

Апрель, великой четверг (11 апреля 1829)

Две недели была больна, скоро праздник¹⁵⁶, часто видела того, кто ко мне неравнодушен. А я? Я люблю его общество; до сих пор еще не видела проченнаго мне жехна Дурнова¹⁵⁷.

⟨Пятница⟩ 19 Апреля.⟨1829⟩

В среду был бал¹⁵⁸ у графини Лаваль¹⁵⁹, но прежде чем быть у ней, мы заехали к Дурновой¹⁶⁰. Я была в белом бальном платье с тремя розными букетами на **бие**¹⁶¹, на голове тоже, и украшения с бирюзой. Я взошла! как билось и смущалось сердце мое, но лице ничего не выражало из происходившего в душе моей. И признаюсь, ужасно быть впервой раз в доме, где не знаешь того, котораго все желают, чтоб ты узнала поближе. Не знаю, не знаю, что за впечатление я сделала на него;

но знаю только, что он все сидел против меня, разговаривал, и мне все думалось, что он говорит про себя, посмотрим, что за создание (лучше, за зверь), которое Маминька мне так разхваляет. Ах, как тогда я часто дышала, но все казалась так *unconscious of his gaze**, что Маминька подумала, что в самом деле я была спокойна. Говори что хочешь, а ужасно быть с этой мыслию, что будто на показ в каком-либо месте. Мать, представля мне его, рекомендовала ему за хорошую приятельницу, с минуту она держала меня перед ним, я не смела посмотреть на него, мы оба молчали.

У Laval была несчастная Алина¹⁶². Сердце раздирается, говоря про нее. Там был *черт* Касаковской¹⁶³. Вот их история. Алину прочили за всех; за Лапухина¹⁶⁴, он ей сам **отказал**, хотя, по своему обыкновению, успел свернуть ей голову. Долго не могла она опомниться от этого удара, но потом отец ее почти просто навязывал ее Ванишь Варанцов¹⁶⁵ (Дурак), прошлую зиму предлагали ее Панину¹⁶⁶, тоже неудачно. Несколько лет тому назад была она в Италии и там познакомилась с поляком Косаковским: он посватался за нее. Сумасбродная Софья Григорьевна¹⁶⁷ хотела выдать ее за него. Отец не позволил, и дело кончено. Эту зиму после помолвки Александрины Репниной¹⁶⁸ за Кушелева-Безбородко *vert-oeil*¹⁶⁹ (*зеленый глаз*), стали ладить свадьбу ее с другим братом, Gregoire¹⁷⁰. Дело шло как нельзя лучше. В него вмешалась Сантиментальная Корова Багреева¹⁷¹, которой Алина вверилась совершенно (один я знаю порок у Алины — желание выйти замуж), мне не нравилась эта связь с Сантиментальной, потому что я знала, что она влюблена в Кушелева: наконец уехали мы в Москву, и вот это случилось без нас. Кушелева вдруг от-

---

**нечувствительной к его пристальному взгляду* — англ.

правили в внутрь России; он уехал, не открывшись в любви. В то время как Алина получила этот удар, приехал Касаковской. Он велел сказать К(нязю)Петру¹⁷², что отказывается от всех претензий на руку Алины, хотя все ее обожает, и потому просит его не поступать с ним так сухо. Тот сказывает это Алине, которая уже прежде видела его у Зенеиды¹⁷³ и очень смутилась. После разговора с отцом они уговорились, ежели он позовет ее танцевать, то пойти с ним, и вот где начались истории. Он позвал ее танцевать: она вдруг начала благодарить его и говорить, *qu'elle était touchée du sentiment qu'il lui avait conservé (как трогательно, что он сохранил свое чувство)*... Слово за слово, вышла декларация. Все это подслушала Багреева, чертовка. #

Апрель (1829)

Неужели действует во мне воспоминание, неужели я еще могу лю... но нет, один ты, друг мой, один-один Журнал, узнаешь, что за чувство во мне, когда я слышу его голос¹⁷⁴. *C'est une larme de souvenir... peut-être de regret. C'est le passé que je regrette, son souvenir est toujours là (Это слеза воспоминания ...быть может сожаления. Я сожалею о прошлом. Воспоминания о нем всегда во мне).* Знаю все, знаю все недостатки ЕГО, умею скрыть чувства, смеюсь, играю, весела, но, увы, не веселюсь. Опять слезы, опять горе, опять, о! Боже... Любовь, и любовь страстная к прошедшему былому. Один раз только я искренно полюбила, судьба не исполнила моего желания, Провидение Всеведущее может быть спасло меня. Я повинуюсь, не ропщу. Разсудок заменил место любви, но уничтожил воображение, надежду и желания: я пробудилась от счастливейшего сна, чтобы видеть настоящее: завеса отдернута...

Теперь уже не обманусь призраками. Как грустно мне на бале! Теперь мне все равно, я ко всему равнодушна. Сегодня весела, игрива, но не от души: в ней все пусто, все спокойно, но как все холодно. Мне кажется, что с прошедшей зимы я прожила век, целой век, и стара душою я, и думаю, что стара летами. Совестно сказать, что 21 год, а что эти лета в сравнении с целой жизнью.

Вчера глупейший бал и театр у новаго посла Дюка Mortemare¹⁷⁵. Играли поговорки и l'ours et le Pacha («*Медведь и Паша*»), преглупо все. Mme Ste Aldegonde, sa belle soeur (его невестка) и жена человека, которой бежал в Америку, был приз de corps (арестантом) и теперь, как обыкновенно, входит в нашу службу¹⁷⁶, угаживала или, лучше сказать, приседала входящим и плясала для своего удовольствия. Я малое время была, но вот что узнала. Он¹⁷⁷ подошел ко мне и сказал мне почти на ухо, что брат бесподобной Алины Паниной¹⁷⁸ прощен, т(о) е(сть) как Чернышев¹⁷⁹ — солдатом с Выслугой. Мы говорили об Паниных, он стоял, облокотясь на моем стуле. Эту минуту или время было можно назвать счастьем. Биби-ков тоже увивался¹⁸¹, но это все равно. Сегодня именины Государыни¹⁸⁰, я была дежурной, одета чудесно в желтом платье с рисованными гирляндами сирени, все сходят от него с ума: видела Варинькинаго друга и желаемого ею мне жениха Матвея Велиурскаго¹⁸². Как он постарел. Познакомилась с Урусовой¹⁸³ и очень ея полюбила: обедала у Александрин Кушелевой¹⁸⁴ и буду там вечером. Новые свадьбы: Лиза Вяземская за Алек(сандра) Хитрово¹⁸⁵, К(няжна) Хованская за Кокошкина¹⁸⁶, Алек(сандрина) Лаваль за Касаковскаго — мой чорт.

Влюбившись в Кушелева, она никак не хотела, чтоб это сделалось. Она сдружилась с Коса(ковским), дала ему randevu у себя. Тут он увидел Дуру сестру Кушелева, Лабанову¹⁸⁷, которой он стал говорить про свою любовь к

Алине. Та пошла и ей все перезказала. Алина призналась ей же, что его любит. Багреева ⟨нрзб⟩, он хитрил, Алина объявила, что выйдет за него одного, долго в том упорствовала, и что же теперь вышло. Коса⟨ковский⟩, видев, что дело не идет на лад, предложил руку свою Сиверсовой¹⁸⁸, которая ему отказала, говоря, что она знает, что он ищет Алину. Он велел ей сказать что не он, а она за ним бегаёт. Потом посватался за Алек⟨сандрину⟩ Лаваль, и говорят, что сегодня их помолвили.

⟨Пятница⟩ 26 Апреля ⟨1829⟩

В среду 24 была свадьба William'a и ⟨нрзб⟩ Forrester¹⁸⁹, все было очень хорошо, вечером я была у Андерсона¹⁹⁰, и мы немного танцевали. В тот же день я была у Алины, которая уехала с Государыней прежде в Варшаву [на] коронавание, а там на месяц в Берлин¹⁹¹. Сказали мне Репнины, что есть еще надежда для Алины. Дай Боже. Сегодня уехала Варвара Дми⟨триевна⟩, и я накануне, и как мне жаль ее.

8 Мая

Le premier de Mai — une promenade brillante, mais point d'interrêt, car je n'en ai qu'un seul et n'ose l'avouer. Il est à Moscou — sa mère est morte et encore il y est pour consoller les pauvres Panine, qui ont perdu Adèle, leur soeur. Comme je plains la délicieuse Véra. Il est terrible de faire une perte semblable! Le second de Mai — la fête de Maman — nous avons eu une soirée: assez de monde et le fameux Houmbolt, mais de lui après. Le plus intéressant pour le moment est que le pauvre Serge Galitzine, qui vient de partir hier pour la guerre grâce à la coquetterie de Mlle Iarsoff y était ainsi que cette dernière. Il est fou amoureux d'elle et par un mot affreux elle vient de le renvoyer à la guerre. Il désirait entrer au

service: devenant amoureux, il avait changé d'avis. Pour connaître ses sentimens, il lui dit un jour: «Que croira-t-on en ville de ce que je ne vais pas à la guerre?» — «Ce que je crois», — fut la cruelle réponse, «que vous avez peur». Après ce mot il donna sa supplique, entra dans le régiment des artilleurs et après est parti. Dieu sait, comment cela finira. Pour ma propre personne le jeune Titoff me fit beaucoup la cour et le comte Komarovsky n'est pas indifférent: pour sa soeur elle était ridicule dernièrement avec ses attentions. Le plus intéressant pour le moment est de savoir que dimanche passé le comte Mathieu Wielhorsky est venu pour la première fois chez nous. C'est un homme charmant. Je crois bien, que si les désirs de Barbe pouvaient s'accomplir, je serais la première à les trouver bien agréables. Il n'est point beau, mais sa figure est si agréable et puis tout l'Univers dit que c'est un homme rare. Il n'est pas très jeune, il n'en sera que meilleur mari. Si Dieu voulait bien accomplir la première idée raisonnable, que j'ai eu depuis bien longtemps! Mais que sa volonté soit faite!

⟨Среда⟩ 8 Мая ⟨1829⟩

(Первого мая — блестящая прогулка¹⁹², но без всякого интереса, потому что он лишь один, и я не смею в том признаться. Он в Москве, его мать умерла¹⁹³, к тому же ему предстоит утешить там несчастных Паниных, которые потеряли Адель, свою сестру¹⁹⁴. Как я сочувствую прелестной Вере. Как страшно пережить подобную утрату! Второго мая — маменькины именины: у нас был вечер, довольно гостей и знаменитый Гумбольд¹⁹⁵, но о нем позже. Замечательнее всего то, что бедный Сергей Голицын, который только вчера уехал на войну, из-за кокетства Мlle Ярцевой¹⁹⁶, был на вечере также, как и последняя. Он безумно в нее влюблен, а она своими ужасными словами толь-

ко что отправила его на войну. Он желал поступить на службу; влюбившись, передумал. Чтобы убедиться в ее чувствах, он однажды сказал ей: «Что подумают в обществе о том, что я не иду на войну?» «Что думаю я, — был жестокий ответ, — так это то, что вы трусите». После этих слов он подал прошение, поступил в артиллерию и вскоре уехал. Бог знает, чем все это кончится.

Что касается собственной моей персоны, то за мной ухаживал молодой Титов¹⁹⁷, и граф Комаровский¹⁹⁸ ко мне тоже неравнодушен. Что до его сестры¹⁹⁹, так она в последний раз была смешна со своими знаками внимания. Самое интересное сейчас — это то, что в прошлое воскресенье к нам впервые приехал граф Матвей Виельгорский. Это очаровательный человек. И я думаю, что если бы мечты Варвары могли исполниться²⁰⁰, я была бы первой, кого это обрадовало. Его нельзя назвать красивым, но внешность его так приятна, и к тому же весь свет говорит о том, какой это редкостный человек. Он не очень молод, но от этого он будет лишь лучшим мужем. Лишь бы только Господь пожелал выполнить мое благоразумное намерение, возникшее впервые за столь долгий срок! Да будет на то его воля!)

17 Mai.

Depuis huit jours maman est malade. Sa maladie a commencé par une espèce de coup de sang, qui nous a fort inquiètes, mais qui dans le fond n'était rien du tout. Elle est encore très souffrante et comme elle aime à s'inquiéter, elle est persuadée qu'elle a eu un coup. Il est vrai que cela en avait l'air, mais il était si foible que je suis sûre que ce n'est simplement qu'un accident nerveux. Au reste je suis tranquille sur son compte malgré qu'elle a peur à présent de la moindre chose.

Je ne puis dépeindre pourtant quelles réflexions son accident m'a fait faire. A présent elle s'accroche à tout pour parler de sa mort qui comme je l'espère en Dieu est bien éloignée encore. Je ne puis comparer à rien le mieux les sentimens que j'ai éprouvés et que j'éprouve encore qu'à une pierre lancée d'en haut et tombant à mes pieds. Je suis plus résignée que jamais mais toujours mon coeur se glace en pensant que j'ai pu être un moment en danger de me trouver dans l'état le plus affreux, le plus seul dans lequel l'on puisse se trouver. Il me semble souvent que mon sort ne peut plus changer.

(«Пятница») 17 мая. (1829)

Вот уже неделя, как маменька болеет. Ее болезнь началась с чего-то похожего на апоплексический удар, что вызвало у нас сильное беспокойство, но в действительности удара не было. Она еще хворает, а поскольку она так мнительна, то уверена, что у нее был удар. Это и вправду было на него похоже, но он был так слаб, что я уверена, что это было просто нервное расстройство. Одним словом, я спокойна на ее счет, хотя она теперь боится малейшего пустяка.

Однако я не могу не описать тех размышлений, на которые меня навел этот несчастный случай. Она цепляется теперь за все, чтобы поговорить о своей смерти, которая, уповаю на Господа, еще далека²⁰¹. Ни с чем не могу лучше сравнить чувства, которые я испытала и еще испытываю, как с камнем, брошенным откуда-то сверху и падающим к моим ногам, но мое сердце все еще леденеет при мысли, что некоторое время мне грозила опасность оказаться в самом страшном, самом беспросветном одиночестве, в котором только можно оказаться. Теперь, однако, мне кажется, что моя судьба не может более измениться.)

Я обречена, мне кажется, быть одной и проводить жизнь, не занимая собою никого. Без цели, без желаний, без надежд. Кажется даже не пройти жизнь мою: все планы, что я делала, все рушились до сих пор без успеха. Надежды, как легкий пар, исчезли, от любви остались одни воспоминания, от дружбы, одни regrets (*сожаления*). Теперь «За днем проходит день, следов не оставляет»²⁰², бывшее все в голове, будущее покрыто Тьмою. Я **перестаю** желать, я **перестала** делать планы. Беды не минуешь, пусть сердце приучается все забывать, пусть как камень холодной не чувствует радостей земных, чтоб горе не имело также над ним влияния. Кто подумал бы, прочитав эти строки, что та, которая их пишет, почти всегда весела в гостинной; что улыбка на лице, когда горе в сердце, и что душу теснит и слезы на глазах, когда говорю я вздор и весела как соловей. Mais n'en jugez pas par l'apparence (*Но не судите по внешнему виду*). Вот, что значит свет, вот, как должно жить в нем. Кто мог бы сказать, что беспокоит меня мое состояние непристроенное, incertain*, что я бы желала знать судьбу мою. Но что же делать? Не роптать и повиноваться промыслу Божьему, и предузнавая нещастья, и не горюя об будущем. Ах, Анета, Анета, ты не чувствуешь всего своего благополучия.

Basile Reprine vient de partir ces jours-ci pour Berlin. J'ai eu beaucoup de regrets de lui dire adieu. C'est un si excellent homme et à présent on en trouve si peu. Avant cela nous avons fait une partie de plaisir avec les Reprine et la comtesse Zouboff à Catherinhoff à cheval et nous nous sommes beaucoup amusés: aussi nous sommes allés passer la journée chez ces imbéciles de Koucheleff, êtres insupportables, fiers, bêtes, avarés, sans aucun sentiment. Varette, ce bijout de fille,

---

* неопределенное — англ.

était avec nous, ainsi que Mlle Kozloff. La partie était des plus agréables, quoique j'avais le spleen au plus haut degret..

Dimanche passé nous avons eu beaucoup de monde, entre autres jeunes gens Kiceleff et Titoff. Tous les deux bien aimables. Madame Wacilevsky était furieuse, (et elle l'est déjà depuis longtemps): car le premier, lui ayant fait la cour d'une manière un peu singulière, ne l'a point approchée de toute la soirée et m'a trop parlé apparemment.

Mardi j'ai passé une soirée bien agréable chez nous. Le délicieux comte Wielhorsky, est venu un peu après huit heures, et est resté jusqu'à minuit passé. Il est fort aimable, fort aimable et à cette douceur, cette «gentlemanlike» manière d'être, qui le fait chérir de tous ses amis et le rend l'un des plus charmans compagnons dans la société. Si j'osais dire ma pensée, mais... j'ai promis de ne plus faire ni conjectures ni plans.

(На днях Василий Репнин уехал в Берлин. Мне было очень грустно с ним прощаться. Это такой прекрасный человек, каких теперь очень мало. До этого мы с Репниными и графиней Зубовой совершили конную прогулку в Екатерингоф²⁰³, и нам было очень весело. Еще мы ездили на один день к этим тупицам Кушелевым²⁰⁴ — несносным, горделивым, глупым, скупым и лишенным всякого чувства. С нами была Варетт²⁰⁵, это сокровище, и Mlle Козлова²⁰⁶. Прогулка была очень приятной, хотя меня и одолевала жесточайшая хандра.

В прошлое воскресенье у нас были гости, среди молодых людей — Киселев и Титов. Оба весьма любезны. Мадам Василевская в ярости, и уже давно, так как первый, после несколько странного ухаживания за нею ни разу за весь вечер к ней не подошел и явно слишком долго разговаривал со мной.

Во вторник я провела приятный вечер дома. Премилый граф Виельгорский пришел после восьми и остался далеко за полночь. Он очень любезен, очень; а это обаяние, эти мане-

ры «gentlemanlike» * снискали ему обожание всех его друзей и в обществе делают его одним из очаровательнейших собеседников. Если бы я смела высказать свою тайную мысль, но... я дала слово не строить ни предположений, ни планов.)

22 Mai.

Maman est toujours encore malade. Dimanche passé on n'a point reçu de dames, mais aussi la soirée composée d'hommes seulement a fait qu'elle était bien agréable. Kraevsky, qui est presque fou de ce qu'on l'a reçu au Collège des Affaires Etrangères y était. Je le nomme le premier car excepté lui et Stoll, le peintre de fleurs, je ne connais personne qui m'ennuie d'avantage. Si K(raevsky) suppose, que ses boutons blancs sont un pas vers ma faveur — il se trompe, car ni boutons blancs, jaunes, verts, gris, rouges, ne me feront jamais changer d'avis.

Kiceleff est venu un peu après l'arrivée des Meendorff, Titoff, Ficher et Welhorsky. Il s'est assis à côté de moi et moi, ayant adressé la parole au comte, ce dernier a changé de place et est venu se mettre à côté de lui. Après avoir parlé quelque temps, je dis en riant à Kice(leff): «Вы не на своем месте сидите», car Mme Wacilevsky était à ma gauche. Sans attendre le reste de ma phrase, la moutarde monte au nez de Monseigneur et comme une raquette il prend feu et vat s'asseoir vis-à-vis. J'aurais ri de bon coeur à cette boutade, mais le comte en a profité pour se placer à côté de moi et pour ne plus me quitter d'un moment. K(isseleff) a put croire, que j'ai dit cela expret, pour qu'il cède sa place au comte et pour rien au monde je ne veux pas, qu'il ait cette idée, car dans le moment je n'y pensais même pas. Après la plupart du monde s'est en allé et il n'est resté que Meendorff, Titoff et le comte et jusqu'à 12 nous avons parlé de littérature.

---

* истого джентльмена — англ.

((Среда) 22 мая.(1829)

Маменька все еще нездорова. В прошлое воскресенье у нас не было дам, но вечер, на котором присутствовали лишь мужчины, был весьма приятен. Был Краевский, который безумно рад тому, что его приняли в Коллегию иностранных дел. Я называю его первым, потому что кроме него и Штоля, художника-флориста²⁰⁷, я не знаю никого, кто навел бы на меня такую скуку. Если К(раевский) предполагает, что белые пуговицы²⁰⁸ помогут ему добиться моего расположения, то он ошибается, ибо ни белые, ни желтые, ни зеленые, ни серые, ни красные пуговицы не заставят меня переменить мнение.

Киселев пришел немного позднее Мейендорфов, Титова, Фишера²⁰⁹ и Виельгорского. Он уселся возле меня, но, поскольку я заговорила с графом Виельгорским, последний сел возле него. После недолгого разговора я сказала Кисе(леву) смеясь: «Вы не на своем месте сидите», так как г-жа Василевская была слева от меня. Не дослушав конца моей фразы, кровь приливает к лицу его высокоблагородия, он вспыхивает как бенгальский огонь и усаживается напротив. Я охотно посмеялась бы над его обидчивостью, но граф воспользовался ею, сел возле меня и не покидал меня ни на минуту. К(иселев) мог подумать, что я сказала это намеренно, с тем, чтобы он уступил свое место графу, и уж менее всего я заинтересована в том, чтобы у него сложилось такое впечатление, ибо мне это и в голову не приходило.

Затем почти все ушли. Оставались лишь Мейендорф, Титов и граф, и до 12 мы проговорили о литературе.)

2 de Juin Petersbourg.

Toujours encore en ville et la raison si triste — la pauvre Анна Ант(оновна) est très malade et Dieu sait, si elle en

réchappera, mais j'espère toujours pour le mieux. Alexis vient de partir pour les terres, Pierre avec le Duc. Nous attendons Barbe, son mari et sa délicieuse petite, mais encore elle ne peut demeurer chez nous, car nous avons eu la rougeole et avons encore la cocluche. Quel beau temps! et Dieu sait, quand nous irons à Prioutino. Comme la rivière est belle! quel beau ciel! pas un seul nuage. La Néva est comme une beauté fière, calme, tranquille, mais belle, très belle... De la fenêtre je vois la forteresse et ses remparts, le pont sur la Neva... J'entends de loin le bruit des équipages — quel beau tableau, comme il est mélancolique, comme il fait rêver! comme il fait penser à la vie et surtout au futur. On me demande ce que j'écris, on voudrait lire mon journal! Ils ne le verront pas! Au reste, il ne pourrait que les attrister.

Alexis, en partant, me pria de lui faire une **surprise** pour son arrivée. Il parlait souvent du.... Je voudrais bien recevoir au plus vite sa première lettre. Et pourquoi? dit la conscience. Parce que je suppose, qu'elle sera remplie d'interrêt.

L'Intérêt.

Une Physionomie agréable, douce, mais mélancolique, l'oeil vif, animé, les cheveux tout à fait gris, une taille moyenne, maigre. Une grande propreté dans la toilette sans affectation de petit maître. Une manière aisée, douce, agréable, prévenante. Voilà l'extérieur de cet homme charmant. En le voyant je me dis de suite: «*It is a perfect gentleman*») et je ne me suis point trompée. En général je trouve que l'extérieur trompe rarement et surtout les yeux. Sa personne inspire l'interrêt du premier coup d'oeil et il le conserve pour toujours. Jamais je ne fus prévenue pour personne autant que pour cet homme, il m'inspira cette confiance, cet estime, qui est la base de tous les sentimens distingués. Etant avec lui il me paroisait que j'étais avec cet être supérieur, avec cet homme au quel

j'aurais volontier et sans crainte confié mon existence. Pour lui je n'avais point d'amour idéal, tout n'était qu'estime, respect, admiration.

Son âge (je crois 40 ans) ne m'effrayait point. C'est sur lui que je pouvais compter car ses principes si purs garantissaient le bonheur. Sa réputation sans tâche, l'amour, que lui porte tout le monde, me prouvait bien, que le voir et l'aimer était la même chose. Heureuse la femme qui l'aura: il doit être fait pour rendre le monde heureux.

Nous avons été mardi passé chez Fischer. Quel bel établissement! Comme j'ai joui par ce que l'Intérêt y était. Nous étions Mon Père, Maman, Meendorff, le comte Welhorsky, Alexis, ma cousine Marfa et Mme Adam, née Poltoratsky, aussi ma cousine, femme charmante. J'ai bien plaisanté le comte sur sa science botanique. Il était aussi aimable que d'ordinaire et a demandé de passer la soirée chez nous. Le soir nous avons eu Glinka et Ivanoff, un chantre de la cour. Dieu! quelle belle voix de Tenor! Le comte est venu tard, mais il a chanté, est resté très tard, très tard. Voilà tout, voilà tout, voilà tout!

(«Воскресенье») 2 июня (1829) Петербург.

Мы все еще в городе, и причина тому грустна — бедняжка Анна Антоновна очень больна, и Бог знает, поправится ли она, но я все же надеюсь на лучшее. Алексей недавно уехал в наше поместье²¹⁰. Петр с герцогом. Мы ожидаем приезда Варвары с мужем и очаровательной малышкой, она не может жить у нас, потому что у нас болели корью и все еще болят коклюшем. Какая прекрасная погода! и один Бог знает, когда мы поедem в Приютино. Как великолепна река, какое чудесное небо, ни одного облачка! Нева, как гордая красавица, спокойна, тиха, но хороша, очень хороша... Из окна я вижу крепость, ее стены, мост

через Неву²¹¹... Я слышу доносящийся издали шум экипажей — какая прекрасная картина, как она меланхолична, какие навеивает грезы, сколько дум о жизни, и особенно о будущем пробуждает она! Меня спрашивают, что я пишу, они хотели бы прочесть мой журнал! Они никогда его не увидят! Да и зачем, он лишь опечалил бы их. Алексей, уезжая, просил меня приготовить к его возвращению сюрприз. Он часто говорил о.... Мне очень бы хотелось как можно скорее получить от него письмо. И почему ж это? — спрашивает мой внутренний голос. Да потому, что оно, как я предполагаю, должно удовлетворить мой интерес.

Интерес

Лицо приятное, мягкое, но задумчивое, взгляд острый, живой, волосы совершенно седые, рост средний, он худощав. Одет весьма изысканно, без претензий, свойственных выскочкам. Манера поведения непринужденная, мягкая, приятная и предупредительная. Вот облик этого обаятельного человека. Увидев его впервые, я сама себе тут же сказала: «Вот настоящий джентльмен», — и я не ошиблась. Я всегда думала и продолжаю думать, что внешность редко обманывает, особенно глаза. Эта личность с первого взгляда вызывает к себе интерес, и этот интерес сохраняется навсегда. Никогда и ни к кому не была я так расположена, как к этому человеку, он внушал мне доверие и уважение, которые лежат в основе всех самых глубоких чувств. Находясь в его обществе, мне казалось, что я в обществе такого совершенного существа, такого человека, которому охотно и безбоязненно доверила бы свою жизнь. Я не испытывала к нему идеальной любви, это было скорее поклонение, уважение, восхищение.

Его возраст — думаю, лет сорок²¹² — несколько меня не пугал. Да, на него я могла положиться, ибо его столь

*твердые правила были верным залогом счастья. Его безупречная репутация*²¹³, обожание, которое он внушает всем без исключения, убеждали меня, что видеть его и любить — одно и то же. Счастлива та женщина, которая его полюбит; он, кажется, создан для того, чтобы нести в мир счастье.

*Во вторник мы заезжали к Фишерам. Какое прекрасное заведение!*²¹⁴ *Как я радовалась тому, что Интерес был там тоже. Там были папенька, маменька, Мейендорф, граф Виельгорский, моя кузина Марфа*²¹⁵ *и мадам Адам, урожденная Полторацкая, другая моя кузина*²¹⁶ *— прелестная женщина. Я подтрунивала над графом Виельгорским по поводу его учености в области ботаники. Он был, по обыкновению, очарователен, и просил позволения провести вечер у нас. Вечером у нас были Глинка и Иванов, придворный певчий. Боже, какой прекрасный тенор!*²¹⁷ *Граф приехал поздно, но тоже пел и оставался долго, очень долго... Вот и все, вот и все, вот и все!*)

8 Juin.

La pauvre Анна Антоновна est morte. Elle n'a pas pu supporter sa maladie. Que Dieu lui fasse grâce pour toutes ses fautes volontaires et involontaires! Dans un mois il y aurait un an, que M. Ermolaëff est mort, elle n'a pas pu supporter la vie sans lui. Si leur amour était coupable et ridicule pendant leur vie, il est bien sanctionné par la constance à elle et sa mort a mis le cachet par ce qu'il l'a rendu admirable.

Barbe, la chère Barbe est arrivée. Sa petite est délicieuse. Je passe tout mon temps avec elle. Le jour de la mort de la pauvre Allemande, le matin, Wielhorsky est venu chez elle, car elle demeure dans la maison de ma Tante Wolkonsky a (нрзб) de toutes ces histoires. Le comte part pour un mois pour ses terres et il revient ici et alors j'espère, que nous le

verrons souvent, mais non, il craindra de venir pour ne pas faire parler de lui. Il sera aussi très délicat sur mon compte: il ne peut m'aimer. Son coeur est trop usé par l'amour, pour qu'il puisse jamais penser à m'épouser, et puis j'ai trop peu de charmes, je sens moi-même, que je ne suis plus ce que j'étais à 18, 19 ans. Je pouvais alors faire des passions, à présent... Jamais! Mais faut-il de la passion pour faire un bon mariage et pour être heureux? — Non, mais il faut du moins **un peu** d'amour d'un côté et moi je ne puis plus en inspirer. Annette relis la 90 feuille de son journal, voilà sa vie future.

(«Суббота») 8 июня (1829)

Бедная Анна Антоновна умерла. Она не смогла перенести болезнь. Да простит Всевышний все ее вольные и невольные прегрешения! Через месяц исполнился бы уже год, как не стало г-на Ермолаева; она не смогла жить без него. Хотя при жизни любовь их и была незаконной и смешной, но она была возможна благодаря ее постоянству. А ее смерть освятила их любовь, сделав ее достойной восхищения. Приехала Варвара, моя милая Варвара. Ее малышка прелестна²¹⁸. Все свое время я провожу у нее. Утром в день смерти бедной немки, Виельгорский приехал к ней, так как она живет в доме моей тетушки Волконской²¹⁹ (нрзб). Граф уезжает на месяц в свое поместье, а потом вернется сюда и тогда, надеюсь, мы будем видеть его часто. Но нет, он будет опасаться приходить, чтобы не возбудить толков о себе. Он будет все так же галантен со мной: он не может меня полюбить. Его сердце слишком устало от любви, чтобы он мог помышлять о женитьбе на мне, и к тому же во мне теперь слишком мало очарования, я чувствую сама, что я уже не та, кем была в 18, 19 лет. Тогда я еще могла внушать страсть многим, сейчас... Никогда! Но так ли уж нужна страсть, чтобы создать благо-

получную семью и быть счастливой? Нет, но нужна хоть капля любви с одной стороны, а я не могу ее более внушать. Annette перечитала страницу 90 своего Журнала²²⁰. Вот она, будущая жизнь!)

*Дума
Жизнь моя*

Перед отъездом в Приютино, на другой день приезда Вариньки, ушла я на балкон и там засмотрелась на Неву. Как чистое зеркало отражала она все предметы на берегах своих (...)

Приютино

Тра ла ла ла, тра ла ла ла, тра ла ла ла, я презираю **всех и вся**. Ах Боже мой, как весело на даче! Что за время, что за покой. Хоть весь день пой. Бог мой, какой... ты что... ах, не скажу.. я **пережила** все, и теперь в сердечной или с сердечной пустоты пою, шалю, свищю, и все на ю с одним исключением — только **люблю** нет, я к сему слову прилагаю отрицательную частичку **не**, и выходит все прекрасно. **Не люблю**. Прекрасно, прекрасно... Чу, едет кто-то, не к нам ли? Нет, к нам некому быть, любимцы и любители все разъехались по местам, по морям, по буграм, по долам, по горам, по лесам, по садам, ай люли, люли, ай лелешеньки мои... смотрю и ничего не вижу, слушаю и ничего не слышу.

Ах bravo, только чюхонец не может быть, подойдем к балкону: ай да чюхландия, хоть бы и барину так бойко проехать. Но он может быть едет к любезной! Ах как чувствительно! Больные глаза от грязи и полупияное лицо очень хорошо рисуются в воображении с бессмертным богом любви. Да и то сказать, не один чюхонской Амур

бывает с куриной слепотою, и южной Италианской Бог, любовник красоты и Психеи бывает иногда не так-то здоров.

⟨Вторник⟩ 25 июня ⟨1829⟩

Как справедлив тот, кто сказал, что *la vie d'une femme est toujours un roman* (*жизнь женщины всегда роман*)! Прочитав прежние строки, кажется, что любовь, замужество, решение судьбы — все, все было далеко от меня, а теперь... Ничего не может быть ближе, и кто же об этом думает, я никогда не могла бы себе то вообразить. Жеорж Меендорф²²¹. В первое воскресенье он был у нас, и Варинька заставила меня то заметить. Александр М(ейендорф), приехавший из Чужих край, и старинной мой друг, был с ним и сочинил в честь Прию(тина) и мне стихи²²². Потом в прошедшую субботу George приехал один, и тут я сама заметила, что он был очень нежен и **absent***. В воскресенье же (нет, в субботу вечером) приехал Александр. George был все два дня грустен, безпокоен, **préoccupé** (*озабочен*). Я всякую минуту боялась декларации. Но что меня и Вариньку изумило, это фраза, которую он ей сказал вечером, сидя и учась у ней играть в «Романс». В это время, как я пела и возхищала Алек(сандра) и даже Папиньку, George сказал Barbe: «**Signorina Sara Contessa**» (*Синьорина будет графиней* — итал.). Barbe, как будто не понимая, отвечала: «Non e possibile, io sono maritata» (*Это невозможно, я замужем* — итал.). «A comment dire, — отвечал он, — vous verrez?». (*А как сказать «увидите» по-итальянски?*) «Ah, vederette», — отвечала она. «Eh bien, vederette, sara contessa». (*Вот увидите, будет графиней* — итал.) Barbe, все как будто бы не

---

* рассеян — англ.

понимая, что говорит он не про нее, сказала: «Tanto meglio per te». (*Так для меня лучше* — итал.) И разговор кончился. Но он все был задумчив. Что хотел он сказать этим *Sara contessa* (*будет графиней* — итал.). Неужели он что-нибудь узнал об графе. Ах ежели бы его устами да мед пить! Но нет, я не рождена для продолжительного счастья. При том же граф после свидания у Вариньки ведет себя очень странно, не думает ли он, что мы хотим поймать его. Ошибается, *je suis moi-même trop fière pour cela* (*я слишком горда для этого*). Но я теперь говорю: *Sara quel che sara* (*будь что будет* — итал.). Да будет воля Твоя. Я пью воды и ездю верхом с Григорием²²³. Чем более знаю его, тем более люблю. Наши все разговоры так серьезные и для меня приятны, он истинно любит меня и желает мне счастья.

Не много время протекло, с собою радость унесло. Ольга занемогла 24 Июня. Прежде еще она немного хворала, был у ней насморк. Но в этот день, возвратясь с катанья с Варинькой, нашли мы, что Маминька сидит у ней и беспокоится, что она все плачет и сучит ногами. Хотя не было видно никакого признака серьезной болезни, Варинька решилась в тот же вечер поехать в город. На другой день мы все туда же отправились. Приехали — почти не было надежды. До 1-го или 2-го сидела я в спальней, бедняжка была за перегородкой. На другой день ей было лучше. Она всегда любила меня более всех, даже матери и кормилицы: я взяла ее на руки, чтоб качать, пока уснула. М-те Андерсон, ее няня, она была спокойна, но уже нет Ольги, у которой я могла просиживать целые дни! Ей ставили пиявицы, делали все, что могли! Ничего не помогло!.. У кормилицы пропало ночью молоко, Ольга страдала и кричала; рано поутру пришла я к ней, она лежала на материнской постели, смерть сидела у ней в головах. Тронула ее руку, она была холод-

на и синя, глаза потускнели, дыхание тяжело. Что было со мной тогда! О Боже, Боже, с какою радостью отдала бы жизнь свою, чтоб спасти им этаго ребенка! Дальность жизни моей так темна, как громовая туча, для них она была так светла! Так утешительна!.. Григорий приготавливал ей лекарство, и слезы текли на него. Я тронула ноги Ангела, они были холодны, я дала ей пить, она насилу могла проглотить. И когда сказала я ему: «Si vous donnez, donnez vite!» (*Даете, так давайте быстро*) он понял меня, но упрасивал оставить комнату: я видела, что нет спасения, вышла — через полчаса Ольга была в небесах... Я слишком взяла на себя и расплатилась горько с природою, опять был ужасной припадок нервической. Григорий, это совершенство людей, и тут успел помочь мне. Пришедши в верх, пошла я к Вариньке — ужасной день! Мы все сидели втроем. На другой (день) Г(ригорий) уехал хоронить Ольгу, а мне поручил В(ареньку). Вставши под предлогом пойти куда нужно, она вышла в мраморную комнату²²⁴, дверь была открыта в спальную, она скоро пошла туда и бросилась на кровать, где скончалась Ольга. Я оставила ее несколько времени, но увидя, что она уж очень плачет, стала ее уговаривать; она не слушалась, я подняла ее с Машей и, вытолкав обеих в гостиную, заперла дверь на ключ. Обойдя кругом, я нашла Маминьку, которая рыдала над нею и ломала себе руки. «Боже мой, что мне делать!.. — говорила она. — Подите и успокойтесь, вы только вред ей делаете». Я подала В(ареньке) капель, она выпила, я стала говорить ей об ее муже, и мало-помалу она успокоилась. Прошел и этот день. Мы переехали в Приютино. Опять спокойствие и веселость нашли гости: мы горюем все поодиночке, а веселимся вместе, но я плачу дань природе и слабею. Может быть Смерть далеко от меня, может быть сидит передо мною. Но я смотрю на нее с удовольствием, она то

благо, которое Бог по бесконечной милости своей послал людям. Она — Ангел-утешитель, она — благо, которое все мы достигнуть стараться должны: она присоединяет нас к Всевышнему и там дает нам вкушать блаженство вечное. Одна разлука с милыми сердцу может заставить нас страшиться ее. Но что же разлука нескольких лет в сравнении Вечности. Как слеза горя посреди моря счастья! Как прекрасно можно представить ее! Как мирной гений, ведущий человека к истинному блаженству. Как избавитель рода человеческого. Ах, естлиб не было Смерти, а наша жизнь в этом мире была бы вечной, я думала бы, что нет Творца вселенной. Смерть есть печать его благодати, его любви к людям. К нам в субботу вечером приехали братья Меендорфы; иногда я думаю, как и все, что George имеет виды: и сержусь на себя. Я его почитаю, даже может быть... люблю. Да, люблю, но это чувство во мне соединено с такой боязнью! Алекс(андр) М(ейендорф) очень откровенен, все хочет знать, (не) имею ли я к кому-нибудь привязанности; что за вопрос, кто ж ему это скажет, ежели бы я и имела.

В воскресенье были у нас 3 черкеса и офицер армейской, тоже черкес. Они были очень милы, и двое из них делали разные штуки на лошадях²²⁵. Они Магометане.

Je crois bien que le péristyle de l'enfer ne peut être plus insupportable que la vie que nous menons dans Priutino. Dieu de Dieu, quel ennui! Toute la journée on grogne et l'on dit des sottises et des обиняки qui rendent la vie bien dure mais j'espère qu'il y a un terme à tout.

(Я думаю, что ожидание у врат ада не может быть более невыносимым, чем жизнь, которую мы ведем в Приютине. Боже мой! Какая скука! Целыми днями ворчат, говорят глупости и обиняки, которые делают жизнь еще более тяжелой, но я надеюсь, что всему есть предел.)

25 Juillet.

(«Четверг» 25 июля (1829))

Как ужасна неизвестность. Что бы я дала, чтоб про-
спать целые два месяца.

.....

31 Juillet.

(«Среда» 31 июля (1829))

Алексей приехал сегодня! Как я ему рада! Но, увы, он тоже думает, что все наши надежды тщетны! Что как горько сказать! Вельгорской и не думает обо мне... Боже, твоя святая воля неисповедима! Meendorf был здесь почти всякое воскресенье и приезжал по субботам. Невозможно было не заметить его исканий! Но, увы, как они страшны. Мысль ужасная быть за ним! я его так боюсь, о Боже, Боже! Есть ли пред тобою молитва моя... Отец всевышний, у ног престола твоего прошу, умоляю, но об чем. Того просить не смею. Ты властен в сердцах. О Боже, об чем, об ком молиться, прошу, сама чего не знаю, боюсь, о как боюсь другого. Боже, великой всемогущий Отец мой, о Боже, вокруг меня мертвое молчание, луна светит в окно,... но тучи над нею, передо мной летает образ грозной, все тихо, один ветер шевелит листьями. Я в отчаянии, неужели судьба моя должна скоро решиться и без него! а он — он далеко и не думает обо мне. Страшно прочесть! Надо, надо молиться. Луна, кажется, дрожит на небе! Как густно думать об будущем, потеряв всю надежду земную. Но она там... Бог всемогущий не оставит меня!.... Я вся дрожу.

(Среда) 21 Августа (1829).

Перемена за переменной, и все выходит, что мы пере-
ливаем из пустаго в порожное. Виельгорской приехал 13,

а на **другой же** день был у Папинынки и очень-очень мил. Варинька была в городе с Грегоигом: он долго сидел и вдруг спросил сердитым голосом: «Что же ваш длинной немец? Как зовут его? да, Меендорф». Он сказал это и так сам смутился. Но все это ничего не значит. Сюда приехал Хозрев Мирза, Сын Абас Мирзы²²⁶, было 10 большое представление²²⁷. Он молод и довольно хорош²²⁸. Потоцкой дал бал 17²²⁹, мы поехали в пятницу в город, чтобы быть у него. Мое платье было чудесное: белое, дымковое, рисованные цветы, а на голове натуральная зелень и деланные цветы; я очень к лицу была одета. Поехала, там познакомилась с гр(афинею) Фикельмон, урожденной Хитровой²³⁰, как она мила! Виельгорской там был; сперва мы оба делали (вид), что не видали друг друга; но переходя из одной комнаты в другую, он подошел ко мне. Стал говорить и так покраснел, что я удивилась. Потом мы танцевали полонез, он был очень мил. За ужином я познакомилась с Мирза Сале²³¹ из свиты принца, премилой Персиянин.

Мы были, видали, уеждали. Как холодно я пишу. Но память сердца сильнее разсудка, как чисто я все помню. Сегодня поехал Грегоиге, он едет в свою деревню улаживать дела²³², как грустно с ним разставаться, он искренно меня любит, такой чудесной человек.

Olga Stroganoff a terminé sa carrière. Après avoir fait tout ce qu'on peut s'imaginer avec le comte Fersen (le plus mauvais sujet de son espèce), après avoir eu une correspondance clandestine avec lui, ainsi que des entrevues du même genre, elle a pris son parti et s'est fait enlever le 1 du mois de Juillet.

Depuis plusieurs mois elle était résolue à faire ce **pas extraordinaire**. Chaque fois, qu'elle montait à cheval avec ses soeurs, elle partait au grand galop et elle jetait à terre un billet, qui était relevé par le monsieur. Enfin le départ pour Городня est décidé. Elle lui écrit un petit billet, dans le quel elle lui dit

ces mots: «**Le mariage ou la mort**». Bientôt tout est prêt. Le soir elle prétend avoir mal à la tête; elle a l'air agité, elle demande la permission de se retirer, sort dans le jardin, — là elle est attendue par Brevern, l'un des complices, qui le mène vers la Черная Речка, — où ils traversent le lac et comme ils étaient très pressés, B(evern) la lance par dessus la portière dans la calèche, où était Fersen. Ils partent et vont à Тайцы. Des témoins les attendaient. Mais le prêtre ne consent à les marier, qu'à la condition de lui payer 5 m(ille) rou(bles) et de lui garantir mille rou(bles) par an. A 5 heures du matin ils sont mariés et Olga va **coucher** avec lui à Тайцы, y elle était attendue par une marchande de modes pour la servir. Les témoins étaient Breveren, Salomirsky l'aîné et Lanskoj.

La femme de chambre d'Olga l'ayant attendue pendant très longtemps s'endormit. Enfin elle se réveille et entend que tout dort autour d'elle. Elle entre dans la chambre et ne la trouve pas, c'est ainsi que son «побег» fut découvert. Le jour suivant on fut obligé de le dire à la comtesse. Pauvre mère! Elle la pardonna de suite, mais ce n'est que le soir, qu'ils arrivèrent. Le matin Olga eut le temps d'aller avec lui aux manoeuvres. Ай да баба.

L'Empereur arriva, on crut qu'il pardonnerait les coupables. Il le fit au contraire juger. Fersen est envoyé à une garnison, les témoins, pour avoir signé un faux, sont passés à l'armée. Olga a suivi son mari. Elle ne sent rien, car elle a déjà perdu pudeur, sentimens nobles, honneur. Dieu quel (нрзб)

(Ольга Строганова закончила свою карьеру. После того, как она проделала с графом Ферзеном²³³ (самым большим в своем роде негодяем), все что только можно вообразить, после того, как она вступила с ним в тайную переписку, и имела такие же тайные встречи, она приняла решение и дала себя похитить 1 июля. Она была готова совершить этот немислимый шаг еще несколько месяцев тому назад. Каждый раз, как она ездила со своими сестрами

верхом и пускала лошадь галопом, она бросала наземь записочку, которую поднимал ее молодчик. Наконец, отъезд в Городню ²³⁴ решен. Она пишет ему записку, в которой говорит: **замужество или смерть**. Вскоре все готово. Вечером она представляется, что у нее болит голова: у нее возбужденный вид, она просит разрешения удалиться, выходит в сад, там ее поджидает Б(реверн) ²³⁵, один из заговорщиков, который отвозит ее к Черной речке, там они пересекают озеро и поскольку они очень спешат, Б(реверн) вталкивает ее в экипаж, где находится Ферзен. Они отъезжают и отправляются в Тайцы ²³⁶. Там их ожидают свидетели. Но священник соглашается их обвенчать лишь при условии, что ему заплатят 5 тысяч руб. и гарантируют тысячу руб. в год. В 5 утра они обвенчаны, и Ольга едет ночевать с ним в Тайцы, где ее ждет модистка, чтобы ей прислуживать. Свидетели были Бреверн, Саломирский-старший ²³⁷ и Ланской ²³⁸. Горничная Ольги, поджидая ее, уснула. Наконец она просыпается и слышит, что все вокруг нее спит. Она входит в комнату и не находит ее. Вот так ее «побег» был обнаружен. На следующий день принуждены были об этом сказать графине. Бедная мать ее тут же простила, но вернулись они только под вечер. Утром Ольга успела еще сходить с ним на маневры. Ай да баба.

Приехал император. Думали, что он простит виновных. Он же, напротив, велел его судить. Ферзена отправили в какой-то гарнизон, свидетели же за то, что подписали подложные бумаги, были отправлены в армию. Ольга последовала за мужем. Она не чувствует никакого раскаяния, так как потеряла всякий стыд, благородные чувства, понятие о чести. Боже, какой (нрзб).

Какие суждения, какие решения, какие предположения делать мне об будущей жизни? Никаких, говорит грозной разсудок, не ищи, не найдешь; но кто же, кто же жил без надежды!!!

⟨Воскресенье⟩ 25 ⟨августа 1829⟩

Титов приехал вчера (суббота) с Алексеем. Коминг²³⁹ сегодня уже здесь. Мы ожидаем гостей! Но, увы, **неожиданных** не жду! Сердце грустит, и даже не смеет надеяться. Кажется все кончено... Ужасной приговор! Но воля Великаго неисповедима! Невольно гляжу в окно! слушаю, все напрасно. Не хочется итти вниз, там надобно любезничать. А что идет на ум, когда душа тоскует. Надежда, надежда, ты подпора чувству. *L'espérance est l'Entêtement du coeur (Надежда это упрямство сердца)*. Надобно итти. Увы, когда пройдет все это. Ветрено, холодно, сердце замирает. Прости, души моей утешитель, Журнал!

Prioutino 1829
9 de septembre.

Le 5 s'est passé gaiement. Nous avons eu beaucoup de monde. En voici la liste: Wielhorsky, Brouciloff, Meendorff, Coming, Titoff, Longuinoff, Dournoff, Kriloff, Wacilevsky, Тон, Галберг, Шиллинг, Boudberg, Красовской, Языков, Краевской, Волхонской, Штейнбок, Сухарев, Аткинсон, Полторацкой, Стасов, Свиньин, Лисенко, Жиафар, Шармуа, Гамплен, Львоф, Фишер, Сухарева, Василевская, Ленины, Аткинсонова, *Batuchkoff apres dîner — Simonetti-Campodonio et Mme Cancrine*. Je savais de la veille encore, que Meendorff, arrivé depuis peu de la campagne, devait venir chez nous, ainsi que l'homme, qu'il n'aimait pas trop à voir, c'est-à-dire, le comte Wielhorsky. J'étais donc préparée à les voir, je l'étais... Mais l'est-on jamais, quand on craint, quand on espère, quand on doute et **redoute!**

La veille notre cher excellent Fischer est arrivé de bonne heure. Nous sommes allés à Riabowo et cette partie de plaisir

nous a bien réussi. Ficher est le plus honnête homme du monde, que j'aie jamais vu, il nous est attaché de coeur et malgré que mon mariage lui coûterait un soupir, il donnerait beaucoup pour me voir bien établie et heureuse. Arrivé le matin, je descends. Maman n'était pas encore revenue de l'église. Nous allions un peu nous promener. Peu à peu le monde arrive. Meendorff entre avec Coming. Le premier entre triomphant. Il parle à Maman avec beaucoup de feu, de plaisir et après avoir bien pris courage il m'approche et m'adresse la parole. Mais j'étais décidée à ne pas donner prise. Je répondais donc en riant, mais je dois dire vrai, avec un peu de sarcasmes.

Un équipage suivait l'autre et l'attendu n'arrivait point! Barbe avait un mal de tête de dépit et d'inquiétude; pour moi mon pauvre coeur battait, mais j'avais l'air **unconcerned**. Meendorff m'évitait, car ma conversation lui déplaisait. Perdant tout espoir et furieuse, Barbe pris le bras de J. A. Kriloff et alla lui conter nos aventures et conjectures. Beaucoup de monde était sur le peron. Je m'y trouvais aussi et regardais tristement le grand chemin. Krasovsky s'approcha de moi pour me parler d'Olga Fersen. Je maudissais l'ennui qu'il me causait, en dissipant mes idées, mais je fus récompensée pour ma complaisance: car je vis de loin une calèche, deux hommes et le mémorable chapeau gris. Oh! comme mon coeur bondit de joie, c'était lui, lui, que j'avais attendu avec tant de craintes et d'espérances. Il était avec Brouciloff, l'ami de Pierre. Il s'approcha de moi, je rougis légèrement et ayant parlé un peu, je le priai d'entrer voir Maman.

Nous allâmes nous promener. A peine étions-[nous] sortis de la maison, que Meendorff se mit à côté de moi pour me parler. Brouciloff était de l'autre côté. Je ne voulais pas donner prise à Meendorff, il voyait le comte devant nous qui causait avec Maman, il voulait donc lui prouver, que nous étions sur de très bons termes, mais j'ai une tête heureusement, КОТО-

рую редко проведешь: я подумала: ты хочешь меня завести, но подожди, брат, я сама штука.

(Приютино 1829

〈понедельник〉 9 сентября.

5-ое число прошло весело. У нас было много народу. Вот их список: Виельгорский, Брусиллов²⁴⁰, Мейендорф, Каминг, Титов, Лонгинов²⁴¹, Дурнов, Крылов, Василевский, Тон²⁴², Галберг²⁴³, Шиллинг²⁴⁴, Будберг²⁴⁵, Красовский²⁴⁶, Языков²⁴⁷, Краевский, Волконский, Штейнбок²⁴⁸, Сухарев, Аткинсон²⁴⁹, Полторацкий, Стасов²⁵⁰, Свиньин²⁵¹, Лисенко²⁵², Жиафар²⁵³, Шармуа²⁵⁴, Гамплен²⁵⁵, Львов, Фишер, Сухарева, Василевская, Оленины, Аткинсонова²⁵⁶, Батюшков²⁵⁷ после обеда, — Симонетти-Камподонио²⁵⁸ и мадам Канкринна²⁵⁹.

Я заранее знала, что Мейендорф, недавно приехавший из деревни, непременно явится к нам, как и тот, чье появление вряд ли его обрадует, а именно — граф Виельгорский. Поэтому я приготовилась к встрече с обоими, я была готова... Но можно ли быть готовой, когда боишься, когда надеешься, когда надежда вновь сменяется страхом!

Накануне рано утром приехал наш милый чудесный Фишер. Мы поехали в Рябово²⁶⁰, и эта прогулка очень удалась. Фишер честнейший человек, какого я когда-либо знала. Он сердечно к нам привязан, и хотя мое замужество, вероятно, заставит его с грустью вздохнуть, он многое отдал бы, чтобы видеть меня устроенной и счастливой. Наступает утро, я спускаюсь.

Маменька еще не вернулась из церкви. Мы пошли немного прогуляться. Постепенно стал съезжаться народ. Входит Мейендорф с Камингом. Первый идет с торжествующим видом, с жаром и удовольствием беседуя с маменькой. После разговора с ней он набрался храбрости, подошел ко

мне и обратился с какими-то словами, но я не намерена была подавать ему надежды. Я отвечала смеясь, но должна сказать правду — с некоторым сарказмом. Экипажи подъезжали один за другим, но поджидаемый нами не появлялся. У Варвары от досады и беспокойства за меня разболелась голова, мое бедное сердце билось, но внешне я была unconcerned*.

Мейендорф меня избегал, потому что разговор со мной его раздосадовал. Теряя всякую надежду, разозлившаяся Варвара взяла под руку И. А. Крылова и стала рассказывать ему о том, что мы предполагали, и о том, чем мы располагаем. На крыльце было много народу, я стояла там тоже и грустно смотрела на дорогу. Ко мне подошел Красовский и начал говорить об Ольге Ферзен. Я проклинала ту скуку, которую он на меня наводил, отвлекая меня от моих мыслей, но я была вознаграждена за свое терпение, ибо увидела коляску с двумя мужчинами и несравненную серую шляпу. О, мое сердце чуть не выпрыгнуло у меня из груди от радости: это был он, тот, кого я ждала с таким страхом и с такой надеждой. Он был с Брусиловым, другом Петра²⁶¹. Он подошел ко мне, я слегка покраснела, и, немного поговорив с ним, предложила пойти вместе к маменьке.

Мы пошли прогуляться. Едва мы вышли из дому, как Мейендорф оказался возле меня и завел разговор. Брусилов шел с другой стороны. Я не хотела делать никаких авансов Мейендорфу. Он видел шедшего впереди нас графа, беседовавшего с маменькой. Он так хотел доказать ему, что мы с ним в очень теплых отношениях. Но, по счастью, и у меня голова, которую редко проведешь: я подумала: ты хочешь меня завести, но подожди, брат, я сама штука.)

---

* невозмутимый — англ.

Absinthe — absence, chagrin
Acanthe — noeuds indissolubles
Accacia — mystère
Aigrette — désir de plaire
Amandier — imprudence
Amaranthe — indifférence
Amaryllis — femme coquette
Anémone — persévérance
Anémone sauvage — maladie
Aubépine — prudence, doux espoir
Barbeau blanc — délicatesse
Barbeau bleu — fidélité
Baume — vertu
Belle de jour — coquetterie
Belle de nuit — redouter l'amour
Bluet — pureté
Bouquet de feuilles vertes — espérance
Bouton d'argent — franchise
Bouton d'or — bienveillance
Bruyère — solitude
Buis — solitude
Caille (de) lait — patience
Campanule — élégance
Capucine — raillerie
Cèdre — majesté
Champignon — fortune rapide
Chélidoine — premier soupir d'amour
Chêne — amour de la patrie
Chevrefeuille — liens d'amour
Citronnelle — plaisanterie
Citronnier — correspondance
Clochette — prairie
Convolvulus — inconstance
Coquelicot — repos
Couronne impériale — fierté

Croix de Jérusalem — douleurs, voyages
Cyprés — mort ou deuil, regret, désespoir
Dent de loup — vous perdez votre temps
Eglantine — amour malheureux
Epine — flèche d'amour
Epine-vinette — remords
Feuille de laurier — bonheur assuré
Fleur de cerisier — ne m'oubliez pas
Fleur de lin — simplicité
Fleur de laurier — ardent désir
Fleur d'oranger — générosité
Fleur de passion — douleur d'aimer
Fleur de pommier — repentir
Frêne — obéissance
Gênet — foible espoir
Genièvre — ingratitude
Géranium — estime
Germandre — plus je vous vois, plus je vous aime
Girofle rouge — ennui
Girofle jaune — luxe
Gramen — récompense de la valeur
Fleur de grenade — amitié parfaite
Fruit de grenade — union
Héliotrope — aimer plus que soi-même
Hortensia — femme courageuse
Hyacinthe — amour chagrin, vous m'aimez et me donnez (HP36)
Immortelle — amour sans fin
Iris — message
Jasmin blanc — candeur
Jasmin d'Espagne — sensualité
Jasmin de Virginie — pays lointain
Jasmin jaune — première langueur d'amour
Jonc — navigation
Jonquille — désir, jouissance

Laurier blanc — candeur
Laurier franc — triomphe
Laurier rose — beauté
Lierre — tendresse réciproque
Lilas — première émotion d'amour
Lilas blans — pureté
Lilas jaune — inquiétude
Marguerite — patience, tristesse
Marguerite blanche — j'y songerai
Marjolaine — tromperie
Menthe — chaleur
Mysotis — souvenez-vous de moi
Myrte — amour
Narcisse — amour de soi-même
Œuillet — sentiment
Œuillet blanc — jeune fille
Œuillet de Chine — aversion
Œuillet panache — refus d'amour
Œuillet rose — fidélité à toute épreuve
Orangée — douceur
Oreille d'ours — on cherche à vous séduire
Orme — vigueur
Pavot — sommeil
Pensée — je partage vos sentiments
Perce-neige — espoir
Pervenche — amitié pour la vie
Peuplier — jeunesse
Pieds d'alouette — légèreté
Pin — lumière
Platane — ombrage
Poids-de-senteur — plaisir délicat
Primevère — espérance première, fleur de jeunesse
<Peuplier> Pyramidale — constance
Renoncule — impatience
Réséda — bonheur rapide

Romarin — bonne foi
Ronce — soucis, jalousie
Rose mêlée d'épines — hymen
Rose blanche — innocence
Rose de jardin — beauté passagère
Rose en bouton — coeur qui ignore l'amour
Rose jaune — infidélité
Rose musquée — caprice
Rose sans épines — ami sincère
Saul pleureur — douleur amère
Sapin — fortune
Scabieuse — femme sensible
Sceau de Salomon — secret
Sensitive — sensibilité secrète et profonde
Seringat — passion chimérique
Serpolet — étourderie
Soleil — orgueil
Soucis — tourment
Soucis sur la tête — noir chagrin
Soucis sur le coeur — jalousie
Sycomore — espérance et soucis
Tournesol — mes yeux ne voient que vous
Tubereuse — sentiment
Tulipe — honnêteté
Violette double — amitié réciproque
Violette entourée de feuilles — amour caché
Violette jaune — beauté parfaite
Violette simple — modestie, pudeur

Полынь — отсутствие, горе

Акант — неразрывные узы

Акация — тайна

Летучка — желание понравиться

Миндальное дерево — неосторожность

Амарант (бархатник) — безразличие

Амариллис — кокетливая женщина
Анемона (ветреница) — постоянство
Дикая анемона — болезнь
Боярышник — осторожность, приятные надежды
Василек белый — деликатность
Василек голубой — верность
Бальзам — добродетель
Денная красавица (трехцветный вьюнок) — кокетство
Мирабилис (ночецвет), флокс — страшиться любви
Василек синий — чистота чувств
Букет из зеленых листьев — надежда
Белладонна (серебряный бутон (?)) — искренность
Калужница, едкий лютик — доброжелательность
Вереск — одиночество
Самшит — одиночество
Подмаренник — терпение
Колокольчик — элегантность
Настурция — насмешка
Кедр — величие
Гриб — быстрая удача
Чистотел — первый вздох любви
Дуб — любовь к родине
Жимолость — любовные узы
Мелисса — шутка
Лимонное дерево — переписка
Колокольчик — луг
Вьюнок — непостоянство
Мак-самосейка — отдых
Рябчик императорский — гордость
Зорька халцедонская — скорбь, путешествия
Кипарис — смерть или траур, сожаление, отчаяние
Кандык, собачий зуб (волчий зуб (?)) — вы даром
теряете время
Шиповник — несчастная любовь
Терновник — стрела Амура

Барбарис — угрызения совести
Лавровый лист — надежное счастье
Цветок вишневого дерева — не забывайте обо мне
Цветок льна — простота
Цветок лавра — пылкое желание
Флердоранж — великодушие
Пассифлора синяя — сердечная тревога
Яблонево́ый цветок — раскаяние
Ясень — повинование
Дрок — слабая надежда
Можжевельник — неблагодарность
Герань — уважение
Чабрец — чем чаще я вас вижу, тем больше я вас люблю
Красный левкой — тоска
Желтый левкой (желтофиоль) — роскошь
Злаки — вознаграждение за храбрость
Цветок граната — крепкая дружба
Фрукт граната — союз
Гелиотроп — любить больше, чем самого себя
Гортензия — стойкая женщина
Гиацинт — любовь, причиняющая страдание, вы меня любите и причиняете мне (нрзб)
Бессмертник — вечная любовь
Ирис — весть
Аптечный жасмин (белый жасмин) — чистосердечие
Жасмин крупноцветковый (испанский жасмин) — чувственность
Текома укореняющаяся — дальняя страна
Желтый жасмин — первое любовное томление
Ситник — мореплавание
Жонкиль — желание, наслаждение
Лавр белый — душевная чистота
Иван-чай — триумф
Олеандр — красота

Плющ — взаимная нежность
Сирень — первое любовное волнение
Белая сирень — чистота
Желтая сирень — беспокойство
Ромашка — терпение, грусть
Белая ромашка — буду думать
Майоран — обман
Мята — теплота
Незабудка — вспоминайте обо мне
Мирта — любовь
Нарцисс — самолюбие
Гвоздика — чувство
Белая гвоздика — девушка
Китайская гвоздика — отвращение
Гвоздика пестрая — отказ от любви
Гвоздика розовая — верность при всех испытаниях
Апельсин — нежность
Медвежье ухо — вас пытаются соблазнить
Вяз — твердость
Мак — сон
Анютины глазки — я разделяю ваши чувства
Подснежник — надежда
Барвинок — дружба на всю жизнь
Тополь — молодость
Дельфиниум — легкомыслие
Сосна — свет
Платан — тень
Душистый горошек — утонченное удовольствие
Примула — первые надежды, расцвет молодости
Пирамидальный (тополь) — постоянство
Люттик — нетерпение
Резеда — кратковременное счастье
Розмарин — правдивость
Колючий кустарник — заботы, ревность
Роза с шипами — брак

Белая роза — невинность
Садовая роза — проходящая красота
Бутон розы — сердце, неискушенное в любви
Желтая роза — неверность
Мускатная роза — каприз
Роза без шипов — искренний друг
Плакучая ива — горькая обида
Ель — удача
Скабиоза — чувствительная и несчастная женщина
Обыкновенная купена — секрет
Мимоза — тайная и глубокая чувствительность
Жасмин (чубушник) — воображаемая страсть
Тимьян — легкомыслие
Подсолнечник — гордость
Ноготки — страдания
Ноготки на голове — черная печаль
Ноготки на груди — ревность
Смоковница — надежда и заботы
Подсолнечник — мои глаза видят лишь вас
Тубероза — чувство
Тюльпан — честность
Фиалка махровая — взаимная дружба
Фиалка, обрамленная листьями — тайная любовь
Фиалка двухцветковая — совершенная красота
Фиалка обыкновенная — скромность, целомудрие²⁶²

*(Вечер накануне моих именин.
Воскресенье, 2 февраля) 1830 год.*

Сильное впечатление

Дни проходили за днями, мне было все равно; сердце, имевшее большие горести, привыкает к малейшим испытаниям. Пустота, скука заменила все другие чувст-

ва души; любить, я почти уверена, что не могу более, но это все равно, да, теперь мне **все** все равно. Но недавно эта холодная грусть поселилась во мне. Последний это был может быть — что не удар, нет, но сердечное горе. Я его пережила, но мне оно стоило, ах, стоило, да признаюсь и стоит. Я только что воротилась с гулянья; меня позвала Маминька: «Посмотри-ка, кто приехал». Я взошла и увидела... кого же? моего милаго и добраго В(asil); я запрыгала от радости, поцеловала его от всей души, а он, он смеялся. «Когда вы приехали? — Только что, 3 часа: в 9 дней из Берлина. — Вы похудели. — Очень? — Но как я рада вас видеть, вы мне расскажете, все — все. — Да, все, Анета».²⁶³

Pétersbourg 1831 28 Fevrier

Mon journal a été discontinué et peut-être dans un temps plus opportun je ferais l'extrait de ma vie: mais à présent je vais conter autre chose.

L'excès de la civilisation (si on peut s'expliquer ainsi) a produit dans le monde des révolutions que les siècles calmeront difficilement. Après la mort de Louis 18 roi de France son frère Charles X monta sur le trône. Dénué de toute force de caractère, la vie aux mains des Jésuites le roi foible fit le malheur de son pays, le sien propre et de toute la famille. Pendant quatre ans ses sottises, ses inconséquences tantôt sa trop grande sévérité ou sa foiblesse firent fermenter les esprits inquiets et peu calmés après la restauration. Des personnes qui avaient tout à gagner, rien à perdre s'occupèrent sourdement à soulever les esprits contre un gouvernement sans vigueur, sans force. On s'indignait contre les premiers ministres, on demandait leur démission, et le roi abusé par eux et se livrant tout entier à son caractère indécis, les conservait toujours.

Enfin au mois de juillet 1830 il publia ses fameuses ordonnances, qui décidèrent du sort de la France. Le peuple se souleva: et conduit par des meneurs expérimentés et depuis longtemps préparés et préparant cette révolte, attaqua le Louvre et les Tuilleries. Le roi était avec la famille à (...): au lieu de prendre des mesures décisives, il attendit, puis envoya 7 mille hommes de troupes pour résister à une population effrénée. On peut se douter des suites, elles furent battues, la plus grande partie déserta et le roi se retira à Rambouillier. L'attaque fut conduite avec talent, la défense avec la foiblesse et trahison.

Le peuple choisit le duc d'Orléans, le meneur secret du complot et l'ennemi de la maison triste et malheureuse des Bourbons, comme le Lieutenant du royaume. Le roi revendiqua les ordonnances, il était trop tard; il abdiqua pour lui et pour le Dauphin, le duc d'Angoulême et céda la couronne à son petit fils, le Duc de Bordeaux, fils du Duc de Berry assassiné à la sortie de l'Opéra. Il était encore trop tard, son abdication était inutile, le peuple l'avait déjà détrôné et il n'accepta point le Duc de Bordeaux. La malheureuse famille des Bourbons quitta pour la troisième fois les belles contrées de France et l'héritage royale de ses pères: elle alla chercher un asile chez son éternelle rivale dans le temps de prospérité et sa délicate protectrice dans l'Infortune: l'Angleterre. Elle se fixa dans le château triste de souvenirs et de faits de Holy Rood, et y mène depuis plusieurs mois la triste existence d'une famille déchue. Parmi les personnes qui fidèles à leur serment suivirent en émigré la royauté déchue, se trouvaient deux personnes bien chères à notre famille: les deux frères Damas. Le Baron qui dans la première révolution fut envoyé à l'âge de 10 ans pour être élevé en Russie et qui s'y distingua dans la suite, dans nos armées victorieuses des années 14 et 15, après la restauration quitta notre service et revint se fixer dans son pays, où il épousa une riche héritière, très riche, mais très

laide. Après sa blessure Pierre fut obligé d'aller en France pour se faire traiter à Marseille, il demeura chez le Baron de Damas dans la suite lorsque ce dernier fut fait ministre des affaires étrangères. Alexis était alors en France, a encore demeuré chez lui, enfin Damas a été comme un parent pour nous. C'était l'année 25 avant le couronnement que nous avons fait connaissance avec Alfred, comte de Damas, frère du Baron. C'est un homme bien aimable et nous le vîmes beaucoup à Péters(bourg) et surtout à Moscou au couronnement. Presque chaque jour il venait chez nous et m'amusait beaucoup. Il était venu avec la nouvelle ambassade qui venait pour le couronnement de l'Empreur Nicolas. Et aussi, lorsque nous nous acheminions vers Péters(bourg) il prit le chemin de Nijni pour retourner après en France. Avant de partir je lui fis deux presens: l'un une bague en argent et noire de Circassie, l'autre (par farce) des boucles d'oreille de paysanne Russe. Je le priais aussi de garder ce souvenir et de l'offrir à sa femme quand il se marierait. Nous nous séparâmes et je ne conservais d'Alfred que l'aimable impression qu'il avait laissée sur mon esprit de son caractère franc et gai.

Tout à coup cette année au mois de Février maman entre dans ma chambre et me dit que notre ancienne connaissance et actuellement notre pauvre émigré Alfred était arrivé et qu'il devait revenir dans notre maison. J'en fus toute joyeuse, mais je passai trois jours sans le voir car je relevais de maladie et n'osais quitter ma chambre. Enfin nous nous revîmes et bientôt notre connaissance fut intime. Le caractère d'Alfred est compris dans un seul mot, mais ce mot dit tout, il peint l'homme, son caractère — c'est la noblesse. Alfred est noble dans ses sentimens, dans ses actions, dans sa personne. Je le revis, je le connus non plus comme une étourdie de 19 ans qui entourée du prestige du monde ne voyait en lui peut-être qu'un admirateur de plus. Non, je le revis avec la raison d'une fille de 23 ans, je le compris dans son malheur, je m'en suis

fait un ami pour la vie, je le crois, j'en suis sûre. Je le vis et je dis à mon coeur: «Arme-toi de courage, Alfred est dangereux pour toi». Oui, il l'était, mais mon coeur habitué à se vaincre a su mettre entre lui et moi la barrière du devoir et je fus pour Alfred ce qu'il fut pour moi — son Amie.

Trois semaines passèrent non comme un songe. Ce serait, hélas, trop romanesque et le style de l'amitié doit être plus posé, plus sévère; ces trois semaines passèrent, hélas, (oh, ma raison, pardonne) bien vite et le jour de son départ fut fixé au vendredi du carnaval la nuit. Lui-même il croyait ne pas partir aussi vite, il espérait vivre avec nous et les larmes lui venaient aux yeux lorsqu'il pensait à son départ. Mais enfin ce jour arriva. Mon frère Pierre et sa femme donnaient ce jour-là une soirée. Ils demeuraient dans la même maison que nous, la maison gagarinienne. Ils la leur donnaient dans la Millionnaïa. Avant de traverser la cour pour aller chez lui, Alfred nous présenta le fameux Vendéen La Roche-Jaquelin, un ultra enragé. Ce même soir il avait reçu une lettre de son frère dont le contenu l'encouragea un peu. En sortant de la chambre pour partir Alfred me suivait. Je me retournai et lui dis: «Lorsque vous partirez, Monsieur Alfred, je vous bénirai, car tous ceux que j'ai béni sont restés saint et sauf à la guerre et partout». «Alors, — dit-il en se mettant sur un genou, — il faudra la recevoir ainsi». «Oh, non, non; — dis-je en rougisant, — pas tant d'humilité».

La soirée chez ma belle soeur fut très agréable, nous jouâmes aux charades, dans celle de «mariage». Alfred fit la jeune mariée et Kriloff le jeune époux. Le premer avait relevé les manches de sa chemise, il avait une robe et un châle drapé et sur la tête une couronne de fleurs d'orange, contraste singulier avec les grands favoris et son espèce de barbe. Il nous faisait mourir de rire avec son air modeste, mais ce qui nous étonna c'est les bras qui étaient blancs comme ceux d'une femme.

Revenus à minuit passé nous nous mêmes à souper, il semblait que d'avoir traversé la cour avait effacé toute notre joie. Alfred et nous tous étions tristes, mais nous cachions notre tristesse sous un air forcé d'une conversation sérieuse. Je proposai en russe de boire à la santé. On fit apporter du vin et lorsque tous les verres furent pleins nous nous levâmes tous et Alexis prononça à haute voix: «Cher comte Alfred! A la santé du Duc de Bordeaux et de la duchesse de Berry». Il fut si ému que les larmes coulèrent de ses yeux, il nous prit tous les mains en disant «Merci, merci, soyez bien sûr que je leur dirai cette aimable attention». Après Alexis se leva seul et but à la santé de sa mère, son frère, sa soeur. Nous en fîmes autant, il ne parlait plus, il ne disait que «merci» et nous pressait la main. Le dernier toast fut sa santé et un heureux voyage. Tout le monde avait les larmes aux yeux. Il saisit la main de Maman et la mienne et les baisa tour à tour. La conversation quoique languissante se prolongea jusqu'à deux heures.

Aucun de nous n'osait se lever en redoutant le moment des adieux. Enfin dans le moment d'un court silence la montre sonna deux heures. «Il faut enfin se décider», — dit mon Père. Tout le monde se leva; Alfred nous dit adieu à tous. En approchant de moi, je lui fis le signe de croix. «Merci, mille fois merci», — dit-il en baisant ma main. J'embrassai sa joue, les larmes me permirent à peine de lui souhaiter un heureux voyage. Tout le monde pleurait à chaudes larmes. Ce moment fut affreux. Je l'accompagnai jusqu'à l'escalier et je revins pleurer dans ma chambre et voir comment il partirait, car sa calèche sur patin était dans la cour. Je le vis bientôt sortir accompagné de mon frère et de bougies. A peine on put faire avancer la calèche. Le froid était très grand, elle avait gelé à la neige. Enfin après bien des efforts elle se mit en mouvement. Je la suivis des yeux jusqu'à ce qu'elle entra dans la rue et je m'agenouillai et je priai Dieu de protéger son voyage.

Depuis j'attendis une lettre de lui. Elle est arrivée hier de Berlin. Il y parle le plus de moi. Je l'ai lue à la hâte, je la relisais encore et je dirai ce qu'écrivait mon frère Alfred — voilà le nom qu'il se donne. Voilà l'extrait de sa lettre. Il parle des accidens qui lui sont arrivés et ajoute que ce n'est sûrement aux bénédictions de Maman et de Mlle Annette qu'il doit de n'être pas tué. Puis il continue: «Je me suis en allé le coeur bien serré, et vous m'avez tous traité en fils et en frère, et je me reproche de n'avoir pas su vous en remercier, mais j'étais si ému en vous quittant qu'il m'était impossible de prononcer une parole, recevez donc ici toute l'expression de mon attachement, de ma reconnaissance. Dites bien à Mlle Annette combien son amitié m'est précieuse et combien je la supplie de me la conserver. Adieu Mons... ou plutôt au revoir qui vaut bien mieux, quoique je ne sache pas quand vous me permettrez de vous embrasser, vous et Mme d'Olenine en fils bien tendre et vos enfans en frère. A. D.» Voilà sa lettre. Elle peint l'homme. Pas une seule phrase, mais le sentiment tel qu'il est. Dieu sait si nous nous reverrons jamais: mais si jamais par des revers de fortunes, par des révoltes qui maintenant bouleversent l'Europe entière ou peut-être par fantaisie je me trouvais dans son pays et qu'il y fut revenu auprès de ses Dieux lares, je sais bien que je puis compter sur lui. Alfred, je le sais, n'a jamais interprété en mal ce que je disais, il ne voyait dans mes discours que l'expression du sentiment qui me dominait et dans mes plaisanteries l'effet (pourquoi le cacher surtout ici et lorsqu'il me l'a dit tout bonnement) de la vivacité de mon esprit. Je lui dis en riant un jour: «Je suis bien fâchée, M. Alfred, que je ne suis pas votre Duc de Bordeaux. Vous verrez, comme j'aurai agi». «Vous ne pourrez en être plus fâché que moi, car je sais bien votre esprit».

En partant Alfred m'a donné deux souvenirs dont l'un ne me quitte pas. C'est une bague de Venise, l'autre une gondole du même pays. Il est singulier qu'au couronnement à son

départ je lui donnai une bague d'argent travaillée en noir et qui venait du Caucase: cette singulière circonstance me fait dire quelques fois que je suis fiancée. Je lui donnai aussi par farce des boucles d'oreille de paysanne russe et par un singulier hasard elles se sont trouvées dans les objets qu'il avait sauvés en quittant Paris et il me les a apportées ici. Je lui donnai à mon tour à son départ d'ici une cuillère en argent doré telle qu'ont nos paysans. J'y ai fait graver par précaution et de crainte de la voir passer dans d'autres mains ces mots: «А. М. le comte Alfred de Damas St Péter(bourg): 1831 et le quantième», puis je lui donnai une bourse en forme de bonnet de cocher Russe avec un ⟨нрзб⟩ et une médaille du couronnement. Dieu sait quand je le reverrai, mais il ne sait pas combien je m'intéresse à son bonheur!

Петербург 1831 (суббота) 28 февраля

(Мой журнал был прерван, быть может, в более удобное время я продолжу описание некоторых эпизодов моей жизни. Но сейчас я расскажу о другом.

Развитие цивилизации (если можно так выразиться) породило в мире волну революций, которая едва ли уляжется в последующие века. После смерти Людовика XVIII на трон взошел его брат Карл X. Безвольный, поддающийся влиянию иезуитов, этот слабый король был несчастьем для своей страны, для себя самого и для всей семьи. За четыре года ²⁶⁴ его глупость и непоследовательность — то излишняя суровость, то слабость — возбудили беспокойные и не совсем остывшие после Реставрации головы. Те, кто мог выиграть все и не мог проиграть ничего, завладевают тайно умами и восстанавливают их против бессильного и беспомощного правительства. Они возмущались министрами, требовали их отставки, а король, подчинявшийся им по своему нерешительному характеру ничего не мог с ними по-

делать. Наконец в июле месяце 1830 года он издал свои знаменитые указы ²⁶⁵, которые решали судьбу Франции. Народ восстал и, руководимый опытными заговорщиками, давно готовившими бунт и готовыми к нему, штурмовал Лувр и Тюильри. Король со своей семьей был в .... ²⁶⁶ вместо того, чтобы принять серьезные решения, он выжидал, а потом послал семитысячный отряд, чтобы остановить обезумевший народ. Предсказать последствия нетрудно: войска были перебиты, большая часть дезертировала, а король скрылся в Рамбуйе. Атакующих отличал талант, обороняющихся — вялость и измена. Народ избрал главою королевства герцога Орлеанского, тайного вдохновителя заговора и врага скорбного и несчастного дома Бурбонов. Король отменил свои ордонансы, но было слишком поздно, он отрекся от престола ради его сохранения и ради Дофина, герцога Ангулемского, передав корону своему внуку, герцогу Бордосскому, сыну герцога Беррийского, убитого при выходе из Оперы ²⁶⁷. Было слишком поздно. Его отречение ничему не послужило, народ уже его низверг и не признал герцога Бордосского. Несчастливая семья Бурбонов в третий раз покинула прекрасную землю Франции ²⁶⁸ и королевское наследство своих отцов: она поехала искать убежища у своей вечной соперницы во времена своего процветания и отзвучивой защитницы в несчастьи: Англии. Она укрылась в замке Холи Руд, юдоли печальных воспоминаний и событий, и долгие месяцы ведет там жалкое существование обездоленной семьи.

Среди тех, кто остался верен своей присяге и последовал за низвергнутыми королевскими особами в эмиграцию, оказались два человека, очень дорогих нашему семейству: два брата Дама. Барон ²⁶⁹, во время первой революции отосланный десятилетним мальчиком учиться в Россию и отличившийся впоследствии в нашей победоносной армии в 14 и 15 годах ²⁷⁰, после Реставрации оставил нашу службу и

уехал на родину, где женился на богатой наследнице, очень богатой, но очень некрасивой. После ранения Петр должен был поехать во Францию, чтобы пройти курс лечения в Марселе; он останавливался у барона Дама. Впоследствии, когда тот был уже министром иностранных дел, Алексей, будучи во Франции, также жил у него. Словом, Дама был для нас почти родственником. С Альфредом, графом де Дама, братом барона, мы познакомились в 25 году перед коронацией²⁷¹. Он был очень мил, и мы его часто видели в Петербурге и особенно в Москве на коронации. Он посещал нас почти каждый день, и очень меня развлекал. Он приехал с новым посольством, прибывшим на коронацию Императора Николая. А когда мы отправлялись в Петербург, он поехал в Нижний, чтобы потом вернуться во Францию. Перед его отъездом я сделала ему два подарка: один — черкесское серебряное кольцо с чернью, другой (шутливый) — сережки, которые носят русские крестьянки. Я попросила его сохранить этот сувенир и подарить его своей избраннице, когда он женится. Мы расстались, и в памяти моей Альфред сохранился лишь благодаря тому приятно-впечатлению, которое произвел на меня его нрав — открытый и веселый.

Вдруг в этом году, в феврале месяце²⁷², в мою комнату входит маменька и сообщает мне, что приехал наш давний знакомый, а ныне бедный эмигрант Альфред и что он должен зайти к нам. Я была этим очень обрадована, однако, в течение трех дней не видела его, ибо оправлялась от болезни и не выходила из комнаты. Наконец мы увиделись, и вскоре наше знакомство переросло в дружбу. Натуру Альфреда можно выразить одним-единственным словом, но это слово скажет о нем — о человеке, о характере — все, и это слово — благородство. Альфред благороден в своих чувствах, в своих поступках, в своем облике.

Теперь я смотрела на него, я изучала его уже не как 19-летняя ветреница, избалованная вниманием света, которая видела бы в нем, быть может, лишь очередного дыхателя. Нет, теперь я смотрела на него глазами здоровомыслящей 23-летней девушки, я поняла его в его несчастье и, думаю, стала ему другом на всю жизнь — я в этом уверена. Встретив его вновь, я сказала своему сердцу: «Вооружись мужеством! Альфред опасен для тебя». Да, это было правдой, но мое сердце, привыкшее к победам над собой, сумело воздвигнуть между ним и мною преграду из долга, и я стала для Альфреда тем, кем был для меня он — другом.

Эти три недели не были поэтическим сном. Это было бы, увы, слишком романтично, ведь дружба предписывает более спокойный, более строгий стиль; эти три недели промчались, увы, (о, да простит меня мое здравомыслие) очень быстро, и срок его отъезда был назначен на масленицу, на пятницу, в ночь. Сам он не рассчитывал отбыть так скоро, он надеялся пожить у нас подольше, и слезы наворачивались у него на глазах при мысли об отъезде. Но этот день в конце концов наступил. Брат Петр и его жена²⁷³ устраивали вечер. Они жили в том же доме, что и мы, в доме Гагарина, и устраивали его на Миллионной²⁷⁴. Прежде чем перейти двор, чтобы попасть к себе, Альфред познакомил меня со знаменитым Ларош Жакленом²⁷⁵, этим неистовым безумцем. В тот самый вечер он получил от своего брата письмо, содержание которого его несколько ободрило. Перед отъездом, выйдя из комнаты, Альфред шел за мной. Я обернулась и сказала ему: Когда вы будете отправляться, г-н Альфред, я вас благословлю, потому что все, кого я благословляю, остаются целыми и невредимыми на войне и повсюду». «Тогда, — сказал он, становясь на одно колено, — благословение следует принять так». «О, нет, нет, — сказала я, краснея, — к чему такое уничижение».

Вечер у моей свояченицы был очень приятным, мы разыгрывали шараду на слово «*marriage*» (женитьба). Альфред изображал новобрачную, а Крылов — молодого супруга. Первый поднял воротник своей рубашки, на нем было платье и шаль, драпирующая фигуру, на голове венок из флердоранжа, который странным образом контрастировал с большими бакенбардами и с неким подобием бороды. Мы чуть не умерли со смеху от его напускной кротости, но что нас поразило, так это его белые, как у женщины, руки. Вернувшись за полночь домой²⁷⁶, мы сели ужинать, но казалось, что переходя через двор, мы растеряли наше веселье. Альфред и мы все были печальны, но мы скрывали нашу печаль за искусственно поддерживаемым серьезным разговором. Я предложила по-русски выпить за здравную. Приказали принести вина, и когда все бокалы были наполнены, мы все встали, и Алексей произнес громко: «Дорогой граф Альфред! За здоровье герцога Бордосского и герцогини Беррийской»²⁷⁷. Он был так взволнован, что из глаз его полились слезы; он стал всем нам жать руки, говоря «Благодарю, благодарю за столь любезное внимание». Затем Алексей встал один и выпил за здоровье его матушки, брата, сестры. Мы сделали то же, он больше не говорил ничего, кроме «благодарю», и все пожимал нам руки. Последний тост был за его здоровье и за благополучное его путешествие. У всех были слезы на глазах. Он схватил маменькину руку и мою и их поцеловал по очереди. Разговор, хотя и угасающий, продолжался до двух часов. Никто из нас не решился встать, опасаясь момента прощания. Наконец, в минуту краткого молчания часы пробили два. «Однако надо уже решиться», — сказал папенька. Все встали; Альфред простился со всеми. Когда он подошел ко мне, я перекрестила его. «Благодарю, тысячу раз благодарю», — сказал он, целуя мою руку. Я поцеловала его в щеку, слезы едва позволили мне пожелать ему счастливого пути. Все пла-

кали горячими слезами. Это была ужасная минута. Я проводила его до лестницы и вернулась в свою комнату, чтобы дать волю слезам и видеть его отъезд, потому что его коляска на полозьях стояла во дворе. Вскоре я увидела, как он вышел в сопровождении моего брата и слуг со свечами. Коляска едва могла сдвинуться с места. Мороз был очень сильный, и она вмерзла в снег. Наконец после больших усилий она тронулась. Я провожала ее глазами до тех пор, пока она не выехала на улицу. Я встала на колени и стала молить бога хранить его в пути.

Потом я стала ждать его писем. И вот вчера пришло письмо из Берлина ²⁷⁸. В нем он больше всего пишет обо мне. Я прочитала его второпях, затем еще раз перечитала. Сейчас я расскажу, что пишет мне мой Брат Альфред — это имя он присвоил себе сам. Вот отрывок из его письма. Он рассказывает о происшествиях, которые с ним приключились, и добавляет, что только благодаря благословению Маменьки и Mlle Аннет он не был убит. Потом он продолжает: «Я уехал, и сердце мое щемит; Вы обращались со мной как с сыном и братом, и я казню себя за то, что не сумел выразить Вам свою признательность, но я так был взволнован, когда уезжал от Вас, что не мог произнести ни слова. Примите же слова моей искренней любви и благодарности. Скажите Mlle Аннет, сколь дорога мне ее дружба и сколь велико мое желание, чтобы она сохранила ко мне эти чувства. Прощайте, Madame, или нет, до свидания, что намного лучше, хотя я и не знаю, когда Вы позволите мне как сыну и брату снова вас обнять, вас, Madame Оленина, и ваших детей. А. Д.» Вот его письмо, и в нем он весь. Ни одной лишней фразы, но чувство таково, каково есть на самом деле. Бог знает, свидимся ли мы снова; но если когда-нибудь, по воле судьбы или новых переворотов, которые потрясают всю Европу, а может быть, просто по собственной прихоти я попала бы в его страну ²⁷⁹ и оказалась бы под сенью его пенатов, я твердо

уверена, что могла бы довериться ему: Альфред — я это знаю — никогда не истолковал бы в дурную сторону то, что я говорила, он видел в моих речах лишь выражение чувств, которые меня переполняли, и в моих шутках (к чему скрывать это, особенно здесь, если сам он добродушно говорил мне об этом) лишь игру живого ума. Однажды, смеясь, я ему сказала: «Я очень жалею, г-н Альфред, что я не ваш герцог Бوردосский. Вы увидели бы тогда, как должно действовать». «Я сожалею об этом куда больше вашего, я ведь знаю, как вы умны». Уезжая, Альфред сделал мне два подарка на память. Один из них никогда меня не покидает, это кольцо, изготовленное в Венеции. Другой — гондола, оттуда же. Странно, но на коронации при его отъезде я ему подарила серебряное черное кольцо, привезенное с Кавказа. Это странное обстоятельство побудило меня говорить иногда, что я обречена. Кроме того, я подарила ему в шутку серьги — украшения, какое носят русские крестьянки, и по странной случайности они оказались среди вещей, которые ему удалось спасти, покидая Париж, и он привез их мне сюда. В свою очередь я подарила ему при его отъезде отсюда золоченую ложку, такую, какие заводят наши крестьяне. Я выгравировала на ней из предосторожности, опасаясь, чтобы она не попала в чужие руки, следующие слова: «Графу Альфреду де Дама. Санкт-Петербург 1831». Потом я подарила ему кошелек в форме русской кучерской шляпы ²⁸⁰ с (нрзб) и медаль в честь коронации ²⁸¹. Бог знает, когда я его увижу, он не знает, как искренно я желаю ему счастья!)

Péters(bourg) 1831 Mai

Que le sort d'une femme est singulier! Une simple imprudence, une inconséquence même et son bonheur même à venir est détruit! Ma conscience me reproche-t-elle? Oui, mais elle me reproche non des imprudences, des inconséquences,

elle me reproche l'apparence de ces défauts; et pour quelle raison encore j'ai paru telle? hélas, par la crainte de faire voir ce que je sentais réellement.

Mon frère Alexis a désiré épouser Sophie Wacilchikoff. Le tout n'a pas réussi: de notre côté nous nous sommes pris (comme toujours) maladroitement, du leur il y eut (нрзб) écrite et même coquetterie de la part de la demoiselle. Mais enfin pendant que le tout était indécis nous avons été jeté, comme disent les anglais, dans la société (нрзб) l'essence des autres. Les Galitzine (Barbe) et eux arrangèrent un carrousel. J'en fus. Mon art d'équitation attira tous les regards, mais je puis dire (que cela) ne me flatta pas, je suis si sûre de monter bien que je suis étonnée qu'on s'en étonne. Dans ce carrousel voilà les paires qui montaient. Basile Reprine et Mme Diwoff, Smirnoff et Sophie Wac.: Marie, ma belle soeur et Revendlos de l'ambassade de Danemark (un imbécile), la Princesse Zinaïde Galitz(ine) et Zinovieff, la princesse Troubezkoï et Ozeroff, Sophie Karamsine et Morgenstern (de l'ambassade de Suède), Catherine Wac. et Golovine (un sot), moi et le Prince Lobkowich de l'ambassade d'Autriche. Mon cavalier était très aimable. Il était plus que cela, il était charmant. Mais il fut obligé de partir en courrier en Autriche au sujet des affaires de la Pologne, ainsi j'eus un remplaçant et voilà le malheur. Ce fut le comte Alexandre Alopeus qui à l'âge de 16 ans a été un peu amoureux de moi. Et l'on revient toujours à ses premiers amours! Parmi les jeunes gens au carrousel il y en avait un distingué sous tous les rapports comme pour la figure aussi bien pour la conduite. C'était M. Zinovieff. Il commença à me faire un peu la cour; un peu beaucoup mais avec tant de précautions que ce n'était je crois que moi et ma belle soeur qui l'avait remarqué. Mais hélas, le dernier but après le carrousel a tout détruit. Il y est arrivé tard, il avait été de service. Je dansais, j'étais engagée pour toutes les contredanses, le maudit prince Kourakine m'avait engagée pour la

Mazourka un moment avant son arrivée. Je dus donc lui refuser. Alopeus ne me quittait pas, il dansa avec moi une française et puis se plaça à côté de moi lorsque je dansais. Le tout allait encore bien. Mais à la Mazourka Alopeus ne dansait pas, vint se mettre à côté de moi, Zinovieff ne dansait pas non plus, mais assis auprès de Mme Balabine et avait l'air de causer hélas, je crois (qu') il observait plutôt. Je causais, je riais avec Alopeus et comme je croyais faire passer mon désappointement mais Z. se fâcha apparemment, il ne me comprit pas et alla faire sa cour à Sophie Wac. S'il le fit pour me rendre jalouse, il y réussit parfaitement. Après la mazourka il partit. Le comte Alopeus resta, il continua la cour, mais elle ne m'était plus agréable. Les remarques méchantes de Sophie Karamsine contribuèrent à me la rendre même désagréable. Z. ne tint pas sa parole à mon frère de venir nous voir. Je crois bien que j'ai eu tort. On répandit dans le monde le bruit que Alopeus me plaisait. Je ne revis qu'à la promenade Z. Nous allons partir pour la campagne. Tous les projets s'évaporent et me voilà plus triste, plus seule que jamais.

(Петер(бург) 1831 май)

Как странно женская доля! Достаточно простой неосторожности или всего лишь непоследовательности, и надежды на счастье разрушены! Мучает ли меня моя совесть? Да, но она корит меня не за неосторожность или непоследовательность, она упрекает меня лишь за создание видимости этих недостатков. И за что же мне приписывают их? Увы, за мою боязнь обнаружить свои подлинные чувства.

Мой брат Алексей хотел жениться на Софи Васильчиковой. Но ничего не удалось. Со своей стороны мы приняли за дело (как всегда) неуклюже, они отвечали неискренностью и даже кокетством со стороны барышни. Но в конце концов пока еще все было неопределенно, нас оттесни-

ли, как говорят англичане, в общество иных-прочих. Они и Голицыны (Бабет) ²⁸² устроили карусель ²⁸³. Я участвовала в ней. Мое искусство верховой езды привлекло взгляды всех присутствующих, но, смею сказать, это мне не льстит; я так уверена в своем мастерстве, что даже удивлена, что этому удивляются. В этой карусели участвовали следующие пары: Василий Репнин и Мте Дивова ²⁸⁴, Смирнов ²⁸⁵ и Софи Вас(ильчикова), Мари, моя свояченица и Ревентлов (идиот) из посольства Дании, княгиня Зинаида Голиц(ына) ²⁸⁶ и Зиновьев ²⁸⁷, княгиня Трубецкая ²⁸⁸ и Озеров ²⁸⁹, Софи Карамзина ²⁹⁰ и Моргенштерн (из посольства Швеции), Екатерина Вас(ильчикова) и Головин (дурак) ²⁹¹, я и князь Лобкович ²⁹² (из посольства Австрии). Мой кавалер был очень любезен. Более того — он был очарователен. Но он должен был уехать курьером в Австрию в связи с событиями в Польше, и потому мой партнер был заменен. И вот несчастье, это был граф Александр Алопеус ²⁹³, который в 16-летнем возрасте был в меня немножко влюблен. А к первой любви всегда возвращаются! Среди молодых людей на карусели был некто, выделявшийся изяществом во всех отношениях — и во внешности, и в манерах. Это был г-н Зиновьев. Он стал слегка ухаживать за мной, чуть более, чем требует обыкновенная учтивость, но столь осторожно, что, думаю, лишь я и моя свояченица это заметили. Но, увы, последний бал после карусели все расстроил. Он приехал на него поздно, он был на дежурстве. Я танцевала и была приглашена на все контрдансы, проклятый князь Курракин ²⁹⁴ пригласил меня на мазурку за несколько минут до его прихода, и я вынуждена была ему отказать. Алопеус не отходил от меня, он протанцевал со мной французский танец, а потом уселся возле моего места, когда я танцевала. И все бы еще ничего, но поскольку Алопеус не танцевал мазурку, он водворился рядом с моим местом. Зиновьев более не танцевал, но сел возле Мадам Балабиной ²⁹⁵ и, казалось,

беседовал с нею. Увы, я думаю, он скорее наблюдал. Я разговаривала, я смеялась с Алопеусом и думала, что это может мне скрыть мое разочарование, но З(иновьев), по-видимому, был раздосадован этим; он не понял меня, и стал ухаживать за Софи Вас(ильчиковой). И если он сделал это, чтобы возбудить мою ревность, то вполне в этом преуспел. После мазурки он уехал. Граф Алопеус остался и продолжал свои ухаживания, но они мне удовольствия больше не доставляли. А злые замечания Софи Карамзиной сделали их просто несносными. З(иновьев) не сдержал обещания посетить нас, которое он дал брату. Я понимаю, что сама виновата. В свете распустили слух, что Алопеус мне нравится. С тех пор я видела Зиновьева лишь однажды на прогулке. Мы уезжали за город. Все мечты улетучились. И вот я более печальная и одинокая, чем когда-либо...)

Prise à la court au Jourfiex de l'Hermitage le 1-r de
Janvier 1833

(Прием при дворе на журфиксе в Эрмитаже 1-го
января 1833)

Прошло целых два года, и мой Журнал не подвинулся вперед. Дружба моя с милыми Блудовыми²⁹⁶ занимает все минуты, остающиеся от шумной пустой светской жизни. Наша переписка — настоящий журнал: не худо вкратцах описать теперешнюю мою жизнь. Два слова ее ясно представляют: я беззаботно спокойна.

Познакомившись с Antoinette и Lidye, мы скоро сделались неразлучны: да и не могло иначе быть, кто коротко их узнает, тот верно полюбит: мы поняли друг друга, мы жили душою: наш мир — не светской мир, он — мир души, он — мир воображения. Усталая от холодности светской, от пустаго занятия всегда в нем думать об се-

бе, ne pas se compromettre (о том, чтобы не скомпрометировать себя), презирая разсчеты молодых девушек, не понимающих самоотвержения, я схватилась с жадностью <за> протянутую руку, я **прицепилась** к ним, они оживили меня, как Пигмалион свою статую, я снова начала жить, чувствовать, любить! О, как сладостно истинное чувство дружбы, и как они его умели постигнуть! Примите же, друзья, мою благодарность; оживленная вами, я снова стала жить, пылать, чувствовать, понимать все великое, и вы вынули из сердца тернь, которую там оставили обманы света.

Рет. 1835 2 Fevrier (Пет(ербург), 1835, <суббота> 2 февраля)

Примечания

Текст дневника А. А. Олениной печатается по автографу, хранящемуся в РГАЛИ (Оленин А. Н., ф. 1124, оп. 2, е. х. 10). Дневник Анны Алексеевны Олениной представляет собою рукопись объемом 145 страниц в альбоме в темно-красном сафьяновом переплете, с золотым обрезом и тисненой золотом надписью «Annette», исполненной готическим шрифтом, в верхней его части; бумага с водяными знаками «J. Whatman Turkey Mill 1827». Судьба дневника и история его публикации изложена в предисловии к настоящему изданию.

¹ **...И как безумие хохочешь.** — Цитата из стихотворения Е. А. Баратынского, посвященного А. Ф. Закревской (1824—1825). Впервые опубликовано в 1827 г. под загл. «К ...» с цензурной заменой строк 8—9 («Как покаянье плачешь ты, И, как безумье, ты хохочешь!») В позднейших изданиях два последних стиха даются в авторской редакции: «Как Магдалина, плачешь ты, И, как русалка, ты хохочешь».

² **Все прошло с зимой холодной** — Цитата из басни И. А. Крылова «Стрекоза и муравей» (впервые в «Драматическом Вестнике», 1808, ч. 1, № 34) с измененной пунктуацией (опущено двоеточие). У Крылова: «Все прошло: с зимой холодной...»

³ **...в Конюшенной улице** — Большая Конюшенная улица в Петербурге соединяет через Мошков (с 1952 г. — Запорожский) пер. Невский проспект с набережной Невы, где с осени 1827 г. Оленины жили в доме кн. П. Г. Гагарина (I Адмиралтейской части, I квартала № 13—14; современный адрес — Дворцовая наб., д. № 10).

⁴ **...мущина с полковничными эполетами и походивший на...** — имеется в виду кн. Алексей Яковлевич Лобанов-Ростовский (8.01.1795 — июнь 1848), флигель-адъютант, полковник, командир 1-го дивизиона и 1-го эскадрона Л.-гв. Гусарского полка; сын кн. Якова Ивановича Лобанова-Ростовского, Малороссийского генерал-губернатора, члена Государственного совета, обер-камергера (1760—1831), и кн. Александры Николаевны, рожденной Салтыковой (1764—1829). Семь лет был записан на службу в Московский архив иностранных дел; в 1814 г. был переведен в Александрийский гусарский полк поручиком и принял участие в боевых действиях. Назначенный адъютантом к гр. М. С. Воронцову, А. Я. Лобанов-Ростовский был переведен в Л.-гв. Гусарский полк; в 1819 г. назначен адъютантом к кн. П. М. Волконскому. В 1821 г. пожалован во флигель-адъютанты, в 1823 г. произведен в полковники; 22 августа 1825 г. награжден орденом св. Владимира 4-го класса. На коронационных торжествах в Москве в 1826 г. командовал

2-м Сводным полком гвардейской легкой кавалерии; 22 августа 1826 г. пожалован орденом св. Анны 2-й степени. Во время Турецкой кампании за отличие при осаде Варны был награжден орденом Св. Георгия 4-й степени и чином генерал-майора с зачислением в свиту Его Императорского Величества. Впоследствии генерал-адъютант и генерал-лейтенант. Жена кн. А. Я. Лобанова-Ростовского Софья Петровна, рожд. Лопухина, умерла 3.04.1825 г., оставив ему трех сыновей: Петра (р. 1820), Николая (р. 1823) и Дмитрия (р. 28.02.1825). С 1820 г. А. Я. Лобанову-Ростовскому принадлежал дом на Большой Морской (ныне дом № 31).

⁵ **Вчера я была для уроков в городе...** — Оленины выезжали в Приютно ранней весной и возвращались в Петербург поздней осенью.

⁶ **...моего Ангела Машу Elmpt** — Эльмпт Мария Филипповна, графиня (между 1799 и 1810—1853 (?)), фрейлина; дочь генерал-лейтенанта гр. Филиппа Ивановича Эльмпта (ум. 1818) и сго жены, гр. Анны Ивановны Будберг, рожд. фон Баранов (1777—1845), гофмейстерины при дворе вел. кн. Михаила Павловича и вел. кн. Елены Павловны (1828).

⁷ **...обедала у моего верного друга Варвары Дмит(риевны) Пол(торацкой)** — Полторацкая Варвара Дмитриевна (15.10.1798—11.12.1843), рожденная Киселева, дочь Дмитрия Ивановича Киселева (1761—1820) и Прасковьи Петровны, рожденной кж. Урусовой (1767—1841); с 1823 года замужем за Алексеем Марковичем Полторацким (ум. 1843), действительным статским советником, тверским губернским предводителем дворянства (1815—1822), братом Е. М. Олениной.

⁸ **...Миша Полт(орацкий)** — Полторацкий Михаил Александрович (1801—17.08.1836) — штабс-капитан, сын Александра Марковича Полторацкого (1766—1839) и Татьяны Михайловны, рожденной Бакуниной (ум. 1858), двоюродный брат А. А. Олениной; кишиневский знакомый А. С. Пушкина, один из адресатов его стихотворения «Друзьям» (1822).

⁹ **...голос брата Алексея, которой болен душевно и телесно...** — Оленина Алексея Алексеевича (30.05.1798—25.12.1854). А. А. Оленин по особому повелению императора был зачислен в Пажеский корпус после гибели в Бородинской битве старшего брата Николая; 20.04.1817 выпущен из Пажеского корпуса прапорщиком в Гвардейский Генеральный штаб с прикомандированием к Военно-топографическому депо, 29.03.1825 произведен в капитаны; в 1827 г. по болезни уволен в отставку. С 1827 г. — чиновник Азиатского департамента МИД. В дальнейшем служил в Департаменте уделов, Министерстве юстиции (с 1830) и др. ведомствах, впоследствии действительный статский совет-

ник. Женат (с 1833) на Александре Андреевне, рожденной кж. Долго-руковой (ум. 18.11.1859). Член Союза благоденствия. А. Х. Бенкендорф доносил Александру I в мае 1821 года: «Действия сего общества в 1818 году получили новую деятельность, и число членов возросло более двухсот. Мало-помалу привлечено множество офицеров Главного Штаба... Примечательнейшие по ревности: Бурцов, фон-дер-Бригген, два Колошина, Оленин...» Однако Д. Н. Свербеев в своих записках оценивает оппозиционность А. А. Оленина скептически: «Дилетант всех возможных переворотов, он желал их потому, что ему без них было скучно, и не один он был таким охотником до революций» (Свербеев Д. Н. Ук. соч. Т. II. С. 323). В декабрьских событиях 1825 г. А. А. Оленин не участвовал, находясь с 4 мая 1825 г. в отпуске для лечения за границей (в Англии и Франции). Н. И. Тургенев писал П. Я. Чаадаеву из Парижа 20 ноября 1825 г.: «Здесь теперь Оленин. В восхищении от англичан. И прав, хотя уже и потому, что он там совершенно выздоровел» (Чаадаев П. Я. Сочинения и письма П. Я. Чаадаева. Т. I, М., 1913. С. 359).

¹⁰ Он хочет вступить в военную службу {...} он прав, потому что жизнь пустая и без занятий так же убьет его. — Весной 1828 г. принять участие в войне намеревались также П. А. Вяземский и А. С. Пушкин; побудительные мотивы были те же. «Здесь ведет он жизнь самую рассеянную, и Петербург мог бы погубить его, — писал А. И. Тургеневу о Пушкине Вяземский 18 апреля 1828 г. — Ратная жизнь переварит его и напитает воображение существенностью». Однако стремление в действующую армию было небезосновательно расценено властями как попытка укрыться «от их всевидящего глаза, от их всеслышащих ушей», как скажет позднее Лермонтов. «Неужели вы думаете, — писал Бенкендорфу великий князь Константин 27 апреля, — что Пушкин и кн. Вяземский действительно руководствовались желанием служить его величеству, как верные подданные, когда они просили позволения следовать за императорской Главной Квартирой? Нет, не было ничего подобного: они уже так заявили себя и так нравственно испорчены, что не могли питать столь благородного чувства. Поверьте мне, что в своей просьбе они не имели другой цели, как найти новое поприще для распространения с большим успехом и с большим удобством своих безнравственных принципов, которые доставили бы им в скором времени множество последователей среди молодых офицеров» (РА, 1884, кн. III. С. 321—322). Обоим поэтам было отказано под предлогом отсутствия вакансий. Получив отказ, Пушкин, по свидетельству А. А. Ивановского, «впал в болезненное отчаяние {...} сон и аппетит оставили его, желчь сильно разлилась в нем, и он опасно

занемог» (РС, 1874. Т. IX. С. 392—399). По-видимому, от подобных приступов черной меланхолии А. А. Оленин лечился наиболее распространенным средством: во время путешествия в Кронштадт 25 мая 1828 г. Вяземский отметил, что «Оленин-сын выпивает портера и водки на одну персону на 21 рубль...» Тяжелые предчувствия Анны Алексеевны оправдались. Ее брата ожидал трагический конец. «Крепостной человек действительного статского советника Оленина Лев Васильев, явясь в полицию, объявил, что он нанес владельцу своему удар по лбу обухом топора с намерением убить его, — записал 7 сентября 1852 г. Л. В. Дубельт в своем дневнике. — Полиция нашла Оленина живым, но тяжело раненым с повреждением черепа. Оленин (...) человек, как говорят, крайне раздражительного характера и своим обращением с прислугою вывел оную из терпения» (Заметки и дневники Л. В. Дубельта // Российский архив. Т. VI. М., 1995. С. 184—185). 25 декабря 1854 г. Л. В. Дубельт отметил в том же дневнике: «Действительный статский советник Оленин убит топором крепостными своими людьми Тимофеевым и Меркуловым. Убийцы сами явились и, объявив о своем преступлении, сказали, что сделали это по причине жестокого с ними обращения их барина» (Там же. С. 266. См. также: *Мороховец Е. А.* Крестьянское движение 1827—1869. Вып. 1, М., 1931. С. 103).

¹¹ **Ламартин** — Ламартин (Lamartine) Альфонс Мари Луи де (21.10.1790—28.11.1869) — французский поэт-романтик, публицист, политический деятель.

¹² **Тетушка уехала более недели...** — В. Д. Полторацкая уехала в тверское имение, где 16 сентября у нее родился сын Владимир; она вернулась в Петербург на другой день после возвращения из Ясс Н. Д. Киселева, прибывшего в столицу, по сообщению «Санкт-Петербургских ведомостей», между 14 и 18 ноября 1828 г. (см. запись в «Дневнике» от 5 декабря 1828).

¹³ **Ежели брат ея за меня посватывается, возвратясь из Турции...** — Имеется в виду Николай Дмитриевич Киселев (1802—26.10.1869), надворный советник, дипломат, секретарь посольства, впоследствии посол во Франции (1844—1854), посол в Италии. Член сложившегося в Петербурге весной 1828 г. дружеского кружка, в который входили А. С. Пушкин, кн. П. А. Вяземский, А. С. Грибоедов, А. Мицкевич, А. А. Оленин, кн. С. Г. Голицын и др.; один из предполагаемых претендентов на руку А. А. Олениной. Н. Д. Киселев был назначен секретарем при посольстве в Париже и выехал за границу 14 июня. Будучи отпущен для лечения в Карлсбад, он затем должен был ехать в Вену, а потом — к театру военных действий в Турцию, чтобы состоять при гр.

К. В. Нессельроде. Н. Д. Киселев возвратился в Петербург из Ясс между 14 и 18 ноября.

¹⁴ **А. Оом** — Оом Анна Федоровна, (22.02.1791—7.10.1850), рожденная Фурман, дочь Федора Андреевича Фурмана, уроженца Саксонии, надворного советника, агронома, и его первой жены — Елизаветы Ивановны, рожд. Энгель, племянница Федора Ивановича Энгеля (1766—1837), статс-секретаря, члена Государственного совета, друга дома Олениных. После смерти матери Анна Федоровна воспитывалась бабушкой — Елизаветой Касперовной Энгель, затем ее подругой Е. М. Олениной. Анной Федоровной были увлечены Н. И. Гнедич и К. Н. Батюшков, посвятивший ей стихотворения «Мой гений» («О память сердца! Ты сильней...»), «Разлука», «Элегия» — (1815). В 1816 г. переехала в Дерпт к отцу. В 1821 г. вышла замуж за Вильгельма-Адольфа (Адольфа Адольфовича) Оома (1791—1827) и переехала в Ревель, затем в Петербург. После смерти мужа (1827) А. Ф. Оом осталась с четырьмя детьми в весьма сложном положении. Благодаря содействию А. Н. Оленина, она была назначена Главной надзирательницей Петербургского воспитательного дома, впоследствии — Николаевского Сиротского института. Ее внук, Федор Федорович Оом был женат на Ольге Николаевне Сталь фон Гольштейн, в первом браке Звегинцовой, внучке Анны Алексеевны Олениной, издательнице ее дневника.

¹⁵ **...смерть Алек(сандра) Ива(новича) Ермолаева.** — Ермолаев Александр Иванович (22.06.1780—10.07.1828), конференц-секретарь Академии художеств, хранитель рукописей в Императорской публичной библиотеке, статский советник, художник, палеограф, один из ближайших сотрудников А. Н. Оленина в его работах по отечественной археологии. Им исполнены, в частности, гравюры к первому археологическому труду Оленина «Письмо к графу А. И. Мусину-Пушкину о камне Тмутараканском» (1806); в дальнейшем он неоднократно исполнял рисунки к трудам Оленина. А. И. Ермолаев совершил археографические экспедиции по России с А. Н. Олениным в 1802 и К. М. Бороздиным в 1809—1810 гг. Рисунки, исполненные Ермолаевым в этих путешествиях, были изданы в 1849—1853 гг. в сочинении «Древности Российского государства». Совместно с А. Н. Олениным А. И. Ермолаев разработал план полного издания русских летописей. А. И. Ермолаев служил также при Оленине в канцелярии Сената (с 1800) и в канцелярии Государственного совета (с 1801); он жил в доме Олениных на Фонтанке, 101, а позднее в доме Северина (наб. Мойки, 67), арендовавшемся Государственной канцелярией, где Оленины занимали казенную квартиру.

¹⁶ ...с **Ив(аном) Анд(реевичем) Крыловым** — Крылов Иван Андреевич (2.02.1768 или 1869—9.11.1844), баснописец и драматург; библиотечарь Императорской публичной библиотеки. Сближение И. А. Крылова с А. Н. Олениным относится к 1806—1808 гг., когда Крылов вошел в оленинский кружок. Вскоре он стал своим в доме Олениных; Алексей Николаевич принял его на службу в готовящуюся к открытию Императорскую публичную библиотеку. М. Е. Лобанов в жизнеописании Крылова свидетельствует: «Из всех привязанностей второй половины жизни Ивана Андреевича привязанность к просвещенному и добродушному семейству Алексея Николаевича Оленина была теплее и искреннее всех (...). Приятно ему было служить у такого начальника, который был ему и другом, и благодетелем, и меценатом! Чрез него лились на Крылова и милости двух монархов: см. стихи к Меценату» (М. Е. Лобанов. Жизнь и сочинения И. А. Крылова. СПб., 1847. С. 69). О тесных отношениях Крылова с Олениными можно судить по его письму к Варваре Алексеевне от 22.7.1825: «Теперь собираюсь к себе, в ваше Приютино, где мне никогда не может быть скучно». В. А. Оленина вспоминала: «У него в Приютине отдельные были комнаты над банею, где маменька для шутки его запирала на ключ, чтоб он писал басни: что он и исполнял». Изданием своих басен И. А. Крылов был обязан А. Н. Оленину, не только добивавшемуся ассигнований на их издание, но и исполнявшему эскизы иллюстраций к ним. Басням Крылова, вышедшим в свет в 1825 г., был предпослан портрет автора, гравированный И. Фридрицем с оригинала П. А. Оленина. И. А. Крылов — постоянный участник праздников и домашних спектаклей Олениных; в 1834 г. на приютинской сцене был поставлен его «Трумф». В 1838 г. А. Н. Оленин организовал празднование 50-летия литературной деятельности баснописца. Последним произведением Крылова стала эпитафия Елизавете Марковне Олениной.

¹⁷ ...за **Меендорфа** — Мейендорф Александр Казимирович, барон (25.03.1798 — янв. 1865). Начал службу в 1812 г. в Институте корпуса инженеров путей сообщения, в 1816 г. переведен в свиту по квартирмейстерской части, в 1817 г. — в гвардейский Генеральный штаб. В 1820 г. по приказанию начальника Главного штаба и управляющего квартирмейстерской частью кн. П. М. Волконского подвергся военному суду «за дерзость, сказанную начальнику штаба Отдельного Гвардейского корпуса генерал-майору А. Х. Бенкендорфу», но по ходатайству последнего был прощен императором. Подал в отставку, но получил ее только в 1824 г. Вновь поступил на службу в 1829 г. в Департамент мануфактур и внутренней торговли. В дальнейшем член Совета министра финансов, попечитель Первой и Второй рисоваль-

ных школ в Москве (Строгановское училище), тайный советник. Женат на Елизавете Васильевне Гоггер (ум. после 1870 г.).

¹⁸ ...и **Киселева** — имеется в виду Н. Д. Киселев. О. Н. Оом полагала ошибочно, что речь идет о его брате, Павле Дмитриевиче Киселеве (о нем см. примеч. № 89).

¹⁹ ...за **Краевского** — Александр Петрович Краевский (1801 — не ранее 1846). Учился в Благородном пансионе при Петербургском университете (вместе с Л. С. Пушкиным и М. И. Глинкой, 1817—1822); чиновник канцелярии Военного министерства (1822—1829) и министерства Иностранных дел (1829—1831), впоследствии смоленский губернский предводитель дворянства.

²⁰ **О память сердца ты сильней**

Разсудка памяти печальной

Батюшкова

— Цитата из стихотворения К. Н. Батюшкова «Мой гений» (1815), посвященного А. Ф. Фурман. Впервые в «Собрании образцовых русских сочинений и переводов в стихах», ч. 5. СПб., 1816. Константин Николаевич Батюшков (18.05.1787—7.07.1855) был дальним родственником Олениных (П. Я. Оленина, тетка Алексея Николаевича, была замужем за С. А. Батюшковым, братом деда поэта). Сближение Батюшкова с Олениными относится к 1807—1808 гг. А. Н. Оленин оказывал молодому поэту поддержку; в 1812 г. он зачислил Батюшкова помощником библиотекаря в Депо манускриптов готовящейся к открытию Императорской публичной библиотеки. Батюшков высоко ценил расположение к себе А. Н. Оленина: «Он просвещеннее и лучше, и добрее всех князей», — писал он Н. И. Гнедичу. У Олениных Батюшков чувствовал себя своим; в послании к А. И. Тургеневу «Есть дача за Невой...» (сер. мая 1813) он воспел прелесть приютинской жизни; стихотворным приветствием откликнулся К. Н. Батюшков на назначение А. Н. Оленина президентом Академии художеств в 1817 г. В доме Олениных Батюшков познакомился с А. Ф. Фурман, увлечение которой оставило глубокий след в его жизни и творчестве.

²¹ ...**Серж Голицын (Фирс)** — Голицын Сергей Григорьевич, князь (22.07.1803—19.11.1868), сын кн. Григория Сергеевича (1779—1848) и кн. Екатерины Ивановны, рожд. гр. Соллогуб, С 1825 г. числился в Коллегии Иностранных дел, с 1828 г. камер-юнкер, с 1829 г. по 1837 г. — в военной службе. Вышел в отставку в чине капитана. (*Е. Сергеевский*. Записки о роде кн. Голицыных». СПб., 1853. С. 138—139). Поэт-дилетант, автор текстов романсов Глинки, переводчик Мицкевича, композитор и певец. Глинка вспоминал: «Он был милый, подчас за-

бавный молодой человек, — хорошо знал музыку и пел очень приятно прекрасным густым басом». В. А. Соллогуб объясняет, что прозвище С. Г. Голицын «получил у сестер Захара Чернышева, которые нашли в одной из книг, что имя Фирс означает человека рассеянного, беспорядок производящего». Существует и другая версия происхождения прозвища «Фирс» — ее приводит в своих записках кн. Н. С. Голицын: «Сначала никто не понимал, почему и от чего оно произошло; но потом оно объяснилось следующим образом. Князь С. Г. Голицын был вхож в дом генерал-адъютанта Чернышева (впоследствии графа и князя) и почти домашним человеком в его семействе. Так как он был очень милый и любезный собеседник и притом приятный певец романсов и оперных арий, то дети генерала Чернышева и прозвали его, в шутку, Тирсисом (Thursis, по-русски Фирс), но как 14 декабря, по русским святцам, празднуется память св. мучеников Фирса и других с ним, то при производстве следствия над декабристами, возникло подозрение, не имело ли прозвание Фирс какого-либо соотношения с событием 14 декабря 1825 г., и от князя С. Г. Голицына потребовано было объяснение, которое и оказалось единственно означенною выше детскою шуткою. Но это прозвание с тех пор осталось ему на целую жизнь, подобно тому, как и прозвание князя Василия Петровича Голицына, неизвестно почему, рябчиком, хотя он вовсе не был рябым» (РС, 1881, № 1. С. 521). В обществе кн. С. Г. Голицын был известен как автор многочисленных розыгрышей, весельчак, балагур и остролов.

²² ...**Глинка** — Глинка Михаил Иванович (20.05.1804—3.11.1857), композитор. Вероятно, введен в дом Олениных кн. С. Г. Голицыным: «Благодаря его дружескому участию, — свидетельствовал М. И. Глинка, — я приобрел много приятных и полезных знакомств». Давал уроки пения А. А. Олениной.

²³ ...**Грибаедов** — Грибоедов Александр Сергеевич (4.01.1790, по другим данным 1795—30.01.1829), писатель, дипломат. В. А. Соллогуб, встречавший Грибоедова в доме Олениных, писал в своих мемуарах: «Живо помню я тоже Грибоедова, и помню, как изумлялся, когда он садился за фортепьяно, что такой человек мог быть еще музыкантом» (В. А. Соллогуб. Повести. Воспоминания. Л., 1988. С. 548). Это свидетельство может относиться ко второму (1 июня 1824 — конец мая 1825 г.) или последнему, четвертому (14 марта — 6 июня 1828 г.) петербургским периодам А. С. Грибоедова. Прибыв в Петербург с донесением о заключении Туркманчайского мирного договора, подписанного в феврале 1828 г., Грибоедов органично вошел в дружеский круг А. С. Пушкина — П. А. Вяземского — А. А. Оленина; он принял участие в па-

мятной прогулке на пироскафе в Кронштадт 25 мая. По-видимому, упоминание Грибоедова между именами кн. С. Г. Голицына и М. И. Глинки не случайно: их связывали музыкальные увлечения. В своих записках М. И. Глинка сообщает, что «проезд около целого дня с Грибоедовым (автором комедии «Горе от ума»). Он был очень хороший музыкант и сообщил мне тему грузинской песни, на которую вскоре потом А. С. Пушкин написал романс «Не пой, волшебница, при мне». (Глинка М. И. Записки. ПСС. Т. I, М., 1973. С. 110). Этой «волшебницей» Т. Г. Цявловская уверенно называет А. А. Оленину (Цявловская Т. Г. С. 256).

²⁴ ...**Вяземский** — Вяземский Петр Андреевич, князь (12.07.1792—10.11.1878) — поэт, журналист, литературный критик; участник войны 1812 г.; в 1818—1821 гг. чиновник канцелярии Н. Н. Новосильцева в Варшаве; в 1821—1832 гг. — в опале, под секретным надзором. В 1832—1846 гг. вице-директор Департамента внешней торговли, впоследствии товарищ министра народного просвещения, камергер. Сближение Вяземского с Олениными относится, вероятно к 1813—1818 гг. (известно датированное 1819 г. письмо А. Н. Оленина к П. А. Вяземскому в Варшаву с просьбой снять копию с надписи, «начертанной на столбе, некогда найденном на Кубани и ныне находящемся в прекрасном поместье графини Радзивилл (...) неподалеку от Варшавы»). Особенно часто Вяземский посещал Олениных весной 1828 г. Письма Вяземского к жене — главный источник сведений о взаимоотношениях Пушкина и А. А. Олениной в мае 1828 г. В дальнейшем отношения П. А. Вяземского с Олениными, по-видимому, не были столь тесны. 31 мая 1830 г. Вяземский отметил в своей записной книжке: «Ездили с Багреевыми в Ряболово Всеволожского, в omnibus: M-me Medem, Agendt, Поливанова, вдова фамилии Балугьянских (...). Едешь мимо порохового завода, Приютина: мы в Приютине остановились, вспомнил я Пушкина, горелки, комары» (Вяземский П. А. Записные книжки. М., 1992. С. 101).

²⁵ ...**мадам Василевская** — По мнению О. Н. Оом, речь идет о Елене Ефимовне Василевской, сестре Дмитрия Ефимовича Василевского (1781—1855), доктора философии, преподавателя Академии Художеств, позднее профессора Московского Университета. Между тем, Е. Е. Василевская, несомненно, замужем — А. А. Оленина всюду называет ее *madame*. Если сообщение О. Н. Оом верно, остается заключить, что мужем Е. Е. Василевской был родственник или однофамилец. В окружении А. Н. Оленина в это время мы находим помощника библиотекаря Императорской Публичной библиотеки, надворного советника Степана Васильевича Васильевского, исправляющего также

должности эконома и казначея; в письме к А. И. Ермолаеву из Ревеля от 30.07.1824 А. Н. Оленин передавал привет «Агафоклее Марковне, Александру Марковичу, Ст(епану) Ва(сильевичу) Васильевскому и Анне Антоновне» (РО РНБ, ф. 542, е. х. № 96 л. 1 об.). Другой Васильевский — Александр Алексеевич (1794 — ум. после 1849), исполнил портрет Е. М. Олениной, литографированный затем в мастерской А. Мошарского, и совместно с П. А. Олениным снял копию с портрета А. Н. Оленина работы А. Г. Варнека. А. А. Васильевский учился в Академии Художеств (1803—1816) у Ф. Ф. Щедрина; работал в основном как литограф-портретист в 1820—1830 гг.

²⁶ ...страсть к Алексею — первое и единственное упоминание имени кн. А. Я. Лобанова-Ростовского в Журнале.

²⁷ ...он лжив, он пуст, он зол. — Девятью годами ранее, 13 августа 1819 г., извещая П. А. Вяземского о предстоящем браке А. Я. Лобанова-Ростовского, А. И. Тургенев писал: «Княжна Лопухина наконец сдалась и выходит за князя Алексея Лобанова-Ростовского. Многие повесили голову, то есть головы». Комментируя это письмо, современный исследователь замечает: «Очевидно, у княжны существовали сомнения относительно претендента на ее руку; кн. А. Я. Лобанов-Ростовский был известен в Петербурге как своей красивой, представительной наружностью, так и крайней вспыльчивостью и жестокостью. Впоследствии молва напрямую обвинит его в гибели двадцатилетнего сына Петра, студента университета, покончившего с собой из-за суровости отца, что сильно потрясло общество» — *Иванов А. А.* Дома и люди. Из истории петербургских особняков. СПб, 1997. С. 87—88.

²⁸ ...на горах — известный бытописатель старого Петербурга М. И. Пыляев пишет: «Зимой строили ледяные горы и учреждались парадные катанья в санях... Ледяные горы во время масляницы в Петербурге строили обыкновенно на Охте, на Крестовском острове и на Неве, перед дворцом. Ледяные горы делали до восьми и более сажен в вышину. Простой народ катался с них на лубках, ледянках и на санях. Такие же горы устраивались и на дворах наших богатых бар, где дамы в собольих шубках неслись с горной зеркальной поверхности и составляли кадрили и экосезы с кавалерами.» (*Пыляев М. И.* Старый Петербург. Л., 1990. С. 444)

²⁹ ...у графини Тизенгаузен-Хитровой Анета увидела самого интересного человека своего времени, отличавшегося на литературном поприще: это был знаменитый поэт Пушкин. — Елизавета Михайловна Хитрово (19.09.1783—3.05.1839), дочь кн. М. И. Кутузова, вдова генерал-майора Николая Федоровича Хитрово (1771—19.05.1819), в первом браке

за гр. Фердинандом (Федором Ивановичем) Тизенгаузеном (1782—1805). Е. М. Хитрово возвратилась в Россию после долголетнего пребывания за границей в начале 1826 г., но эта встреча на балу могла произойти не ранее 17 октября 1827 г., когда А. С. Пушкин вернулся в Петербург из Михайловского.

³⁰ **Арапской профиль...** — цитата из стихотворения А. С. Пушкина «То Dawe, Esqr», созданного А. С. Пушкиным под впечатлением его поездки с Олениными и Дж. Доу в Кронштадт 9 мая 1828 (см. с. 24—25 Предисловия).

³¹ ...в одной из своих поэм признавался, что они значат для него более, чем сама красота. — В «Евгении Онегине» (I, XXX — XXXIV).

³² ...из десятилетней ссылки — Анна Алексеевна неточна. Ссылка Пушкина длилась с мая 1820 по сентябрь 1826 гг., когда он был вызван к Николаю I в Москву.

³³ **Небрежность, с которой он у нее спросил, где ее место, задела ее.** — Ср. с воспоминаниями А. О. Смирновой-Россет: «Двор переехал в Зимний дворец, и в городе были маленькие вечера в полутрауре. Первый был у Лизаветы Мих(айловны) Хитровой. (...) Стефани (Радзивилл — Л. А., В. Ф.) и я, мы были званы на этот вечер. В углу, между многими мужчинами, стоял Пушкин. Я сказала в мазурке Стефани: «Выбери Пушкина». Она пошла. Он небрежно прошелся с ней по зале, потом я его выбрала. Он и со мной очень небрежно прошелся, не сказав ни слова» (*Смирнова-Россет А. О. Дневник. Воспоминания. М., 1989. С. 167*). Не имея возможности по недостатку места аргументировать здесь наше мнение, заметим, что А. О. Смирнова-Россет описывает здесь, по-видимому, тот же бал, что и Анна Оленина.

³⁴ ...мне минуло 21 год! — в действительности минул двадцатый. Вероятно, Анна Алексеевна хотела сказать, что начался двадцатый первый год ее жизни. В тексте «21» переправлено на «20» рукою О. Н. Оом.

³⁵ ...в барры — От франц. Jouer aux bagges — бегать взапуски.

³⁶ **Red Rover** — «Red Rowet» («Красный корсар») — роман Фенимора Купера (1789—1851), вышедший в 1828 г. «Олениной казалось, вероятно, — полагала Т. Г. Цявловская, — что Пушкин похож на героя Купера даже своей внешностью: маленький рост, выющиеся волосы, умные голубые глаза. Красный корсар обладал сильными страстями, противоречивыми, но исполненными решимости и благородства. (...) Вероятно, «странность нрава природного и принужденного» у Пушкина (по наблюдению Олениной), свободолобие поэта и необыкновенная судьба его сближают в глазах Олениной Пушкина с образом «благородного разбойника» Купера» (Цявловская Т. Г. С. 267—268).

³⁷ ...влюблен в Закревскую — Закревская Аграфена Федоровна (1799—1879), рожденная гр. Толстая, с 1818 г. жена А. А. Закревского (13.09.1786—11.01.1865), генерал-лейтенанта, министра внутренних дел (1828—1831), впоследствии московского военного генерал-губернатора. Эксцентричная и оригинальная женщина, предмет увлечения Е. А. Баратынского, П. А. Вяземского и А. С. Пушкина (летом — осенью 1828 г.), посвятившего ей стихотворения «Портрет» («С своей пылающей душой...»), «Наперсник» («Твоих признаний, жалоб нежных...»), «Счастлив, кто избран своенравно...»

³⁸ ...милой Алексей Петрович Чечурин — биография А. П. Чечурина реконструируется только по дневнику А. А. Олениной: он родился в 1809 г. в Иркутской губернии, вступил в Сибирское Линейное Казачье войско и в 1823 г. был произведен в хорунжии (младшее офицерское звание в казачьих войсках); в 1826 г. был вызван в Иркутск. В 1827 г. получил назначение в пограничные крепости для борьбы с контрабандой; в следующем году сопровождал в инспекторской поездке гражданского губернатора Иркутска И. Б. Цейдлера. Узнав о начале войны с Турцией, выехал в Петербург, надеясь определиться в действующую армию. Познакомившись 30 июля 1828 г. у А. М. Сухаревой с Олениными, провел некоторое время в Приютине. Отбыл к театру военных действий после 20 сентября 1828 г. Дальнейшая судьба А. П. Чечурина неизвестна.

³⁹ ...преlestной (Roland) Greame — Роланд Грейм — герой романа В. Скотта «Аббат» («The Abbot», 1820). Бедный, но благородный юноша, сирота, от природы одаренный лучшими человеческими свойствами, гордый до дерзости, смелый, своевольный, вспыльчивый, но добрый и преданный; волею судьбы он оказывается тюремщиком Марии Стюарт. В 1825 г. роман был переведен на русский язык, но, судя по тому, что Анна Алексеевна пишет имя героя по-английски, она читала роман в оригинале. Возможно, в сопоставлении Алексея Чечурина с Роландом Греймом кроется разгадка «тайны», ореол которой окружает казака в восприятии Анны Алексеевны: не потому ли казачий хорунжий ассоциируется с героем романа Вальтера Скотта, что ему невольно пришлось играть роль «тюремщика» вызвавших у него сочувствие декабристов? Анна Алексеевна ошибочно написала здесь Kenneth вместо Roland и зачеркнула неверно названное имя.

⁴⁰ ...был в Чите — А. П. Чечурин сопровождал в инспекторской поездке гражданского губернатора Иркутска (1821—1835) Ивана Богдановича Цейдлера (1777—10.03.1853), посетившего в 1828 году Читинский острог, где уже к осени 1827 года находилось 85 декабристов. Там

же находились Александра Григорьевна Муравьева, кн. Екатерина Ивановна Трубецкая, кн. Мария Николаевна Волконская.

⁴¹ ... **видел всех** — Анна Алкссеевна имеет в виду ссыльных декабристов, со многими из которых Олениных связывали родственные и дружеские отношения, многолетнее знакомство. Первым среди них следует назвать кн. С. Г. Волконского. «Батюшка, который будучи двоюродный брат К(ня)зю Сергею Григ(орьевичу) Волхонс(кому) просил, чтоб его по закону отсторонить от этого суда... — вспоминала В. А. Оленина об отказе отца от участия в суде над декабристами. — Но г(осуда)рь ему этого не простил никогда». Тесные, почти родственные отношения связывали Олениных с братьями С. И. и М. И. Муравьевыми-Апостолами, Н. М. и А. М. Муравьевыми. «Наши родители были самые задушевные друзья, — писала, вспоминая о двух последних, В. А. Оленина. — Я с ними выросла. Как себя помню, так и их». Выделяя Муравьевых и Муравьевых-Апостолов из круга знакомых декабристов, Варвара Алексеевна (чьи записки служат главным источником наших сведений о декабристских связях Олениных) неизменно говорит о них с любовью и восхищением. Близкими друзьями дома Олениных были З. Г. Чернышев и кн. С. П. Трубецкой, однополчанин Н. А. и П. А. Оленина. По словам В. А. Олениной, он был у Олениных «*comme l'enfant de la maison*» (как член семьи). В 1819 г. воспользовавшись отъездом С. П. Трубецкого во Францию, А. Н. Оленин отослал с ним бумаги и книги бывшему батальонному командиру Семеновского полка М. И. Дамасу (де Дама), который просил передать их с «человеком верным и обстоятельным». Е. П. Оболенский, близкий друг мужа В. А. Олениной, Григория Никаноровича, был шафером на их свадьбе; его судьба вызывала у Олениных особенно тягостное чувство: по распоряжению императора А. Н. Оленин был вынужден лично препроводить его в крепость. К числу «**всех**», кого подразумевает под этим словом Анна Оленина — «**всех**», кого мог видеть в читинском остроге А. П. Чечурин, принадлежали также братья А. А. и Н. А. Бестужевы. За пределом этого круга остались погибшие на эшафоте С. И. Муравьев-Апостол, М. П. Бестужев-Рюмин и П. И. Пестель (с последним Олениных связывало лишь светское знакомство: «Старики Пестели езжали к батюшке, — вспоминала В. А. Оленина. — Старший сын имел вид холодный, надменный, самонадеянный и не имеющий ничего разительного»); возвращенный в Петербург и содержавшийся в Петропавловской крепости А. О. Корнилов, оставшийся в эмиграции Н. И. Тургенев, а также избежавшие Сибири П. И. Колошин, И. Г. Бурцов, П. Я. Чаадаев, а впоследствии и И. А. Долгоруков, брат жены А. А. Оленина, Александры Андреевны. Мы не знаем, довелось ли

встретиться А. П. Чечурину с А. Н. Муравьевым, одним из самых близких друзей семьи Олениных, сосланным в Сибирь без лишения чинов и дворянства, но такая встреча могла состояться в Иркутске.

⁴² ...у те(тушки) **Сухаревой** — Сухарева Агафоклея Марковна (30.07.1776—30.04.1840), рожденная Полторацкая, жена генерала, сенатора Александра Дмитриевича Сухарева (1771—1853), сестра Елизаветы Марковны Олениной, тетка Анны Алексеевны, председательница Женского попечительного общества о тюрьмах, член Попечительного комитета, учрежденного 18 августа 1814 г.; более 16 лет — председательница Петербургского женского патриотического общества. Описываемая встреча состоялась 30 июля 1828 г., в день рождения Агафоклеи Марковны. Семьи Сухаревых и Олениных поддерживали тесные родственные и дружеские отношения; не случайно именно через А. Д. Сухарева некогда передал Олениным роковое известие о гибели их сына батальонный командир его, полковник М. И. Дамас. 2 сентября 1812 г. он писал Сухареву: «Милостивый государь Александр Дмитриевич! {...} Если обязанности дружбы и родства часто приятно исполнять, куда сии обязанности иногда ужасны бывают! Я никого не знаю, который был более вас близок к Алексею Николаевичу, и потому более никого просить не могу известить несчастных родителей о смерти старшего их сына и о ране другого» (Государственный Бородинский музей, инв. № 668/Д-37).

⁴³ **Я грущу, но слез уж нет** — неточная цитата из «Евгения Онегина» А. С. Пушкина. В оригинале — «Я все грущу: но слез уж нет {...}» (I, LIX)

⁴⁴ **Мы едем зимой в Москву к Вариньке...** — Варвара Алексеевна Оленина (3.02.1802—15.09.1877) — старшая сестра Анны Алексеевны, с 1823 г. замужем за Григорием Никаноровичем Олениным (1797—25.07.1843). Варвара Алексеевна — автор многочисленных заметок мемуарного характера, воспоминаний об отце, о доме Олениных и его посетителях, в том числе — записок о декабристах, написанных по просьбе П. И. Бартенева. Зимой 1828—1829 гг. В. А. Оленина готовилась стать матерью: «Я в Москве для родин моей Варюшки, которых ждем в конце этого месяца... Анята моя со мною... Все наши родные съехались...», — писала 10 января 1829 г. Елизавета Марковна Оленина (Цит. по кн.: *Тимофеев Л. В.* «В кругу друзей и муз». Л., 1983. С. 201).

⁴⁵ ...я как **Рылеев** говорю — Рылеев Кондратий Федорович (18.09.1795—13.07.1826), поэт, декабрист. На следствии Рылеев показал: «(Алексея Алексеевича) Оленина видел раза три и слышал от Оболенского, что он был членом общества». В своих воспоминаниях о декабристах В. А. Оленина замечает, что с Рылеевым не встречалась: оче-

видно, Рылеев у Олениных не бывал. Однако поэтический дар Рылеева в семье Олениных ценили очень высоко. А. А. Оленина была поклонницей творчества Рылеева, в ее бумагах сохранился список думы «Наталья Долгорукова». «Поэзией его восторгались, — писала В. А. Оленина П. Бартеневу, — и я туда же, грешный человек. Его одни „Думы“ чего стоят. Большею частью великий поэт и даже историк и философ: и в тех мы видели и видим две личности в одном и том же теле, — совершенно противоположные. Никак не могу видеть его ниже Мицкевича. Пускай простят моему слабому разуму и любовь ко всему русскому и потому к русским».

⁴⁶ **Чего-то для души ищу И погружаюсь в думы** — неточная цитата из первой думы К. Ф. Рылеева «Курбский». У Рылеева: «Чего-то для души ищу И часто погружаюсь в думы...» Впервые в «Сыне Отечества» за 1821 год, № 29 — с подзаголовком «Элегия» и пометой «Острогоск, июня 20, 1821».

⁴⁷ **...мы ездили в Марьино.** — Марьино — имение графини Софьи Владимировны Строгановой (11.11.1775—5.03.1845), рожденной кж. Голицыной, дочери кн. Натальи Петровны Голицыной (17.1.1741—20.12.1837), вдовы генерал-лейтенанта гр. Павла Александровича Строганова. Олениных связывали со Строгановыми давние дружеские отношения; о близости их можно судить по тому, что именно А. Н. Оленина просил гр. П. А. Строганов известить гр. Софью Владимировну о гибели их сына Александра в бою при Краоне 23.02/07.03.1814 (см. письмо гр. П. А. Строганова к А. Н. Оленину от 16/28.04.1814 — РО РНБ, ф. 542, е. х. 307, л. 3—3 об.). Незадолго до этого адъютантом к графу Павлу Александровичу был назначен Петр Оленин (5.1.1814). Усадьба Марьино, получившая название в честь матери гр. П. А. Строганова, гр. М. Я. Строгановой, находится на реке Тосне, в 60 верстах от Петербурга. В письме А. Н. Оленина к сыну Петру, отправленном отсюда 20 августа 1838 г. мы находим любопытное сопоставление Марьино с Приютиным: «Местоположение похоже на наше Приютино — так же тихо и скромно. — Так же близко от Города верстами и временем — (мы приехали самою малою рысью — в шесть часов времени) — так же далеко от Столицы своим положением. — Марьино и Приютино — настоящие **оазисы** — окруженные не песками ливийскими, а лесами и болотами финскими. Горизонт Марьинский и Приютинский окружен со всех сторон высоким лесом (у нас есть и пригорки) — Этот лес служит Марьину и Приютину вместо Blue Mountains* Новой Голландии. —

---

* *Голубых Гор* — англ.

Вот сходство Марьины с Приютиным. Когда же мы дойдем до Марьиного дома, то тут уже было другое. — Дом не дом, а прелестный замок, вроде Армидиных чертогов. — Большому кораблю большое и плавание, говорит пословица! Но что никакими богатствами купить нельзя — это приветливость de la digne chatelain du chateau (*почтенной владелицы замка*). — надобно так родиться и надобно чтоб этот дар был получен от бога!» (ГАРО, ф. Олениных, д. № 9, л. 37—38). Великолепный усадебный дом, упомянутый А. Н. Олениным, был возведен в 1814—1819 гг. И. Ф. Колодиным; он сохранился до наших дней.

⁴⁸ ...с **Ольгой** — Строганова Ольга Павловна, графиня (1808—1837), младшая дочь гр. Павла Александровича Строганова (7.07.1774—10.06.1817) и гр. Софьи Владимировны, рожд. кж. Голицыной (11.11.1775—5.03.1845); впоследствии гр. Ферзен.

⁴⁹ **Милая Полина Галицына** — Голицына Прасковья (Paulin) Сергеевна, княжна (р. 1810), дочь кн. Сергея Ивановича (1767—1831) и княгини Елизаветы Васильевны, рожд. Преклонской. Впоследствии замужем за статским советником Евграфом Григорьевичем Сараженовичем.

⁵⁰ ...отказ от **Сергея Галицына** — Как видно из записи от 19 сентября, кн. С. Г. Голицын все же участвовал в шараде.

⁵¹ ...приехал **Слебцов** — О. Н. Оом это имя не комментирует. Т. Г. Цявловская предположила, что речь идет, быть может, об А. Слепцове, авторе вольного переложения в стихах поэмы Оссиана «Картон», изданной в Москве в 1828 г. Нам представляется не менее вероятным, что здесь говорится о Николае Сергеевиче Слепцове — штаб-ротмистре Л.-гв. Гусарского полка; возможны и другие догадки. Очевидно, как бы то ни было, что речь идет о том же Слепцове, который руководил в 1827 г. постановкой на приютинском театре «Пословицы в лицах: по-русски и по-французски — «Чем богаты, тем и рады».

⁵² **Мы отделали театр в зале...** — Театром послужило помещение зала-столовой. Это нетрудно установить при сопоставлении плана Первого господского дома, хранящегося в НИМ АХ, с перечнем помещений этого дома в Акте, составленном при продаже Приютина Ф. М. Адамсу. По утверждению О. Н. Оом, «для Приютинского домашнего театра декорации и занавес» «нарисовал» выдающийся театральный художник Пьетро Гонзаго (1751—1831). Однако ни декорации, ни даже само помещение театра не были постоянными. Так 5 сентября 1833 г. театр был устроен в другом месте. Е. М. Оленина в письме к Петру Алексеевичу и Марии Сергеевне Олениным рассказывает: «К(нягиня) Софья Григорьевна Волконская меня повела по дороге к конюшне. Я

ей говорю: «Матушка, тут конюшни, куда ты меня ведешь?» Так я была обманута. Вижу сарай и сеновалы и вводят меня в прекрасный театр, убранный весь цветами, так что были все в восхищении» (Цит. по кн.: Тимофеев Л. В. Ук соч. С. 235). «5 сентября, в день именин Елисаветы Марковны Олениной, ежегодно устраивались сюрпризы в театре, нарочно для того выстроенном... — писал в своих мемуарах Ф. А. Оом. — Празднование 5-го сентября в Приютине повторялось ежегодно до кончины Е(лисаветы) М(арковны)». Записки Ф. А. Оома дают также некоторое представление и о сценических эффектах, применявшихся в приютинском театре: «Помнится мне, как в апофеозе, в котором участвовали Анна Алексеевна Оленина, Антонина и Лидия Дмитриевны Блудовы, и меня маленького повесили на проволоке почти голого с подрумяненными свеклою щеками и с крылышками. Такого же амура изображала Лизанька Оленина, впоследствии Мамонова, дочь Петра Алексеевича. (Оом Ф. А. Воспоминания Феодора Адольфовича Оома. 1826—1865. М., 1896. С. 7). Е. П. Оленина родилась 26 февраля 1832 г., и упомянутый Ф. А. Оомом «апофеоз» мог состояться, очевидно, в сентябре 1836 или 1837 г.

⁵³ **Melomanie** — Шарادا разыгрывается в четырех сценках; по первым трем следует угадать значение каждой из трех частей этого слова (me-lo-manie), по четвертой — значение слова в целом. Первый слог «me» — омофон «mais» («но»); второй слог «lo» — омофон «lot» («выигрыш в лотерею»); третья часть слова — «manie» («мания»).

⁵⁴ ...**ехать к обедне** — В это время Оленины, по всей вероятности, ездили из Приютина в церковь Ильи Пророка на Пороховых. Позднее во флигеле была устроена домашняя церковь, освященная 20 сентября 1830 г. (РО РНБ, ф. 777, е. х. 2597). Сохранился эскиз алтаря домово́й церкви в Приютине, приписываемый, как и чертежи усадебных построек, А. П. Брюллову. В «Отчете Академии художеств за 1828, 1829 и 1830 гг.» упоминается «образ Тайны́я вечера, написанный Шебуевым для церкви в Приютине».

⁵⁵ ...**милой Репнин** — Репнин Василий Николаевич, князь (1806—1880), камер-юнкер, сын Николая Григорьевича Репнина-Волконского (1778—6.01.1845), генерал-губернатора Малороссии, генерала от кавалерии, члена Гос. совета, двоюродного брата А. Н. Оленина. Окончив Пажеский корпус, был за неспособностью к военной службе выпущен в статскую с чином XII класса. Служил по ведомству Иностранных дел и находился при русской миссии в Берлине; вышел в отставку в 1843 г. с чином коллежского асессора. Тройродный брат А. А. Олениной, ее друг. Впоследствии женат на Елизавете Петровне Балабиной.

⁵⁶ ...**Бакунина** — по-видимому, Бакунина Екатерина Александровна, рожд. Саблукова (12.09.1777—7.10.1846), вдова Павла Петровича Бакунина (1762—1805). Возможно — Бакунина Екатерина Павловна (9.02.1795—7.12.1869), фрейлина, сестра лицейского товарища Пушкина Александра Павловича (1.08.1799—25.08.1862), предмет юношеской любви поэта, впоследствии (с 30.04.1834) жена Александра Александровича Полторацкого (7.07.1792—13.03.1855), двоюродного брата А. А. Олениной.

⁵⁷ ...**Хитровы** — Речь идет о Е. М. Хитрово (см. примеч. № 29) и ее старшей дочери от первого брака Екатерине Федоровне Тизенгаузен (1803—26.04.1888), фрейлине императрицы Александры Федоровны.

⁵⁸ ...**Васильчикова** — вероятно, Васильчикова Татьяна Васильевна, рожденная Пашкова (1793—1875), вторая жена гр. Иллариона Васильевича Васильчикова (1776—1875), генерала от кавалерии, председателя Государственного совета.

⁵⁹ ...**салятся играть в карты**. — По утверждению А. П. Керн, в доме Олениных в карты не играли. Ф. Г. Солнцев отмечал, что это происходило только в исключительных случаях.

⁶⁰ ...**зову потом Елену Еф(имовну)** — Е. Е. Василевскую.

⁶¹ ...**накидываем сарафаны** — А. Н. Оленин, по утверждению О. Н. Оом, составил богатое этнографическое собрание. Можно предположить, что сарафаны, как и русские платья, которые упоминаются ниже, были взяты из этой коллекции. Год спустя (в 1829) А. Н. Оленин пожертвовал «Рюсткамере или костюмной палате», устроенной им в Академии художеств, свое собрание оружия и костюма (*Кондаков С. Н. Юбилейный справочник Императорской Академии художеств. 1764—1914. Ч. 1—2. СПб., 1914, ч. 1. С. 119.*)

⁶² ...**трио Гейдена**. — Гайдн Франц Иозеф (1732—1809), австрийский композитор. Транскрипция этого имени (Haydn) была неустойчива: А. О. Смирнова-Россет, например, писала «Гайден».

⁶³ ...**фортунка** — Азартная лотерейная игра.

⁶⁴ ...**стихи Пушкина на мои глаза** — речь идет о стихотворении «Ее глаза», написанном А. С. Пушкиным в начале мая 1828 г.

⁶⁵ ...**стихи Вяземского** — 7 мая 1828 г. П. А. Вяземский писал жене: «День кончил я у наших Мешерских (...) Вечер очень удался, и плясали мы до утра, так что ни одной свечи не было (...) С девицей Олениною танцевал я рот-роуггі и хвалил ее кокетство: она просила меня написать ей что-нибудь на опахале; у вас в Пензе еще не знают этого рода альбомов. И вот что я написал:

Любви я рад всегда кокетство предпочесть:
Любовь — обязанность и может надоесть;
Любовь как раз старье: она всегда новинка.
Кокетство — чувства блеск и опыт поединка,
Где вызов — нежный взор, оружие — слова,
Где сердце — секундант, а в деле голова».

(ЛН. Т. 58. С. 77—78).

⁶⁶ ...**Козлова** — Козлов Иван Иванович (11.04.1779—30.01.1840), поэт. В молодости — офицер Л. — Гв. Измайловского полка. В 1816 г. был парализован, в 1821 г. ослеп. Знакомство с Олениными относится к 1825 г., когда вышла в свет поэма Козлова «Чернец». А. Н. Оленин писал В. А. Олениной в Воронеж о первом визите Козлова 28 февраля: «Мы познакомились с милым и истинно, как говорят, прекрасным человеком. Это некто Иван Иванович Козлов, слепой и безногий, о котором ты часто слыхала от Н. И. Гнедича. В этом человеке точно совершилось то, что сказано в священном писании, что господь умудряет слепцы! Он у нас уже два раза был и свои сочинения читал». (РО РНБ, ф. 542, е. х. 884). В 1828 г. Козлов посвятил А. А. Олениной стихотворения «К А. А. Олениной. (При посылке элегии К Тирзе)» и «К Тирзе (А. А. Олениной)». Оба были написаны в 1828 г.

⁶⁷ ...**сочинение Рылеева** — В оригинале под словом «сочинение» рукою О. Н. Оом вписано: «и письма». В парижском издании напечатано: «сочинения и письма Рылеева». О каком сочинении идет речь, неизвестно.

⁶⁸ ...**все дела, касающиеся до:** — В оригинале пропуск. Речь идет о декабристах.

⁶⁹ ...**брат Алексей, приехавший в тот день из деревни.** — «Санкт-Петербургские ведомости», регулярно публиковавшие списки приехавших в Петербург, свидетельствуют, что между 19 и 23 сентября 1828 г. в столицу прибыл «Из Касимова служащий в Коллегии Иностранных дел Надворный советник Оленин». В Касимовском уезде Рязанской губернии находилось родовое имение А. Н. Оленина Салаур, села Борки, Свинчус, деревни Погори, Шемякино; по 8-й ревизии в них числилось 1023 души.

⁷⁰ ...**генералу Б.** — Т. Г. Цявловская, соглашаясь в этом с О. Н. Оом, полагает, что речь идет о генерал-адъютанте гр. А. Х. Бенкендорфе, сопровождавшем в 1828 г. Николая I в действующую армию, куда направлялся А. П. Чечурин. Это вызывает, однако, серьезные сомнения: Оленины не риекнули бы, вероятно, принимать на хранение декаб-

ристокские реликвии А. П. Чечурина, зная, что он собирается открыть свою тайну гр. Бенкендорфу.

⁷¹ ...написать **Анне Ант(оновне)**. — Анна Антоновна (ум. между 2 и 8 июня 1829), немка, экономка в доме Олениных в Петербурге, по-видимому, гражданская жена А. И. Ермолаева (ср. запись от 8 июня 1829).

⁷² ...**Василевский** — Возможно, Василевский Дмитрий Ефимович (1781—1855), доктор философии, позднее профессор Московского университета, брат Е. Е. Василевской; может быть — Васильевский Степан Васильевич, надворный советник, помощник библиотекаря, эконом и казначей Императорской публичной библиотеки, или Васильевский Александр Алексеевич, художник, автор портрета Е. М. Олениной (1794 — ум. после 1849) — см. примеч. № 25.

⁷³ ...**Лобановы** — Лобанов Михаил Евстафьевич (8.11.1787—5.06.1846), писатель, драматург, член Российской Академии, сотрудник Публичной библиотеки (1813—1841) и его первая жена (с 1816) Александра Антоновна, рожденная Бороцки (1793—1836). М. Е. Лобанов — один из постоянных посетителей дома А. Н. Оленина, участник домашних спектаклей. Автор биографии И. А. Крылова. См. Приложение II (Стихотворные посвящения А. А. Олениной).

⁷⁴ **В Дрездене видели они Вариньку** — В дневнике путешествия по Европе, предпринятого Г. Н. и В. А. Олениными в 1826—1828 гг., Григорий Никанорович записал в 1828 г.: «Дрезден Ав(густа) 25/6 (сентября) встреча с Лобановыми М(ихаилом) Е(встафьевичем) и Ал(ександрой) Ан(тоновной). — Он сделан учителем Руск(ого) Языка Им(ператрицы) Алек(сандры) Федоровны (РО РНБ, ф. 542, е. х. 826).

⁷⁵ ...**Львову** — О. Н. Оом полагает, что речь идет об одном из сыновей Новоторжского уездного предводителя дворянства Сергея Дмитриевича Львова и его жены Татьяны Петровны, рожденной Полторацкой, брате Марии Сергеевны Львовой, будущей жены Петра Алексеевича Оленина. Это предположение косвенно подтверждается тем, что ниже А. А. Оленина называет себя его кузиной. Если это так, то в дневнике А. А. Олениной может фигурировать лишь ее сверстник, Иван Сергеевич Львов (1808—1850): его братьям Александру, Петру и Николаю было, соответственно, 15, 13 и 7 лет от роду.

⁷⁶ ...**кусок руды серебряной, на которой было написано «Юноше несравненному»**. — Вероятно, кусок руды из сибирских рудников, полученный А. П. Чечуриным от кого-либо из декабристов во время поездки по Сибири с И. Б. Цейдлером.

⁷⁷ ...**Александрин Репнина** — Репнина-Волконская Александра Николаевна, княжна (1805—1836), дочь кн. Николая Григорьевича Вол-

конского (1778—7.01.1845) и Александры Николаевны, рожденной кж. Репниной (1757—23.12.1834); в замужестве гр. Кушелева-Безбородко.

⁷⁸ ...за **Кушелева** — Кушелев-Безбородко Александр Григорьевич, граф (1800—1855), сын адмирала Григория Григорьевича, первого графа Кушелева, и Любови Ильиничны, рожденной гр. Безбородко; родоначальник ветви графов Кушелевых-Безбородко, дипломат, камергер.

⁷⁹ ...отдал **Фиакру** — фиакр — (здесь: извозчик). В Париже в первой пол. XVII в. на вывеске первого заведения для найма карет по часам и поденно был изображен святой Фиакр. Этим именем были названы самые экипажи; впоследствии так стали называть и их извозчиков.

⁸⁰ **Basil** — В. Н. Репнин (см. примеч. № 55).

⁸¹ **Сцена происходит между Семирамидой, Аспиком...** — Известна опера «Семирамида» Джакомо Россини (1823), в основу либретто которой была положена одноименная трагедия Вольтера. Однако вероятнее всего, А. А. Оленина оговаривается, имея в виду не Семирамиду, а Клеопатру, которая покончила с жизнью, дав змее («аспику»), ужалить себя. Этот сюжет разыгрывался в доме Олениных и прежде. По воспоминаниям А. П. Керн, в день ее знакомства с Пушкиным на ее долю выпала в одной из шарад роль Клеопатры. Пушкин, — вспоминает она, — «вместе с братом Александром Полторацким, подошел ко мне (...) и, указывая на брата, сказал: «Et c'est sans doute Monsieur qui fera l'aspic?» (*А роль змеи, как видно, предназначается этому господину?*) — см.: Керн А. П. Воспоминания. Дневники. Переписка. М., 1989 с. 28.

⁸² **Он должен уехать в свои имения...** — 20 октября 1828 г. А. С. Пушкин уехал в Малинники — тверское имение Вульфов.

⁸³ **Штерич** — Штерич Евгений Петрович (1809 — март 1833), камер-юнкер, чиновник Министерства иностранных дел, композитор-дилетант, друг М. И. Глинки, вспоминавшего о нем: «Хотя он был elegant в полном смысле этого слова и любил блистать в салонах, однако же отличался редкими душевными качествами. Между прочим, он был хороший музыкант, учился у Мейера и играл опрятно на фортепьяне. Я с ним подружился, и нередко с Сергеем Голицыным (Фирсом) мы посещали его в Павловске, где он жил в летние месяцы». С Олениными мог быть знаком с отрочества: в 1823 г. дом № 101 по Фонтанке, принадлежавший Е. М. Олениной, был продан С. И. Штерич — матери Е. П. Штерича.

⁸⁴ ...у **графини Кутайсовой** — Кутайсова Прасковья Петровна, графиня, (1784, по другим данным 1786—25.04.1870); рожденная кж. Ло-

пухина, жена председателя Общества поощрения художников, сенатора, графа Павла Ивановича Кутайсова (25.11.1780—9.03.1840), сына приближенного Павла I.

⁸⁵ ...а с девчонкой уж я слажу. (...) Вам сказала Вар(вара) Д(митрие-вна) — В. Д. Полторацкая, вероятнее всего, услышала эту фразу в передаче своего брата Н. Д. Киселева, который, по свидетельству И. А. Крылова, был соискателем руки Анны Алексеевны (см. запись от 17 июля). Неосторожное высказывание Пушкина относится, несомненно, к начальному периоду его увлечения Анной Алексеевной; скорее всего, Пушкин обронил эти слова в присутствии Н. Д. Киселева и С. Г. Голицына незадолго до путешествия в Кронштадт 25 мая 1828 г. Это могло произойти 18 мая у Н. Д. Киселева (ср. пушкинскую помету в рабочей тетради 1828 г. «18 мая у Кисе(лева) Голиц. etc.» — ПД № 838, л. 15 об.). Н. Д. Киселев покинул Петербург 14 июня, а его сестра в последних числах этого месяца, и если слова Пушкина не стали известны Елизавете Марковне и Анне Алексеевне еще в мае, то они были переданы им не позднее июня. 19 или 20 августа 1828 г. в черновом варианте письма к П. А. Вяземскому (окончательный текст датирован 1 сентября) Пушкин писал: «Полтор(ацкие) уехали в (нрзб) а А(лексей) М(аркович) сбол(тнул) в Твери что я шпион, получаю за то 2500 в месяц (которые очень бы мнегодились благодаря крепсу (речь идет о крупном проигрыше в карты — В. Ф.)) и ко мне уже являются трою(ро)дн(ые) братцы за местами и за милостями царскими» (XIV,266; инициалы Алексея Марковича Полторацкого ошибочно прочитаны в Академическом издании Пушкина как «А. П.(?)»). Нетрудно предположить, что тайной пружиной этой сплетни была неприязнь к Пушкину В. Д. Полторацкой.

⁸⁶ ...не взяли ли Варну — Варна, в то время хорошо укрепленная турецкая крепость, была взята 29 сентября 1828 г. штурмом после продолжительной осады.

⁸⁷ ...Шумлу да Силистрию... — Шумлу в течение нескольких месяцев безуспешно осаждали главные силы под командованием генерал-фельдмаршала гр. П. Х. Витгенштейна. Силистрию взяли лишь 18 июня 1829 г.

⁸⁸ ...и за мир при(няться) — В оригинале: «и за мир примати».

⁸⁹ ...его брат в большом фаворе — А. А. Оленина имеет в виду Павла Дмитриевича Киселева. П. Д. Киселев (8.01.1788—14.05.1872) — участник наполеоновских войн, с 1819 г. — начальник штаба 2-й (Южной) армии; генерал-адъютант (с 1823), член Государственного совета, впоследствии министр Государственных имуществ (1837—1855), один из инициаторов реформы 1861 г. В конце жизни — посол во Франции,

граф. Во время войны с Турцией П. Д. Киселев с 12 апреля 1828 г. находился в действующей армии и принимал непосредственное участие в боевых действиях. Был произведен в генерал-лейтенанты, награжден золотым оружием с алмазами и с надписью «За храбрость». 9 февраля 1829 г. перешел из штабной в строевую службу — командиром 4-го резервно-кавалерийского корпуса.

⁹⁰ ...**козачьи челны** — цитата из думы К. Ф. Рылеева «Смерть Ермака», написанной в 1821 г. Впервые опубликована в «Русском инвалиде», № 14 от 17 января 1822 г.

⁹¹ ...**положенной мной на музыку** — Возможно, внимание А. А. Олениной к этой думе Рылеева связано с тем интересом, который проявлял к личности Ермака А. Н. Оленин, посвятивший покорителю Сибири специальное исследование, основанное на изучении летописных сведений. Его статья о Ермаке была опубликована в журнале «Сибирский вестник» в 1821 г. (№ XIV, кн. 6); в изданной в том же году «Летописи Сибирской» была помещена гравюра «Ермак Тимофеевич, Завоеватель Сибири в его настоящем Русском вооружении, следуя рисункам Сибирской летописи по списку Ремезова», исполненная с оригинала Карла Брюллова по эскизу А. Н. Оленина его камердинером и сотрудником Михаилом Богучаровым. Дед Ермака носил фамилию Аленин, и в свое время Оленины увлеклись версией о возможном родстве с этой замечательной личностью. Варвара Алексеевна в своих воспоминаниях писала: «Был добр, умен, честен, безкорыстен и удалой (...) Этакое горе! что не можем считать его нашим родоначальником, подобного великого человека: витьязя бескорыстного, героя и благодетеля России. Горько и жаль...» — (РО РНБ, ф. 542, е. х. 876).

⁹² ...**Ролленеву историю** — Роллен (Rollin) Шарль (1661—1741), французский историк, автор монументальных трудов «L'histoire ancienne» (1730—1738) и «L'histoire Romaine» в 15 тт. (1738—1748). А. О. Смирнова-Россет, говоря о Ролленовой истории с Н. Д. Киселевым, заметила: «Я вам советую не читать ее, это изнурительная скука» (Смирнова-Россет А. О. Ук. соч.. С. 436). Ср. в «Эпиграмме» А. С. Пушкина (1829): «Там, где древний Кочерговский Над Ролленем опочил...»

⁹³ **Любил он по лесам скитаться** (...) **Над жизнью дерзостно смеяться** — Измененная цитата из поэмы И. И. Козлова «Чернец» (1825). В оригинале первая из приведенных строчек звучит иначе: «Любил я по лесам скитаться» (строфа IV).

⁹⁴ ...**с губернатором поехал путешествовать по городам** — См. примеч. № 40.

⁹⁵ ...самое важнейшее дело жизни его совершилось. Потом посвятил он себя добру и чести. — По-видимому, речь идет о неизвестном нам пересечении судьбы А. П. Чечурина с судьбами декабристов: см. примеч. № 39.

⁹⁶ ...Случайно нас судьба свела. — Цитата из поэмы И. И. Козлова «Чернец» (строфа V).

⁹⁷ Я приехала к тетушке на дачу. — Как следует из записи от 13 августа, речь идет о даче Агафоглеи Марковны Сухаревой, которая находилась при впадении реки Оккервиль (Малой Охты) в Большую Охту. В конце XVIII в. мыза принадлежала Агафоклее Александровне Полторацкой и называлась мыза Оккервиль или дача Полторацкой. В 1829 г. это имение было продано княгине З. П. Шаховской, во втором браке Уткиной, и известно теперь как «Уткина дача». До нашего времени ушелел каменный дом и служебный корпус. Современный адрес в Петербурге: Малая Охта, Уткинский проспект, д. № 2.

⁹⁸ ...возле двоюродной сестры — Возможно, имеется в виду Наталья Александровна Сухарева, дочь Агафоклеи Марковны и Александра Дмитриевича Сухаревых.

⁹⁹ ...взяла я руку Софьи Б. — о ком идет речь, установить не удалось. Возможно, Полторацкая Софья Борисовна (15.08.1795—19.11.1871), рожд. кж. Голицына, жена Константина Марковича Полторацкого (21.05.1782—11.03.1858), тетка А. А. Олениной.

¹⁰⁰ ...по одной существующей аллее сада — Некоторое представление о даче А. М. Сухаревой дает объявление о несостоявшейся продаже ее, напечатанное в 1-м «Прибавлении» к № 46 «Санкт-Петербургских ведомостей» от 9 июня 1814 г.: «Продается в С. Петербургском уезде мыза Окорвель, принадлежащая г-же Действит. Стат. Советнице Агафоклее Александровне Полторацкой, при коей мызе крестьян по 6 ревизии 93 души, да дом каменный со службами и разным строением, с весьма обширными оранжереями и разными заведениями, а неподалеку от оной мызы при Косой горе и винокуренный каменный завод, с посудю на оном и со скотными около него дворами и прочим строением. Земли, принадлежащей к сей мызе, 1800 десятин, с дровяным лесом и прочим заведением, где можно устроить разные фабрики. При доме, что на мызе Окорвель, протекают две речки, по коим и барки проходить могут до самой мызы. Оный винокуренный завод, со всею на нем посудю, отдается особо и на аренду. Спросить Моск. части 4 кварт. в доме Генерал-Маиорши Сухаревой, № 539».

¹⁰¹ Мундир не козак донских — В отличие от офицеров Донского войска, носивших смушковые шапки и чекмени (зимой) или куртки, заправлявшиеся в шаровары (летом), офицеры Сибирского Линей-

ного Казачьего войска, в котором служил А. П. Чечурин, имели высокие лакированные кивера, темносиние куртки уланского образца с красным прибором (выпушкой по вороту, обшлагами и обкладкой фалд), а также уланского же образца темносиние чакчиры с красными лампасами. Эту экипировку довершали золотые эполеты (с красным суконным полем), уланская сабля и лялдушка (небольшая патронная сумка) на покрытой золотым галуном перевязи.

¹⁰² ...**m-He Г.** — О ком идет речь, установить не удалось.

¹⁰³ ...**с них сняли цепи** — Речь идет о декабристах, находившихся на каторге. Слуга Александры Григорьевны Муравьевой Андрей Леляков писал о содержании декабристов в Читинском остроге: «С них не скидывают оковы ни день, ни ночь, выключая только тех случаев, когда им дозволяется быть в бане или в церкви». (ЛН. Т. 60, кн. 2. С. 102.). М. А. Бестужев вспоминал: «За несколько месяцев до отправления в Читу, милостивым манифестом с нас сняли железа...» Однако в действительности манифеста по этому поводу не было. Николай I приказал снять оковы с достойных; комендант Нерчинских рудников и Петровского завода С. Р. Лепарский признал достойными всех осужденных (М. А. Бестужев. Переезд в Сибирь. Заключение в Чите и Петровске. // В сб. «И дум высокое стремленье...» М., 1980. С. 186; 391).

¹⁰⁴ ...**Муравьев Александр Николаевич сделан начальником в Иркутске** — Муравьев Александр Николаевич (10.10.1792—18.12.1863), сын основателя Московского учебного заведения для колонновожатых, генерал-майора Николая Николаевича Муравьева (15.09.1768—20.08.1840) и Александры Михайловны, рожденной Мордвиновой (1770—1809), участник Отечественной войны и заграничных походов, отставной полковник Генерального штаба, основатель Союза спасения, член Союза благоденствия до 1819 г. Как отошедший от Тайного общества и оказавший «искреннее раскаяние», был осужден по VI разряду и после конфирмации приговорен к ссылке в Сибирь без лишения чинов и дворянства. 19.01.1828 г. был назначен городничим в Иркутске, вступил в должность 23.04.1828 г. Впоследствии был председателем Иркутского губернского правления, тобольским, нижегородским, архангельским губернатором и т. д. Окончил жизнь генерал-лейтенантом и сенатором. Близкий друг семьи Олениных.

¹⁰⁵ ...**которую хотели нам дать 14 числа.** — Рассуждения Анны Алексеевны являются отражением общественно-политических взглядов А. Н. Оленина. Не без основания полагая, что «революции не на розовой воде делаются», А. Н. Оленин был убежденным противником политического радикализма. Письмо, написанное им к В. А. Олени-

ной на другой день после событий на Сенатской площади, проникнуто мыслью о чуде предотвращенном хаосе, о неизбежности катастрофических для России последствий восстания. Рассказав обо всем виденном (Алексей Николаевич наблюдал за происходящим из окна архива Государственного совета) и слышанном 14 декабря, Оленин заключает: «...многие и многие зараженные в России глупыми мыслями Европейской конституции, для народа, который при восклицании «конституция!» на вопрос, что это такое? отвечает, что это имя жены Цесаревича, потому что она еще не крещена в русскую веру. О безумие! О злодейство! Я говорю злодейство, потому что если б этим, просто сказать, разбойникам удалось сделать переворот, то они бы погрузили Россию в потоки крови на 50 лет» (РА, 1869, № 4, стлб. 052—053). Отзвуки суждений А. Н. Оленина доносят до нас и позднейшие записки В. А. Олениной: «Претензия смешная, зачем батюшка не хотел себе поставить за честь быть с ними за одно в подобной необдуманной проделке и, признаться, не совсем красивой. Нельзя не уважать их любовь к отечеству: перед этим чувством я преклоняю колена; но вздорные какие-то затеи, которые, однако, довели до гибели скольких и до пролития крови, не могу восхищаться. Батюшка всегда говорил, что он никогда не соглашался действовать в скрытых обществах, говоря «добро должно делаться открыто». Однако несмотря на резкое неприятие идей и средств декабристов, А. Н. Оленин уклонился от участия в суде над ними, и в семье Олениных их судьбы вызвали искреннее сострадание.

¹⁰⁶ **...генерал Дурнов был убит** — Дурново Николай Дмитриевич (1792—1828), сын обер-гофмейстера Дмитрия Николаевича Дурново (1769—1834), впоследствии (с 1830) петербургского губернского предводителя дворянства и Марии Никитичны, рожд. Демидовой; генерал-майор. Участник Отечественной войны и заграничных походов 1813—1814 гг., в 1811—1813 гг. член тайного общества «Рыцарство»; по приказу Николая I в ночь с 14 на 15 декабря 1825 г. арестовал и доставил в Зимний дворец К. Ф. Рылеева, 13 июля 1826 г. присутствовал при казни декабристов. Автор дневника, охватывающего 1811—1828 гг. 18 сентября 1828 г. Н. Д. Дурново, командовавший бригадой 19-й пехотной дивизии, во главе Азовского полка ворвался в укрепленный турецкий лагерь и погиб в схватке вместе со всеми старшими офицерами-азовцами. Сообщение о его гибели появилось в № 79 «Санкт-Петербургских ведомостей» от 2 октября 1828 г.

¹⁰⁷ **〈 Л. — гв. 〉 Егерский полк бежал под натиском турок.** — В деле 10 сентября 1828 г. при Гассан-Ларе отряд из Л.-гв. Егерского полка и двух эскадронов кавалерии с двумя орудиями был почти полно-

стью истреблен вследствие роковой ошибки флигель-адъютанта гр. И. Б. Залусского, полковника польской службы; командование этим отрядом было вверено ему особым повелением Николая I. «Выбор этот был не только неудачен, но даже пагубен, — писал в «Воспоминаниях об осаде Варны» участник турецкой войны А. И. Веригин. — Не зная ни войск, емуверяемых, ни той трудной лесистой местности, по которой наступал неприятель, и поэтому требовавшей крайней осторожности в действиях, полковник Залусский пренебрег всем, и своею оплошностью, если не более, подверг истреблению весь гвардейский Егерский полк» (РС. Т. XXIV, 1879, март. С. 515). Трагическая весть о гибели Л.-гв. Егерского полка воспринималась в семье Олениных особенно остро: в этом полку с 1821 по 1823 г. служил П. А. Оленин.

¹⁰⁸ ...по милости дражайшего Дибича — Дибич Иван Иванович (Иоганн Антон), барон, с 1827 г. граф (1.05.1785—29.05.1831), участник Отечественной войны, член Государственного совета, начальник Главного штаба (с 6.04.1824). С 9.02.1829 г. сменил гр. П. Х. Витгенштейна на посту главнокомандующего 2-й армией. После заключения Адрианопольского мира 2 сентября 1829 г. получил звание генерал-фельдмаршала и титул Забалканского. Командовал русскими войсками в польской кампании 1830—1831 гг. Умер в 1831 г. от холеры. А. С. Пушкин писал П. В. Нащокину 11.06.1831 г.: «О смерти Дибича горевать, кажется, нечего. Он уронил Россию во мнении Европы, и медленностью успехов в Турции и неудачами против Польских мятежников». В этом мнении сходились приверженцы самых противоположных взглядов. «Армия и Россия почти обрадовались его смерти, приписывая ему одному срам столь продолжительной борьбы против Польской революции», — отмечал А. Х. Бенкендорф (РС, 1896, № 10. С. 85—86). Адъютантом гр. И. И. Дибича служил после перевода из Л.-гв. Конноегерского полка в Л.-гв. Гусарский полк (10 сентября 1829 г.) поручик Ф. А. Андро, будущий муж А. А. Олениной.

¹⁰⁹ ...Меншиков (знаменитый) — Меншиков Александр Сергеевич, светлейший князь (1787—1869), правнук А. Д. Меншикова, сподвижника Петра; генерал-адъютант. Впоследствии Финляндский генерал-губернатор; в 1853 г. — посол в Константинополе. Главнокомандующий во время Крымской войны. Член Государственного совета. В 1828 г. во главе десантного отряда занял Анапу; командовал войсками, осаждавшими Варну. 9 августа 1828 г. был тяжело контужен ядром в обе ноги и сдал командование начальнику своего штаба генерал-майору В. А. Перовскому, также получившему вскоре тяжелое ранение; 18 августа руководство блокадой возглавил гр. М. С. Воронцов.

¹¹⁰ **Все его действия во время кампании были действиями гениально-го человека.** — На полях сражений кн. А. С. Меншиков отличался редкой личной храбростью, в салонах он прославился своим неподражаемым остроумием; однако оценка А. А. Олениной явно завышена. Когда в 1829 г. А. С. Меншиков стал начальником морского штаба, П. А. Вяземский со свойственной ему пронципальностью заметил: «Вот что значит умный человек. На сороковом году задумал он быть моряком и есть моряк. У Меншикова в высшей степени русская способность быть на все способным. Но зато нигде и никогда не будет он великим. В нем нет души, нет будущего в уме: есть одно сильное, ловкое настоящее» (письмо к кн. В. Ф. Вяземской от 28 июля 1830 г. — «Звенья», вып. VI, М. — Л., 1936. С. 308—309). Во время Крымской войны роль главнокомандующего оказалась для кн. А. С. Меншикова неосильной.

¹¹¹ **...граф Воронцов** — Воронцов Михаил Семенович, граф (9.05.1782—6.11.1856), сын гр. С. Р. Воронцова (1744—1832), посла в Англии, и Е. Ф. Сенявиной (ум. в 1784); участник наполеоновских войн, с мая 1823 г. новороссийский генерал-губернатор и полномочный правитель Бессарабской области, впоследствии — главнокомандующий Отдельным Кавказским корпусом, и наместник Кавказа, покоритель Дагестана, генерал-фельдмаршал, светлейший князь (1853). М. С. Воронцов прибыл к Варне 17 августа 1828 г.; 29 сентября Варна была взята, и Воронцов возвратился к месту своей прежней службы.

¹¹² **Что до Паскевича...** — Паскевич Иван Федорович (8.05.1782—20.01.1856), гр. Эриванский, генерал-адъютант, генерал-фельдмаршал, командующий Отдельным Кавказским корпусом. Во время русско-персидской и русско-турецкой войн 1827—1829 гг., командуя войсками, занял Карс, Поти, крепость Ахалцых и Эрзерум, за что в день заключения Адрианопольского мира 22.09.1829 г. был произведен в генерал-фельдмаршалы. Во время польской кампании 1831 г. сменил умершего гр. И. И. Дибича в должности командующего войсками во время польской кампании; по взятии Варшавы (26.8.1831) пожалован титулом светлейшего князя Варшавского; с марта 1832 г. наместник царства Польского с особыми полномочиями. Командовал русскими войсками при подавлении венгерского восстания в 1849 г. В 1853 г., в начале Крымской войны, на семидесятилетнем И. Ф. Паскевича были возложены обязанности главнокомандующего, но, контуженный в голову под Силистрией, он был вынужден отказаться от этой роли и вновь вступил в управление Царством Польским. Под началом И. Ф. Паскевича с молодости протекала служба Ф. А. Андрю, мужа А. А. Олениной.

¹¹³ ...**Как гений чистой красоты.** — цитата из стихотворения А. С. Пушкина «К ***», посвященного двоюродной сестре А. А. Олениной, Анне Петровне Керн, рожденной Полторацкой (11.02.1800—27.02.1879), дочери Петра Марковича Полторацкого (ок. 1775 — после 1851) и Екатерины Ивановны Вульф (1781—2.03.1832). Впервые стихотворение было опубликовано в «Северных Цветах» на 1825 г.

¹¹⁴ ...**Фрейлина** — почетное придворное звание для девиц. Придворный штат 1796 г. предусматривал 12 фрейлин; в 1826 г. Николай I увеличил его до 36 девиц. Одни назначались состоять при императрицах, другие — при великих княгинях, третьи — при великих княжнах; при этом первые считались старше вторых, а вторые — старше третьих. С 30 августа 1825 г. Анна Алексеевна Оленина состояла фрейлиной императриц Елизаветы Алексеевны и Марии Федоровны, а впоследствии — Александры Федоровны. Свой бриллиантовый шифр (вензель императрицы, носившийся фрейлинами на корсаже, на банте из голубой, «андреевской», ленты) Анна Алексеевна завешала церкви; после ее смерти он служил украшением иконы Божьей Матери в женском монастыре г. Корца (см. Устимович П. М. Ук. соч. С. 392).

¹¹⁵ ...**вверяет тайну** — Вероятнее всего, речь идет об участии Алексея Алексеевича Оленина в Союзе благоденствия.

¹¹⁶ **William и Helene** — О ком идет речь, установить не удалось.

¹¹⁷ ...**милая добрая Mary** — У О. Н. Оом: «Англичанка, подруга Анны Алексеевны Олениной». Возможно, речь идет о Мэри Симпсон, которую А. А. Оленина упомянула в 1825 г. в числе своих подруг (РО РНБ, ф. 542, е. х. 941). Вероятно, она принадлежала к семье Роберта Симпсона (ок. 1749—1822), названного в воспоминаниях В. А. Олениной «задушевным другом» ее отца (РО РНБ, ф. 542, е. х. 877). Р. Симпсон был преуспевающим доктором (на его могиле на Смоленском лютеранском кладбище помещена надпись: «От 25 благодарных семей»); ему принадлежал дом на Английской набережной (1 Адмиралтейской части № 204).

¹¹⁸ **И вот багряною рукою (...)** **Веселый праздник именин.** — Измененная цитата из «Евгения Онегина» (V, XXV). В оригинале первый стих звучит так: «Но вот багряною рукою».

¹¹⁹ ...**где тетушки мои** — Оленины Варвара Николаевна (5.09.1771—5.04.1833) и Софья Николаевна (29.12.1775—5.07.1838), незамужние сестры А. Н. Оленина. В адрес-календаре на 1828 г. они упоминаются в числе «девиц, помещенных жильством с фрейлинами». Колоритный портрет Софьи Николаевны сохранился в воспоминаниях Ф. А. Оома: «Между Олениными была сестра Алексея Николаевича, Софья Николаевна, старая фрейлина, проживавшая в Таврическом дворце.

Невообразимо дурная собою, с физиономиею филина, она носила парик, к которому большою брошкою из гранатов (*rave*) прикалывала чепец. Помню, как раз, на елке в нашем доме, она неосторожно потянулась, чтобы осмотреть подарки, лежавшие около елки, зажгла чепец и вместе с ним и парик и, очутившись с голою головою, громко закричала: «Хер Иесус Крестус!» Она была большая трусиха и в особенности пугалась, когда по вечерам возвращалась от Олениных в Тавриду (Таврический дворец. — Ред.), в четырехместной придворной карете с фореитором: тень последнего обгоняла карету. Тогда она хватала за руку свою подругу, старушку Анну Алексеевну Волконскую и кричала: «Княжна, видишь?» — «Вижу», — отвечала та и крестилась». (Оом Ф. А. Ук. соч. С. 18—19).

¹²⁰ **Зубовы** — Зубов Александр Николаевич, граф (5.03.1797—20.11.1875), сын графа Николая Александровича Зубова (1763—1805), отставной полковник Кавалергардского полка, и его жена Наталья Павловна, рожденная жж. Щербатова (30.07.1801—15.10.1868). По свидетельству П. А. Вяземского, Н. П. Зубова была у Олениных и 2 мая, в день рождения Елизаветы Марковны (см. Предисловие. С. 10)

¹²¹ **Хорунжий** — первый офицерский чин (XIV класса) в казачьих войсках: соответствовал корнету в регулярной кавалерии и прапорщику в пехоте.

¹²² **...к пленному дураку Наумову** — Наумов Николай Павлович (31.12.1795—20.05.1862), чиновник Провиантского департамента Военного министерства, впоследствии тайный советник, позднее женился на жж. Анне Петровне Голицыной (26.11.1809—18.01.1886), сестре Василия Петровича Голицына («Рябчика»).

¹²³ **...тронула Урусова** — Один из восьми сыновей сенатора, обергофмейстера и члена Государственного совета кн. Александра Михайловича Урусова (12.11.1767—25.12.1853) и его жены Екатерины Павловны, рожденной Татишевой (1775—1855). Т. Г. Цявловская предполагала, что речь идет об «одном из пяти сыновей А. М. Урусова» (Цявловская Т. Г. С. 268). Вероятно, из восьми молодых кн. Урусовых она исключила Александра, умершего в 1828 г., Ивана (р. 1812) и Григория (р. 1818). Участника этой игры она искала среди их братьев: Михаила (1.10.1802—16.12.1883), обер-офицера Л.-гв. Уланского полка; Павла (8.01.1807—18.01.1886), в 1828 г. поручика Л.-гв. Измайловского полка, Николая (29.02.1808—26.11.1843), поручика Л.-гв. Измайловского полка, адъютанта вел. кн. Михаила Павловича; Андрея (4.02.1809—14.03.1839) и Петра (30.05.1810—29.05.1890) Урусовых. Однако Л. А. Черейский с уверенностью называет лишь одного из них: Павла Александровича Урусова,

впоследствии генерала от инфантерии (см.: Черейский Л. А. Пушкин и его окружение. Л., 1988. С. 456).

¹²⁴ **...ужинать за особой стол** — По воспоминаниям А. П. Керн, «у Олениных ужинали на маленьких столиках, без церемоний и, разумеется, без чинов» (Керн А. П. Ук. соч. С. 28).

¹²⁵ **Гали(цын) Рябчик сидел возле меня** — Голицын Василий Петрович (12.11.1800—24.11.1863), в 1828 г. штаб-ротмистр Л.-гв. Гусарского полка, адъютант генерала от инфантерии гр. Толстого, любитель музыки, знакомый М. И. Глинки, певец (тенор); впоследствии — харьковский предводитель дворянства; женат (с 1832 г.) на Софье Алексеевне, рожд. Корсаковой (22.10.1808—4.07.1858), художнице и издательнице.

¹²⁶ **...об сажаемых ею цветах** — Варвара Алексеевна Оленина вспоминала: «Матушка была страстная охотница до цветов, и Приютино не что иное было, как букет цветов» (РО РНБ, ф. 542, е. х. 876).

¹²⁷ **...Не засмеяться ль им, пока...** — Измененная цитата из «Евгения Онегина» А. С. Пушкина (VI, XXVIII).

¹²⁸ **Сидели мы у круглага стола** — Над этой фразой, укладывающейся в размер пятистопного ямба, А. А. Оленина пометила: «Стих для будущей поэмы Грем». По-видимому, Анна Алексеевна намеревалась написать поэму, посвященную А. П. Чечурину.

¹²⁹ **Quentin Durward** — Квентин Дорвард, герой одноименного романа Вальтера Скотта (1823; в русском переводе роман был опубликован в 1827 г.)

¹³⁰ **...на солнечные часы** — Солнечные часы были установлены на берегу пруда в приютинском парке; гранитный пьедестал их сохранился.

¹³¹ **Дайте мне лук и стрелы... и оба юноши принесли мне их.** — Стрельба из лука была в Приютине излюбленным развлечением. «Вам известно любезный Н(иколай) И(ванович), — писал в 1819 г. А. Н. Оленин Н. И. Гнедичу, — что я сим оружием научился несколько владеть от некоторого отродия Татар, от Башкир, бывших некогда под моим начальством. Страсть моя к сему прекрасному и мужественному оружию заставила меня собрать довольно значащую коллекцию: луков или сайдаков, стрел или рожанцев, налучий и тул или колчанов, из всех почти стран света, в которых употребляются поныне лук и стрелы» (Архсологические труды А. Н. Оленина. СПб, 1881. Т. I. С. 58). В другом письме (к неизвестному лицу) А. Н. Оленин писал: «Я (...) 35 лет обращаюсь с луками, ибо это моя страсть с самого моего детства; у меня их перебивало конечно более ста, всякого рода, величины и вида...» (там же. С. 70). Ф. Г. Солнцев вспоминает, что в Приютине «ка-

ждый мог заниматься чем угодно: гулять, ездить верхом, стрелять в лесу из ружей, пистолетов и из лука, при чем Алексей Николаевич показывал, как нужно натягивать тетиву» (РС, 1876, т. XV. С. 619). Последний сюжет запечатлен на акварели Л. Фрикке, датированной 1833 г. (Государственный Литературный музей в Москве), словно иллюстрирующей эти воспоминания.

¹³² **...рождения Марьи Феод(оровны)** — Императрица Мария Федоровна (рожд. София Доротея, принцесса Вюртембергская), вдова Павла I, мать императора Николая I, родилась 14 октября 1759 г.

¹³³ **...о приезде государя.** — Николай I прибыл в Петербург из действующей армии утром 14 октября в связи с днем рождения Марии Федоровны.

¹³⁴ **...милую Baret** — Кж. Репнина Варвара Николаевна (1809—1891), фрейлина императрицы Александры Федоровны, писательница: автор записок «Из воспоминаний о прошлом» (РА, 1870—1897), троюродная сестра А. А. Олениной. По словам О. Н. Оом, она «отличалась добротой и выдающимися добродетелями.(...) Скончалась в глубокой старости, раздав все свое состояние бедным».

¹³⁵ **...чудесную Алину** — Волконская Александра Петровна, княжна (7.07.1804—1.06.1859), дочь кн. Петра Михайловича и кн. Софьи Григорьевны Волконских, троюродная сестра А. А. Олениной.

¹³⁶ **ОН** — Алексей Яковлевич Лобанов-Ростовский. 22 августа 1828 г. «за отличие в делах противу турок» А. Я. Лобанов-Ростовский был награжден алмазными знаками к ордену св. Анны 2-й степени.

¹³⁷ **И вновь знакомые мечты в душе уснувшей пробудила** — Искаженная цитата из стихотворения Пушкина «Ты и Вы», адресованного Анне Алексеевне (см. Приложение II: Стихотворные посвящения А. А. Олениной). В оригинале: «И все счастливые мечты В душе влюбленной возбудила».

¹³⁸ **...в английском магазине** — знаменитый Английский магазин (основанный в 1789 г.), принадлежавший в это время В. Ф. Плинке и К. В. Никольсу, находился на углу Невского проспекта и Большой Морской улицы, в доме Васильчикова (современный адрес — Невский пр., д. № 16). «Английский магазин есть столица всех магазинов, — говорится в очерках «Письма провинциалки из столицы», опубликованных в 1830 г. в «Северной пчеле». — Не знаю, почему он называется Английским, ибо в нем продаются русские, французские, немецкие и всякие товары, бриллианты и глиняная посуда, золото, серебро, бронза, сталь, железо, посуда, всевозможные ткани для женских уборов и платья, все принадлежности дамского и мужского туалета, и... вместе с духами, помадою и кружевами, вино, ликеры, горчица и да-

же салат в банках... Тут охотничье ружье, там хрусталь, тут кисея, ситцы, там шелковые ткани, здесь мужские шляпы, там дамские италианские; здесь кожаные чемоданы, ковры, тут бриллиантовые вещи и ордена, там иголки, здесь готовые платья, плащи, шинели... Непостижимое дело! Мне кажется, что этот магазин должен называться не Английским, а универсальным».

¹³⁹ ...уже генералом (...) орденом Св. Георгия — Орден Св. Георгия 4-го класса был пожалован А. Я. Лобанову-Ростовскому 29 сентября 1828 года; в генерал-майоры он был произведен в этот же день.

¹⁴⁰ ...Я любила одного, уважала другого, первый стоит выше меня, другой ниже — Под «первым» подразумевается, несомненно, кн. А. Я. Лобанов-Ростовский; в «другом» следует, по-видимому, предполагать одного из двух главных героев задуманного А. А. Олениной романа — А. С. Пушкина или Н. Д. Киселева.

¹⁴¹ ...траур сердца по (...) Императрице Марии — Императрица Мария Федоровна скончалась 24 октября 1828 г.

¹⁴² Государь приехал из армии 14 ноября... — описка: император Николай вернулся 14 октября.

¹⁴³ ...отстоять дежурство — фрейлины дежурили у гроба покойной императрицы.

¹⁴⁴ ...доктора Вольского — Вольский Семен Федорович, коллежский советник, состоящий при министре внутренних дел для особых поручений; доктор, впоследствии почетный лейб-медик; в 1834 г. статский советник, доктор медицины и хирургии; состоял старшим врачом при заведении Санкт-Петербургского приказа Общества призрения; почетный член Медицинского совета Министерства внутренних дел.

¹⁴⁵ ...дело в том, что меня просватали, и теперь я не знаю, как мне быть — речь идет, очевидно, о партии, которую должен был составить А. А. Олениной П. Д. Дурново (см. запись от 29 апреля); между тем Анна Алексеевна не отвергла еще окончательно мысль о браке с Киселевым — как не рассталась еще, по-видимому, и В. Д. Полторацкая с надеждой женить брата на А. А. Олениной. Отголосок их бесед на эту тему слышится и в этой записи: «Но к счастью, не тот резон он бы мне дал, а тот, что имение его не позволяет в разстроенном его положении помышлять об супружестве...»

¹⁴⁶ Он будет... — А. А. Оленина имеет в виду Н. Д. Киселева.

¹⁴⁷ Репнины — Кн. Репнины-Волконские: кн. Николай Григорьевич (1778—7.01.1845), старший сын Григория Семеновича Волконского и кж. Александры Николаевны Репниной, двоюродный брат А. Н. Оленина, брат С. Г. Волконского; его жена Варвара Алексеевна, рожд.

гр. Разумовская; их дети: Василий Николаевич (Basil), Варвара Николаевна (Varett), Александра Николаевна (1805—1836), в замужестве гр. Кушелева-Безбородко, Елизавета Николаевна (1817—1855), в замужестве Кривоцова.

¹⁴⁸ ...ездила в Москву, вновь повидала сестру. — 10 января 1829 г. Е. М. Оленина сообщала в одном из писем, что ждет «родин ⟨...⟩ Варюшки» в конце месяца. Между тем после рождения племянницы Анна Алексеевна прожила в Москве еще 5 недель. По сообщению «Санкт-Петербургских ведомостей», Петр Оленин вернулся из Москвы 27 или 28 февраля. Возможно, Анна Алексеевна и Елизавета Марковна возвратились в столицу вместе с ним; если нет — то немногим позднее, в начале марта.

¹⁴⁹ ...о милой моей Алине — Речь идет об А. П. Волконской (см. примеч. № 135)

¹⁵⁰ ...об Ольге — Речь идет об О. П. Строгановой (см. примеч. № 48).

¹⁵¹ «Я верно б кроме вас одной Невесты не искал иной» — Измененная цитата из «Евгения Онегина» А. С. Пушкина (IV, XIII). В оригинале: «То верно б кроме вас одной...»

¹⁵² Gregoïr — ангел — Оленин Григорий Никанорович (1797—25.07.1843), сын Никанора Михайловича Оленина и Екатерины Петровны, рожденной Савельевой, двоюродный дядя и муж (с 3.2.1823) Варвары Алексеевны Олениной, с 1827 отставной капитан Гвардейского Генерального штаба. В 1830 г. вступил в статскую службу чиновником по особым поручениям Министерства финансов; в 1832 г. камергер, помощник статс-секретаря Государственного совета, с 1840 г. — действительный статский советник. Варвара Алексеевна вспоминала: «Привлекательной наружности и свежести колорита, слишком даже хорошего для мужчины, белокурый, высокого роста, прекрасно сложенного; к тому благороднейшей и грациозной фигуры: руки прекраснейшие и сбивался лицом на покойника Императора Алек(сандра) Пав(ловича) до такого градуса, что когда мы были в Вене, к Посланнику Татищеву адресовались с известным обыкновенным вопросом... но к великому огорчению общества, вопрос этот до него не касался...» О сходстве Г. Н. Оленина с Александром I можно судить по бюсту Г. Н. Оленина, исполненному С. И. Гальбергом в Италии в 1827 г. (ГРМ).

¹⁵³ ...познакомилась с Баратынским — Баратынский Евгений Абрамович (19.02.1800—29.06.1844), поэт. О знакомстве А. А. Олениной с Баратынским писал Пушкину из Москвы в Петербург 23 февраля 1829 г. П. А. Вяземский: «А мы, то есть я и Баратынский, танцовали в Москве с Олениною и, кажется, у них были элегические выходки».

Возможно, это знакомство состоялось 16 января, на балу у тетушки А. А. Олениной Варвары Марковны Мертваго, рожденной Полторацкой: в письме к жене из Москвы от 16.01.1829 г. П. А. Вяземский общал жене из Москвы о предстоящем бале у В. М. Мертваго, «которая на днях познакомилась со мною и звала, вероятно по сестре своей Олениной, приехавшей из Петербурга с дочерью.»

¹⁵⁴ ...и **Гурко** — Речь идет об одном из братьев Гурко — Леонтии или Владимире Осиповичах. Гурко Леонтий Осипович (15.11.1783—4.05.1861), генерал-майор, в прошлом офицер Л.-гв. Семеновского полка, в 1812 капитан, командир Государевой роты; 22 апреля 1812 г. привел к присяге Петра Оленина. Его рассказы о войне 1812 г. вошли в «Собрание разных происшествий, бывших в нынешней войне с французами...», составленное А. Н. Олениным и опубликованное П. И. Бартеневым в Русском Архиве. С 1811 г. женат на Варваре Дмитриевне, рожденной Полторацкой (16.06.1793—10.06.1838), племяннице Е. М. Олениной. Гурко Владимир Осипович (1795—24.1.1852), полковник, начальник штаба 5-го корпуса; в прошлом офицер Л.-гв. Семеновского полка, член тайного Военного общества (1818); впоследствии генерал от инфантерии, начальник всех резервных и запасных войск. Женат на Татьяне Алексеевне, рожденной баронессе Корф (ок. 1794—27.2.1840)

¹⁵⁵ ...к **Сонцову** — Сонцов Петр Иванович, муж сестры Г. Н. Оленина — Екатерины Никаноровны. Помолвка состоялась 12 июля 1821 г. (РО РНБ, ф. 542, е. х. 874). О. Н. Оом ошибочно полагала, что речь идет о художнике Ф. Г. Солнцева.

¹⁵⁶ ...**скоро праздник** — Пасха, 14 апреля 1829 г.

¹⁵⁷ ...**жениха Дурново** — Дурново Павел Дмитриевич (6.03.1804—12.03.1864), сын обер-гофмейстера Дмитрия Николаевича Дурново (1769—1834) и Марии Никитичны, рожденной Демидовой; В 1829 г. подпоручик Л.-гв. Павловского полка, адъютант генерала от инфантерии Ф. Ф. Довре. Впоследствии тайный советник, гофмейстер. П. Д. Дурново возвратился в Петербург из действующей армии 31 января или 1 февраля 1829 г.; после гибели под Варной старшего брата Николая (см. примеч. № 106) он остался единственным наследником значительного состояния (более восьми тысяч душ), дома на Английской набережной и известной дачи на Выборгской стороне. Несмотря на то, что брак Анны Алексеевны с П. Д. Дурново не состоялся, последний сохранил с Олениными дружеские отношения и посещал их в Петербурге и Приютино; 16 февраля 1840 г. он присутствовал на бракосочетании А. А. Олениной и Ф. А. Андро.

¹⁵⁸ **В среду был бал...** — 17 апреля 1829 г.

¹⁵⁹ ...у графини Лаваль — Лаваль Александра Григорьевна (18.03.1772—17.11.1850), графиня, рожденная Козицкая, жена графа Ивана Степановича Лавалья (4.10.1761—20.04.1846), камергера, тайного советника.

¹⁶⁰ ...прежде мы заехали к Дурновой — Мария Никитична Дурново жила в собственном доме на Английской набережной (1 Адмиралтейской части № 243; современный адрес — Английская набережная, д. № 16); Оленины заехали к Дурново перед балом у гр. Лаваль, знаменитый особняк которых находится в непосредственной близости от дома Дурново (1 Адмиралтейской части № 249; современный адрес — Английская набережная, д. № 4).

¹⁶¹ ...бие — декоративный элемент дамского платья — оторочка, род выпушки.

¹⁶² ...несчастливая Алина — подразумевается неразделенная любовь кж. А. П. Волконской (о ней см. примеч. № 135) к гр. С. О. Корвин-Коссаковскому (о нем см. примеч. № 163); последний предпочел ей гр. Александру Ивановну Лаваль (21.10.1811—21.06.1886), на которой и женился 22 августа 1829 г., через четыре месяца после описываемых событий. Судьба «несчастной Алины» оживленно обсуждалась в свете. Так П. А. Вяземский писал жене в 1830 г.: «Третьего дня сидел я утром у княжны Алины: она очень мила. Странное дело, что не идет замуж, то есть не выходит. Здесь опять заговаривают о Лопухине, но кажется, и похожего нет. Как я думаю, рада она, что не пошла за Коссаковского, женатого на Лаваль. Он так обрюзг, так отяжелел, что больше похож на саратовского помещика, чем на польского «фашьонабля» («Звенья», вып. VI, М. — Л., 1936. С. 228). В 1831 г. после нескольких печальных опытов неудачного сватовства кж. А. П. Волконская вышла замуж за П. Д. Дурново, прочившегося в женихи Анне Олениной в феврале 1829 г. А. О. Смирнова-Россет рассказывает в своих записках о замужестве Александры Волконской: «Ей было 25 лет, и она не была замужем, отец убедил ее выйти замуж за Павла Дмитриевича Дурново; он глуп и урод, она и вышла за него, чтобы успокоить отца. Когда приехала княгиня Софья Григорьевна из-за границы, она не могла примириться с мыслью, что Алина, которая знает по-латыни, по-гречески, училась у Раупаха, вошла в семью идиотов и выносит это с христианским смирением» (Смирнова-Россет А. О. Ук. соч. С. 502).

¹⁶³ ...черт Касаковской — Коссаковский (Корвин-Коссаковский) Станислав Осипович, граф (4.01.1795—14.05.1872), церемониймейстер, писатель, художник; в 1822—1827 гг. — первый секретарь русского посольства в Риме; в 1829 г. — первый секретарь русского посольства в

Мадриде, председатель Герольдии Царства Польского, сенатор Царства Польского. С 22.08.1829 женат на А. И. Лаваль. Гр. С. О. Коссаковский прибыл из Вильны между 8 и 10 февраля и отбыл в Варшаву между 20 и 22 апреля. 17 апреля он присутствовал на балу у гр. Лаваль.

¹⁶⁴ ...за **Лапухина** — св. князь Лопухин Павел Петрович (1788, по другим данным 1790—23.02.1873), сын кн. Петра Васильевича Лопухина (1753—6.04.1827), председателя Государственного совета, и Екатерины Николаевны, рожд. Шетневой (1763—16.09.1839), генерал-майор, начальник 2-й Конно-егерской дивизии. Участник наполеоновских войн, член Союза спасения (1817), Союза благоденствия (член Коренного совета) и Северного общества (до 1822). После предварительного допроса по высочайшему повелению освобожден без последствий. Позднее — генерал-лейтенант; женат на Жанетте (Анне) Ивановне Бенкстерн, в первом браке гр. Алопеус.

¹⁶⁵ ...**Ванишь Варонцов** — граф Воронцов Иван Илларионович (1790—1854), сын гр. Иллариона Ивановича (1760—1790) и гр. Ирины Ивановны, рожд. Измайловой (1768—1848), в 1825 г. камергер, действительный статский советник, чрезвычайный и полномочный посол в Мюнхене, затем — обер-церемониймейстер. Женат на Александре Кирилловне Нарышкиной (1817—1856), вторым браком — на баронессе де Пойни.

¹⁶⁶ ...**предлагали ся Панину** — Панин Александр Никитич (1791—1850) — сын графа Никиты Петровича Панина (1770—1837), вице-канцлера, и графини Софьи Владимировны (1774—1844), рожденной Орловой, отставной офицер. Участник Отечественной войны 1812 г., офицер Кавалергардского полка (1817—1820), с мая 1825 г. — в отставке. С 27.04.1830 г. — чиновник для особых поручений при Попечителе Московского учебного округа кн. С. М. Голицыне. Позднее — помощник попечителя Харьковского учебного округа (1833—1838) и член Главного правления училищ (1838—1839).

¹⁶⁷ **Сумасбродная Софья Григорьевна** — Волконская Софья Григорьевна (19.08.1786—26.03.1869), светлейшая княгиня, рожденная княжна Волконская, жена кн. Петра Михайловича Волконского, сестра декабриста С. Г. Волконского, двоюродная сестра А. Н. Оленина, мать А. П. Волконской, статс-дама.

¹⁶⁸ ...**Александрины Репниной** — кж. Репнина Александра Николаевна, троюродная сестра А. А. Олениной (см. примеч. № 77).

¹⁶⁹ ...за **Кушелева-Безбородко vert-oeil** — См. примеч. № 78. Возможно, прозвище *vert-oeil* (букв.: «зеленый глаз») представляет собою игру слов: *vert* означает не только «зеленый», но и «вольный, игривый».

¹⁷⁰ ...с другим братом, **Gregoire** — Кушелев Григорий Григорьевич, граф (1802—1855), капитан гвардейской Конной артиллерии, флигель-адъютант. Участник войны с Турцией 1828—1829 гг. Впоследствии генерал-лейтенант, член Военного совета; женат на Екатерине Дмитриевне рожденной кж. Васильчиковой (1811—1874).

¹⁷¹ ...**Сантиментальная королева Багреева** — Фролова-Багреева Елизавета Михайловна (5.09.1799—23.03.1857), единственная дочь гр. Михаила Михайловича Сперанского (1.1.1772—11.02.1839) и его жены, англичанки Элизабет Стевенс (ум. 6.11.1799); статс-дама императрицы Елизаветы Алексеевны, писательница. В 1822 г. вышла замуж за Александра Александровича Фролова-Багреева, Черниговского гражданского губернатора, затем члена совета министра финансов (1824) и сенатора. Называя ее «сентиментальной», А. А. Оленина иронизирует, по-видимому, над нею как автором «Чтения для малолетних детей» (СПб., 1828). Впоследствии, по смерти сына, убитого на дуэли, Е. М. Фролова-Багреева предалась религиозному мистицизму; после паломничества к Святым Местам она поселилась за границей, посвятив себя литературной деятельности: ею написан ряд книг о России на французском языке, изданных во Франции, и воспоминания об отце, М. М. Сперанском.

¹⁷² ...**Князю Петру** — Волконскому Петру Михайловичу, светлейшему князю (26.04.1776—26.08.1852). Кн. П. М. Волконский — сын кн. Михаила Петровича Волконского и Елизаветы Петровны, рожд. кж. Макуловой, личный друг Александра I, генерал-адъютант, основатель и начальник (до 1823) Главного штаба, министр двора (1826—1852). Женат на Софье Григорьевне, рожденной кж. Волконской. Дети: Дмитрий (1805—1859), женат на Марии Петровне Кикиной (1816—1856); Григорий (1808—1882), женат на Марии Александровне Бенкендорф (1820—1888) и Александра (Алина), замужем за П. Д. Дурново. С Олениными семья кн. П. М. Волконского связана родством (Софья Григорьевна — двоюродная сестра Алексея Николаевича) и службой (кн. П. М. Волконский в качестве министра двора был непосредственным начальником А. Н. Оленина).

¹⁷³ ...у **Зенеиды** — Волконская Зинаида Александровна, княгиня (3.12.1789—5.2.1862 н. с.), рожденная кж. Белосельская-Белозерская, замужем за кн. Никитой Григорьевичем Волконским (9.7.1781—18.12.1841), двоюродным братом Алексея Николаевича Оленина, генерал-майором свиты, состоявшим по министерству иностранных дел. З. А. Волконская — хозяйка литературно-музыкального салона, писательница, поэтесса, автор музыкальных сочинений. В конце февраля 1829 г. уехала в Италию, где приняла католичество.

¹⁷⁴ ...его голос — Имеется в виду кн. А. Я. Лобанов-Ростовский.

¹⁷⁵ ...у нового посла Дюка Mortemare — де Мортемар Казимир Луи-Викторниен, герцог де Рошешуар, принц де Тоннэ Шарант (20.03.1787—1.01.1875), участник наполеоновских войн, генерал, французский посланник в России (март 1828—1833, с перерывами). По назначении послом де Мортемар выехал в апреле 1828 г. к театру русско-турецкой войны, чтобы сопровождать Николая I в его поездке в действующую армию. Затем он вернулся в Париж и прибыл в Петербург лишь в конце февраля 1829 г. При въезде в российскую столицу герцогу де Мортемару в знак особого благоволения императора, вызванного расположением герцога к России, был вручен орден св. Андрея Первозванного.

¹⁷⁶ ...Mme Ste Aldegonde, sa belle soeur и жена человека, который (...) входит в нашу службу — речь идет о невестке французского посланника и его супруги, рожденной графини Вирджинии де Сент-Альдегонд (1792—1878), «римской красавицы», как называл ее кн. П. А. Вяземский — о жене ее брата, графа К. Ф. де Сент-Альдегонда. Последний был принят на русскую службу в Гвардейский генеральный штаб полковником и 6 декабря 1830 г. произведен в генерал-майоры с зачислением в свиту. Состоял членом Совета и Ученого комитета Корпуса горных инженеров. Уволен со службы по собственному прошению 7 июля 1840 г.

¹⁷⁷ ОН... — А. Я. Лобанов-Ростовский.

¹⁷⁸ ...брат бесподобной Алины Паниной — Панина Александра Сергеевна, графиня (1800—1873), рожденная Толстая, жена гр. Александра Никитича Панина. Ее брат — Владимир Сергеевич Толстой (10.05.1806—27.02.1888), прапорщик Московского пехотного полка, член Южного общества (1824). Осужден по VII разряду и по конфирмации 10.07.1826 г. приговорен к двум годам каторжных работ; 22.8.1826 срок сокращен до одного года. 15.6.1829 г. определен рядовым на Кавказ, где участвовал в войне с Турцией. В 1847 г. освобожден от секретного надзора. Уволен от военной службы в чине есаула в 1848 г. Впоследствии чиновник по особым поручениям при кавказском наместнике кн. М. С. Воронцове, затем при Н. Н. Муравьеве.

¹⁷⁹ ...как Чернышев — Чернышев Захар Григорьевич, граф (14.12.1797 — май 1862), сын гр. Григория Ивановича Чернышева (30.1.1762—2.1.1831), обер-шенка, и Елизаветы Петровны, рожденной Квашниной-Самариной (29.3.1773—16.02.1828), ротмистр Кавалергардского полка. Член петербургской ячейки Южного общества (1825), участвовал в деятельности Северного общества. Осужден по

VII разряду, приговорен к двум годам каторжных работ; 22.8.1826 срок сокращен до одного года. 9.4.1829 определен рядовым в Нижегородский драгунский полк. В 1834 г. уволен в отставку подпоручиком. В 1856 г. по амнистии восстановлен в правах с возвращением графского титула. В том же году выехал за границу. Умер в Риме. Женат на Екатерине Алексеевне Тепловой.

¹⁸⁰ **Бибиков тоже увивался...** — О ком из многочисленных Бибиковых идет речь, судить трудно.

¹⁸¹ **Сегодня именины Государыни** — Тезоименитство императрицы Александры Федоровны отмечалось 21 апреля; в этот же день праздновалось рождение великого князя Александра Николаевича, несмотря на то, что он появился на свет 17 апреля.

¹⁸² **...жениха Матвея Велиурского** — Виельгорский Матвей Юрьевич, граф (5.04.1794—21.11.1866), сын гр. Юрия Михайловича Виельгорского (1755—1809), бывшего польского посланника в Петербурге, затем (до 1804) сенатора русской службы, и гр. Софии Дмитриевны, рожденной Матюшкиной (1755—1796). Участник войны 1812 г. и заграничных походов; коллежский советник, камергер; впоследствии — шталмейстер, с 1856 г. состоял последовательно при императрицах Александре Федоровне и Марии Александровне; член комитета управления Императорскими Санкт-Петербургскими театрами, виолончелист, композитор и музыкальный деятель, один из учредителей (1859) Русского музыкального общества. Дом гр. Матвея Юрьевича и его брата, гр. Михаила Юрьевича (31.10.1788—28.08.1856) Виельгорских был знаменит музыкальным салоном. Гр. Матвей Виельгорский завещал Петербургской консерватории свою обширную музыкальную библиотеку. Женат не был. Умер в Ницце.

¹⁸³ **...с Урусовой** — Урусова Софья Александровна, княжна (6.04.1804—17.07.1889), дочь А. М. и Е. П. Урусовых, фрейлина (с 1827 г.), известная красавица, фаворитка Николая I, в замужестве (с 1833) кн. Радзивил. Муж — кн. Леон Людвигович Радзивилл (1808—1885), поручик Л.-гв. Гродненского гусарского полка.

¹⁸⁴ **...обедала у Александрин Кушелевой** — Кушелева-Безбородко Александра Николаевна, графиня, рожд. кж. Репнина-Волконская, жена гр. Александра Григорьевича Кушелева-Безбородко (см. примеч. № 77 и 78).

¹⁸⁵ **Лиза Вяземская за Алек(сандра) Хитрово** — Хитрово Александр Николаевич (1805—1865), впоследствии Смоленский вице-губернатор; женат на кж. Елизавете Николаевне Вяземской, дочери кн. Николая Григорьевича Вяземского (1767—1846) и кн. Екатерины Васильевны, рожд. Васильчиковой.

¹⁸⁶ **К(няжна) Хованская за Кокошкина** — Хованская Софья Сергеевна, княжна, замужем за Кокошкиным Сергеем Александровичем (1796—1861), флигель-адъютантом, впоследствии сенатором, генерал-адъютантом.

¹⁸⁷ **...дуру сестру Кушелева, Лобанову** — Лобанова-Ростовская Александра Григорьевна, княгиня, рожденная гр. Кушелева, дочь гр. Григория Григорьевича Кушелева (1754—1833). Замужем за кн. Алексеем Александровичем Лобановым-Ростовским (1786—1848), Рязанским гражданским губернатором, сенатором.

¹⁸⁸ **...предложил руку свою Сиверсовой** — по мнению О. Н. Оом, «Сиверс, гр., вероятно, одна из четырех дочерей гр. Егора Карловича (1779—1827), генерал-лейтенанта, директора инженерного училища, и жены его Эмилии, рожд. фон Крюденер.»

¹⁸⁹ **William и (нрзб) Forrester** — О ком идет речь, установить не удалось. Вероятно, это William и Helene, которые упоминались выше (с. № 116)

¹⁹⁰ **...я была у Андерсона** — О ком идет речь, установить не удалось; отметим, однако, что Анна Алексеевна упоминает в своем дневнике «m-me Андерсон», няню своей племянницы Ольги, а в ее бумагах сохранился список стихотворения П. А. Вяземского «Черные очи», сделанный неким Томасом Андерсоном, эсквайром, для г-жи Томас Андерсон (РО РНБ, ф. 542, е. х. 958).

¹⁹¹ **...у Алины, которая уехала с Государыней прежде в Варшаву (на) коронавание, а там на месяц в Берлин.** — Имеется в виду кж. А. П. Волконская, сопровождавшая императрицу на коронавание Николая I в Варшаве, которое происходило 12 мая 1829 г. (по конституции, данной Польше Александром I, русские цари коронавались в качестве польских королей). Затем императрица с наследником выехала в Берлин.

¹⁹² **...Первого мая — блестящая прогулка...** — Первого мая происходило ежегодное традиционное гуляние в Екатерингофе. В одном из путеводителей пушкинского времени о Екатерингофском гулянии говорилось: «Коляски тянутся туда лентою, и вся роскошь русских бар выказывает там то, что у нея есть самого блестящего. Кавалькады скачут между экипажами, пешеходы заполняют дорожки, — кажется, что вся столица отправилась в Екатерингоф, чтобы приветствовать первый луч весеннего солнца» (Пушкинский Петербург. Л., 1949. С. 348).

¹⁹³ **...его мать умерла** — Кн. Александра Николаевна Лобанова-Ростовская, рожд. кж. Салтыкова, умерла в Москве 4 мая 1829 г.

¹⁹⁴ **...утешить несчастных Паниных, которые потеряли Адель, свою сестру** — Речь идет об умершей в 1829 г. гр. Аделаиде Никитичне Па-

ниной (р. 1798), дочери гр. Никиты Петровича Панина и гр. Софьи Владимировны, рожденной гр. Орловой (1774—1844), сестре гр. А. Н. и В. Н. Паниных (см. примеч. № 166), а также гр. Софьи Никитичны (1797—1833) и Веры Никитичны (1808—1841) Паниных.

¹⁹⁵ ...**знаменитый Гумбольдт** — Гумбольдт Александр Фридрих Генрих, (14.09.1769—6.05.1859), барон — ученый, географ, естествоиспытатель, ботаник, физик, зоолог, путешественник. По вызову Николая I в 1829 г. предпринял путешествие по России, посетил Урал, Семипалатинск и берега Каспийского моря. Гумбольдт прибыл в Петербург 18 апреля 1829 г. При посещении дома Олениных Гумбольдт, по словам Ф. Г. Солнцева, заметил, что «объехал оба земные полушария и везде должен был только говорить, а здесь с удовольствием слушал» (Солнцев Ф. Г. Ук. соч., РС. Т. XV. С. 620). Анна Алексеевна вспоминала о визите бар. А. Ф. Г. Гумбольдта в своих мемуарах (с. 232 настоящего издания).

¹⁹⁶ ...**Мме Ярцевой** — Ярцева Любовь Васильевна (1811—1867), фрейлина. С 1830 г. замужем за св. кн. Александром Аркадьевичем Суворовым (1804—1882). В архиве Олениных сохранился лист из альбома со стихами кн. Сергея Григорьевича Голицына (Фирса), адресованными Л. В. Ярцевой:

Ты хочешь знать, мой нежный друг,
Зачем я при тебе рабею,
Зачем, как пламя, вспыхну вдруг
И подойти к тебе не смею.
Ну как догадки не иметь,
Я раб твой, как мне не рабеть.

Внизу карандашом приписано: «Серзь Голицынъ а Мме Ярцевъ plus (tard) Princesse Суворовъ». (РО РНБ, ф. 542, е. х. 960). Описанный А. А. Олениной эпизод нашел отражение в стихах кн. С. Г. Голицына (1829), положенных на музыку М. И. Глинкой (романс «Забуду ль я?»):

Забуду ль я волшебство слов твоих,
Младую грудь они так волновали,
И взор очей небесно-голубых,
Моей любви и радость и печали.

Забуду ль я насмешливый укор,
Ах, может быть на гибель обреченный,
Ты скоро мой узнаешь приговор,
Что за тебя я пал в бою сраженный.

(РО РНБ, архив М. И. Глинки, е. х. 10, л. 60—61).

Другая версия этой драматической ситуации изложена П. А. Вяземским, писавшим о Л. В. Ярцевой жене: «Ты о ней расспрашиваешь: ты видишь, что она, по крайней мере услужлива. Не знаю, с чего ты взяла, что она *inconsiderate* (*легкомысленна*)? Здесь про нее и слуха нет об этом. Голицына она просто сказала шутя, что если он в армию не поедет, уже просившись в службу, то подумают, что он струсил. Так мне это рассказали Карамзины. В ней вовсе нет и монастырского простосердечия или простонравия. Напротив, она одна из блестящих держав здешнего общества и почетностей Зимнего дворца» («Звенья», вып. VI. М. — Л., 1936. С. 249). Впрочем, Вяземский, по его собственному признанию, был слегка увлечен Ярцевой: «Я чуть не изменяю Россети для Ярцевой...» — пишет он жене 19 апреля 1830 г. Сама же «Россети» дает ей убийственную характеристику: «вероломная жена, неблагодарная дочь, дурная сестра, несправедливая мать». (А. О. Смирнова-Россет. Ук. соч. С. 188). А. С. Пушкин также не разделял мнения Вяземского: «С(уворова) очень глупа, и очень смелая кокетка, если не хуже», — заметил он в своем дневнике в 1834 г. (XII, 320). К чести кн. С. Г. Голицына следует заметить, что чувство юмора не изменило ему и в этой любовной коллизии: «Преуморительно он написал, и еще уморительнее рассказывает повесть об определении своем в действующую армию, — свидетельствует Ф. П. Фонтон. — Предмет этой повести есть одна из четырех прелестных воспитанниц Екатерининского института, принятых теперь ко двору...» (Ф. П. Фонтон. Воспоминания. т. II. — Лейпциг, 1862. С. 17).

¹⁹⁷ ...**молодой Титов** — Титов Владимир Павлович (28.02.1807—15.09.1891) — литератор, участник кружка «любомудров», сотрудник «Московского вестника», чиновник Московского архива Министерства иностранных дел (1823—1828) и Азиатского департамента (с 1827 г.) — сослуживец А. А. Оленина. Впоследствии — генеральный консул в Дунайских княжествах, посланник в Константинополе и Штутгарте, председатель Археографической комиссии, член Государственного совета. Женат на гр. Елене Иринеевне Хрептович. Автор повести «Уединенный домик на Васильевском» («Северные цветы», 1829), написанной на основе услышанной от Пушкина «Сказки про черта, который ездил на извозчике на Васильевский Остров». Выведен Пушкиным под именем Вершнева в наброске повести «Мы проводили вечер на даче» (1835).

¹⁹⁸ ...**граф Комаровский** — Комаровский Егор Евграфович, граф (28.05.1803—7.10.1875), поручик Л.-гв. Конного полка, впоследствии надворный советник, цензор Петербургского комитета иностранной цензуры. Женат (с 1830 г.) на Софье Владимировне, рожд. Веневитиновой (13.08.1808—13.07.1877).

¹⁹⁹ ...до его сестры — Комаровская Анна Евграфовна, графиня (30.07.1806—3.03.1872). Замужем за Сергеем Павловичем Шиповым (5.02.1789—13.08.1876), участником Отечественной войны, членом Союза спасения и Союза благоденствия, впоследствии генерал-адъютантом, сенатором.

²⁰⁰ ...если бы мечты Варвары могли исполниться... — Как явствует из записи, сделанной между 19 и 26 апреля 1829 г., В. А. Оленина мечтала видеть Анну Алексеевну женою гр. М. Ю. Виельгорского. Матвей Юрьевич Виельгорский впервые посетил Олениных 5 мая 1829 г.

²⁰¹ ...чтобы поговорить о своей смерти, которая, — я полагаюсь в этом на Бога — еще далека — Эти строчки дневника противоречат воспоминаниям Ф. Ф. Вигеля, восхищавшегося стойкостью, с которой Елизавета Марковна переносила свои частые недомогания: «Склонность, о которой сейчас говорил я (к балагурству — Л. А., В. Ф.), и любовь к общежитию побеждали в Елизавете Марковне самые телесные страдания, коим так часто была она подвержена. Часто, лежа на широком диване, окруженная посетителями, видимо мучась, умела она улыбаться гостям. Я находил, что тут и мужская твердость воли и ангельское терпение, которое дается одним только женщинам. Ей хотелось, чтобы все у нее были веселы и довольны...» (Ф. Ф. Вигель. Записки. Т. 2. М., 1928. С. 47.). В то же время А. Д. Блудова вспоминала: «Когда я ее знала, она была благоразумною, практическою женщиной, большого роста, массивною, с правильными чертами, здоровыми нервами, хотя уже старую, и ничего не высказывалось в ней нервного, похожего на восприимчивость и раздражительность воображения» (Блудова А. Д. Воспоминания и записки гр. А. Д. Блудовой. — «Заря», 1871, кн. 3, отд. 1. С. 11). Е. М. Оленина скончалась через 10 лет, в 1838 г.

²⁰² «За днем проходит день, следов не оставляет...» — Источник цитаты установить не удалось.

²⁰³ ...Екатерингоф — местность за Калинкиным мостом по Петергофской дороге, где находился деревянный дворец, окруженный парком, заложенным в 1711 г. в честь морской победы над шведами, одержанной в Кронштадском заливе в мае 1703 года. Петр I подарил эту землю своей жене Екатерине I и назвал Екатерингофом. Долгое время Екатерингоф был заброшен. В 1804 г. по распоряжению Александра I Екатерингоф перешел в ведение городских властей. Благоустроенный в 1820 г., екатерингофский парк превратился в излюбленное место публичных гуляний.

²⁰⁴ ...к этим тупицам Кушелевым — Имеются в виду гр. Григорий Григорьевич и гр. Екатерина Дмитриевна Кушелевы (см. примеч. №

170). Резкая характеристика, данная им А. А. Олениной, перекликается с воспоминаниями о них М. Ф. Каменской (см. Каменская М. Ф. Воспоминания. М., 1991. С. 247—248).

²⁰⁵ ...**Варетт** — Речь идет о Варваре Николаевне Репниной (см. примеч. № 134).

²⁰⁶ ...**Миле Козлова** — Козлова Александра Ивановна (16.01.1812—7.11.1903), дочь поэта И. И. Козлова и Софьи Андреевны, рожд. Давыдовой. Прекрасно образованная и отлично владевшая иностранными языками, А. И. Козлова обладала острым умом и тонким литературным вкусом. Согласно изустному преданию, Пушкин танцевал с ней мазурку у Лавалей «в пику Олениной» (См. «Рукою Пушкина». М. — Л., 1935. С. 324).

²⁰⁷ ...**Штоля, художника-флориста** — Штолль Леопольд, художник; писал цветы маслом и акварелью. Уроженец Голландии, работал в Кракове и Варшаве, Санкт-Петербурге и Вене. С 1830 (1829?) по 1834 гг. состоял художником Петербургского ботанического сада.

²⁰⁸ ...**белые пуговицы** — Белые (серебряные) металлические пуговицы на мундире полагались чиновникам ведомства иностранных дел. Намеком на мундир этого ведомства служил распространенный комплимент, которым отмечались дипломатические способности: «Вам надо дать белые пуговицы» (Л. Е. Шепелев. Титулы, мундиры, ордена. Л., 1991. С. 144).

²⁰⁹ ...**Фишера** — Фишер Федор Богданович (1780—1854), ботаник. Родом из Пруссии. По окончании курса естественных наук в Галле приехал в Россию: в 1812 г. — адъюнкт в Московском университете; директор приобретшего европейскую известность Горенского ботанического сада графа А. К. Разумовского. С 1823 г. — директор Петербургского ботанического сада.

²¹⁰ ...**Алексей недавно уехал в наше поместье** — В списке приехавших в столицу 30 июля 1829 года в «Санкт-Петербургских ведомостях» указано, что А. А. Оленин возвратился из Москвы. Очевидно, он ездил в одно из имений Московской губернии, где в Клинском уезде Оленины владели селом Богородским, деревнями Тимоново, Березинки и Высокое; по 8-й ревизии в подмосковных за Олениными числилось в общей сложности 262 души.

²¹¹ ...**мост через Неву** — с осени 1827 г. до начала 1831 гг. Оленины жили в доме кн. П. Г. Гагарина на Дворцовой набережной (современный адрес — Дворцовая набережная, д. № 10); Анна Алексеевна имеет в виду наплавной Троицкий мост.

²¹² ...**лет сорок** — Матвею Юрьевичу Виельгорскому было в это время тридцать пять лет.

²¹³ **...Его безупречная репутация** — О. Н. Оом в комментариях замечает: «В молодости (в 1820 г.) граф Матвей Юр(евич) был помолвлен с бар. Е. Г. Строгановой (ум. 1832), но вскоре после помолвки заболел и брак расстроился, что вызвало много толков в петербургском обществе».

²¹⁴ **...Какое прекрасное заведение!** — Речь идет о Ботаническом саде.

²¹⁵ **...моя кузина Марфа** — Коханеева Марфа Федоровна — по свидетельству Ф. А. Оома, племянница А. Н. Оленина; родом с Украины (в письме к А. Н. Оленину от 9 сентября 1827 г. Н. И. Гнедич кланяется «доброй землячке Марфе Федоровне»). С юности жила в доме Олениных; Елизавета Марковна завещала ей 5000 рублей (РО РНБ, ф. 542, е. х. 615, л. 4 об.). После смерти А. Н. Оленина переехала к Анне Федоровне Оом и скончалась в ее доме. Ф. А. Оом вспоминал: «Фамилия ее, Коханеева, была известна немногим, а Марфу Федоровну знало почти все высшее петербургское общество. Добрейшая, но беззаботная душа, она, правда, ничего в жизни своей не создала, была вполне бесполезна».

²¹⁶ **...и мадам Адам, урожденная Полторацкая, другая моя кузина** — по-видимому, жена инженера Егора Андреевича Адама (1799—1860-е гг.), построившего на Неве участок набережной с большой гранитной пристанью и египетскими сфинксами перед зданием Академии художеств (1831). Е. А. Адам построил также ряд мостов в Петербурге: Тетраальный, Большой Конюшенный, Певческий, Демидов).

²¹⁷ **...Иванов, придворный певчий. Боже, какой прекрасный тенор!** — Иванов Николай Кузьмич (1809, по другим данным 1810—1880), с 1830 г. учился в Италии, получил ангажемент в Париже, где решил остаться. За это Николай I запретил ему въезд в Россию. Впервые познакомил Парижское общество с музыкой своего друга М. И. Глинки. Берлиоз восхищался его интерпретацией русских романсов. А. П. Керн вспоминает: «Бывая у Дельвига, Иванов певал его «Соловья» и своим мягким, симпатичным голосом придавал этому романсу ту прелесть и значение, которых жаждал поэт» (Керн А. П. Ук. соч. С. 68). Н. К. Иванов умер в Болонье.

²¹⁸ **...Ее малышка прелестна** — дочери В. А. Олениной Ольге в это время было пять месяцев.

²¹⁹ **...утром в день смерти бедной немки Виельгорский приехал к ней, так как она живет в доме моей тетушки Волконской** — гр. М. Ю. Виельгорский приехал к Варваре Алексеевне Олениной, жившей в доме ее тетушки, кн. Софьи Григорьевны Волконской на Мойке (современный адрес — наб. р. Мойки, д. № 12). В 1836 г. в этом доме поселился А. С. Пушкин.

²²⁰ ...перечитала страницу 90 своего журнала — Запись на с. 90: «Я обречена, мне кажется, быть одной и проводить жизнь не занимая собою никого. Без цели, без желаний, без надежд. Кажется даже не пройти жизнь мою: все, планы, что я делала, все рушились до сих пор без успеха. Надежды, как легкой пар, исчезли, остались одни воспоминания, от дружбы, одни regrets (*сожаления*)».

²²¹ **Жеорж Меендорф** — Мейсндорф Егор Казимирович, барон (1795—1879), действительный статский советник, участник войны 1812 г., в 1828 г. состоял «при собственной Канцелярии Ее Императорского величества Государыни Императрицы Марии Федоровны» — «у исправления письменных дел». Позднее женился на гр. Софье Густавовне Стакельберг (1806—1891).

²²² ...сочинил в честь Прию(тина) и мне стихи. — См. Приложение II.

²²³ ...еждю верхом с Григорием — Имеется в виду Григорий Никанорович Оленин.

²²⁴ ...мраморную комнату — по-видимому, описываемые события происходили в доме В. А. и Г. Н. Олениных (наб. р. Фонтанки, д. № 97), куда они привезли свою заболевшую дочь из Приютина.

²²⁵ ...3 черкеса и офицер армейский тоже черкес. Они были очень милы и двое из них делали разные штуки на лошадях. — Этот эпизод запечатлен на рисунке А. Н. Оленина (?), исполненном пером в альбоме, ныне хранящемся в ГРМ: «Военные Черкесские упражнения, произведенные родственниками Шу-Карнова в честь П. А. Оленина по прямой приютинской дороге в 7-ой день июля 1829 года».

²²⁶ **Хозрев-Мирза, Сын Абаса мирзы** — Хозрев-мирза (1813—1875) — седьмой сын Аббас-мирзы, внук Фатх-Али, шах-ин-шаха Ирана, прибыл в Петербург 4 августа 1829 г. для принесения извинений за избиение в Тегеране 30 января 1829 г. русской миссии с А. С. Грибоедовым во главе. «Прием, ожидавший Хосров-мирзу в столице, — замечает его биограф, — превзошел всякие ожидания и ясно свидетельствовал, как легко мы прощаем всякие обиды и оскорбления, не исключая и тех случаев, когда ими затрогиваются национальная честь и самолюбие» (Ад. П. Берже. Хосров-мирза. — Русская старина, 1879. Т. XXV, июнь. С. 342). Пребывание Хозрев-мирзы в Петербурге продоллось до 18 октября.

²²⁷ ...было 10 большое представление — 10 августа принц Хозрев-мирза представлялся «их императорским величествам государю императору и государыне императрице в публичной аудиенции», — сообщала «Северная пчела». «По выходе от государя, Хосров-мирза был приглашен в малую тронную, где государыня стояла перед последнею

ступенью, статс-дамы и фрейлины по правую, а чины двора по левую сторону трона» (Ад. П. Берже. Хосров-Мирза. — РС, 1879. Т. XXV, июнь. С. 347)

²²⁸ **Он молод и довольно хорош** — Хозрев-мирзе было 16 лет; по свидетельству современников, он «был среднего роста, строен, имел очаровательные глаза и необыкновенно приятную улыбку; обладал живостью в разговоре, и был замечательно приветлив в обхождении» (Ад. П. Берже. Хосров-мирза. — РС, 1879. Т. XXV, июль. С. 414). Судьба персидского принца была драматична: после смерти Аббаса-мирзы (1833) и Фатх-Али-шаха (1834) Хозрев-мирза был ослеплен по приказу Мамед-шаха — старшего брата, унаследовавшего дедовский престол.

²²⁹ **Потоцкой дал бал 17...** — Потоцкий Станислав Станиславович, граф (1787—3.07.1831), сын гр. Станислава Феликсовича Потоцкого (1752—1805) и ж. Юзефины Мнишек, участник Отечественной войны, генерал-адъютант, обер-церемониймейстер, тайный советник. Женат на Екатерине Ксаверьевне, рожденной гр. Браницкой.

²³⁰ **...с гр(афиней) Фикельмон урожденной Хитровой** — Фикельмон Дарья Федоровна, графиня (14.10.1804—10.04.1863 н. с.), рожд. Тизенгаузен, младшая дочь Е. М. Хитрово, внучка М. И. Кутузова, жена (с 1821) графа Шарля-Луи Фикельмона (23.3.1777—6.4.1857 н. с.), австрийского посланника в Петербурге (июль 1829—1839), впоследствии австрийского министра иностранных дел, литератора, публициста. Салоны гр. Д. Ф. Фикельмон и ее матери Е. М. Хитрово в здании австрийского посольства, помещавшегося в доме Салтыковых на Дворцовой набережной (современный адрес — Дворцовая наб., д. № 4) были в числе самых известных в Петербурге.

²³¹ **...с Мирза Сале** — Мирза-Салех — статс-секретарь Аббас-мирзы.

²³² **...он едет в свою деревню улаживать дела** — Г. Н. Оленин едет в свое имение Староживотинное (Животворное), расположенное в Воронежской губернии, на р. Воронеж.

²³³ **...с графом Ферзенем** — Ферзен Павел Карлович, граф (16.02.1800—22.02.1884), поручик Кавалергардского полка. В 1829 г. тайно обвенчался с гр. О. П. Строгановой, за что был переведен в Свеаборгский батальон, затем в Киевский гусарский полк. В 1830 г. в составе Кирасирского Ее Величества полка принимал участие в подавлении польского восстания и после взятия Варшавы возвращен в Кавалергардский полк. В 1833 г. уволен в отставку по болезни. С ноября 1836 г. — чиновник по особым поручениям при министре императорского двора, надворный советник, в 1862 г. — обер-егермейстер, действительный статский советник. На царской охоте близ станции Малая Вишера Николаевской ж. д. 29 декабря 1870 г. неосторожным

выстрелом гр. П. К. Ферзена был убит егермейстер В. Я. Скарятин. После этого гр. Ферзен был окончательно уволен от службы. Гр. О. П. Строганова умерла в 1837 г., оставив ему двух детей: Павла (р. 1830) и Софию (р. 1832). Вторым браком гр. Ферзен был женат на Елизавете Федоровне фон Раух.

²³⁴ **...отъезд в Городню** — Городня — подмосковное имение кн. Н. П. Голицыной, бабки гр. О. П. Строгановой по материнской линии: поместье близ Калуги с усадебным домом, проект которого приписывается А. Н. Воронихину.

²³⁵ **...ее поджидает Бреверн** — Бреверн Алексей Иванович, ротмистр Л.-гв. Конного полка (первый офицерский чин получил 3.03.1817). За участие в похищении гр. О. П. Строгановой переведен 11 августа 1829 г. из Л.-гв. Конного полка в Павлоградский гусарский тем же чином. В 1830 г. возвращен в Л.-гв. Конный полк; в 1833 г. произведен в полковники. В 1835 г. пожалован во флигель-адъютанты, с 1839 г. командир Финляндского драгунского полка.

²³⁶ **Тайцы** — усадьба под Гатчиной (архитектурно-парковый ансамбль с дворцом, сооруженным по проекту И. Е. Старова в 1774—1778 гг.) близ Красного Села, традиционного места летних войсковых учений; Тайцы принадлежали сослуживцам гр. П. К. Ферзена по Кавалергардскому полку — корнетам, братьям Петру (1808—1862) и Павлу (1809—1858) Григорьевичам Демидовым.

²³⁷ **...Саломирский-старший** — Соломирский Павел Дмитриевич (1801—1861), побочный сын русского посла в Вене — Дмитрия Павловича Татищева и вдовы обер-бергмейстера, Натальи Алексеевны Колтовской, рожд. Турчаниновой, владелицы Пермских «Турчаниновских» железных заводов. С декабря 1816 г. — корнет, в 1828 г. — ротмистр, с апреля 1833 г. — полковник Л.-гв. Гусарского полка, сослуживец Лермонтова, впоследствии генерал-майор. В 1829 г. за участие в похищении О. П. Строгановой переведен в Александрийский гусарский полк; 20 апреля 1830 г. — вновь в Л.-гв. Гусарский полк. В 1839 г. уволен от службы статским советником для определения в гражданское ведомство. Женат (с 1835 г.) на Екатерине Александровне Булгаковой (р. 1.03.1811). Носил прозвище «толстый гусар».

²³⁸ **...и Ланской** — Ланской Александр Петрович (1800—1844), в 1828 г. — ротмистр Кавалергардского полка. Ближайший друг гр. П. К. Ферзена. В 1829 г. за участие в похищении О. П. Строгановой переведен в Мариупольский гусарский полк. В 1830 г., за заслуги в делах против турок, возвращен в Кавалергардский полк. В 1834 г. вышел в отставку. Брат П. П. Ланского (13.03.1799—6.05.1877), второго мужа Н. Н. Пушкиной. Женат на Наталье Федоровне Петрово-Соловово.

²³⁹ **Коминг** — О ком идет речь, установить не удалось.

²⁴⁰ **...Брусилов** — О. Н. Оом ошибалась, читая эту фамилию как «Брюллово», и в комментарии писала о К. П. Брюллове. Оспаривая ее точку зрения, Л. В. Тимофеев доказывал, что речь идет о Федоре Павловиче Брюллове. Однако прочтение этой фамилии в оригинале, где она поминается трижды, сомнений не вызывает: «Vrouciloff». По-видимому, это Николай Петрович Брусилов (19.09.1782—27.04.1849) — писатель, журналист, историк. Н. П. Брусилов — издатель «Журнала российской словесности» (1805), член Общества любителей словесности, наук и художеств; гражданский губернатор Вологды (1821—1834), составитель статистического обозрения «Опыт описания Вологодской губернии» (СПб, 1833), удостоившегося похвального отзыва Академии наук. В 1834 г. вышел в отставку в чине действительного статского советника. Автор «Воспоминаний» (1848). По словам С. П. Жихарева «это был человек отличный во всех отношениях: благороден, правдив, чувствителен и добрый товарищ» (Жихарев С. П. Записки современника. Л., 1989. С. 214); Д. Н. Свербеев отмечает, что Н. П. Брусилов «был чиновником редкой в то время честности и никогда не соблазнялся почти ежедневной возможностью взять крупную взятку» (Свербеев Д. Н. Ук. соч. Т. I. С. 217).

²⁴¹ **...Лонгинов** — Лонгинов Николай Михайлович (1779—21.12.1853), статс-секретарь Комиссии по принятию прошений, впоследствии сенатор.

²⁴² **...Тон** — Тон Константин Андреевич (1794—1881), архитектор, создатель «русско-византийского» стиля. Автор Большого Кремлевского дворца, Оружейной палаты и храма Христа Спасителя в Москве; в Петербурге по его проекту построена пристань перед Академией художеств, а также ряд залов Академии; К. А. Тон проектировал Николаевский железнодорожный вокзал, руководил сооружением памятников М. И. Кутузову и М. Б. Барклаю де Толли.

²⁴³ **...Гальберг** — Гальберг Самуил Иванович (2.12.1787—10.05.1839), профессор скульптуры Академии художеств; ученик И. П. Мартоса, совершенствовался в Риме (1818—1828), в частности, в мастерской Торвальдсена. Отозван в 1829 г., вместе с Б. И. Орловским, чтобы изготовить модели памятников Кутузову и Барклаю де Толли. В Италии встречался с Г. Н. и В. А. Олениными и в 1827 г. исполнил мраморный бюст Г. Н. Оленина (в записной книжке последнего мы находим записи от 18/30 марта 1827 г.: «Гальбергом бюст мой», и от 12/24 мая 1827 г.: «Гальбергу за Бюст 1000» — РО РНБ, ф. 542, е. х. 826). Автор портретов А. Н. Оленина (бюст, 1831) и Е. М. Олениной (барельеф, 1838), И. А. Крылова (бюст, 1830), гр. О. П. Ферзен (бюст, 1837) и дру-

гих современников. С. И. Гальбергу адресовано стихотворение А. С. Пушкина «К бюсту завоевателя» (1829); С. И. Гальберг исполнил по-смертные маску и бюст поэта. Женат на дочери В. И. Демут-Малиновского, Елизавете Васильевне.

²⁴⁴ ...**Шиллинг** — Шиллинг фон Канштадт Павел Львович, барон (5.04.1787—25.07.1837), дипломат, член-корреспондент Академии наук по разряду литературы и древностей Востока (с 1827 г.), организатор первой в России литографии, изобретатель электромагнитного телеграфа, старший советник Министерства иностранных дел. Давний знакомый Олениных. Член дружеского кружка 1828 г.; участник прогулки на невском пароходе в Кронштадт, предпринятой 25 мая этого года.

²⁴⁵ ...**Будберг** — о ком из Будбергов идет речь, установить не удалось.

²⁴⁶ ...**Красовский** — Красовский Александр Иванович (1780—19.11.1857), библиотекарь и секретарь Императорской Публичной библиотеки, затем цензор Петербургского цензурного комитета (1821—1828), председатель комитета Иностранной цензуры (1833—1857), член Российской академии (с 1833 г.). Упоминается в двух пушкинских «Посланиях к цензору» (1822 и 1824 гг.), ему же адресована эпитафия «Тимковский царствовал...» (1824). А. В. Никитенко писал о Красовском: «...человек с дикими понятиями, фанатик и вместе лицемер, всю жизнь, сколько мог, гасивший просвещение». А. Н. Оленин не мог не ценить в нем усердного и ревностного сотрудника, но не уважал его как личность. Когда 8 февраля 1814 г. в Петербурге распространился ложный слух о гибели гр. А. П. Строганова в сражении при Бриенне, А. Н. Оленин предупредил Н. И. Греча: «Вы видели в числе гостей Александра Ивановича Красовского. Этот гнусный вестовщик вхож в доме Строгановых; если б он услышал эту новость, он немедленно побежал бы туда, чтоб первому сообщить ее бедной матери» (Греч Н. И. Записки о моей жизни. «Academia» М. — Л., 1930. С. 543).

²⁴⁷ ...**Языков** — О. Н. Оом полагает, что речь идет о поэте Николае Михайловиче Языкове (1803—1846). Однако Н. М. Языков в 1829 г. выехал из Дерпта в Москву и о пребывании его в это время в Петербурге ничего не известно. Представляется более вероятным, что речь идет о Дмитрие Ивановиче Языкове (4.10.1773—13.11.1845) — археографе, писателе и переводчике, с 1833 г. — члене Российской Академии (избирался вместе с А. С. Пушкиным), с 1835 г. — ее непосредственным секретаре, впоследствии ординарном академике, одном из создателей (вместе с А. Н. Олениным) «Драматического вестника», член оленинского кружка начала 1800-х годов. Одно время Д. И. Языков

жил в доме Олениных на Фонтанке, 101. «Языков был совершенно Сократ нашего времени и имел свою Ксантиппу, — вспоминала В. А. Оленина. — Был очень умен и мил» (РО РНБ, ф. 542, е. х. 155, № 4).

²⁴⁸ **Штейнбок** — с семьей гр. Штейнбок (Стенбок) Оленины были связаны давним знакомством: гр. Яков Федорович Штейнбок был свойственником (по жене, Екатерине Алексеевне Дьяковой) Н. А. Львова и Г. Р. Державина, к кружку которых принадлежал и А. Н. Оленин. У гр. Я. Ф. Штейнбока 16 июня 1813 г. Елизавета Марковна Оленина приобрела дом на Фонтанке, отданный в 1823 г. в приданое В. А. Олениной. Возможно, речь идет о гр. Ермолае (Германе) Ивановиче Стенбоке (24.04.1799—12.01.1848), ротмистре Л.-гв. Кирасирского полка, впоследствии его командире (1843—1848), генерал-майоре.

²⁴⁹ **...Аткинсон** — Аткинсон Василий Яковлевич (1791—20.10.1844), сын английской гувернантки, 15 лет жившей в семье А. Н. Оленина и скончавшейся в его доме. Служил в Императорской публичной библиотеке с 1810 г.: сначала в должности старшего писца, затем (с 1816 г.) — помощником библиотекаря, с 1828 г. — библиотекарем. В апреле 1844 г. подал прошение с просьбой принять его и членов его семьи в российское гражданство. Жена — Екатерина Францевна Аткинсон. В 1836 г. Е. М. Оленина подала прошение на имя императора о разрешении совершить дарственную запись на часть Приюти-на в пользу В. Я. Аткинсона с женою (РО РНБ, ф. 542, е. х. 620).

²⁵⁰ **...Стасов** — Стасов Василий Петрович (1769—1848), архитектор, академик. Сближение Оленина и Стасова относится ко времени создания Комитета для строений и гидравлических работ (1815). Особенно тесно В. П. Стасов и А. Н. Оленин сотрудничали в работе по сооружению в Петербурге Нарвских (1827—1834) и Московских (1834—1837) триумфальных ворот. В 1820—30-х годах В. П. Стасов, как вспоминал его сын, сделался «ближайшим другом и приятелем, совершенно своим человеком у президента Академии художеств» (см.: Стасов В. В. Воспоминания о моей сестре. — Книжки недели, 1896, № 1. С. 205).

²⁵¹ **...Свиньин** — Свиньин Павел Петрович (1787—1839), писатель, историк, путешественник, художник и коллекционер; издатель «Отечественных записок» (до 1830 г.). Учился в Благородном пансионе при Московском университете. В 1806 г. определен в Коллегию Иностран-ных дел. Был назначен дипломатическим чиновником при адмирале Сенявине, командовавшем русской эскадрой в Средиземном море. Позже посетил Англию, Северные Американские Штаты и др. страны. В 1827 г. по предложению А. Н. Оленина П. П. Свиньин был избран в почетные вольные общники Академии художеств. Собиратель

отечественных древностей, создатель «Русского Музеума», включавшего в себя картины, миниатюры, старинное серебро, медали, минералы и библиотеку. В 1828 г. женился на Надежде Аполлоновне Майковой (1798—1865).

²⁵² ...**Лисенко** — По утверждению О. Н. Оом, родственник Полторацких. Не исключено, однако, что речь идет о молодом человеке, которому покровительствовал Н. И. Гнедич, писавший некогда о нем Ф. Н. Глинке: «Любезнейший Федор Николаевич! Перед вами предстоит бывший студент Московского университета, ныне титуляр(ный) совет(ник) Лисенко. Я знал этого человека по добрым его качествам. Ныне он жертва недобрых людей и вследствие этого — доведен до бедствий, изменивших даже и наружность его. Дело в том, чтоб ему выдали аттестат из места прежней службы его, без которого ему прежде ничего предпринять невозможно. Не можете ли вы, почтеннейший, каким бы то ни было способом этому содействовать. Уверен, что, если представятся способы, сердце ваше не отвертится от добра человеку страждущему. Преданный вам душою Н. Гнедич» (см.: Кибальник С. А. «Афинская звезда» — в сб.: Белые ночи. Л., 1989. С. 240).

²⁵³ ...**Жиафар** — Топчибашев Мирза Джафар (Джафар-ибн-Али-Мердя-Бег; р. 1791), из беков Борчалинского уезда Тифлисской губернии. В 1819 г. приглашен в Петербургский университет на должность преподавателя восточных языков. В 1825 г. — адъюнкт-профессор историко-филологического факультета. 13 мая 1826 г. награжден орденом св. Владимира 4-го класса. Впоследствии — ординарный профессор персидского и арабского языков. Вышел в отставку в 1849 г. «Баловал меня еще один из воскресных посетителей Олениных, мирза Джафар Топчибашев, профессор восточных языков, — вспоминал Ф. А. Оом. — Он мне подарил Черкесский костюм, в котором я охотню шеголял.» (Оом Ф. А. Ук. соч. С. 19).

²⁵⁴ ...**Шармуа** — Шармуа Франсуа-Бернар (Франц Францевич) (14.05.1793—9.12.1868), статский советник, ориенталист. В 1817 г. был приглашен в Петербургский Педагогический Институт в качестве профессора кафедры персидского языка. В 1822 г., при преобразовании Педагогического института в Петербургский университет, перешел на службу в Азиатский департамент Министерства Иностранных дел. В 1831 г. — профессор персидского языка Петербургского университета. С 1829 г. — почетный библиотекарь Императорской публичной библиотеки и член-корреспондент Императорской Академии наук, затем ее почетный член по части восточной словесности. В сентябре 1835 г. вышел в отставку и возвратился во Францию. Занятия и постоянное общение с мирзою Джафаром Топчибашевым сделали его од-

ним из лучших знатоков персидского языка в Европе. Член Парижского и Лондонского Азиатских обществ. Переводил на французский язык научные труды А. Н. Оленина.

²⁵⁵ ...**Гамплен** — Гампельн Карл (1808—1880-е гг.), живописец, портретист, гравер и литограф, член Венской Академии Художеств. Глухонемой; пенсионер императрицы Марии Федоровны, учился в Вене, служил учителем рисования в Петербургском училище глухонемых. Автор множества акварельных и карандашных портретов современников, в том числе, портрета А. А. Олениной с подругами (местонахождение неизвестно) и акварели, запечатлевшей кавалькаду на приютинской дороге (ГТГ).

²⁵⁶ ...**Аткинсонова** — вероятно, Аткинсон Екатерина Францевна, жена Василия Яковлевича Аткинсона (см. примеч. № 249).

²⁵⁷ ...**Батюшков** — Возможно, речь идет о Помпее Николаевиче Батюшкове (1810—1892), брате поэта, археологе, историке, впоследствии ковенском вице-губернаторе, вице-директоре Департамента духовных дел иностранных вероисповеданий.

²⁵⁸ ...**Симонетти-Камподонио** — Симонетти-Камподонио Амброджио (ок. 1792—22.03.1869), аббат, магистр богословия, по-видимому, иезуит; в России, как явствует из его некролога, преследовал цель обращения православных в католичество (см. в кн.: Морозкин М. Иезуиты в России с царствования Екатерины II до нашего времени. Ч. II, СПб, 1870. С. 143)

²⁵⁹ ...**мадам Канкрина** — Канкрина Екатерина Захаровна (15.10.1795—10.09.1849), графиня, рожденная Муравьева, дочь Захара Матвеевича Муравьева (1759—1832) и Елизаветы Карловны, рожденной Поссе, жена (с 1816 г.) гр. Егора Францевича Канкрина (1774—1845), министра финансов (1822—1844), графа (с 1829 г.)

²⁶⁰ ...**в Рябово** — Рябово — имение Всеволода Андреевича Всеволожского (1769—1836) в Шлиссельбургском уезде Санктпетербургской губернии, граничившее с Приютиным Олениных. «Имение этого Креза, — писал М. И. Пыляев, — стоило ему многих миллионов рублей. ...Барский дом этого магната состоял из 160 комнат, расположенных в двух этажах. В Рябово съезжались из Петербурга ко дню именин хозяина 24 октября более пятисот человек гостей. Для всех гостей устроены были особые помещения... празднование длилось трое суток. В рябовском манеже давались костюмированные турниры, карусели, на которые выезжали рыцари в латах. Обеды этого Креза славились на всю Россию. Разварные осетры, полученные по почте с Урала, подавались целиком в паровом котле; последний, обернутый массой салфеток, подавали четверо дюжих кухонных мужиков, одетых в белых

как снег русских рубахах. На театре играли крепостные актеры и актрисы Всеволожского, составлявшие у него довольно многочисленную труппу...» (М. И. Пыляев. Старый Петербург. Л., 1990. С. 441—442).

²⁶¹ ...Петра — Оленин Петр Алексеевич (21.12.1794—22.08.1868) — старший брат Анны Алексеевны Олениной, полковник Корпуса инженеров путей сообщения, участник Отечественной войны и заграничных походов, художник. В апреле 1809 г. зачислен портупей-прапорщиком в Л.-гв. Семеновский полк. 9 марта 1812 г. произведен в офицеры и выступил в составе Семеновского полка в поход к западным границам. При Бородине тяжело контужен; награжден за участие в этом сражении орденом св. Анны 3-го класса. После лечения в Нижнем Новгороде возвратился в строй. 5.01.1814 назначен адъютантом к гр. П. А. Строганову. 18.03.1814 г. П. А. Оленин участвовал в сражении при Монмартре, а на другой день — в торжественном вступлении союзных сил в Париж. 17.12.1819 в чине штабс-капитана назначен адъютантом к гр. П. П. Коновницыну. После «Семеновской истории» переведен тем же чином в Л.-гв. Егерский полк. 26.03.1823 П. А. Оленин был уволен от службы по прошению «за болезнью для определения к статским делам», но в январе 1824 г. вновь поступил на службу в Корпус инженеров путей сообщения адъютантом Главноуправляющего, герцога Александра Виртембергского. В январе 1831 г. (9 или 11 числа) П. А. Оленин женился на Марии Сергеевне Львовой (1810—15.06.1899), дочери Сергея Дмитриевича Львова, Новоторжского уездного предводителя дворянства, и Татьяны Петровны, рожденной Полторацкой. У П. А. и М. С. Олениных было шесть детей: Елизавета (р. 26.02.1832), Алексей (р. 26.01.1833), Сергей (р. 11.01.1834), Татьяна (р. 27.03.1836), Николай (р. 20.03.1838) и Евгений (р. 6.01.1843). 1 января 1833 г. П. А. Оленин вышел в отставку генерал-майором и с лета этого года жил в Тверской губернии, где к осени 1835 г. П. А. Оленин основал усадьбу Машук, получившую свое название по имени его жены. П. А. Оленин был талантливым портретистом; к числу лучших его произведений относится портрет И. А. Крылова (1824). За этот портрет в 1825 г. Совет Академии художеств присвоил П. А. Оленину звание «назначенного»; в 1827 г. Петр Оленин был избран почетным вольным общником Академии. Перу П. А. Оленина принадлежит шуточный очерк «Тринадцать часов, или Приютино» (1809) и набросок воспоминаний (РО РНБ).

²⁶² Вышеприведенные записи представляют собою словарь условного «языка цветов».

²⁶³ Эта запись сделана на двойном листке меньшего формата, вклеенном в дневник.

²⁶⁴ ...за четыре года — А. А. Оленина ошибается: Карл X правил 6 лет (с 16.9.1824 по 2.8.1830).

²⁶⁵ ...знаменитые указы — ордонансы, подписанные Карлом X в Сен-Клу 25 июля 1830 г., упразднили ряд гражданских свобод.

²⁶⁶ **Король со своей семьей был в...** — у А. А. Олениной пропуск. Король со своей семьей находился в Сен-Клу.

²⁶⁷ ...сыну герцога Беррийского, убитого при выходе из Оперы — 2 августа 1830 г. в Рамбуйе Карл X вместе с сыном, герцогом Ангулемским, отрекся от престола в пользу внука, герцога Бордосского. Герцог Бордосский, сын Шарля-Фердинанда, герцога Беррийского, родился 29 сентября 1820 г., через 7 месяцев после убийства отца, совершенного Л.-П. Лувелем 13 февраля 1820; легитимисты объявили его «дитятей чуда».

²⁶⁸ ...семья Бурбонов в третий раз покинула прекрасную землю Франции — Первая эмиграция была связана с революцией 1789 г.; вторая — с возвращением Наполеона с Эльбы и его Ста днями в 1815 г.

²⁶⁹ **Барон** — де Дама Анн-Ясент-Максанс (Дамас, Максим Иванович), барон (1785, по другим сведениям, 1783—1862). Родился в Париже. Ребенком был увезен своими родителями — французскими эмигрантами в Россию. В 1795 г. зачислен кадетом во 2-й кадетский корпус в Санкт-Петербурге. В составе Л.-гв. Семеновского полка участвовал в сражении при Аустерлице, затем в качестве батальонного командира — при Бородине, где был ранен в руку. Сообщил А. Н. и Е. М. Олениным о гибели сына Николая. 24.12.1812 был назначен командиром Астраханского гренадерского полка. В начале 1813 г. заболел тифом; в марте 1813 г. де Дама получил отпуск для поправки здоровья и отправился в Петербург, где остановился у Олениных; этот отпуск продлился до июля 1813 г. 15.09.1813 произведен в генерал-майоры. Отличился при Лейпциге и Бриенне, под стенами Парижа. После Реставрации возвратился во Францию, где получил звание генерал-лейтенанта, с 1816 по 1822 г. командовал 8-й дивизией в Марселе. В 1823 г. де Дама был назначен военным министром, в 1824 — министром внутренних дел. В 1828 г. ему было доверено воспитание юного герцога Бордосского, и в 1830 г. де Дама разделил с ним изгнание. Впоследствии возвратился во Францию; в конце жизни отошел от дел. Оставил воспоминания, изданные в Париже в 1822 г. (Memoire de Baron de Damas, publies par son petit-fils le Comte de Damas, Paris, 1922, t. 1—2.). Барон де Дама поддерживал оживленную переписку с семьей А. Н. Оленина. Письма его, хранящиеся в РНБ в фонде Олениных свидетельствуют о самых тесных отношениях. «Зачем только Приютино не в моей дивизии? — писал де Дама из Марселя в 1816 г. — Я бы часто

его посещал» (РО РНБ, ф. 542, е. х. 202) С Анной Алексеевной он переписывался и после ее замужества.

²⁷⁰ ...в 14 и 15 годах — Неточность. Заграничные походы русская армия совершила в 1813 и 1814 гг.

²⁷¹ ...мы познакомились в 25 году перед коронацией — По-видимому, А. А. Оленина ошибается: ее знакомство с гр. Альфредом де Дама состоялось, скорее всего, летом 1826 г. Ниже она сообщает, что гр. А. де Дама «приехал с новым посольством, прибывшим на коронацию Импер(атора) Николая». Николай I был коронован в Москве 22 августа 1826 г.

²⁷² Вдруг в этом году, в феврале месяце — эта запись датирована «1831 28 Fevrier»; однако, не помечая дат, Анна Алексеевна продолжала ее, повествуя о событиях, произошедших в марте (ср. примеч. № 278).

²⁷³ Брат Петр и его жена — Свадьба П. А. Оленина и Марии Сергеевны Львовой состоялась в январе 1831 г., незадолго до описываемых событий.

²⁷⁴ ...в доме Гагарина, и устраивали его на Миллионной — дом П. Г. Гагарина выходил как на Дворцовую набережную, так и на Миллионную улицу.

²⁷⁵ ...со знаменитым Ларош Жакленом — Ларош Жаклен Анри-Огюст-Жорж дю Вержье, маркиз де (1805—1867), французский политический деятель, легитимист. С 1825 г. пэр Франции; в 1828 г. принял участие в качестве волонтера в русско-турецкой войне. 20 ноября 1828 г. «подпоручик французской службы» маркиз Ларош Жаклен был награжден орденом св. Владимира 4-й степени с бантом. После июльской революции 1830 г. отказался от членства в Верхней палате и присоединился к восстанию в Вандее, целью которого была передача власти герцогу Бордосскому. В конце жизни — сенатор. В Петербурге Ларош Жаклен пользовался шумным успехом. Еще в апреле 1828 г. П. А. Вяземский писал из Петербурга жене: «Только и разговора, что об La Roche-Jacquelin, сыне героини. Он, говорят, едет волонтером. Я видел его издали в театре. Он едет 24-го. Petersburg est devenu la Vendee. La Roche-Jacquelin est son heros» (*Петербург превратился в Вандею. Ларош-Жаклен — его герой*) (Пушкин А. С., ПСС, XIV, 12).

²⁷⁶ Вернувшись заполниться домой — из флигеля, выходившего на Миллионную (где остановился Петр Алексеевич с женой Марией Сергеевной), Алексей Николаевич, Елизавета Марковна, Алексей Алексеевич, Анна Алексеевна Оленины и гр. А. де Дама вернулись в квартиру Олениных, выходившую окнами на Дворцовую набережную.

²⁷⁷ ...герцогини Беррийской — Мария-Каролина-Фердинанда-Луиза Неаполитанская (1798—1870), старшая дочь короля Франциска (Франсуа) I Неаполитанского; супруга герцога Беррийского (с 1816), мать герцога Бордосского.

²⁷⁸ ...вчера пришло письмо из Берлина — гр. Альфред де Дама покинул Петербург в ночь с 6 на 7 марта. Учитывая время, проведенное гр. де Дама в пути от Петербурга до Берлина, и время, проведенное почтой в пути от Берлина до Петербурга, можно с уверенностью утверждать, что эти строки написаны Анной Алексеевной не ранее последних чисел марта 1831 г., хотя они и включены в запись, начатую, согласно помете в дневнике, 28 февраля.

²⁷⁹ ...я попала бы в его страну — впоследствии Анна Алексеевна неоднократно бывала во Франции, где ее мужу Ф. А. Андро принадлежал наследственный замок Ланжеронов.

²⁸⁰ ...кошелек в форме русской кучерской шляпы — кошелек служил, по-видимому, традиционным сувениром: некогда Анна Алексеевна подарила кошелек и А. П. Чечурину.

²⁸¹ ...медаль в честь коронации. — В честь коронации были отчеканены три варианта большой медали (диаметром ок. 65, 51 и 41 мм) с антикизированным профилем Николая Павловича и надписью «Б(ОЖИЕЙ) М(ИЛОСТИЮ) НИКОЛАЙ I ИМПЕРАТОР И САМОДЕРЖЕЦ ВСЕРОСС(ИЙСКИЙ)» на лицевой стороне, и изображением увенчанной короной колонны с надписью «ЗАКОН» в лучах Всевидящего Ока и надписями: «ЗАЛОГ БЛАЖЕНСТВА ВСЕХ И КАЖДАГО»; «КОРОНОВАН В МОСКВЕ 1826» на оборотной стороне. Была выгита также малая медаль (диаметром ок. 22 мм) с вензелем Николая I на аверсе и надписью «КОРОНОВАН В МОСКВЕ 1826» на реверсе (см.: Смирнов В. П. Описание русских медалей. СПб, 1908. С. 218—219). Известна также большая медаль с профильным изображением Николая Павловича в уланском генеральском мундире и надписями на французском языке: «*Николай Первый, император всероссийский*» на аверсе, и «*Родился в 1796 Взошел на престол в 1825 Коронован в 1826*» на реверсе (см.: Собрание русских медалей, изданное по Высочайшему повелению Археографическою комиссиею. СПб, 1840, табл. LXII, № 346). Трудно судить, какую именно медаль подарила Анна Оленина гр. Альфреду де Дама, но можно думать, что возможность выбора была предоставлена ей отцом — знатоком и тонким ценителем медалей, автором «Опыта о правилах медальерного искусства» (СПб, 1817).

²⁸² ...Голицыны (Бабет) — Князь Голицын Павел Алексеевич (1782—1848) и его жена Варвара Сергеевна, рожд. Кагульская (1794—

1845), внебрачная дочь гр. С. П. Румянцева от Н. Н. Нелединской-Мелецкой, известная в общества под именем «Princesse Babet».

²⁸³ ...устроили карусель — Карусели — театрализованные конные состязания — известны в России с XVIII столетия. В память знаменитой карусели, устроенной на Царицыном Лугу 18 июля 1766 г., была выбита особая золотая медаль. Участники этой карусели разделенные на четыре кадрили, — славянскую, индийскую, римскую и турецкую, — были облачены в соответствующие своим кадрилям богатые одежды. Они соревновались в ловкости, отрубая головы куклам, изображавшим мавров, и пронзая копьями тигров и кабанов, сделанных из картона; в славянской кадрили отличилась императрица Екатерина II. Другая, не менее известная карусель состоялась в Царском Селе 23 мая 1842 г. Великолепный кортеж, двинувшийся от Арсенала (где Николай Павлович и наследник Александр Николаевич заимствовали подлинные доспехи XVI столетия), насчитывал 16 рыцарей и 16 дам в средневековых платьях. Живописная кавалькада с герольдами и музыкантами в авангарде выехала на ристалище перед Александровским дворцом; здесь была разыграна карусель, представлявшая собою сложные и весьма эффектные маневры в конном строю. Как свидетельствуют многочисленные источники, карусели принадлежали к излюбленным увеселениям русской аристократии первой половины прошлого столетия.

²⁸⁴ ...Мпе Дивова — Дивова Зинаида Сергеевна, рожд. Кагульская (1781—1869), сестра Голицыной (Бабет). Сначала, как и сестры — Варвара Сергеевна, в замужестве Голицына (см. примеч. № 282) и Екатерина Сергеевна (1802—1876), в замужестве Мещерская, носила фамилию Сергеева. Замужем за Николаем Андриановичем Дивовым (1781—1869).

²⁸⁵ ...Смирнов — О. Н. Оом полагала, что речь идет о Николае Михайловиче Смирнове (16.05.1808—4.03.1870), чиновнике Министерства иностранных дел, будущем муже А. О. Россет. Но Н. М. Смирнов с 1829 по август 1833 г. находился за границей. Возможно, речь идет о Петре Петровиче Смирнове (1772—1854), тайном советнике, дяде Н. М. Смирнова.

²⁸⁶ ...княгиня Зинаида Голиц(ына) — О. Н. Оом полагала, что речь идет о княжне (?) Зинаиде Павловне Голицыной (1813—1879), старшей дочери кн. П. А. и В. С. Голицыных, вышедшей впоследствии замуж за кн. Н. А. Щербатова.

²⁸⁷ ...Зиновьев — О. Н. Оом полагала, что речь идет о Николае Васильевиче Зиновьеве (1801—1882), штабс-капитане Л.-гв. Измайловского полка, впоследствии директоре Пажеского корпуса, генерал-лей-

тенанте и генерал-адъютанте. Но Н. В. Зиновьев с 1830 г. был женат на Юлии Николаевне Батюшковой, сестре поэта. Вероятно, здесь говорится о его младшем брате Степане Васильевиче Зиновьеве (25.09.1805—12.03.1871), камер-юнкере, титулярном советнике, служившем в ведомстве коллегии иностранных дел. Отец Н. В. и С. В. Зиновьевых — сенатор, тайный советник и камергер Василий Николаевич Зиновьев (30.11.1755—7.01.1827); мать — Вера Михайловна Дубенская, внучка духовника Елизаветы Петровны, к которому восходит весьма значительное состояние Зиновьевых. У Степана Васильевича Зиновьева, по словам А. О. Смирновой-Россет, «было приятное лицо, он был высокого роста, белокурый, его серые глаза улыбались» (Смирнова-Россет А. О. Ук. соч. С. 307); впоследствии он женился на Аделаиде Генриховне Жомини, дочери известного военного теоретика.

²⁸⁸ ...**княгиня Трубецкая** — Возможно, кн. Трубецкая Александра Александровна (7.01.1807—10.12.1886), рожденная Нелидова, замужем (с 1825 г.) за кн. Никитою Петровичем Трубецким, братом кн. С. П. Трубецкого, чиновником Министерства иностранных дел.

²⁸⁹ ...**Озеров** — Возможно, Озеров Иван Петрович (1806—1880), чиновник русского посольства в Бадене, с 1836 г. — первый секретарь посольства, впоследствии поверенный в делах и посланник в Португалии и Баварии. Женат с 1832 г. на Розалии Васильевне Шлиппенбах (р. 1808).

²⁹⁰ ...**Софи Карамзина** — Карамзина Софья Николаевна (5.03.1802—4.07.1856), старшая дочь историографа и писателя Николая Михайловича Карамзина (1.12.1766—22.05.1826) и его первой жены Елизаветы Ивановны, рожд. Протасовой; фрейлина. Отношения между А. А. Олениной и С. Н. Карамзиной, как следует из нижеприведенной записи в дневнике, были непростыми. В дальнейшем они, по-видимому, не изменились, о чем свидетельствуют, в частности, письма С. Н. Карамзиной. Так в одном из них (от 1 августа 1839 г.) она передает случайно услышанную ею беседу А. А. Олениной с кн. М. А. Щербатовой. На вопрос последней, пригласила ли Оленина С. Н. Карамзину к себе на день рождения, Анна Алексеевна ответила: «Нет, Софи было бы скучно, она любит побеседовать, а мы будем только смеяться и дурачиться друг с другом, будем беситься». Я притворилась глухой, — признается С. Н. Карамзина, — услышав это страшное слово. Лермонтов был удивлен моим серьезным лицом и видом, так что мне стало совестно, и я кончила тем, что вместе с ними стала шутить и смеяться от чистого сердца и даже бегать взапуски с Олениной...» (См.: В. А. Мануйлов. Лермонтов и Карамзины. В сб.: М. Ю. Лермонтов. Исследования и материалы. Л., 1979).

²⁹¹ ...**Головин (дурак)** — О ком идет речь, установить не удалось.

²⁹² ...**князь Лобкович** — Лобкович (Лобковиц) Франц, князь (1800—1854 (?)), с августа 1829 г. — чиновник австрийского посольства в Санкт-Петербурге; состоял при гр. Ш.-Л. Фикельмоне.

²⁹³ ...**граф Александр Алопеус** — Алопеус Александр Давыдович, граф (ум. в 1841 г.), секретарь Российской миссии в Турине, сын русского посланника в Берлине графа Давыда Максимовича Алопеуса и Жаннетты Ивановны, рожд. баронессы Бенкстерн (ум. в 1869).

²⁹⁴ ...**проклятый князь Куракин** — о ком из князей Куракиных идет речь, установить не удалось.

²⁹⁵ ...**сел возле Мадам Балабиной** — Мадам Балабина — рожд. Пари (Paris), Паулина-Варвара Осиповна (1780-е — 1845). Родом французка, с 31 января 1808 г. жена подполковника, впоследствии генерала-лейтенанта П. И. Балабина (21.04.1776—9.10.1855); рисовальщица, портретистка.

²⁹⁶ ...**с милыми Блудовыми** — Блудовы Антонина Дмитриевна (25.04.1813—9.04.1891) и Лидия Дмитриевна (18.07.1815—2.10.1882), дочери Дмитрия Николаевича Блудова (15.04.1785—19.02.1864), министра внутренних дел (1832—1838), с 1842 г. — графа. Д. Н. Блудов — член оленинского кружка начала 1800-х гг. (совместно с Н. И. Гнедичем, К. Н. Батюшковым, И. А. Крыловым, С. С. Уваровым и др.), один из учредителей литературного общества «Арзамас»; женат на Анне Андреевне, рожд. кж. Щербатовой (1.06.1777—6.02.1848). Антонина Дмитриевна Блудова — фрейлина, автор «Записок». Лидия Дмитриевна Блудова — замужем за Егором Ивановичем Шевичем. Сестры А. и Л. Блудовы изображены на акварели Ф. Г. Солнцева «Гостиная в Приютине», исполненной 26 мая 1834 г. В 1834 г. А. Д. Блудова и А. А. Оленина сочинили «Небылицу, которая может сбыться». См. Приложение.

А. А. ОЛЕНИНА
(А. А. АНДРО)

ВОСПОМИНАНИЯ¹

К. К. Гампельн. Кавалькада на приютинской дороге.
1820-е. Акварель. ГТГ.

Неизвестный художник.

«Пляска со Смертью княгини Натальи Петровны Голицыной, прозванной la Princesse moustache, которая, проживши до 102 лет, в жестокой была претензии на Провидение за несправедливость, давши ей прожить так мало».

2 октября 1824. Тушь, перо. Музей-усадьба «Приютино».

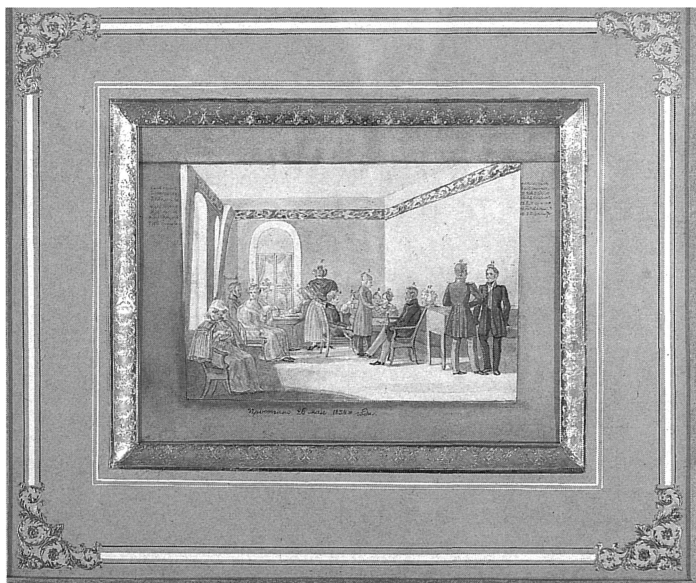
А. Н. Оленин (?). «Военные черкесские упражнения, произведенные родственниками Шу-Карнова в честь П. А. Оленина по прямой приютинской дороге в 7 день июля 1829 года». Тушь, перо. ГРМ.

Г. Г. Гагарин. Портрет А. А. Олениной в ее комнате в Приютино.
4 июня 1833. Кар. ГМП.

П. Ф. Соколов. Портрет сестер Лидии и Антонины Блудовых.
1830-е. Акварель. ГМП.

**Ф. Г. Солнцев. Гостиная в Приютине. 26 мая 1834. Акварель. ВМП.
Изображены: М. Ф. Коханеева, Ал. А. Оленин, А. А. Оленина,
А. Д. Блудова, В. А. Савельев, Л. Д. Блудова, А. Т. Домрачевая,
В. А. Оленина, А. Н. Оленин. Е. М. Оленина, А. А. Оленин,
Ф. Д. Алопеус, Ж. Дамето.**

И. В. Шевцов. Портрет Анны Алексеевны Олениной.
1835. Холст, масло. ГРМ.

В. И. Гау. Портрет Анны Алексеевны Олениной. 1839. Акварель. ГМП.

А. Попов с оригинала К. П. Брюллова. Портрет Анны Алексеевны
Олениной. 1835. Холст, масло. ГМП.

В. Л. Боровиковский. Портрет Григория Семеновича Волконского.
Не ранее 1806. Холст, масло. Тульский обл. художественный музей.

Дж. Доу. Портрет П. М. Волконского. 1823. Холст, масло. ГЭ.

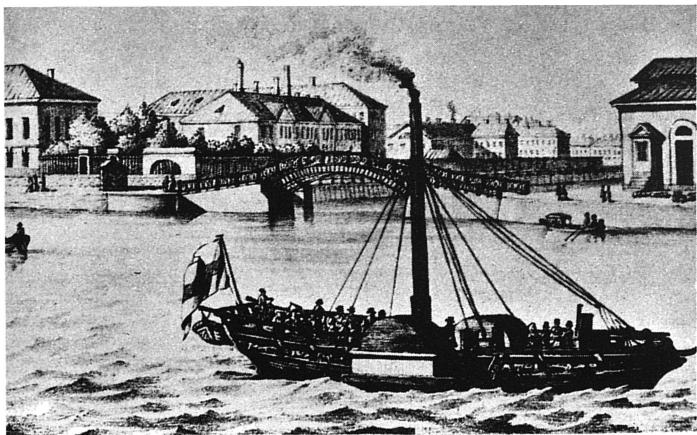

Неизвестный художник. Портрет Александры Петровны Волконской,
в замужестве Дурново. Конец 1820-х — начало 1830-х. Миниатюра.
Местонахождение неизвестно.

Снимок из фототеки вел. кн. Николая Михайловича.

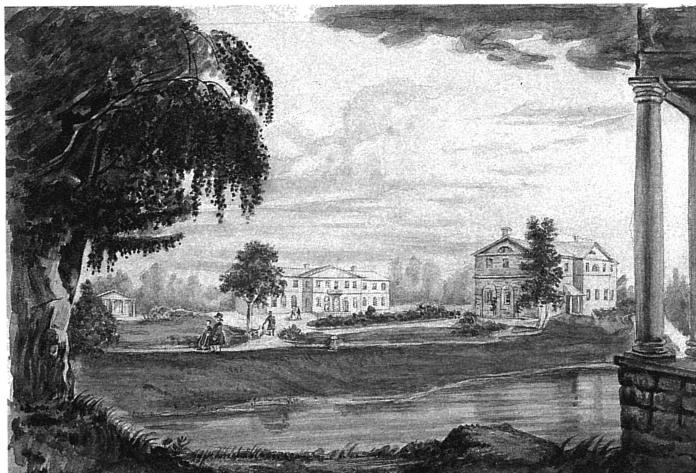
Неизвестный художник. Портрет Екатерины Александровны
Архаровой. 1830-е. ГМП.

Неизвестный художник. Пароход идет в Кронштадт.
Литография. 1820-е. ГРМ.

Федор Александрович Андро. Анна Алексеевна Андро.
Фотография. 1860-е.

Неизвестный художник. Вид Приютина. Акварель. 1830-е. ГРМ.

lib.pushkinskiydom.ru

1881 года

Первый листок
(Посвящено друзьям)

Уединение любя,
Чиж робкий на заре чирикал про себя,
Не для того, чтобы похвал хотелось,
И не за что; так как-то пелось!²

Вы желали, любезные друзья мои, чтоб я решилась наконец написать то, что видела и слышала я на своем веку? Признаюсь, меня побуждает еще писать и то, что в нынешний грамотный век многие сделались писателями записок более или менее занимательных. Все мы теперь грамотные, чем (между нами будь сказано) похвастаться не могу: мне ни на каком языке грамматика не удалась. Перо мое бежит по воле мысли, а *Ъ*, *Ы* и проч. остается позади. И так, не взыщите и не обращайтесь слишком много внимания на слог моей рапсоды³ и грамматическая погрешности. Если станете зевать при чтении, тогда бросьте ее и вспомните, что в 73 года завираться простительно. Не умею говорить я по нынешнему, да и скажу на ушко, об этом я и не забочусь и пишу как пришлось, по старинному, как и прилично моим седым волосам.

Глава I

Преданья старины глубокой⁴

Семейные дела избранного какого-нибудь кружка не могут быть одинаково интересны для всякого, а потому, если я и буду говорить *de mes grands parents* (*дедушках и бабушках*), то только для того, чтоб показать, насколько их нравы и обычаи отличались от современных нам.

Начинаю повествование свое с деда моего, Николая Яковлевича Оленина⁵, который умер еще до моего рождения, и которого я знала (лишь) по рассказам моей матушки, за человека добрейшего и тихого нрава. Не то была бабушка моя, урожденная княжна Волхонская⁶, сестра князя Григория Семеновича Волхонского⁷. Я не могу простить ей всего того, что она выдумывала, чтобы мучить и унижать моего отца, а впоследствии его жену, мою добрейшую и умнейшую мать, которую весь Петербург во всех различных слоях общества любил и почитал, но бабушка по неукротимому своему нраву широко пользовалась всеми дозволенными в то время невозможными причудами⁸. До чего простиралась ее злость. Она отказала свое благопр(иобретенное) имение по духовной своим двум племянникам Сергею и Никите Волк(онским) в ущерб родн(ому) св(оему) сыну, моему отцу. Волк(онские) это имение по смерти отца возвратили батюшке.⁹ [С ней познакомится читатель после.] Живо представляется мне в памяти дядя моего отца князь Григорий Семенович со всеми его странностями, которые производили во мне более страх, чем смех. Он часто приезжал, или лучше сказать, прибежал к нам при двадцати и более градусах мороза в одном фланелевом костюме и вдобавок без фуражки (а он был ранен в голову). Подобными выходками он корчил из

себя Суворова с его всевозможными причудами. Едучи однажды верхом, рядом с фельдмаршалом, князь Григорий Семенович гарцовал на седле и, чтоб перегнать своего спутника, пустил лошадь во весь карьер и свалился. Суворов тотчас подъехал к нему, помог встать и, удержав лошадь за узду, сказал: «Эх, князь, вы себе шею сломите, а все таки Суворова не догоните!» Князь Григорий Семенович был единственный брат шести княжен, которых любили его до обожания.

Первая из этих княжен была замужем за Римским-Корсаковым¹⁰, вторая за дедом моим Олениным, третья за Мамоновым-Дмитриевым¹¹, четвертая за Мухановым¹², пятая за Хрушовым¹³, а меньшая умерла в девах¹⁴, убитая лошадыми. Две старшие резко отличались от других своими странностями и тем самым вполне доказывают, насколько мы опередили их как по воспитанию, так и по образу жизни.

Римская-Корсакова была почитаема сестрами своими и не признавала над собой никакой власти, потому что муж ее, добрейший человек, снисходительно относился к ее капризам. Он был аншефом¹⁵, участвовал с Суворовым в польской войне и оставался на Литве несколько лет командующим войсками¹⁶.

Жена его была невероятной скупости: нередко занималась она продажей офицерам нюхательного табаку с примесью золы и даже хвасталась этим перед матушкой моей, приехавшей навестить ее в первый раз после свадьбы своей. Разговоры хозяйки касались большею частью расходов по хозяйству, которое она ставила всем в пример, и так как матушка моя вступала в новую жизнь, она считала необходимым показать ей свои расходные книги, приговаривая: «Вы ведь наживаться не умеете, так вот учитесь». Под заглавием: «Приход» стояла статья «Табак». Поясняя написанное, говорит она матушке: вот едет, од-

нажды, знакомый мне офицер в Россию, я и говорю ему: «Не в службу, а в дружбу, привези, батюшка, мне табачку из России, не забудь!» И вот, возвращаясь, он привозит мне несколько фунтов: «Ну, спасибо, батюшка, удружил». Я, бывало, и возьму, да и подсыплю в этот табак золы и продам офицерам по той же цене, за какую купила сама — вот приход-то таким образом и увеличивается».

Достоин внимания также обычай того времени выдавать девиц замуж. По обыкновению, мать должна была всегда не соглашаться на свадьбу дочери, хотя и желала бы этой свадьбы. Это имело ту выгоду, что выдавая дочь нехотя, могли давать и приданое ничтожное, [придавали тем самым больше цены своему слову] и наконец после многих придуманных препятствий, соглашались выдать ее.

Зятя, принято было, ненавидеть, невестку угнетать и держать ее в тяжелом повиновении. [Бить служанок, горничных, сечь розгами и другие жестокости все это было *dans la nature des choses* (*в природе вещей*). Такие обычаи поддерживались не в одной семье Волхонских, нет — это были нравы того времени]

Дед мой, Оленин, отличавшийся своею кротостию и уживчивостию, избегал всякаго столкновения с строптивым нравом бабушки моей, Анны Семеновны; жил он больше в деревне, в Рязанской губернии, селе Салоуре, живописно расположенном при трех огромных озерах и очень любил свое уединение.

Несколько лет тому назад я в первый раз посетила гнездо наших предков, от которых остались лишь одни предания о доброте дедушки и более чем оригинальностях бабушки.

У них было 17 человек детей (так водилось в старину), из которых дожили до глубокой старости отец мой и его две сестры Варвара и Софья Николаевны¹⁷, умершие обе старыми девами. Так как дети умирали один за

другим, не достигши возраста, то какая-то старушка и посоветовала окрестить новорожденных в соборе перед ракой св. Алексея Митрополита¹⁸, который приходился нам родней по Плещеевым¹⁹. Это выпало на долю отца моего. Крестил его монах, который находился при мощах, а восприемниками были, за отсутствием княгини Дашковой²⁰, тетушка Архарова, урожденная Римская-Корсакова²¹, двоюродная сестра батюшки и старше его двумя годами. За отсутствием Князя Волконского²² воспринимал батюшку от купели какой-то монах, который находится неотлучно при раке Святаго. Все это было сделано по суеверию, и суеверие подтвердилось. Отец пережил всех и достиг 80 лет; две младшие сестры его умерли семидесяти лет незамужними²³. Грустна была жизнь отца. Разлад родных, казалось, не мог содействовать развитию в нем нежности, но несмотря на это в характере его не было ни суровости, ни холодности, ни эгоизма. Прекрасная душа отца моего развилась во всей полноте; ум и сердце следовали ея живому направлению и, хотя нрав его был вспыльчивый, но никогда не злой и не строптивый²⁴. Он очень хотел вступить в военную службу, но бабушка же задумала непременно поместить его при дворе и, чтобы разочаровать его в желании быть военным, она заставляла сына по нескольку часов стоять с тяжелым ружьем на карауле, да еще по колено в снегу. Ничто однако не помогло. До десяти лет батюшка оставался при родных под надзором гувернера-француза, который только и знал свою французскую литературу и правописание. Потом отправили батюшку в Петербург к тетушке, княгине Екатерине Романовне Дашковой, где (говорит в краткой биографии отца Т(айный) С(оветник) Стояновский²⁵) обратила на него внимание Великая Екатерина II. В 1774 году по ея повелению он был записан в пажеский корпус и когда, по прошествии пяти лет, он

в первый раз дежурил в качестве пажа при Ея Величестве, императрица спросила его, какую карьеру он намерен избрать, на что он отвечал «военную», и потому прошу Ваше Императорское Величество соизволить мне для изучения артиллерийского дела ехать в Дрезден, где в то время артиллерия была признана первойшей в мире. Государыня похвалила его за такое желание и на свой счет отправила его обучаться в Дрезден, где и пробыл он семь лет. Во все время его учения отчеты об его успехах и отметки по экзаменам были по Высочайшему повелению присылаемы Ея Величеству, и тогда она оказывала ему свое благоволение, а потом давала и чины²⁶. Занимаясь примерно своим делом, он иногда и кутил при случае, но при всем том никогда не упускал из виду все полезное и высокое. Привычка серьезного учения, вкус к изящному, изыскание исторических древностей развились в нем еще во время его пребывания в Дрездене, и он приобрел те глубокие познания, которые впоследствии оказались очень замечательными. Его гувернер-француз вряд ли мог понять, чему учился отец, потому что кроме Вольтера и его развратных сочинений он не знал ничего другого. В России батюшка изучил французский язык, который знал безукоризненно, и первые начала греческого и латинского языков. Немецкий язык он не любил и никогда без особенной нужды не говорил на нем. Славянский, Греческий, Латинский языки знал в совершенстве; по английски выучился сам уже позднее, на возвратном пути, когда вернулся в Россию, умел хорошо говорить по итальянски, немного по испански, а его археологические занятия принудили его впоследствии выучиться немного по еврейски и по арабски²⁷.

В Дрездене жизнь его была самая приятная. Он ходил учиться в артиллерийскую школу и жил в семье одного профессора, у котораго помещалось на квартире еще несколько учеников — русских. Между ними был некто

Львов²⁸, с которым батюшка очень подружился. Семья профессора состояла из жены, матери, нескольких дочерей; все они чрезвычайно любили молодого русского кутилу, веселого, щедрого, умного. Он любил иногда пошутить, но шутки его никогда не выходили из пределов приличия и хорошаго воспитания. В то время все были вольтерианисты, и батюшка ходил, как и другие, в анатомический театр, где обучался анатомии²⁹. [Однажды выкинул он такую шутку, которую, признаюсь, не одобряю. Он принес домой в кармане руку умершей женщины, над которой производили в анатомическом театре гальванические испытания. Когда все добрые немцы смиренно и аккуратно уселись по местам и Frau Professor* пречопорно и важно стала разливать свой Wassersuppe**, отец преспокойно вынул из кармана руку и положил ее на стол. Нужно было видеть изумление всех! Крик, шум, беспорядок... Вся семья выскочила из-за стола со словами: «abscheulich, Sicherende*** и проч. Профессор рассердился, вышел из себя, хотел посадить батюшку в карцер, но старушка бабушка, которой он был любимец, выпросила ему прощение.] В Дрездене же развилась в нем любовь ко всему изящному; он выучился прекрасно рисовать, и рисунки его пером в самом деле замечательны верностью и бойкостью³⁰. До самой глубокой старости он вспоминал Дрезден с благодарностью и в преклонных летах не раз говаривал мне: «Когда поедешь за границу, непременно заезжай в Дрезден, поклонись ему, ведь я ему многим обязан». И я свято исполняю поручение это: сколько раз ни была я за границей, всегда заезжала в Дрезден с теплым чувством. Батюшке я сама во многом обязана: от его истиннаго глубокаго знания и мне кое-что пере-

---

* профессорша — нем.

** постный суп — нем.

*** ужасно, конец света — нем.

пало. В его разговорах, выборе для меня книг и в кругу незабвенных наших великих [литераторов и артистов] современников: Карамзина, Блудова, Крылова, Гнедича, Пушкина, Вяземского, Батюшкова, Глинки, Мицкевича, Уткина, Брюллова, Щедрина³¹ и прочих, почерпала я все, что было в то время лучшего. Я собрала в памяти своей столь много великих и прекрасных воспоминаний, что в нынешнее время, когда глаза слабеют [члены не гнутся], и слух изменяет [73 год рождения моего является для меня отрадою и заставляет невольно думать о будущности, которую достигнем только надеждой и верою], они являются для меня отрадою, и я спокойно с надеждой и верой думаю о близкой будущей жизни. Несмотря на мои 73 года сердце еще не окаменело, и чувство к больному мужу, детям, внукам и друзьям все еще, слава Богу, и живо, и горячо! Старость моя, хотя и болезненная, надеюсь, не в тягость другим, и всем этим я обязана — былому, великому прошедшему. Сижу, иногда, работаю, молчу, а мысли — одна другую сменяют. Моему воображению представляются то исторические факты, то веселые и умные шутки Крылова и других, то какой-нибудь анекдот, стихи, музыка Глинки, разговоры батюшки с Александром Гумбольдтом, котораго первый визит, после представления Императору Николаю Павловичу, был к моему отцу. Приходят мне также на память наши приютинские праздники, павловские театры у Блудовых, Плещеевых, и звон колоколов, производимый соединением разных голосов и слов — все это так нас забавляло, что сам отец мой и граф Блудов приходили иногда в такой восторг от удачного исполнения, что сами присоединялись к нам, принимали участие во всех играх³² и даже сами звонили в колокола. Поверит ли кто теперь этому? А ведь эти люди были знаменитыми. [Рукою А. А. Андро:] Но довольно на первый раз: дайте отдохнуть и памяти и сердцу.]

⟨Приписка рукою А. А. Андро:⟩

(Князь Волхонской)

Он был хорошим воином (?), отличился в многих сражениях. Он стал особо знаменит, женившись на единственной дочери фельдмаршала, знаменитаго Князя Репнина³³. Он был отличен Двором и в числе придворных. Умный и хитрой, он строго держал в повиновении своих детей и отлично добрую, всеми уважаемую жену. У них было 4-ро детей. Старший, по просьбе Фельдмаршала Репнина, котораго громко заслуж(енн)ое имя умирало с ним (он не имел сыновей) и поэтому просил, чтоб первой его внук, сын единственной его дочери княгини Волхонской, принял бы его фамилию и назывался уже не Волхонским, а Репниным³⁴, и теперешнее поколение князей Репниных идет от них. Второй сын, Сергей Волхонской, был тот, который впоследствии был замешан в 14 число и со всеми декабристами сослан в Сибирь, но при Александре II со всеми другими возвращен в Петербург, где еще не так давно как скончался³⁵. 3 сын Никита³⁶ был женат на княжне Зинаиде Александровне Белосельской-Белозерской (от первого брака), и она была та знаменитая Зинаида Волхонская³⁷, очаровательная не красотой, но умом, артистка в душе, и имеющая голос, котораго, кто ея только слышал, верно не забыл! ⟨нрзб⟩ Она кончила жизнь в Италии католичкой и фанатикой, сделав много добра бедным. Она была так интересна, так мила, умна и не злоблива, что ей можно многое простить. Никита, муж ея, был доброй человек, и в нем более, чем в других была та полудурь, названная оригинальностью, а в нашей семье Волхонщиной; и может быть и мы не без греха на этот счет³⁸. Сестра этих Волхонских, Софья Гри(горьевна) Волхонская³⁹, вышла за-

муж за Князя Петра Михайловича Волхонского, впоследствии Фельдмаршала и Министра Императорского двора⁴⁰. [Об ней и об нем буду говорить позже, а теперь устала и хочу отдохнуть. Все это написано наскоро и без нужных переправок.]

Глава 2-я

1884

*Звержынец в Маерате Замойскаго,
где провожу лето⁴¹.*

С тех пор, как были написаны последние строки той рапсодии, прошло 3 года, и много воды утекло и с нею много горя принесло! Я всегда думала и говорила, что это горе по велению Всевышняго не может быть неизменно; оно переходит в тихую грусть и понемногу успокоивается, истинная грусть томящая, гнетущая не может оставаться всегда одинаковою; силы человеческия не перенесли бы этаго. Надо или умереть или успокоиться: я не говорю забыть... нет, и это невозможно и не может и не должно быть; думать об прошедшем горе — все-таки шемить сердце, но скажу с поэтом: «Он крест дает, и он же нам в кресте надежду посылает»⁴². И так, оттолкнув от себя грустные воспоминания, я обращаюсь к описаниям забавным и незабавным моей бабушки Анны Семеновны Олениной и ея сестры Римской-Корсаковой, которая так оригинально рисуют прошедшее время.

У Римской-Корсаковой было несколько детей, в (том) числе Екатерина Александровна Архарова⁴³, замужем за Иваном Петровичем Архаровым, в то время кажется бывшим [аншефом] военным губернатором Москвы, не знаю, как называли тогда эту должность в Москве⁴⁴, но его те-

ща ненавидела его и называла **Хархарка**, вор из-под девятой клетки. Эта 9-я клетка была устроена в одной из 9-и арк бывшего каменного моста чрез реку Москву, и в каждой арке сажали преступников; народ приходил на них смотреть пред их казнию. Тут же сидел и Пугачев со своим сотрудником Белобородовым⁴⁵ или другим, котораго имя забыла; но когда Пугачев, озлобив на всех дворян, которые тоже приходили смотреть на него, показывая им сжатый кулак, сказал, ругаясь: «Да счастье ваше, что мне не удалось, а то бы ни одного из вас не осталось в живых, [Белобородов] тогда его атаман перебил его, говоря, что их ругает, сам пеняй на себя, я говорил тебе **не руби плетень**, руби столбы ворот, а ты не послушал, столбы-то тебя и задавили! Вот что такое была клетка встроенная для преступников, воров, убийц и пр., и Римская-Корсакова так величала своего зятя! *O tempora! O mores (О, времена! О, нравы — лат.)* [У ней была несчастная почтеннейшая дочь] Архарова, двоюродная сестра отца и его крестная мать, была умная и почтеннейшая женщина, как и муж ея, умной, но немного хитрой человек. От первой жены осталась одна дочь, потом замужем за **Посниковым**⁴⁶ и которую тетушка Архарова (не по моде того времени) трактовала как своих родных дочерей: Софью⁴⁷, замужем за Графом Сологубом⁴⁸, которой сын — известной гумористической сочинитель нашего времени⁴⁹, и Александру⁵⁰, замужем за Васильчиковым⁵¹. Об них буду говорить позже, хочу докончить описание выходок Римской-Кор(саковой) и моей бабки Анны Семеновны и тогда уже перейти к описанию их детей. У Римской-Кор(саковой) была дочь, почтенная и добрая, но родившаяся, как говорила ея Мать, с изъянцом, т. е. она была косолапа и ходила с трудом. В то время, ежели девушка оставалась в девках, это считалось позор для семьи. Нашли соседа по имени, доброга и достойнаго человека. Он приехал просить руки не-

счастливой девушки. Перед помолвкой позвали ее и поставили в конце длинной залы. Жених приехал. Римская-Корсаков(ова) поставила его возле себя и сказала: «Я, батюшка, не буду тебя обманывать; моя дочь с изъянцом, она косолапая. N. N., подыми юбки и иди сюда; выше, выше,» — говорила она, и несчастная не смела даже плакать; переступая с трудом, перешла через большую залу, а мать, обратясь к жениху, сказала: «Видишь, батюшка, ничего не скрываю, она с изъянцом, зато прибавляю 10 000 т. руб. к приданому». Она тоже однажды разгневалась, как говорили тогда, на своих дворовых людей и хотела послать их на гулянье 1-го Мая в Москве в одних рубашках, босиком, с веревкою на шее. Насилу все ее приятели и родные могли ее уговорить сменить гнев на милость и их простить, и она удостоила это сделать. Но довольно об этой сердитой и злой **аншефше**, перейду к не менее оригинальной ее сестре, моей **бабушке**. Я не могу простить ей все, что она выдумывала, чтоб мучить и унижать отца и добрейшую и умнейшую мою мать, которую весь Петерб(ург) и все слои различных обществ любили и почитали, но не бабушка по неукротимому своему нраву и по всем возможным и невозможным причудам, позволенным в то время, и она широко пользовалась этим правом⁵².

Примечания

¹ Текст воспоминаний А. А. Андро хранится в РГАЛИ (ф. 1124, оп. 2, е. х. 11). Первая глава записана или перебелена кем-то из ее близких в 1881 г. и дополнена собственноручными поправками и примечаниями Анны Алексеевны. Вторая глава написана рукою А. А. Андро летом 1884 г. Авторская правка текста первой главы оговорена ниже в комментариях; зачеркнутое дано в квадратных скобках.

² **И не за что; так как-то пелось!** — цитата из басни И. А. Крылова «Чиж и Еж» (Опубликована в 1815 г.)

³ **...слог моей рапсоды...** — рапсодия — эпическая песнь странствующего певца в Древней Греции (рапсода), исполнявшаяся под аккомпанемент лиры.

⁴ **Преданья старины глубокой** — цитата из поэмы А. С. Пушкина «Руслан и Людмила» (Песнь первая).

⁵ **...деда моего, Николая Яковлевича Оленина** — Оленин Николай Яковлевич (ум. 5.03.1802), служил в Л.-гв. Конном полку; полковник, затем статский советник, предводитель дворянства Касимовского уезда Рязанской губернии. «Николая Яковлевича» вписано рукою А. А. Андро.

⁶ **...бабушка моя, урожденная княжна Волконская** — Оленина Анна Семеновна, рожденная кж. Волконская (12.01.1737—4.02.1812), дочь генерал-аншефа кн. Семена Федоровича Волконского.

⁷ **...князя Григория Семеновича Волконского** — Волконский кн. Григорий Семенович (1742—1824), генерал от кавалерии. Служил под началом П. А. Румянцева, А. В. Суворова, Н. В. Репнина. В русско-турецкой войне 1768—1774 гг. отличился в сражении при Кагуле (1770); в русско-турецкой войне 1787—1791 гг. командовал корпусом, получил тяжелое ранение в голову при взятии Мачина (1791). С 1803 по 1816 г. — генерал-губернатор Оренбургского края, с 1817 г. — член Государственного совета. Кавалер ордена св. Андрея Первозванного и св. Георгия II класса.

⁸ **...невозможными причудами** — Об одной из таких причуд повествует надпись, оставленная племянником Анны Алексеевны, Николаем Петровичем Олениным (р. 1838) на обороте известного произведения О. А. Кипренского: «Портрет Калмычки Баяусты, жившей у моей прабабки Анны Семеновны Олениной, рож. Волконск., к-рую она брала с собою в церковь для того, чтобы класть земные поклоны вместо себя. Рисован Орестом Кипренским и подарен мне отцом. Н.Оленин. (Портрет Баяусты сохранялся в семье Олениных до 1896 г. См. в кн.: Орест Адамович Кипренский. Графика. Каталог. ГРМ. Л., 1990, № 229, с. 121) Легенды о причудах Анны Семеновны передавались в семье Олениных из поколения в поколение; племянник Николая Петровича Александр Алексеевич Оленин (р. 1865) вспоминал в своих записках: «В моей семье сохранялся портрет некой калмычки и на обратной стороне портрета была надпись, сделанная рукой моей прабабки Анны Сем. Олениной (рожд. кн. Волконской), — вот она целиком: — такая-то калмычка куплена мною там-то и крещена, дабы отдавать за меня земные поклоны тем святым, которые не из дворян» (А. А. Оле-

нин. Мимоходом. 1929. Машинопись, с. 24 — Касимовский краеведческий музей, архив Лениных).

⁹ **...Волк(онские) это имение по смерти отца возвратили батюшке.** — С. Г. Волконский вспоминает об этом, повествуя в своих записках о деспотических наклонностях своей тетки бар. Д. Н. Каленберг и своей сестры кн. С. Г. Волконской: «Здесь помещу рассказ о подобном же обстоятельстве по предмету надела мне и брату моему Никите, отказа по духовной другой моей тетки, Анны Семеновны Олениной, сестры моего отца, имения, ею благоприобретенного, — в ущерб родному ее сыну. По этой духовной имение в несколько сот душ отказала она отцу моему с тем, чтобы впоследствии он отдал в надел брату Никите и мне. Отец принял это наследство, но мы с братом, движимые нашей совестью, почли несправедливостью лишить сына наследства, и хотя отец принял имение во владение, но мы с братом дали этому сыну Алексею Николаевичу Оленину тайком от отца акт, что при случае смерти нашего отца мы передаем ему, сыну покойной тетки, во владение нам отазанное имение. И даже теперь по прошествии более пятидесяти лет, при стесненных обстоятельствах моего быта денежного и такого же детей моих, все-таки говорю себе, что я хорошо сделал. (Волконский С. Г. Записки. Иркутск, 1991, с. 142)

Слова «Я не могу простить ей всего того... — ...Волк(онские) это имение по смерти отца возвратили батюшке» вписаны на полях рукою А. А. Андрю.

¹⁰ **Первая из этих княжен ... была замужем за Римским-Корсаковым** — Волконская Мария Семеновна, княжна (23.08.1731—29.01.1796). В начале 1750 г. вышла замуж за Александра Васильевича Римского-Корсакова (30.04.1729—16.05.1781).

¹¹ **...третья за Мамоновым-Дмитриевым** — Волконская Александра Семеновна, княжна (28.04.1733—11.12.1793). Замужем за бригадиром Федором Ивановичем Дмитриевым-Мамоновым (10.02.1727—27.03.1805), литератором, известным под псевдонимом «Дворянин-философ».

¹² **...четвертая за Мухановым** — речь идет о Волконской Екатерине Семеновне, княжне (1743—1818); однако Анна Алексеевна ошибается: она была замужем за неким П. Л. Ермоловым (См.: Долгоруков П. В. Российская родословная книга... Ч. 1, СПб., 1854. С. 255).

¹³ **...пятая за Хрушовым** — Волконская Наталья Семеновна, княжна (1739—29.01.1776), замужем за бригадиром Андреем Ивановичем Хрушовым.

¹⁴ **...а меньшая умерла в девах...** — Волконская София Семеновна, княжна (21.07.1747—28.05.1769).

¹⁵ **Он был аншефом...** — Анна Алексеевна ошибается. В 1764 г. А. В. Римский-Корсаков командовал полком, несшим караульную службу в Шлиссельбурге; попытка подпоручика Василия Мировича освободить заточенного там Иоанна Антоновича неблагоприятно отразилась на карьере А. В. Римского-Корсакова: на следствии Мирович оговорил его, назвав своим сообщником. Несмотря на все усилия честолюбивой и тщеславной Марии Семеновны, обладавшей значительными связями, ее муж так и не был произведен в генерал-аншефы, и вышел в отставку генерал-поручиком.

¹⁶ **...участвовал с Суворовым в польской войне и оставался на Литве несколько лет командующим войсками.** — Анна Алексеевна ошибается, приписывая Александру Васильевичу Римскому-Корсакову факты биографии генерала от инфантерии (т. е. генерал-аншефа по табели о рангах 1730 — 1798 гг.) Александра Михайловича Римского-Корсакова (1753—1840), который участвовал в польской (1794) и в швейцарской (1799) кампаниях Суворова и был в 1806 — 1809 гг. Литовским военным губернатором.

¹⁷ **...две сестры Варвара и Софья Николаевны** — о них см. Дневник, примеч. № 119.

¹⁸ **Алексея Митрополита** — Алексей (Алексий, 1292 или 1300—12.02.1378), митрополит всея Руси (с 1354). Поддерживал объединительную политику московских князей; был фактическим правителем Москвы при малолетнем князе Дмитрие Донском. Погребен в Чудовом монастыре и канонизирован русской церковью, «обретшей его нетленные мощи» 20 мая 1431 г. Алексей (в миру Елевферий) был сыном черниговского боярина Феодора Акинфиевича Бяконта, выехавшего в Москву.

¹⁹ **...приходился нам родней по Плещеевым** — родной брат митрополита Алексея — Александр по прозвищу Плешей стал родоначальником Плещеевых. Плещеевы состояли с Олениными в родстве.

²⁰ **...за отсутствием княгини Дашковой** — Дашкова кн. Екатерина Романовна (17.03.1743—4.01.1810), дочь гр. Р. И. Воронцова, деятельная участница государственного переворота 1762 г., сподвижница Екатерины II. В 1783—1796 гг. — директор Петербургской Академии наук и президент Российской академии. Автор «Записок».

²¹ **...тетушка Архарова, урожденная Римская-Корсакова, двоюродная сестра батюшки и старше его двумя годами** — Архарова Екатерина Александровна, рожд. Римская-Корсакова (12.07.1755—27.05.1836), была старше А. Н. Оленина не двумя, а девятью годами.

²² **За отсутствием князя Волконскаго...** — «Князя Волконскаго» вписано карандашом; вероятно, Григорий Семенович Волконский, двадцатидвухлетний дядюшка новорожденного.

²³ ...две младшие сестры его умерли семидесяти лет незамужними — Варвара Николаевна умерла на шестьдесят втором, а Софья Николаевна на шестьдесят третьем году жизни.

²⁴ ...в характере его не было ни суровости, ни холодности, ни эгоизма. Прекрасная душа отца моего развилась во всей полноте; ум и сердце следовали ей живому направлению и, хотя нрав его был вспыльчивый, но никогда не злой и не строптивый. — Доброта и отзывчивость этого «скромного ученого вельможи и милого человека», как характеризовал А. Н. Оленина В. О. Ключевский, скрывалась за внешней сдержанностью и спартанским немногословием. «С профессорами, учителями, равно как и с воспитанниками (Академии художеств), Оленин держал себя сурово, — вспоминал Ф. Г. Солнцев; — никогда никого не хвалил, какие бы достоинства и совершенства ни замечал. В случае каких-либо упущений или неисправностей, он, обыкновенно, спокойно делал выговор виновным, и выговор иногда ошутительный. Например, с обычной суровостью он грозил воспитаннику: «Смотри, под красную шапку угодишь». Но ни одного такого случая при Оленине не было. Напротив, Алексей Николаевич был чрезвычайно добр к воспитанникам». (Солнцев Ф. Г. Моя жизнь и художественно-археологические труды. — Русская старина, 1876, VI, с. 314). Это суждение подтверждается в записках Ф. Г. Солнцева многочисленными свидетельствами. Вот одно из них: «Алексей Николаевич был очень доволен, что я получил орден, особенно тем, что помимо всякого ходатайства. Он сам повел меня на половину Елисаветы Марковны и сообщил ей о полученной мною награде. Елисавета Марковна подарила ленту новому кавалеру и сама приколола орден. У Алексея Николаевича заведен был уж такой обычай, что всякий из знакомых, получивший орден, обязан был отправляться на половину Елисаветы Марковны, и та раздавала ленты. Обыкновенные же награды или подарки Алексей Николаевич отдавал сам, но отдавал особенным образом. Надобно заметить, что он вообще не любил заранее говорить о наградах, особенно о тех, которые исходили от него лично, или по его ходатайству. Всем занимающимся у Оленина он обыкновенно делал на праздники подарки. Бывало, придешь к нему для обычных занятий и сядешь на свое место; потом, вдруг, заметишь, что на столе положено предписание, а на предписание деньги». (Там же, с. 274—275)

²⁵ ...говорит в краткой биографии отца Т(айный) С(оветник) Стояновский — Стояновский Николай Иванович (31.12.1820—20.07.1900), впоследствии действительный тайный советник, статс-секретарь, член Государственного совета; автор биографического очерка об А. Н. Оленине (А. Н. Оленин. Археологические труды. Издание императорско-

го русского археологического общества. Т. 1, СПб., 1881, сс. XV — XXIX). Женат на внучке Алексея Николаевича — Александре Григорьевне Олениной (29.08.1834—21.01.1899), дочери Г. Н. и В. А. Олениных.

²⁶ ...она оказывала ему свое благоволение, а потом давала и чины — в правление Екатерины II А. Н. Оленин дослужился до чина полковника (14.03.1795).

²⁷ ...выучиться немного по еврейски и по арабски — перу А. Н. Оленина принадлежат труды, подтверждающие это свидетельство. См. в кн.: Оленин А. Н. Археологические труды Алексея Николаевича Оленина. Т. 1, СПб., 1881, с. XII — XIII.

²⁸ Между ними был некто Львов, с которым батюшка очень подружился. — По-видимому, Анна Алексеевна имеет в виду известного Николая Александровича Львова (1751—1803), архитектора, художника, поэта и музыканта, к кружку которого принадлежал А. Н. Оленин; однако Н. А. Львов был тринадцатью годами старше А. Н. Оленина и в числе дрезденских «учеников русских» не состоял. Знакомство А. Н. Оленина с Н. А. Львовым относится к более позднему периоду.

²⁹ ...обучался анатомии. — Впоследствии А. Н. Оленин ввел курс анатомии в Академии художеств; этот курс читал выдающийся хирург, профессор Медико-хирургической академии И. В. Буяльский (15.07.1789—8.12.1866). Возможно, естественно-научные и медицинские штудии сослужили А. Н. Оленину службу и в страшный холерный 1831 год. «Из всех живых существ, — вспоминал кн. В. Ф. Одоевский об ужасах эпидемии, — я видел почти одного Оленина в огромной шинели на плечах, в калошах на ногах, с портвейном в руках, с сигарою в зубах, с холерою на языке и между тем с спокойствием в сердце, ибо он принадлежал к числу немногих, которые во время болезни сохраняли присутствие духа и хладнокровие; он прекрасно действовал и с всеусердием помогал больным; я его вдвое больше полюбил с сего времени». (Ключевский В. О. Ук. соч., с. 132)

³⁰ ...выучился прекрасно рисовать, и рисунки его пером в самом деле замечательны верностью и бойкостью. — До нас дошли сотни рисунков А. Н. Оленина; к числу наиболее замечательных из них относятся 99 исполненных тушью, сепией и акварелью иллюстраций к рукописному собранию стихотворений Г. Р. Державина, поднесенному автором Екатерине II 6 ноября 1795 г. (РНБ).

³¹ ...в кругу незабвенных наших великих современников: Карамзина (<...>), Гнедича (<...>), Уткина (<...>), Брюллова, Щедрина (<...>) — в числе «великих современников» Анна Алексеевна называет писателя и историка Николая Михайловича Карамзина (1.12.1766—22.05.1826); поэта и переводчика Николая Ивановича Гнедича (2.02.1784—3.02.1833); граве-

ра Николая Ивановича Уткина (8.05.1780—5.03.1863); живописцев Карла Павловича Брюллова (2.12.1799—12.06.1852) и Сильвестра Феодосиевича Щедрина (2.01.1791—8.11.1830).

³² ...присоединялись к нам, принимали участие во всех играх — об участии в играх представителей старшего поколения вспоминала и В. А. Оленина: «Играли в разные игры как то лапта, горелки, жгуты, la barge (*барры*) и проч. — в кольца, в мячики, в волан. И не находили que se n'est ni ennuyeux, ni mesquin, ni ridicule (*ни скучным, ни пошлым, ни смешным*) — В один вечер Батюшка и Матушка, будучи уже весьма за 60 лет заметили, что игры что-то не весело шли: вдруг как никто не ожидал пустились наши два старичка бежать как два шарика. Натурально все оживилось. Вот и жизнь Приютина» (РО РНБ, ф. 542, № 877, л. 102).

³³ Он стал особо знаменит, женившись на единственной дочери фельдмаршала, знаменитого князя Репнина — Женою Г. С. Волконского была Александра Николаевна, рожд. кж. Репнина (1757—23.12.1834), статс-дама и обер-гофмейстера. Однако у генерал-фельдмаршала кн. Николая Васильевича Репнина (11.03.1734—12.05.1801) было еще две дочери: Прасковья (за кн. Ф. Н. Голицыным) и Дарья (за бар. А. К. Каленбергом).

³⁴ ...назывался уже не Волконским, а Репниным — Указом Правительствующему Сенату от 12 июня 1801 г. Александр I предписал «чтобы родной внук кн. Репнина, кн. Николай Волконский принял его фамилию», «да род князей Репниных, столь славно Отечеству послуживших, с кончиной последнего в оном не угаснет, но, обновясь, пребудет навсегда с именем и примером его». Репнин-Волконский кн. Николай Григорьевич (1778—7.01.1845) — участник войны 1812 г., малороссийский генерал-губернатор (1816—1834), генерал от кавалерии, член Государственного совета (с 1834).

³⁵ Второй сын Сергей Волконской...еще не так давно как скончался — Волконский Сергей Григорьевич, князь (8.12.1788—28.11.1865) — участник войны 1812 г., командир 1-й бригады 19-й пехотной дивизии 2-й армии, генерал-майор, один из руководителей Южного общества; осужден на 20 лет каторги. Любопытна формулировка «был замешан в 14 число»: А. А. Оленина, по-видимому, не представляла роли своего дядюшки в движении декабристов. С подкупающим простодушием о нем вспоминала и В. А. Оленина: «Почтеннейший Дядюшка К(нязь) Волх(онский) был вечно страшный пустомеля. Маленька, которую он очень любил, и она, любя его, часто приговаривала: «Полно, Сережа, вздор твой нести» (РГАЛИ, ф. 46, оп. 1, е. х. 561, л. 314).

Кн. С. Г. Волконский скончался за 16 лет до того, как Анна Алексеевна принялась за воспоминания.

³⁶ сын **Никита** — Волконский кн. Никита Григорьевич (9.07.1781—18.12.1841), егермейстер, генерал-майор свиты.

³⁷ ...был женат на княжне **Зинаиде Александровне Белосельской-Белозерской** — см. Дневник, примеч. № 173.

³⁸ ...полудурь, названная оригинальностью, а в нашей семье **Волхонщиной**; и может быть и мы не без греха на этот счет — возможно, это признание навеяно воспоминаниями Анны Алексеевны об экстравагантном поведении брата, А. А. Оленина. Впрочем, если искать причины этого поведения в наследственности, можно вспомнить и о Полторацких: бабка Анны Алексеевны Агафоклея Александровна Полторацкая («Полторачиха») также славилась своим самодурством. См. о ней в кн.: Яцевич А. Г. Пушкинский Петербург. СПб, 1993, с. 16—18.

³⁹ **Софья Гри(горьевна) Волхонская** — см. Дневник, примеч. № 167.

⁴⁰ ...за князя **Петра Михайловича Волхонского** — см. Дневник, примеч. № 172.

⁴¹ **Звержынец** в **Маерате Замойского**, где провожу лето — Замойские — польский графский род, восходящий к XV в., когда предок Замойских **Фома Лазнинский** приобрел вотчину Старое-Замостье; майорат — имение, переходящее по наследству к старшему в роде или старшему из сыновей. *Zwierzyniec*, *Зверинец* (польск.) — селение Замостского уезда Люблинской губернии, в двадцати пяти верстах к юго-западу от г. Замостья (ныне г. Замосць в Польше), во владениях Замойских.

⁴² Но скажу с поэтом: «Он крест дает, и он же нам в кресте надежду посылает» — источник цитаты обнаружить не удалось.

⁴³ **Екатерина Александровна Архарова** — Архарова Екатерина Александровна, рожденная Римская-Корсакова (12.07.1755—27.05.1836).

⁴⁴ ...за **Иваном Петровичем Архаровым** — Архаров Иван Петрович (1740-е — 16.02.1815), генерал от инфантерии, был московским военным генерал-губернатором при Павле I, в день коронации которого он получил в командование Московский восьмибатальонный гарнизон, известный под названием «архаровского» полка. Хотя пребывание его в должности московского военного генерал-губернатора было весьма непродолжительным (в 1797 г. он был подвергнут опале и послан в свои тамбовские имения), память о нем до сих пор связывается с бесчинствами его «архаровцев».

⁴⁵ Тут же сидел и **Пугачев** со своим сотрудником **Белобородовым** — В Москве местом заключения Е. И. Пугачева был Монетный двор, где, по свидетельству А. С. Пушкина, «с утра до ночи, в течение двух месяцев,

любопытные могли видеть славного мятежника, прикованного к стене, и еще страшного в самом бессилии» (IX, 1, 79). Белобородов Иван Наумович, сподвижник Е. И. Пугачева, член Военной коллегии повстанцев, «Главный атаман и походный полковник», был пленен под Казанью и казнен 5.09.1774, четырьмя месяцами ранее, чем Пугачев.

⁴⁶ ...осталась одна дочь, потом замужем за *Посниковым* — Архарова Мария Ивановна (1784—1834), дочь Ивана Петровича Архарова от первой жены Екатерины Александровны, в девичестве Шепотьевой; замужем за сенатором Захаром Николаевичем Посниковым (см. о них в кн.: Соллогуб В. А. Повести. Воспоминания. Л., 1988, с. 347—349)

⁴⁷ ...родных дочерей Софью — Соллогуб гр. Софья Ивановна, урожд. Архарова (13.03.1791—30.07.1854), дочь Е. А. Архаровой, жена А. И. Соллогуба, мать В. А. и Л. А. Соллогубов.

⁴⁸ ...замужем за *Графом Сологубом* — Соллогуб гр. Александр Иванович (20.11.1787—16.04.1843) — церемониймейстер, тайный советник.

⁴⁹ ...известный гумористический сочинитель нашего времени — Соллогуб гр. Владимир Александрович (8.08.1813—5.06.1882), писатель, автор «Воспоминаний»: «В то же время нас возили к Олениным, с которыми мы считались в родстве. Президент Академии художеств и директор императорской библиотеки Оленин принадлежал к исчезнувшему ныне типу начальников-хлебосолов. И в столичном доме его, и на даче художники и литераторы принимались как члены его семьи. Тут как старорого ребенка баловали Крылочку, то есть Крылова. Тут высокопарствовал ходячий гекзаметр Гнедич. Тут помню Лобанова, сочинителя забытых трагедий. Тут я в первый раз увидел Пушкина, который был неравнодушен к второй дочери хозяина, но не вмешивался в наши игры и всегда хранил в обществе некоторую официальную серьезность, подбаюшную достоинству первого русского поэта. Тут бывали Брюллов, Варнек, писавший портреты хозяев, скульпторы, живописцы, археологи. Я смотрел на них с благоговением, ловил каждое их слово, ставил их себе в образец» (Соллогуб В. А. Ук. соч., с. 623).

⁵⁰ ...и *Александрю* — Васильчикова Александра Ивановна, урожд. Архарова (2.02.1795—2.07.1855), дочь московского военного генерал-губернатора Ивана Петровича Архарова (ум. 1815) и Е. А. Архаровой.

⁵¹ ...замужем за *Васильчиковым* — Васильчиков Алексей Васильевич (9.09.1777—18.04.1854), впоследствии действительный тайный советник.

⁵² Ниже, рукой О. Н. Оом помечено: «Все это написано рукою Анны Алексеевны Олениной (Андро де Ланжерон) в 1884 г. ей было тогда 76 л.» — Эта помета относится к тексту второй главы: в главе первой рукою Анны Алексеевны написаны лишь примечания.

ПРИЛОЖЕНИЕ I

А. А. Оленина,
А. Д. Блудова, В. А. Савельев и др.

ЛИТЕРАТУРНЫЕ
ШАЛОСТИ

Последняя запись в Дневнике А. А. Олениной датирована февралем 1835 года: она посвящена дружбе с А. Д. и Л. Д. Блудовыми. Публикуемые в Приложении I тексты дополняют и комментируют эту запись, расширяют круг лиц, составлявших в 1834—1836 годах ближайшее окружение Анны Алексеевны — новое приютинское общество, быть может, не столь блестящее, как в 1828—1829 годах, но дорогое ее сердцу.

Почти все его члены стали действующими лицами «Были», написанной Анной Олениной 24 мая 1834 г., а два дня спустя их запечатлел на акварели «Приютино 26 мая 1834 года» Ф. Г. Солнцев: дом Олениных по-прежнему многолюден — в их приютинской гостиной собралось в субботу 26 мая 1834 года четырнадцать человек. Возможно, этот лист был исполнен для Анны Алексеевны с тою же целью, что и упоминавшаяся выше акварель И. А. Иванова, посланная в 1825 году Алексею Оленину-младшему за границу в память об отчем доме: через четыре дня Анна Оленина вместе с тетушкой своей Софьей Борисовной Полторацкой и племянником Борисом отправилась на пароходе «Николай» на лечение за границу. Впрочем, путешествие это было не слишком продолжительным; Анна Алексеевна вернулась в середине августа: в письме к сыну Петру от 8 августа 1834 года А. Н. Оленин сообщает, что ждет приезда Анеты (ГАРО, ф. Олениных). В постановке пьесы И. А. Крылова «Трумф», осуществленной через три месяца, 5 сентября 1834 года, к традиционному приютинскому празднику — именинам Елизаветы Марковны — Анна Алексеевна принимала уже деятельное участие. Через месяц в Павловске (4 октября) и Приютино (6 октября) Антониной Блудовой и Анной Олениной была сочинена «Небылица, которая может сбыться» — попытка заглянуть в собственное будущее (в 1854 и 1860 годы). Еще через месяц (3 ноября), в Петербурге, Анна Алексеевна дополнила «Небылицу» новыми «Variantes»; спустя три дня (6 ноября) Антонина Блудова предложила свою версию «вариаций» — «Моп Роман», действие которого отнесено к октябрю 1842 года. А 7 ноября 1834 года Анна Алексеевна заклю-

чила с друзьями шуточный договор, являющийся своеобразным продолжением «Небылицы» — обязательство собраться в Приютино через двадцать лет. Своего рода комментарием к «Небылице» и «Договору» служит несколько более поздний документ, предположительно датированный концом 1836 — началом 1837 годов, — «Беглый взгляд или быстрый взор на Приютино в военном отношении», с неподражаемым юмором составленный В. А. Савельевым.

«Быль», «Небылица, которая может сбыться» и «Моп Роман» публикуются впервые. «Шуточный договор между членами приютинского кружка» и «Беглый взгляд или быстрый взор на Приютино в военном отношении» были опубликованы П. М. Устимовичем в журнале «Русская старина» в 1890 году. Однако при работе с рукописями публикатор допустил ряд неточностей, воспроизведенных Л. В. Тимофеевым в книге «В кругу друзей и муз» (Л., 1983). Поэтому все тексты печатаются по автографам, хранящимся в фонде Олениных в Рукописном отделе РНБ в Санкт-Петербурге.

⟨А. А. Оленина⟩

Быль (Приютино 1834 24 Мая)¹

Действующие лица.

Антонина Д⟨митриевна⟩ Б⟨лудова⟩², *compère d'amourette* (наперсница в любовных увлечениях).

Лидия Д⟨митриевна⟩ Б⟨лудова⟩³, все видит из подтишка.

Александра С⟨ергеевна⟩ У⟨варова⟩⁴, осажденная Героиня.

Анна А⟨лексеевна⟩ О⟨ленина⟩, просто Героиня.

Анна Т⟨имофеевна⟩ Д⟨омрачевна⟩⁵, пострел тихой.

М⟨арфа⟩ Ф⟨едоровна⟩ К⟨оханеева⟩⁶, скандализованная дева.

Дмитрий П⟨етрович⟩ В⟨олконский⟩⁷, влюбленной по старой памяти, по привычке иногда ревнивой.

Николай Д⟨митриевич⟩ М⟨ертваго⟩⁸, веселой, но хлопотливой *compère* (наперсник).

Dometo⁹; предмет дружбы всех; не прикосновенной стрелам любви и исправитель и истолкователь многих и многого.

Феодор Давыдыч А⟨лопеус⟩¹⁰ (Не по шерсти собаке имя дано, а быть бы ему царем Давидом¹¹ *s'était un gaillard celui-la* (уж он-то был бравым малым). Гусарской офицер, полупоэт, полувлюбленной, строящий куры по Гусарски; ну что и говорить!

Валериан А⟨лексеевич⟩ С⟨авельев⟩¹², артиллерийской офицерчик, миньятюрка; юноша, у которого любовь остановилась и ни с места; он иногда сентиментален, но по Русски, т. е. с умом.

Апельсин Лимоноч (Крюднер)¹³, офицер преображенской, белобрысо-сентиментальной, влюбленной по Немецки mit blumen und (нрзб) (нем.: с цветами и (нрзб)) и годящийся **весьма на посылки**.

Григорий П(етрович) В(олконский)¹⁴, руладист.

Евгений П(етрович) Б(алабин)¹⁵, примеривающийся в влюбленные, но безуспешно; приверженец Голубого цвета¹⁶.

Иван П(етрович) Б(алабин)¹⁷, воплощенная доброта и глупота, предмет восхищения скандализированной девы.

Феодор xxx В¹⁸, адъютант, влюбленной в I(-ую) Героиню и осаждающий ее решительно.

Потом вдалеке, в туманах поэзии и любви, как роза полевая, как звезда надежды, разтрепанной букет... еще несколько лиц обоего пола, но это уже лица muets (*без слов*).

• • •

Так в ненастные дни

Собирались они

Часто.

Врали, Бог им прости,

От sol fa и до si

и Басто.

И припрыгивали,

И отпрыгивали

Телом.

Так в ненастные дни

Занимались они

Делом.¹⁹

Ах, Боже мой! что за веселье, за раздолье было в Приютине; три дня сряду! уж подлинно les glorieuses journées! (*славные деньки!*) Шум, хохотня, Amouretки! (*флирт*) Но стойте, стойте, расскажу все по порядку. С чего же начать? Про обстриженные усы! Или толкования за кулисами о сладости поцелуев в губки! Ой! Ой! Ой... да ведь это скабрзное дело! Начать ли со страха Д(митрия), чтоб я голову не сломила, поехав на нееженной лошади²⁰, или пуститься в рассказы... за голубым шарфом; не лучше ли поговорить об разо-

рванной роли conservée j'espère pour un noble usage (*сохраненной, я надеюсь, для достойного употребления*). Ну так и быть, начну с начала. Мы затеяли Театр, и вот Актеры и пиэсы.

L'humoriste.

L'Humoriste — Dameto
Sa femme — Alexandrine Ouvaroff
leur fille — Lydie Bloudoff
la grand mère — Annette Olenine
Le domestique — Gregoire Wolkonsky
L'Ami, l'ancien ami — Nicolas Mertvago
un jeune ami — Eugène Balabine...

(Юморист

*Юморист — Дамето
Его жена — Александрин Уварова
Их дочь — Лидия Блудова
Бабушка — Анета Оленина
Слуга — Григорий Волконский
Старый друг — Николай Мертваго
Новый друг — Евгений Балабин)*

Хороша и Дурна, и Глупа и Умна.

Константин Прохорович — Д(митрий) Волконской
Степанида Карповна — Antoinette Bloudoff
дочь их Надинька — Annette Olenine
Кум их Иван Григорьевич — Nicolas Mertvago
Емельян Лакей — Eugène Balabine
Александр Иванович Алинской, Гусарской офицер,
жених Надиньки — Алопеус

Репетиции шли²¹, собирались у Блудовых: мы веселились как сумасшедшие. «Ах, Граф, что вы адресуете все наши фразы своим усам?» И чтож! Граф явился. Увы! как сердце рети-

вое, как сердце Гусарское страдало... Усы — краса миньятюрного Гусара, усы — его отрада, усы в завитках... — сказать ли ужасную истину!... — после этой репетиции были подрезаны, и завитки... исчезли!... Что значит сила красноречия.

Il y avait parade et le lendemain répétition chez nous. Ce jour-là même le régiment d'hussards était parti pour Tzarsko et à 8 heures du soir le comte était chez nous fatigué à mort... Quelle exactitude militaire. — «Comment ce n'est pas vous qui jouez le rôle d'Ursule а я так с вами привык играть! Неправда ли это мило — Dimanche une répétition chez les Bloudoff. Alexandrine Ouvaroff y était venue avec sa mère. Mais là vient la politique et c'est là aussi où j'ai aimé notre pauvre petit chien — Il est malheureux dans sa famille et dans son rôle. Il devait dire que resté orphelin il a été élevé et soigné par un oncle qu'il aimait comme un père. En scène nous étions assis l'un à côté de l'autre. Son oncle qui au fait l'adore était derrière lui et les yeux brillants il lui adressait les mots de la pièce. Vraiment j'ai été touchée. Il a de l'âme, pensais-je. Dans ce moment Dmitry s'approche et me dit à l'oreille: «Annette я вас благославляю, с Алинским дело хорошо идет. Antoinette et Lydie, je pense, (sont) avec vous». Tout haut: «Savez-vous que cela ne lui faisait pas plaisir». Enfin madame Ouvaroff malgré nos supplications et ceux de sa fille me refusa nette de permettre à la fille de venir la veille à Priutino. Le peu de complaisance lorsque tout le monde et surtout votre excellente Mère se prêtait à tout ce qu'on lui proposa m'alla jusqu'au coeur. Après leur départ je me suis mis au clavecin. Nous étions restés presque seuls, il n'y avait que vous.(нрзб) hein! Alopeus, faut-il mettre, aussi, hein! Eh bien, comme vous voudrez. Annette et moi. Je chantais, j'étais électrisée, je sentais que je chantais bien. Mais la musique agita mes nerfs, ma poitrine devint oppressée: je souffrais beaucoup, mes chers amis! Le souvenir de mon départ pour Dobberan, ma séparation avec tous ceux qui sont chers à mon coeur fit venir les larmes aux yeux et de là elles coulèrent sans contrainte Je ne sais ce qui s'est passé sur les figures j'étais absorbée par ma tristesse et le sabre de Théodore restait dans ma main. Ici je dois renvoyer aux mots que j'exige que vous écriviez. Vous me peindrez un moment que j'aime à me rappeler car là malgré ma tristesse un sentiment intime me disait que j'étais comprise...

Honteuse de faire voir mes larmes j'arrachais les fils d'argent de la dragone du sabre, on se mit à rire, la gaité m'est revenue, je raccommodais la dragone (qui a ce qu'on assure de conserver en souvenir ... et moi je dis comme la chanson:»Je n'en vois rien en vérité«.) Lorsque je suis bien triste et quand cela passe je deviens folle Aussi je fis monter Alopeus sur la table, il représentait l'Empereur et moi tout le régiment de hussards, après je le fis donner son panache et nous le jetâmes à la tête. Pauvre, pauvre plumet! les plumes volaient par la chambre, on aurait dit un coq épluché.. Ennuyé de cela nous jouâmes aux гарелки à la biche et cet.: Enfin nous nous sommes amusés comme des foux. Ce jour-là Al(opeus) m'a apporté un monchtouke qu'il m'a donné pour mon cheval; ce mounchtouke a fait bien du mal à Dmitry.

(Был парад, а на другой день репетиция у нас.²² Именно в этот день гусарский полк отправился в Царское²³, и в 8 часов вечера граф явился к нам, изнемогая от усталости. — Какова исполнтельность воинская! — «Как, роль Урсулы играет не вы! а я так с вами привык играть!» Неправда ли это мило. — В воскресенье репетиция у Блудовых. Александрин Уварова явилась со своей матерью. Но тут начинаются интриги, да к тому же именно здесь полюбила я нашего бедного песика²⁴. — Он несчастен и в своей семье, и в своей роли. Он должен был сказать, что когда он осиротел, то его опекал и воспитывал дядюшка, которого он любил как отца. На сцене мы сидели друг возле друга. Дядюшка²⁵, которого он обожает и в жизни, был позади него; глаза его (т. е. Ф. Д. Алопеуса — прим. ред.) блистали, когда он произносил посвященные ему (т. е. дядюшке — прим. ред.) слова из пьесы. Я была искренне тронута: он наделен душою, думала я. В этот момент подходит Дмитрий и говорит мне на ухо: «Аннет, я вас благославляю, с Алинским дело хорошо идет. Антонина и Лидия, я думаю, на вашей стороне» — и, громко: «А известно ли вам, что это не доставляло ему удовольствия?»²⁶.

Напоследок мадам Уварова²⁷ несмотря на нашу мольбу, к которой присоединилась и ее дочь, наотрез отказала мне в просьбе позволить дочери приехать в Приютино. Такая нелюбезность, в то время как все и в особенности ваша бесподобная маменька²⁸ во всем угождали ей, задела меня за живое. После их отъезда я

уселась за клавесин. Мы остались почти одни, были только вы (нрзб) да Алопеус — нужно ли его называть? Ну, как угодно. Аннет²⁹ и я. Я пела, я была взволнована, я чувствовала, что пою хорошо. Но музыка расстроила мои нервы, грудь моя стеснилась: я глубоко страдала, милые друзья мои. При мысли о предстоящем отъезде в Доберан³⁰, о разлуке со всеми, кто дорог моему сердцу, на глаза мои навернулись слезы и полились неудержимо. Не знаю, что отразилось при этом на лицах присутствующих, потому что я отдалась своей грусти, и сабля Феодора³¹ оставалась в моей руке. Тут я принуждена напомнить вам о словах, которые непременно должны быть вами записаны. Вы опишете мне тот момент, который я люблю вспоминать, потому что несмотря на мою грусть, тайное чувство мне подсказывало, что меня поняли... В смущении от своих слез, я выдергивала серебряные нити из сабельного темляка, все засмеялись, веселье вернулось ко мне, и я привела в порядок темляк (в нем, поверьте, довольно еще подобных сувениров... И я, как в песенке, говорю: «Я в этом, ничего, по совести, не вижу.») Когда я очень грустна, а потом это проходит, я начинаю беситься. Поэтому я заставила Алопеуса взобраться на стол, он изображал Императора, а я целый полк гусар, потом я приказала ему отдать свой султан, и мы начали кидаться им, норовя попасть в голову. Бедный, бедный плюмаж! Перья летали по комнате как будто здесь ощипали петуха³². Когда это наскучило, мы стали играть в гарелки, носясь как лани и т. п. В общем, мы дурачились как сумасшедшие. В тот день Ал(опеус) принес мне мундштук, который предназначался для моей лошади; этот мундштук доставил немало неприятностей Дмитрию.

Histoire (qui) peut être avec le temps véridique (par Antoinette)

Je nous imagine tous réunis dans vingt ans d'ici chez vous; nous sommes dans un joli salon; vous et Lydie sur le sofa; le mari de Lydie à l'autre bout de la table lisant la gazette (car son mari sera décidément en frac), le vôtre est de service (aide de camp général), moi dans un grand fauteuil à la voltaire entourée de coussins à côté de vous (je souffre des rhumatismes), un petit général à grosses moustaches est assis vis-à-vis du sofa (il a pris un peu de carrure depuis ses 33 ans et il en a 44) и он что-то поглядывает на другой круглый стол, где гувернантка чай делает, а трое детей сидят около стола. Votre fille âgée de quinze ans et qui vous ressemble que c'est un charme — tourne et retourne la chaîne de sa montre à la casser en mille pièces, et éclate de rire à tout moment en rougissant cependant, tandis que le fils du général (yunker aux hussards) qui a 2 ou trois ans de plus cause très vivement avec elle et la fille de Lydie qui a de onze ou 12 ans paroît très occupée à nourrir un chien qui rappelle beaucoup Zulka cependant on voit à ses yeux noirs et grands qui rient qu'elle voit bien la petite scène vis-à-vis d'elle. Moi qui a toujours les yeux fixes sur ma nièce favorite je dis en riant: **В тихом омуте президенты водятся**». Notre petite Annette voit tout ce qui se passe entre votre fille et le petit Yunker. Le général vous regarde en souriant et vous dit: «Que ces enfans me rappellent un heureux tems! Ах дети, дети! да зато как хороша Ваша Лизанька». Là-dessus Марфа Федоровна qui dormait dans un autre fauteuil près de moi qui vient de se réveiller dit: «А все-таки скажу ,что Анеточка в свое время была гораздо лучше.» — Помилуйте, Марфа Феодо(ровна), в этом никто не сомневается; и все мы в свое время были недурны! Если мы с Вами не были замужем, так не от того, что не умели нравиться. Лет 25 тому назад и я была... мила, за мною кое-кто и волочился; хотя не могу сказать, чтоб когда-нибудь формально сватался.

Pendant que je ferai cette réponse à M. Ф. s'endormira dérechef et ne verra pas entrer Dmitry et Grégoire Volkonsky; le premier n'est pas marié parce qu'il balance encore sur le choix de sa femme et je prétends qu'il n'a plus à choisir qu'entre Марфа Фе(доровна)., ma tante Schichkine et moi; quand à Grégoire il s'est laissé marier par distraction à une riche héritière que sa mère lui a choisie et il n'est pas bien sûr s'il est heureux ou malheureux, comme de raison la ville dit qu'il fait très mauvais ménage car la ville n'a pas du tout du tout changée et dit toujours du mal de tout le monde. Quand aux autres personnages il y a un colonel (fi donc Général depuis longtemps corrige Annette) d'artillerie qui revient du Caucase où il a passé plus de 18 ans et qui ne peut voir votre fille sans émotion, et puis on parle du Duc de Perolava qui vient d'être nommé Ambassadeur de Sa Majesté Catholique à St-Pétersbourg; il vient d'hériter du titre de son frère qui est mort sans enfans mâles.

Composé à Pavlovsky.
1834 le 4 Octobre.

Небылица, которая может сбыться. (Написана Антониной)³³

Я воображаю всех нас собравшимися у вас дома через 20 лет; мы в изящной гостиной; вы с Лидией³⁴ на диване; муж Лидии расположился за столом напротив вас и читает газету (ибо ее муж будет непременно во фраке³⁵), ваш муж — на службе (генерал-адъютант)³⁶. Я в большом вольтеровском кресле, обложенная подушками, рядом с вами (я страдаю ревматизмом). Небольшого роста генерал с пышными усами³⁷ сидит напротив дивана (после 33 лет он несколько раздался в плечах, теперь же ему 44), и он что-то поглядывает на другой круглый стол, где гувернантка чай делает, а трое детей сидят около стола. Ваша пятнадцатилетняя старшая дочь³⁸, очень похожая на вас (прелесть, как хороша), вращает на цепочке свои часы, рискуя разбить их вдребезги, и все смеется, поминутно краснея однако, в то время, как сын генерала (гусарский юнкер), которому на 2 или 3 года больше³⁹,

очень оживленно беседует с нею. Дочь Лидии, одиннадцати или двенадцати лет⁴⁰, как может показаться, весьма занята кормлением собаки, очень напоминающей Жульку; однако по ее черным большим смеющимся глазам видно, что она исподволь наблюдает за разыгрывающейся перед нею сценкой, и я, не сводя глаз с любимой своей племянницы, говорю: «В тихом омуте президенты водятся»⁴¹. Наша маленькая Аннет⁴² видит все, что происходит между вашей дочерью и юным юнкером. Генерал смотрит на вас, улыбаясь, и говорит вам: «Как эти дети напоминают те счастливые времена! Ах дети, дети! да за то как хороша Ваша Лизанька!»⁴³. На что Марфа Федоровна⁴⁴, дремавшая до сих пор в другом кресле возле меня, проснулась и сказала: «А все-таки скажу, что Анеточка в свое время была гораздо лучше. — Помилуйте Марфа Феодо(ровна): в этом никто не сомневается; и все мы в свое время были недурны! Если мы с Вами не были замужем, так не от того, что не умели нравиться. Лет 25 тому назад и я была... мила, за мною кое-кто и волочился; — хотя не могу сказать, чтоб когда-нибудь формально сватался».

Пока я буду ей отвечать, Марфа Федоровна снова заснет и не заметит, как войдут Дмитрий и Григорий Волконские. Первый не женат, ибо не решается сделать свой выбор, и я говорю, что ему в конце концов ничего не останется, как выбирать между Марфой Федоровной, моей тетей Шишкиной⁴⁵ и мною. Что касается Григория, то он шутики ради дал себя женить на богатой наследнице, которую для него выбрала его мать, и не разобрался еще, счастлив он или несчастен; тем не менее в свете говорят, что его партия неудачна, ибо свет ни на волос не изменился и все так же злословит обо всем. Что же до других персонажей, то среди них — полковник артиллерии (фи, уже давно генерал, поправляет Аннет), вернувшийся с Кавказа, где он провел более восемнадцати лет⁴⁶. Он не может смотреть на вашу дочь без волнения. Кроме того, говорят о герцоге де Перолава, которого только что назначили послом его католического величества в Санкт-Петербурге; он только что унаследовал титул своего умершего брата⁴⁷, не оставившего детей мужского пола.

Сочинено в Павловске.

1834 года, четвертого октября.

Небылица, которая может сбыться.

Приютино. 1834.

Продолжение истории Анетой.

6 лет после описанного вечера в доме Анны Алексеевны ### в Большой Морской⁴⁸ давали бал: праздновали рождение Лизаньки. Непринужденная веселость царствовала, хотя тут были и жители большого света; но тут были и старинные друзья. И артиллерийской Генерал Савельев, отличавшийся умом и достоинством, и старушка Марфа Ф(едоровна), которая имела к Лизе все чувство бабушки, хотя кончала жизнь свою старой девушкой. Тут и Антонина Дмитривна Блудова, сохранившая всю любезность прежних лет, с примесью однако неизбежных странностей старой девы⁴⁹. Тут и милая Лидия Дмитривна +++ и ея прелестная 17-летняя дочь, за которой так же, как и за Лизой волочился престарелой Князь Дмитрий Петрович Волконской, старой холостяк, прошедший всю жизнь в расчетах имений своих невест. Тут и милая вдова Анна Тимофеевна⁵⁰, переселившаяся к Анне Алек(сеевне) и сделавшаяся род друга и наставницы милой Лизы. И к довершению картины — Герцог Регалва и Граф Федор Давыдач Алопеус и его сын Владимир, гусарской штаб-ротмистр⁵¹. Вальс за вальсом, contredance за contredансом (*контрданс*⁵² за *контрдансом*) летели; вокруг двух друзей увивались много молодых людей. Анета только что вступила в свет, Лиза провела на его поприще уже 4 года, и для обыкновенных зрителей всегдашних сцен света никто, казалось, не нравился ей. Но от взора матери редко что уходит. А(нна) А(лексеевна) давно заметила, что к Графу Владимиру А(лопеусу) Лиза не была равнодушна и что, со своей стороны, этот отличной молодой человек был ей совершенно предан.

Начался pot-pourri (*попурри*)⁵³, прерванной ужином; многие из гостей потом разъехались, остались только несколько искренних друзей и подруги Лизы: бал снова загорелся живее, живее, казалось, что конца не будет этому pot-pourri.

Усталая хозяйка притаилась в уголке и задумчиво смотрела на танцующих. На ее лице, уже постарелом, можно было прочесть много печалей жизни и сердечных дум, но вместе и спокойствие чистой совести. Граф Ф(едор) Д(авыдович) А(лопеус) подошел к ней. «Анна А(лексеевна), — сказал он, взяв стул и сядя возле нее, — не вспоминает ли вам этот вечер нашу молодость, *et se qu'il ne vous reporte pas à 26 ans de cela? (не уносит ли он вас на 26 лет назад?)*». «Как же, милой Граф, мне кажется, смотря на них, — отвечала она, указывая на танцующих, — что я опять молода и что вон там танцую в этой паре».

«И что я вам кавалер, не правда ли? — отвечал он, засмеявшись. — Но признайтесь, что Владимир гораздо лучше меня, он молодец, не правда ли?» И гордая улыбка быстро пробежала по его лицу.

«Владимир — премилой малой», — сказала А(нна) А(лексеевна) задумчиво. Оба замолчали, наконец граф, вздохнув, сказал: «Давно желал я поговорить с вами, любезная А(нна) А(лексеевна), вы верно приметили привязанность Владимира...» Он остановился. «И что же, Граф?» — сказала она, взглянув на него с беспокойством.

«И неужели вы не согласитесь сделать его счастливого?»

«Милой Граф, не стану скрывать от вас, что давно заметила любовь Владимира к Лизе. Скажу более, изо всех молодых людей, которые бывают у нас, никто так не нравится мне, как ваш сын, но подумайте, он еще так молод, при этом я не знаю... Лиза кажется к нему равнодушна».

«И вы это в самом деле думаете?» — отвечал граф недоверчиво.

А(нна) А(лексеевна) улыбнулась.

«Нет, — продолжал он, — вы лучше меня знаете, что Лиза к нему неравнодушна, а что касается до молодости, то вспомните, что ему...»

«24 года! полно, полно, очень помню, Граф, и по этому самому и боюсь, чтоб страсть его не прошла, как проходит любовь в эти годы».

«Как, вы думаете, что Владимир может перемениться... но вспомните еще, что Владимир и Лиза с детства любят друг дру-

га. Тому 6 лет назад, еще юнкером, мы заметили, что он в нее влюблен, а 6 лет постоянной любви, признайтесь, очень...»

«Очень удивительно, Граф, и превосходит все вероятия! Но скажу вам, в 24 года редко можно положиться на любовь молодого человека».

«Mais 6 ans de constance! C'est un terme énorme».

«Comte, je le sais, mais permettez-moi de vous dire encore que je ne puis risquer le bonheur de Lise et que je voudrais être sûre avant de décider son choix».

«Je ne puis, Madame, — отвечал Г(раф) обиженным тоном, — et je n'ose discuter sur un sujet aussi délicat; le bonheur de votre fille doit vous être cher, celui de mon fils m'est aussi bien confié et comme père je vais m'en occuper et tâcher de l'éloigner d'une passion qui peut devenir un malheur pour lui».

(«Но 6 лет постоянства! Это огромный срок». «Я согласна, граф, но позвольте мне повторить вам, что я не могу рисковать счастьем Лизы и что я хотела бы быть уверенной, прежде чем решать ее жребий».

«Я не могу, сударыня, — отвечал Г(раф) обиженным тоном, — и не смею спорить по столь тонкому предмету; вам должно быть дорого счастье вашей дочери, я же забочусь о счастье своего сына, и как отец, я этим займусь и постараюсь уберечь его от страсти, которая может принести ему горе».

«Милой Граф, окончим этот тяжкий разговор, полно, не сердитесь, вы знаете сами, что Владимира я люблю как сына, но, повторю, он еще молод, и скажу вам на это стихи Державина:

Непостоянство доля смертных,
В преме не вкуса шашье их,
И меж утех своих несметных
Ищем мы утех иных». ⁵⁴

Сказав это грустным тоном, она встала и пошла в другую комнату. Граф с негодованием смотрел на нее, потом отворотился и, задумчиво облокотясь на стул, примечал за веселой парой, которая, казалось, одного только и страшилась, чтоб не умер наконец бесконечной попойки, и придумывали новые фигуры.

А(нна) А(лексеевна) взошла в гостиную; на креслах у стола, где играли в вист⁵⁵, сидела Антонина Дмитриевна и понюхивала табак из маленькой золотой табакерки: ее костюм обнаруживал старую девушку. Чепец, как носили тому несколько лет назад, покрой платья и какая-то пелеринка из синего бархата — все было необыкновенно, не как у других.

Взглянув на А(нну) А(лексеевну), она сей час увидела, что что-то случилось, и вскочила, забыв, что в 48 лет ноги (хотя у девы), а все не то, что в 22, и чюдь-чюдь не упала.

«Помилуй, Антонина! когда ты будешь помнить, что ты немолода?»

«Ну полно, полно тебе бы не к лицу читать мне мораль, потому что я чюдь не упала от того, что увидела твое разстроенное лицо. Что случилось?»

«Ничего, ничего,»- отвечала А(нна) А(лексеевна).

«Нет, вздор... пойдем, расскажи мне все об этом».

Ан(тонина) Д(митриевна) взяла под руку А(нну) А(лексеевну) и подвела ее к дверям залы, где танцевали. «Ну что же», — сказала она... но не дождавшись ответа и увидев недовольной грустной вид Графа, она засмеялась и воскликнула: «Dieu, comme vos deux figures me reporte nos beaux jours et je parie que c'est lui qui vous a causé quelques désagrémens». *(Боже, до чего оба вы напоминаете мне сейчас наши золотые дни; держу пари, что она уже успела чем-то огорчить вас).*

«Нет, мы не поссорились, я надеюсь, но должна признать-ся, что разошлись недовольны друг другом! Граф стал говорить мне об Владимире и Лизе, он просил сделать Владимира щастливым».

«Ну и ты?...» — прервала нетерпеливая Ан(тонина) Д(митриевна).

«Я отвечала, что Владимир слишком молод и что...»

«Какой вздор, мой друг! мой милой внучек (так называли они Влад(имира)) — премилой, предоброй, преумной малой, он сделает щастие Лизаньки».

«Все так, но ему 24 года!»

«А! так ты боишься этих лет и, верно, припоминаешь 24 года его батюшки».

«Полно, полно, друг мой, ты знаешь, что муж мой любит Владимира, но и он моего мнения, пусть он подождет; он молод и, естли в самом деле любит, то его любовь не уменьшится от испытаний. При том признаюсь, тяжело разстаться с Лизой».

«О! Матери, Матери, вы все эгоисты, — сказала Ан(тонина) Д(митриена), — и хорошо я сделала, что не вышла замуж, а то я бы также разсуждала. Но посмотри, как они веселятся».

В это время подошел ###, муж А(нны) А(лексеевны): «Мой друг, как ты устала. Не пора ли окончить?»

«И я так сама думаю. Но посмотри этот (нрзб), их так занял, они так счастливы».

«Лизанька, мой друг, не пора ли кончить», — сказал Отец.

Лиза бросилась целовать Отца: «Милой папинька, позвольте хоть немножко».

«Но посмотри, мать утомилась».

Лиза, целуя руки у А(нны) А(лексеевны), умоляла позволить танцевать еще немного.

«Но потанцуйте, потанцуйте, да и дайте мне отдохнуть».

Лиза бросилась опростетью в середину танцующих и все опять пошло вверх дном. Наконец пробило 4 часа, все кончилось, все разъехались, остался один Граф с сыном. Лиза села на стул отдыхать, но ея ноги все еще танцовали. Влад(имир) подошел к ней и сказал вполголоса: «Вы не забыли, что обещали танцевать со мною первой вальс у Графини Васильчиковой⁵⁶».

«Нет, не забыла, но...»

«Но что же? — отвечал Влад(имир) торопливо.

«Извините, я все спутала, я обещала Балабину⁵⁷, я... я думала...»

«У вас прекрасная память, как я вижу, — сказал Влад(имир), — но я не смею жаловаться, может быть Г(осподин) Балабин более меня имеет право надеяться быть не забытым и...»

«Но я думала, что вы звали меня на попури, — отвечала Лиза, покраснев и смотря в другую сторону. — Он тоже меня звал, но я отказала, я думала, что...»

«Ах я дурак! Простите, как я мог подумать. Конечно я вас звал, я с ума шедший... Ах, как я вам благодарен, я...»

«Пойдем, пойдем», — сказал отец, взяв Влад(имира) за руку.

«Прощайте, прощайте, — повторил Влад(имир). — Я сам не знаю как... я...»

Остальное было не слышать, потому что отец его увлек за собою.

Наконец наступил Великий пост и с ним спокойствие, но вечера, проведенные в тишине у ###, были в сто раз приятнее для Влад(имира), чем шумные пышные балы. Но он совершенно переменялся. Задумчивой, грустной, он сидел не говоря ни слова, одни глаза говорили, когда следил он за всяким движением Лизы. Сама же она тоже переменялась, с Влад(имиром) была не так уж непринужденна, как прежде, как только подходил он к ней, она краснела, и голос как-то дрожал. Она даже убегала его. От отца и матери перемена не скрылась. Граф А(лопеус) сердился и жалел о Влад(имире), но сам, привязанной к семейству ###, хоть и досадуя, но все ждал конца испытания своего сына.

А(нна) (Алексеевна), переговорив с мужем, которой подшучивал над ней, припоминая 1834 год и 27 ее жизни, согласен был с нею, что должно подождать.

Однажды после обеда Ан(тонина) Д(митриевна) приехала по обыкновению своему к ###, она нашла А(нну) А(лексеевну) одну, сей час заговорила о Лизе и Влад(имире).

«Долго ли тебе его мучить? — спросила она. — Неужели sa constance ne vous suffit pas, pour moi j'ai les larmes aux yeux lorsque je le regarde se ravir petit **chou-chou**». (— *Неужели его постоянства вам недостаточно? У меня так слезы наворачиваются на глаза, когда я смотрю на этого бедного милого душку.*) Если бы он только влюбился в мою Анету, уж обещаю, что я бы сыграла штуку и обвенчала их тебе на зло».

«Ах! Ан(тонина), Ан(тонина), видно, что ты никогда не была матерью», — сказала А(нна) А(лексеевна) со слезами на глазах.

У Ан(тонины) Д(митриевны) по старой привычке она потекли, и, отирая их, она отвечала: «Вздор, сударыня, вздор, хоть не была, но не менее вас всех трех люблю от души. Что тебе надобно еще более? Тому 26 лет назад не могло с тобою того случиться, что теперь с дочерью? Да ты об этом не жалейшь, ты щастлива. Тебе было бы сумасшествие стараться выйти замуж за человека тремя годами моложе тебя, без состояния и разной веры⁵⁸. Теперь совсем другое; женись на богатой невесте А(лопеус) разбогател, сын его 3 годами старше твоей Лизы, он русской веры, он мил, он любит, он любим. Чего же тебе более? Прошу тебя, умоляю, реши их судьбу».

«Ах, дай подумать, скоро обещаю сделать все, что ты хочешь... Но вот Лиза, перестанем». Лиза бросилась целовать Ан(тонину) Д(митриевну), она так ее любила. Граф А(лопеус) с сыном приехали. Отец сел к старикам, а молодой к столу, где сидела Лиза с А(нной) Т(имофеевной), которая по наследству занялась ролею М(арфы) Ф(едоровны) и разливала чай. М(арфа) Ф(едоровна), сидя в Волтеровых креслах с чепцом на макушке, в очках, у стола подле А(нны) А(лексеевны), раскладывала *grande patience* (*большой пасьянс*) и без умолку болтала (принадлежность старых девок) и рассказывала, как в старину А(нна) А(лексеевна), которую все звала Анетотской, играла в Приютине пьесу «Хороса и дурна»⁵⁹, и в сотой раз повторяла все анекдоты про графа Лапеуса (так называла она графа А(лопеуса)). Молчаливой Вла(димир) сидел, но поссорившись с Лизой на прошедшем бале, был молчаливее обыкновенного. А(нна) Т(имофеевна) налила чашку чаю и, улыбаясь, подвинула Лизе. Сказать мимоходом, она была поверенным с обеих сторон. А(нна) А(лексеевна) совершенно положила в этом случае на ее правдивой нрав. Лиза взяла чашку и подала графу, сказав, смеючись: «Не угодно ли вам чаю, граф?» «Благодарю, Лизавета ###⁶⁰, я не хочу чаю», — отвечал он сердито.

«Monsieur est de mauvaise humeur, — сказала Лиза, — tant mieux, il épargnera de la peine à ma bonne А(нна) Т(имофеевна)» (*Мсье не в духе, — сказала Лиза, — тем лучше, это избавит от лишних хлопот мою милую А(нну) Т(имофеевну)*), — и взяв чашку, она стала пить, но с видимой досадой.

Влад(имир) встал, подошел к окну и сел возле него. Лиза, поглядев ему вслед, вздохнула, потом наклонилась к А(нне) Т(имофеевне) и сказала тихо: «Душенька, спросите у него, за что он сердится». А(нна) Т(имофеевна) встала, качая головой, однако подошла к Влад(имиру) и сказала ему: «Влад(имир) Ф(едорович), но полноте, скажите, за что вы так сердитесь?»

«За что, за что... Ах! А(нна) Т(имофеевна), если бы вы знали, как она поступила со мной на прошедшем бале: нарочно не выбирала меня, не смотрела, и вы хотите, чтобы я был весел! Я не сердит, но я несчастен, я обманулся, ужасно обманулся!»

«А ежели нет?» — отвечала, улыбаясь А(нна) Т(имофеевна).

Влад(имир) быстро на нее посмотрел. «Ах! неужели она меня любит, неужели я так...»

«Боже мой, я этого не знаю», — спешила поправить А(нна) Т(имофеевна), она уже слишком много сказала и сама испугалась.

«Нет, я самой несчастной человек! Я решил уехать из Петербурга, куда глаза глядят».

«Полноте, полноте, успокойтесь, будьте милы. Пойдемте, сядемте к столу».

«Нет, благодарю, я еду в Театр».

Ничто не могло уговорить его, он взял шляпу и вышел⁶¹. После неудачного своего посольства А(нна) Т(имофеевна) под села к М(арфе) Ф(едоровне). Она, несмотря на все знаки бедной Лизы, которой до смерти хотелось знать, чем кончился разговор и зачем Вл(адимир) ушел, но она была неумолима и смеялась рассказу М(арфы) Ф(едоровны) об забавностях Лели Аткинсона⁶², которому уже было тогда 30 лет. Лиза задумалась, даже слезы навернулись, А(нна) А(лексеевна) это заметила, но муж ей сказал дочери:

«Лиза, дружок, хоть бы ты спела что-нибудь».

«Папа, да у меня сегодня совсем голосу нет».

«И, полно, душа, попробуй». Лиза нехотя повиновалась, она села за клавикорды, перебирала клавиши аккорд за аккордом, и наконец пальцы как-то невольно попали на аккомпанемент».

немент Романса, сочиненного для нее недавно Вла(димиром), она остановилась, взяла ноты, открыла и, проиграв ритурнель⁶³, запела прежде слабым голосом первой куплет. Потом другой, голос сделался сильнее, но все был грустной и унылой; дверь тихо отворилась. Вл(адимир) показался со шляпою в руках, он подошел на цыпочках и стал за стулом Лизы, старички и старушки все примечали.

При конце последнего куплета Вл(адимир) не мог удержать своего восхищения.

«Лизав(ета) ###, вы уже выучили мой Романс...»

«Ах! Боже мой, вы здесь... вы ... я... я думала, что вы уехали..., я выучила этот Романс, он... он мне очень нравится...».

«Неужели, неужели. Ах! как вы милы... Но нет сил, Лиз(авета) ###, ради Бога, кончите мое мучение, скорее скажите, могу ли я надеяться, могу ли...».

«Поговорите Папиньке и Маминьке, — сказала Лиза, вся покраснев и дрожа как лист. — Обо мне вы давно не должны сомневаться».

«Боже мой, что я слышу,» — вскричал Вл(адимир), схватив ее руку и целуя ее (т. е. руку — *ce n'est pas scabreux, j'espère*) (*это не предосудительно, я надеюсь*). «А, да что это значит, брат», — сказал ###. Вл(адимир) бросился к нему. «###, А(нна) А(лексеевна), ради Бога, сделайте меня счастливым». «Лиза!» — сказала А(нна) А(лексеевна). Лиза бросилась к ней на шею, рыдая как ребенок. Мать и Ан(тонина) Д(митриевна) тоже плакали, целуя, и ###, взяв В(ладимира) за руку, подвел его к Лизе. «Поручаю тебе, милой Вла(димир), ея щастие», — сказал он тронутым голосом. Потом подошел к старику Графу, подвел ему Лизу и Вл(адимира): «Граф, благословите ваших детей». У старого Гусара потекла из глаз крупная слеза и остановилась на густых и длинных усах.

Приютино 1834. 6 октября, в час ночи.

Объяснительная Записка

Во-первых, позвольте мне, Антонина Дмитриевна, попросить вас объяснить, почему у дочери вашей сестрицы, Лидии Дмитриевны, глаза черные? Она, видно, пойдет по батюшке, но скажу, как в пьесе «Принца с Хохлом и большим Горбом»⁶⁴: «Но кто же он, но кто же он?».

Во-вторых, позвольте поблагодарить за данное имя Анне-ты дочери Лидии Дмитриевны и позвольте мне быть одной из восприемниц.

В-третьих, почему супруг упомянутой Лидии Дмитриевны будет непременно штатской, разве уже есть на примете? И (из «Принца, Хохла и Горба»): «Он вот здесь, недалеко ваш прекрасный принц Рике». Ежели так, то и с Богом, и ничего не говорю, и молчу, и жду.

В-четвертых, по Русски не говорится «чай делать», потому что, кроме Бога Саваофа, никто до этого еще не доходил, должно сказать «чай раздает», «чай приготавливает», «чай разливают».

В-пятых, надеюсь, что и дочь моя будет в батюшку, с черными глазами, вы знаете, я белобрысых не люблю⁶⁵; et pour le coup ce sera une surprise pour moi car dans mon domaine actuel il n'y a plus d'yeux noirs; des verts, des gris, des bleus (couleur de tasses anglaises) en profusion! Mais de noirs pas, car je les ai tous laissés à l'étranger (да к тому ж это будет для меня сюрпризом, потому что больше в моем распоряжении черных глаз не осталось; зеленых, серых, голубых (цвета английских чашек)⁶⁶ — сколько угодно! Но только не черных, ибо все они обретаются в чуждых пределах).

В-шестых, я полагаю, что сын Генерала не будет в батюшку и что усы, хотя не будут знамениты по всей гвардии, но зато будут маленькие и черненькие, хорошенькие и миленькие, и что он постарается вытянуть его повыше себя и дать ему потемнее волосы. Одним словом, как мать, я требую, чтоб он был un bel homme (красавцем-мужиной).

В-седьмых, мое материнское сердце оскорблено, я хочу, чтоб Лизинька была гораздо лучше меня; *pas de nez en pomme de terre s'il vous plaît* (без носа картошкой, пожалуйста,) и ростом человек.

В-восьмых, как можно, чтоб мой милой, умной Валериан⁶⁷ в 18 лет не дослужился бы до Генеральскаго чина! вы все благи земли возливаете на голову любезнаго вам племянника⁶⁸, а его пренебрегаете.

В-девятых, так как он не хладнокровно смотрит на мою дочь, хотя ему уже 40 лет⁶⁹, но мы можем найти ему невесту, дочь Анны Тимофеевны, она ведь мила, как Мать. Что же касается до моего сочинения, прошу вас сделать мне свои замечания. Вы найдете, может-быть, что оно не будет так; может быть, вы правы, сообщите мне на этот счет ваши замечания и мысли: да не будьте так ленивы. Вы видите, я целых *in duo decimo* (одну двенадцатую *листа*) — лат.) вам пишу. Правда, что ко мне за 5 верст никто не приезжает и кроме пьяных чухонцов не вижу я никого. Деклараций мне не строят: никто не приезжает из Рябова⁷⁰, чтоб извиниться, что не будет. Никто не ездит со мной верхом, хотя тому два дня я ездила с Анетой⁷¹ и проехала верхом 25 верст. Я не сижу дома с притворным кашлем. Не выбегаю в сени, когда подъезжают дрожки, которые будто я принимаю за карету. Не уверяю в дружбе чужую жену и не влюбляюсь исподтишка в чюжаго мужа. Не ссорюсь притворно с начальником полка, не зная будто, кто он, и не стараюсь кружить ему голову. Не знакоплюсь с старыми знакомыми, нет, ведь я скромная милая Дева.

Петербург 1834 3 ноября.

⟨А. А. Оленина⟩

Variantes (варианты)

Небылицы, которая может сбыться

Не все сбывается, как то предполагаешь! И мы на этот счет слепые от рождения, не можем угадать будущего. Кто бы

мог поверить, что Antoinette Блудова, веселая, живая, наша беспечная подруга, не понимающая в 1834 году, что такое любовь, через несколько лет влюбится! да как! без ума, без памяти в ***!

Я признаюсь, всегда говорила, как в Пьесе «Хороша и дурна, и умна и глупа»⁷²: «придет твоя пора, придет твоя пора». Но она, Фома Неверной, пуще смеялась или, принимая серьезной вид, уверяла, что хотя и понимала все чувства, живо описанные мною, но знает, что сердце ее не сотворено для пылких страстей; что напуганная мною не смеется над влюбленными, но всеми силами старается сама не попадать в эту категорию. И правда, когда не приходила ее **пора**, то она была *invulnérable* (*неуязвима*), и все собрание серых, черных, голубых, зеленых, карих, желтых, стеклообразных и даже пегих глаз не могли бы в то время покорить ее. Но всему есть конец. Конец и славе, конец и любви, и скажу между скобок (этот конец короче других концов), но также конец и холодности. В щастливую минуту Купидон, сидя на сторожке, подстерег время и **фыр**: стрела взвилась, ударила, и наша милая Antoinette попала в сеть. Не стану описывать предмета ее любви: это тайна; я же храню всегда эти тайны, как вещь священную. Скажу только, что возвратившись с дачи и не видав ее несколько месяцев, нашла в ней приметную перемену. Не та уже веселость, в помине нет хохотать без памяти! все что-то ужасно бледна, худа, куда и бюст девался! волосы (всегда всклокоченные даже и во время беззаботной жизни) теперь еще пуще косматые; видно было, что думы заняты другим, а не прическою. Когда, бывало, заговоришь об любви к родине, к отцу, у ней навернутся слезы, теперь же и про любовь к ближнему не заикнись, они потекут рекою! Я давно в письмах ее заметила задумчивость, уныние; *mon instinct d'amie* (*мой дружеский инстинкт*) чувствовал, что она скрывает тайну, но увидев ее, я уверилась, что *Cupid did great harm there**. В тот вечер приехала к ним и Лидия. Она всегда признавалась, что способна влюбиться, и доказала то на деле. Она по-

---

* Купидон наделал здесь больших бед — англ.

любила достойного молодого человека, поахала, поахала, вздыхала и, пройдя все обыкновенные периоды страха, недоверчивости, надежд, обманов, нерешимости, наконец вышла замуж за без памяти ею любимого ***.

Лидия взошла и бросилась ея обнимать; мы так давно не видались. Не нужно было спрашивать про счастье семейной ея жизни; оно написано было на ея прелестном лице. Невольно взглянула я на Antoinette и подумала про себя: пришла ея пора! Уф! Глаза Лидии невольно последовали за моими; она не сказала мне ни слова; пожала руку, и мы друг друга поняли. Antoinette к счастью не заметила этаго движения: в эту минуту колокольчик на лестнице зазвенел; пронзительной звук единожды раздался по комнатам. Antoinette вспыхнула как пламень... Но взошел, шаркая и согнувшись, Вигель⁷³, прошептал приветствие, и прежняя бледность показалась на щеках Antoinette. Занялись разговором, Вигель сплетничал⁷⁴, я рассеянно его слушала. Antoinette поглядывала то на камин, то на часы, стоявша на нем, а я глядела в дверь, и от нетерпения у меня начинал дрожать голос; кто бы посторонний подумал, что приход Вигеля меня сантиментально разстроил. И что бы сказал муж, ежели бы был со мною: мое нетерпение, моя рассеянность могли бы побудить в нем ревнивых мыслей, и Вигель... не смею подумать, что было бы следствием этой истории...⁷⁵ к счастью, муж был дежурной. Слава Богу. Но вдруг опять колокольчик зазвонил и привел в трепет не одну Antoinette, она покраснела, взглянула в двери, в ту же минуту опустила глаза: по походке она его узнала. А я! я! как дура смешалась, как будто бы дело до меня касалось. Вот тут-то уж счастье, что муж был дежурной. Вигель бы кой-как с рук сошел, но взошедший молодой человек привлекательной наружности вряд ли понравился мужу и нелегко было бы уверить его, что я краснела и смущалась от одной Христианской дружбы. Взошедший ловко поклонился, но заметно было, что и он не в своей тарелке. Он сел возле Лидии, Анна Андревна⁷⁶ мне его представила; вежливо поклонясь, он спешил начать со мною разговор. Я старалась поддержать его, чтоб дать Antoinette опомниться. Ви-

геля не так уж слушали, одна Antoinette, казалось, особенно им занималась: она смеялась всему, что говорил он, но когда на десятый вопрос отвечала ему невпопад, он догадался, что тут что-то неладно, разсердился, встал, скорыми, но неслышными шагами вышел вон и, вероятно, отправился на другой вечер, где отчесал все общество от мала до велика (а на этот счет ему было любо, потому что в семье Блудовых есть и Кирик и Улита⁷⁷). Понемногу разговор опять сделался общим, и в это время молодой человек подошел к Antoinette, стал с нею разговаривать, а я, чтоб не мешать им и зная по себе, что в таком случае доказательство истинной дружбы в том состоит, чтоб не заниматься влюбленными, я села к ним спиной и продолжала разговор с Анной Андревной. Но урочной час пробил, и нехотя молодой человек отправился домой, а Antoinette впала в прежнюю задумчивость.

Потолковав с ними еще немного, я собралась ехать. Antoinette вышла из своей задумчивости, подошла ко мне, поцеловала меня крепко-крепко, не сказав ни слова, и я, выходя, повторила еще: пришла ея пора.

Прошло несколько месяцев. Я получила один день письмецо, сложенное накривь-накось и спешила разобрать написанных дрожащею рукою несколько строк: но с помощью моей влюбленной догадливости узнала, в чем дело, села в карету и поскакала к ним. Что описывать неизъяснимаго! Скажу только, что Antoinette была щастлива, что ея жених был вне себя от радости, и все семейство в восхищении. Я оставила их через час. Antoinette погрузилась в обыкновенное шептание влюбленных, непонятной, неизменяемой и неистощимой разговор, через которой я тоже в свое время прошла, но которой теперь не в состоянии ни описать, ни истолковать.

Примечания

⟨А. А. Оленина⟩

Быль (Приютино 1834 24 Мая)

¹ Рукопись хранится в РО ИРЛИ (архив Блудовых Д. Н. и А. Д., 22704/ CLVII б. 19).

Это сочинение А. А. Олениной адресовано А. Д. и Л. Д. Блудовым; оно служит своего рода комментарием к последней записи в «Журнале» Анны Алексеевны.

² Антонина Д⟨митриевна⟩ Б⟨лудова⟩ — см. Дневник, примеч. № 296.

³ Лидия Д⟨митриевна⟩ Б⟨лудова⟩ — см. Дневник, примеч. № 296.

⁴ Александра С⟨ергеевна⟩ У⟨варова⟩ — Уварова Александра Сергеевна (1814—1865), дочь министра народного просвещения, председателя Главного управления цензуры Сергея Семеновича Уварова (15.08.1786—4.09.1855). Впоследствии А. С. Уварова вышла замуж за офицера Л.-гв. Измайловского полка кн. П. А. Урусова, по-видимому, участвовавшего 11 августа 1828 г. в приютинском празднестве, устроенном по случаю дня рождения А. А. Олениной.

⁵ Анна Т⟨имофеевна⟩ Д⟨омрачеева⟩ — Домрачеева Анна Тимофеевна, дочь полковника Тимофея Ивановича Домрачеева, принадлежала к кругу домочадцев семьи Олениных; Е. М. Оленина завещала А. Т. Домрачеевой 3 000 рублей (РО РНБ, ф. 542, е. х. 615, л. 4 об.). А. Т. Домрачеева изображена на акварели Ф. Г. Солнцева «Гостиная в Приютино. 26 мая 1834».

⁶ М⟨арфа⟩ Ф⟨едоровна⟩ К⟨оханеева⟩ — См. Дневник, примеч. № 215.

⁷ Дмитрий П⟨етрович⟩ В⟨олконский⟩ — Волконский Дмитрий Петрович (26.06.1806 (?)) — 26.04.1859), св. князь, сын Петра Михайловича и Софьи Григорьевны Волконских, впоследствии гофмейстер; женат на Марии Петровне Кикиной (09.1816—10.1856).

⁸ Николай Д⟨митриевич⟩ М⟨ертваго⟩ — Мертваго Николай Дмитриевич (р. 24.04.1805) сын генерал-провиантмейстера Дмитрия Борисовича Мертваго (5.08.1760—23.06.1824), и Варвары Марковны, рожд. Полторацкой.

⁹ *Dometo* — фамилия Дамето известна лишь по экспликации, которой снабжена акварель Ф. Г. Солнцева «Гостиная в Приютино 26 мая 1834 года»; в книге «В кругу друзей и муз» Л. В. Тимофеев читает это имя как «Дамет», принимая последнюю букву за «ъ» («неизвестный нам Дамет»). Личность этого персонажа устанавливается по объяв-

нию, помещенному в «Санктпетербургских ведомостях» от 15 июня 1834 г., где в списке отъезжающих за границу называется «Жан Дамето, капитан Испанской службы, находящийся при посольстве Его Каатолического Величества в С.Петербурге» (с. 1258).

¹⁰ **Феодор Давыдыч А(лопеус)** — Алопеус Федор Давыдович (ок. 1810—1861), граф, сын российского посланника в Берлине гр. Давыда Максимовича Алопеуса и Жаннетты Ивановны, рожд. бар. Бенкстерн; брат упоминавшегося в Дневнике гр. Александра Давыдовича Алопеуса. Выпускник V курса Царскосельского лицея (1829). В 1834 г. поручик Л.-гв. Гусарского полка. В 1837 г. был переведен тем же чином в 7-й Кавказский Линейный батальон; в 1841 г. возвращен в Л.-гв. Гусарский полк штаб-ротмистром; в 1843 г. произведен в ротмистры; в 1847 г. — в полковники; в 1853 г. назначен командиром Гусарского Генерал-Фельдмаршала кн. Варшавского, графа Паскевича-Эриванского полка. Флигель-адъютант. 8 сентября 1855 г. произведен в генерал-майоры. Впоследствии — действительный статский советник и шталмейстер. Женат на баронессе Александре Петровне Фредерикс. Изображен на акварели Ф. Г. Солнцева «Гостиная в Приютино 26 мая 1834 года». Уточнением сведений об Ф. Д. Алопеусе издатели обязаны А. Н. Маркову.

¹¹ **Не по шерсти собаке имя дано а быть бы ему царем Давидом** — Возможно, в сопоставлении Ф. Д. Алопеуса с царем Давидом, содержался намек не только на его отчество, но и на его «миньятюрность», упоминаемую А. А. Олениной ниже (ср. у Пушкина: «Певец Давид был ростом мал, Но повалил же Голиафа...» II, 318).

¹² **Валериан А(лексеевич) С(авельев)** — Савельев Валериан Алексеевич (р. ок. 1814), артиллерийский офицер, член «приютинского кружка» 1834 года, один из подписавшихся под «Шуточным договором» (см. ниже), автор очерка «Беглый взгляд или быстрый взор на Приютино в военном отношении» (см. ниже).

¹³ **Апельсин Лимоноч (Крюднер)** — Криднер Фабиан Карл Вильгельм — в 1834 г. поручик Л.-гв. Преображенского полка, участник руско-турецкой войны и польской кампании, кавалер орденов св. Анны 3 и 4 степени («Анненского» оружия с надписью «За храбрость»); награжден серебряными медалями за турецкую войну и за взятие Варшавы, а также польским знаком отличия «За военные достоинства» («Virtuti militari») 4 степени.

¹⁴ **Григорий П(етрович) В(олконский)** — Волконский Григорий Петрович (28.03.1808—26.04.1882), св. князь, брат Д. П. Волконского; с 1830 г. — чиновник Азиатского департамента Министерства иностранных дел, с 1835 г. — камергер, в 1842-1845 гг. попечитель Петербург-

ского учебного округа, почетный член Петербургского университета; певец-любитель. Женат на гр. Маргарите Александровне Бенкендорф (ум. в 1881), дочери графа А. Х. Бенкендорфа.

¹⁵ **Евгений П(етрович) Б(алабин)** — Балабин Евгений Петрович, сын генерал-лейтенанта Петра Ивановича Балабина (21.04.1776—21.04.1855) и Паулины-Варвары Осиповны Балабиной, рожд. Пари (1780-е — 1845), впоследствии столоначальник департамента народного просвещения.

¹⁶ ...**приверженец Голубого цвета** — По-видимому, намек на цвет жандармского мундира: отец Е. П. Балабина, П. И. Балабин с 16.11.1826 г. по 10.02.1832 г. состоял начальником 1-го округа особого корпуса жандармов Ср. стихотворение «Голубой цвет (Эмблема верности)», сохранившееся в архиве Олениных:

Он обещен, милый цвет!
Не верю я очам:
Возможно ль?.. Верности завет
Чернит подлец-жандарм...
Любви моей святой кумир,
До гроба, до конца —
Что вижу? — избран на мундир
Наушника-льстеца...

(Полный текст в кн.: Прийма Ф. Я. Ук. соч., с. 233).

¹⁷ **Иван П(етрович) Б(алабин)** — Балабин Иван Петрович, брат Е. П. Балабина (см. примеч. №№ 15 и 16); впоследствии женат на Наталье Сергеевне Уваровой (7.02.1821—13.01.1841), родной сестре Александры Сергеевны; в 1850-е — 1860-е гг. — предприниматель.

¹⁸ **Феодор ххх В** — по-видимому, поклонник А. С. Уваровой («осажденной героини»), офицер; установить его личность не удалось.

¹⁹ **Так в ненастные дни...** ...Занимались они Делом — А. А. Оленина перефразировала известное стихотворение А. С. Пушкина «А в ненастные дни» (1828), посвященное карточной игре. В пушкинских стихах, по собственному признанию поэта, воспет тот «образ жизни», которого он держался в обществе Н. Д. Кисслева, А. А. Оленина, С. Г. Голицына и др. летом 1828 г. (см. письмо А. С. Пушкина к П. А. Вяземскому от 1.09.1828). Позднее это стихотворение было использовано в качестве эпиграфа к повести «Пиковая дама», опубликованной в марте 1834 г. в «Библиотеке для чтения». Заметим, что рассказ Томского о трех картах, которые были сообщены его бабушке Сен-Жерменом в 1-й главе «Пиковой дамы», восходит к С. Г. Голицы-

ну, внуку Н. П. Голицыной, послужившей Пушкину прототипом Старой графини ***. В музее «Приютино» хранится карикатура неизвестного художника, исполненная 2 октября 1824 г. в Приютино, с позднейшим пояснением В. А. Олениной: «Пляска со смертью княгини Натальи Петровны Голицыной, прозванной la Princesse moustaché (*усатой княгиней*), которая, проживши до 102 лет, в жестокой была претензии на провидение за несправедливость, давши ей прожить так мало».

²⁰ **Начать ли со страха Д(митрия), чтоб я голову не сломила, поехав на нееженной лошади** — Имя Дмитрия Петровича Волконского восстанавливается по заключительной фразе «Были» (см. ниже):

«В тот день Ал(опеус) принес мне мундштук, который предназначался для моей лошади; этот мундштук доставил немало неприятностей Дмитрию».

²¹ **Репетиции шли** — Речь идет о репетициях пьесы «Хороша и Дурна и Глупа и Умна».

²² **...у нас** — То есть у Олениных.

²³ **...отправился в Царское** — Л.-гв. Гусарский полк квартировал в Царском Селе.

²⁴ **...наш бедный песик** — Речь идет о гр. Алопеусе. Ср.: «Не по шерсти *собаке* имя дано, а быть бы ему царем Давидом».

²⁵ **Его дядя** — По-видимому, речь идет о бароне Бенкстерне, подписавшем 4 ноября 1834 г. шуточный договор, составленный членами приютинского кружка (см. ниже). Возможно, гр. Алопеус находился в родстве и с Блудовыми: гр. Ф. Д. Алопеуса (см. «Моп готан») называет своим «племянником» А. Д. Блудова.

²⁶ **«А известно ли вам, что это не доставляло ему удовольствия?»** — Реплика Константина Прохоровича, роль которого играл Д. П. Волконский

²⁷ **мадам Уварова** — Уварова Екатерина Алексеевна, рожд. гр. Разумовская (1783—14.07.1849), дочь министра народного просвещения гр. А. К. Разумовского (12.09.1748—5.04.1822), жена С. С. Уварова, мать А. С. Уваровой

²⁸ **...ваша бесподобная маменька** — Блудова Анна Андреевна, рожденная кж. Щербатова (р. 1.06.1777), жена Д. Н. Блудова, мать А. Д. и Л. Д. Блудовых.

²⁹ **Аннет** — Имется в виду Анна Тимофеевна Домрачевева.

³⁰ **Мысль о предстоящем отъезде в Доберан** — В «Прибавлениях» к Санкт-Петербургским ведомостям от 29 и 31 мая, а также 5 июня 1834 г. в списках отъезжающих за границу значилась «Двора Ее Императорского Величества Фрейлина Анна Алексеевна Оленина; при

ней служительница Настасья Ильина Медведева»: А. А. Оленина отправилась морем до Травемюнде (по-видимому, на пароходе «Николай»), а затем через Любек — в Доберан, город в великом герцогстве Мекленбург-Шверин, известный своими железистыми источниками и купаниями в местечке Гейлигендамм на берегу Балтийского моря. «Мы знаем, — писал А. Н. Оленин дочери 6 июля 1834 г., — что эта поездка может тебя избавить от больших страданий, исцелить от несносной болезни, а разлука с тобою все очень тяжела, как ни рассуждай — вот настоящее себялюбие... egoism... но что делать?» (РО РНБ, ф. 542, е. х. 943, л. 3). В путешествии А. А. Оленину сопровождала С. Б. Полторацкая (см. Дневник, примеч. № 99).

³¹ ...сабля **Феодора** — сабля гр. Ф. Д. Алопеуса.

³² ...ошипали петуха — Гусарские офицеры при вицмундире носили шляпы с султанами из петушиных перьев.

*Небылица, которая может сбыться.
(Написана Антониной)*

³³ Рукопись хранится в РО РНБ, ф. 542, е. х. 938. Тетрадь в обложке сероватой бумаги с тисненой каймой цветочного орнамента. Составляет из нескольких частей: первая часть написана по-французски в Павловске 4 октября 1834 г. Антониной Дмитриевной Блудовой (см. Дневник, примечание № 296). Вторая часть написана по-русски А. А. Олениной в Приюгине и датирована 6 октября 1834 г. Отдельно прилагаются Variantes (Варианты), написанные А. А. Олениной в Петербурге и датированные ею 3 ноября 1834 года. Действие перенесено в будущее; события первой части происходят через двадцать лет — в 1854 г., события второй — спустя еще шесть лет, т. е. в 1860 г.

К числу вариантов «Небылицы» принадлежит также сочинение гр. А. Д. Блудовой, «Mon Roman» (РО РНБ, ф. 542, е. х. 937), датированное 6 ноября 1834 г. и выдержанное в этом же жанре.

Наброски к «Небылице» содержатся также в тетради с незавершенной рукописью «Романа нашего времени» (РО РНБ, ф. 542, е. х. 935, л. 151-158), над которым А. А. Оленина работала в 1831.

³⁴ ...вы с Лидией... — Лидия — Блудова Лидия Дмитриевна (см. Дневник, примеч. № 296)

³⁵ ...ее муж будет непременно во фраке... — предсказание сбылось: муж гр. Л. Д. Блудовой (с января 1837) Егор Иванович Шевич (р. 1808) был офицером Л.-гв. Гусарского полка, но вышел в отставку в 1842 г. в чине полковника.

³⁶ ...ваш муж — на службе (генерал-адъютант). — предсказание не сбылось: Ф. А. Андрю в чине полковника Л.-гв. Гусарского полка был уволен от службы 30 января 1842 г. по домашним обстоятельствам с переименованием в статские советники.

³⁷ **Небольшого роста генерал с пышными усами...** — имеется в виду гр. Ф. Д. Алопеус.

³⁸ **Ваша пятнадцатилетняя старшая дочь...** — в действительности старшей дочери Анны Алексеевны в 1854 г. было 12.

³⁹ ...сын генерала (гусарский юнкер), которому на 2 или 3 года больше... — установить, был ли у гр. Ф. Д. Алопеуса сын, не удалось; во всяком случае, в лейб-гусарах сын гр. Алопеуса не служил.

⁴⁰ ...дочь Лидии, одиннадцати или двенадцати лет... — У гр. Л. Д. Блудовой, в замужестве Шевич, были сыновья Дмитрий, Иван и Сергей.

⁴¹ ...в тихом омуте президенты водятся — Президент (praesidens, — entis) — председательствующий, глава (лат.). Здесь, по-видимому, в значении «заводила».

⁴² **Наша маленькая Аннет...** — речь идет о племяннице автора, воображаемой дочери гр. Лидии Дмитриевны Блудовой, имя которой дано, очевидно, в честь Анны Алексеевны Олениной.

⁴³ ...да зато как хороша ваша Лизанька! — речь идет о воображаемой старшей дочери Анны Алексеевны, которая, по мысли автора, должна была получить имя в честь Елизаветы Марковны Олениной. В действительности она получила имя Александра — вероятно, в память гр. Александра Федоровича Ланжерона, деда по отцовской линии.

⁴⁴ ...Марфа Федоровна — Коханеева Марфа Федоровна, кузина А. А. Олениной. См. Дневник, примечание № 215. Изображена на акварели Ф. Солнцева «Гостиная в Приютино. 26 мая 1834 года».

⁴⁵ ...моей тетей Шишкиной... — Шишкина Олимпиада Петровна (1791—1854), фрейлина вел. кн. Екатерины Павловны, троюродная сестра Д. Н. Блудова, писательница: автор исторических романов «Князь Скопин-Шуйский или междуцарствие в России» (1835), «Прокопий Ляпунов или междуцарствие в России» (1845), а также «Заметок и воспоминаний русской путешественницы по России в 1845 г. (СПб., 1848).

⁴⁶ ...полковник артиллерии (фи, уже давно генерал, поправляет Аннет), вернувшийся с Кавказа, где он провел более восемнадцати лет. — Гр. А. Д. Блудова оказалась прозорливее, чем А. А. Оленина: в 1854 г. В. А. Савельев служил инспектором в Михайловском кадетском корпусе в Воронеже в чине полковника.

⁴⁷ ...о герцоге де Перолава, которого только что назначили послом его католического величества в Санкт-Петербурге; он только что унаследовал титул своего умершего брата... — речь идет о Ж.Дамето: очевидно, «герцог де Перолава» — титул его брата.

⁴⁸ ...в **Большой Морской** — речь идет о двухэтажном доме Олениных на Большой Морской, приобретенном 20 октября 1830 года; в 1834 г. он был отдан «дарственной записью» А. А. Олениной и предназначен ей в приданое. Он обошелся Олениным в 150 000, «в уплату коих употреблено собственного Анны Алексеевны капитала, подаренного Агафоклеею Александровной Полторацкой, 20 852 р». (РО РНБ, ф. 542, е. х. 615, л. 11). Оленины занимали в своем доме квартиру «в Первом этаже на Морскую и флигеле на дворе» (там же, л. 14 об.). Современный адрес — Большая Морская, № 48 (в 1879 г. дом был надстроен). В 1854 г. дом принадлежал гр. А. С. Уварову.

⁴⁹ ...**странностей старой девы**. — Предсказание сбылось: гр. А. Д. Блудова замуж не вышла.

⁵⁰ ...**вдова Анна Тимофеевна** — имеется в виду Анна Тимофеевна Домрачевая. См. «Быль», примеч. № 5.

⁵¹ ...его сын **Владимир, гусарской штаб-ротмистр**. — См. примеч. № 7.

⁵² ...**контрданс**... — англ. country dance — английский народный танец, возникший в 17 в., живой и подвижный по характеру; позднее — групповой бальный танец установленной композиции, послуживший, в свою очередь основой для возникновения кадрили.

Музыкальный размер — 2/4 и 6/8.

⁵³ ...**попурри**... — фр. pot-pourri — «пляска, танец, составленный из разных плясок» (В. И. Даль).

⁵⁴ ...**Ищем мы утех иных** — Искаженная цитата из стихотворения Г. Р. Державина «К первому соседу» (1780). В оригинале:

Непостоянство доля смертных,
В премежах вкуса счастье их;
Среди утех своих несметных
Желаем мы утех иных.

⁵⁵ ...**играли в вист**... — вист (англ. whist) — род карточной игры.

⁵⁶ ...у **графини Васильчаковой**. — Вероятно, у гр. Т. В. Васильчиковой. См. Дневник, примеч. № 58.

⁵⁷ ...я **обещала Балабину**... — По-видимому, речь идет о воображаемом сыне Евгения Петровича Балабина, в 1834 г. безуспешно «примеривавшегося в влюбленные» к Анне Алексеевне (см. «Быль», примеч. № 15).

⁵⁸ Тебе было бы сумасшествие стараться выйти замуж за человека тремя годами моложе тебя, без состояния и разной веры. — Из этих слов явствует, что в 1834 г. гр. Ф. Д. Алопеус добивался руки Анны Алексеевны.

⁵⁹ ...А(нна) А(лексеевна), которую все звали Анетотской, играла в Приютине пьесу «Хороса и дурна»... — Речь идет о постановке на приютинской сцене в 1834 г. комедии «Хороша и дурна, и умна и глупа», в которой Анна Алексеевна исполнила роль Наденьки.

⁶⁰ ...Лизавета ###... — здесь знак ### заменяет собою отчество Лизы: Анна Алексеевна не рискует загадывать имя своего будущего мужа.

⁶¹ ...он взял шляпу — Офицерские шляпы (напомним, что Владимир — штаб-ротмистр) были отменены к 1845 г.

⁶² ...Аткинсону — Речь идет, по-видимому, о сыне Василия Яковлевича и Екатерины Францевны Аткинсон (см. Дневник, примеч. № 249), которому в 1834 г. было четыре года.

⁶³ ...ритурнель... — (фр. ritournelle) — инструментальный эпизод, исполняющийся в начале и в конце каждой строфы песни, романса, арии и т. п.

⁶⁴ ...в пьесе Принца с Хохлом и большим Горбом... — речь идет, очевидно, об инсценировке сказки Шарля Перро «Рике с хохлом» («Рике-хохол»). Сказки Ш. Перро под заглавием «Волшебные сказки, или приятное занятие от нечего делать, из которых взяты оперы и балеты, представляемые в Императорских театрах», были изданы в Москве в 1825 г.

⁶⁵ ...надеюсь, что и дочь моя будет в батюшку, с черными глазами, вы знаете, я белобрыхых не люблю... — этим надеждам Анны Алексеевны не суждено было сбыться: по свидетельству О. Н. Оом, «муж Анны Алексеевны был видный, красивый, голубоглазый блондин...»

⁶⁶ ...зеленых, серых, голубых (цвета английских чашек) — речь идет, вероятно, об английском фарфоре и фаянсе 1830-х гг. с печатным однотонным рисунком. При реставрации главного господского дома в Приютине в 1979 г. были найдены осколки такого фаянса с зеленым рисунком. Не исключено, впрочем (если уточнение «цвета английских чашек» относится лишь к слову «голубых»), что А. А. Оленина имеет в виду голубые с белым рельефом чашки знаменитого завода «Эттрия», основанного Дж. Веджвудом.

⁶⁷ ...чтоб мой милой, умной Валериан в 18 лет не дослужился бы до Генеральского чина — Речь идет о В. А. Савельеве (см. выше, примеч. № 14).

⁶⁸ ...любезного вам племянника... — имеется в виду Федор Давыдович Алопеус. В дальнейшем и сама А. Д. Блудова называет гр. Ф. Д. Алопеуса «племянником» (см. «Моп готан»).

⁶⁹ ...ему уже 40 лет... — из этих слов явствует, что В. А. Савельев родился ок. 1814 г.

⁷⁰ ...из Рябово... — из имения Всеволожских. См. Дневник, при-меч. № 260.

⁷¹ ...ездила с Анетой... — имеется в виду Анна Тимофеевна Домра-чеева.

⁷² «Придет твоя пора, придет твоя пора» — слова из куплетов На-деньки (РО РНБ, ф. 542, с. х. 892):

Придет твоя пора, любезная подружка,
Когда не будешь ты беспечна и востра;
Уж не займет тебя ни кукла, ни игрушка:
Придет твоя пора!
Тра, ла, ла, ла...

Придет твоя пора, когда твое сердечко
Не даст тебе заснуть всю ночь до утра;
И ты отдашь дружку сердечко и колечко:
Придет твоя пора!
Тра, ла, ла, ла...

⁷³ ...Вигель... — Вигель Филипп Филиппович (12.11.1786—20.03.1856) — чиновник Московского архива Коллегии иностранных дел, вице-директор и директор Департамента иностранных вероисповеданий (1829-1840), автор «Записок» с воспоминаниями об Олениных. В своих «Записках» А. Д. Блудова вспоминала: «Вот и черные, как смоль, раскаленные как угли, глаза Вигеля, которого раздражительность и негодование на меня в детстве я узнала только по его запискам, помню ж я его, как частого посетителя, хорошего приятеля всех Арзамасцев и друга нашего дома, с табакеркой в руках...» («Воспоминания и записки гр. А. Д. Блудовой». — «Заря», 1871, кн. 3, отд. 1, с. 27).

⁷⁴ ...Вигель сплетничал... — Ф. Ф. Вигель был знаменит своим злоязычием. В своих мемуарах он отзывался об Олениных вполне благожелательно, но В. А. Оленина замечает по этому поводу: «Его похва-ла пуше брани» (РО РНБ, ф. 542, с. х. 877, л. 32).

⁷⁵ ...не смею подумать, что было бы следствием этой истории... — Анна Алексеевна предугадала тяжелый характер своего будущего мужа, Ф. А. Андрю.

⁷⁶ ...**Анна Андреевна...** — А. А. Блудова (см. «Быль», примеч. № 26) не дожила до описываемых событий: она скончалась ранее — 6.02.1848.

⁷⁷ ...**в семье Блудовых есть и Кирик и Улита** — Кирик и Улита — сын и мать, христианские мученики (III — начала IV вв.; день их памяти — 15 июля). По-видимому, в этой фразе содержится неясный намек на сложность семейных отношений.

Mon Roman
(Мой роман)

*Commencé par Annette. Achevé par Moi*¹
(Начато Аннетой. Окончено мной)

Ce 6 Novembre 1834.
(Сего 6 ноября 1834)

Variantes.
(Вариации)

«Пришла твоя пора, tra-la-la-la!» — мурлыкала Анна Алексеевна, возвращаясь домой 16-го Октября 1842-го года, и, взойдя в свой кабинет, забыла даже посмотреть, пристали ли ее лицу немного разтрепанные от сырой погоды кудри, так она была занята вечером, проведенным у Анны Андреевны. Погода, как я уже сказала, была сырая, не смотря на толстую **ватку** салопы, Аннет передрогла и, бросившись на кресла подле камина, протянула ноги ближе к огню и оперлась рукой на ручку кресел, так что вышеупомянутые полуразвитые волосы падали на **Рафаелеву ручку**². Вдруг Аннет вскочила, кто-то прошептал ей на ухо:

«Озябла маленькая ножка
Развился локон золотой»³

Tu ne diras pas au moins que tu aies un mari jaloux qui caricature les vers de son rival» (По меньшей мере ты не сможешь сказать, что у тебя ревнивый муж, который пародирует стихи своего соперника).

Аннет засмеялась и покраснела!! «Ce que c'est que les mauvaises habitudes» (Вот чего стоят дурные привычки).

«Где ты была сегодня?»

«Уж эти мне дежурства!»

Признаться, ея муж ужасно часто дежурил! А она между тем кокетничала с Дмитрием Волконским, с Вигелем, с Крыловым, с Полетикою⁴, с Шиллингом и с Поди сюда (нрзб)⁵.

«Уж эти мне дежурства!»

Аннет опять покраснела, ей было хотелось рассказать мужу, что ея занимало, да она вспомнила *Son régime* (*свое правило*) не говорить об таких делах с ним, буде все мужчины болтуны, насмешники, негодяи и не могут понять важность ни какой тайны, кроме их глупых Государственных секретов. Итак бедный +++⁶ довольствовался ея насмешками над Вигелем и известием, что она познакомилась с Михайлом Ивановичем. +++ и не подозревал, что она от него скрывает то, что ея больше всего занимало *roug le moment* (*в эту минуту*).

Не знаю, хорош ли ея *régime* (*обычай*)?

На другой день часу в двенадцатом вечером Аннет прекрасно убранная в свежем *élégant* (*изящном*) бальном платье с открытым романом перед нею на столе сидела в том же кабинете, поглядывая то на часы, то на белыя как снег атласные башмаки, и думала: «Что же он не едет? Я нарочно не надела теплых башмаков...» Тут принесли Аннете записочку от мужа, он задержен делами службы и не может с нею ехать на бал: «Как досадно!» — подумала она и чуть было не решилась остаться дома, но она знала, что Антонина Дмитриевна будет на этом бале, и решилась отправиться продолжать свои примечания за ея возростающей страстию. Входит в залу: что за чудо! только первый час, а мазурку уже начали⁷; что за диво! в первой паре Михайл Иванович +++ *le fashionable par excellence* (*светский лев*) танцует... с кем бы Вы думали... Аннет не верит глазам своим... с Антониной Дмитриевной! Не одна Анна Алексеевна удивилась! Уже с год назад Антонина Дмитриевна перестала танцовать, говоря, что довольно давно прыгает и что это ей наскучило; об этом заговорили, ибо она еще не дошла до тридцатого дня рождения, и находили, что она хочет казаться странною, принимает на себя вид *bas bleu* (*синий чулок*), думает тем скорее найти себе мужа, который влюбится в степенный вид и не будет бояться, что женился на вертушке; но увидите, если она только выдет замуж, так

тот час станет играть ролю молодой жены, elle jouera l'ingénuité et sera d'une étourderie charmante» (*будет играть во- площение наивности и очаровательной взбалмошности*). Другие же, подбробнее, говорили, что она никаких прожектов не делает и просто сама почувствовала, что пора ей уgomониться; она, дискать, и с начала своего дебюта никогда не имела много кавалеров. Только одну зиму какой-то флигель-адъютант⁸ да маленький камеръ юнкер⁹ об заклад бились вместе, кто у ко- го ея отобьет, но всему конец на этом свете, им это скоро наскучило, et le combat finit faute de combattants» (*и сражение окончилось за отсутствием противников*). С тех пор она всегда просиживала половину балов, и только два-три контреданса протанцовывала с кавалерами, которых Анна Алексеевна +++ или Лидия Дмитриевна +++ присылали ей — так она и почувствовала, что лучше самой отказаться от танцев, et faire bonne mine à mauvais jeu (*и делать хорошую мину при плохой игре*). Таким образом толковали об Антонине Дмитриевне, по- толковали месяца два, три, а там перестали. Но теперь в это несчастное 17-ое Октября все толки начались опять и пуще прежняго; да было об чем и толковать!

«Вы знаете, Анна Алексеевна, как искренно я желаю видеть счастливою Антонину Дмитриевну, — сказала одна старушка, — она такая добрая, милая да кажется не глупа, а как себя ведет!» «Помилуйте, — отвечала Анна А(лексеевна), вспыхнув, — что тут такого дурного, что она танцует, она еще не так стара: посмотрите на Софью Николаевну К(арамзину)¹⁰. Как она тяжело летит в мазурке уж не пташкой, а каким-то вороном. И Аннет стало жаль, что она так ветренно напала на добрую Софью Н(иколаевну), но старушка разсердила ея тем более, что Аннет сама чувствовала, что ея приятельница в самом деле заставляла над собой смеяться.

«Какое безстыдное кокетство!» — вскричала толстая старая Княгиня +++, подходя к Аннетеной соседке. — Уж я не знаю, в кого влюблен мой племянник! С нынешнего лета он с ума сошел, то сватается к Браницкой¹¹, ну, она богата, то влюблен в Графиню Литту (Sophie R(нрзб)¹², то в Воейкову (Alexandrine)¹³, то в Захаржевскую¹⁴, в Царском Селе с ума сходил от Белосель-

ской¹⁵, а теперь весь день проводит у Блудовых и вздумал с ней танцевать. Эти мне старые кокетки! Нет на свете несноснее тварей! и право по-моему лучше бы...». Аннет не слыхала остального, потому что один из тех франтов, которые не танцуют с одной дамой, для того чтобы все выбирали их, подлетел к ней. «Comment madame, vous êtes ici? Ne voudriez-vous pas m'accorder le reste de cette mazourka?» (*Как, мадам, вы здесь? Позвольте пригласить вас на конец этой мазурки.*) И они сели в последнюю пару. Аннет рассеянно слушала своего кавалера, потому что хотя Антонина Д(митриевна) и в полголоса с своим разговаривали, однако кое-когда слова два — три доходили до нее: «Quand on aime bien!» — говорил Михаил Иванович с чувством. Не слышать было ответа. Antoinette повысила голос: «Comment voulez-vous qu'on compte sur votre constance?» (*Как, по-вашему, можно полагаться на ваше постоянство?*) — она это сказала тронутым голосом, и слезы навернулись в ее глазах. Он что-то отвечал с жаром, но Аннета была принуждена отвечать на вопрос: «Où ou non?» (*Да или нет?*)¹⁶. Она встала, сделала круг и, когда воротилась, услышала слова: «Vous êtes un ange!» (*Вы — ангел!*)

«Ах! — подумала она — cela va tambour battant» (*Дело принимает серьезный оборот.*)

Вскоре после выбрали ее Кавалера и Аннет слышала, как Граф Алопеус, подошедши к Антонине Д(митриевне), сказал ей смеючись: «Как же это, Тетушка, Вы танцуете? Третьяго дня Вы не хотели со мной танцевать, а сегодня с ним танцуете? Это не хорошо!»

«Не Ваше дело, Г-н племянник, — отвечала она тоже смеясь, но немного покраснев, — займитесь лучше женой Вашей, сударь; смотрите, как она хороша и мила, и на Вас посматривает, того и гляди придет Вас выбирать».

«Так нет мне спасения, кроме бегства — не умею еще ни в чем ей отказать, как ни стараюсь, вот уже шесть лет!» И пошел к другой стороне Круга, откуда ему виднее было свою Машу¹⁷, и они начали из под тишка перемигиваться. «Как они милы, — сказала Антонина Д(митриевна) своему Кавалеру, — и до сих пор сушья дети, хотя ему 32-й год, а ей лет 25». Антонина

Д(митриевна) была так занята или разговором своим или своими мыслями, что только когда Аннет начала в свою очередь делать фигуру, она заметила, что ея милая Аннет тут, она вскочила, крепко пожала ея руку, вспыхнула, потупила глаза и с немногим замешательством спросила: «Давно ли ты здесь?». Аннет не утерпела, чтоб не бросать на нее значительный, весьма значительный взгляд; и отвечав: «С пол часа» — пошла, выбрала двух дам, дала им имена¹⁸ и хотела подвести к Михайлу Ивановичу, но одна из них сказала ей: «Oh, ne les dérangez pas, ils sont occupés — ce serait cruel!». (*О, не разлучайте их, они заняты друг другом — это было бы жестоко!*) Она отвечала: «Quelle idee!» (*О чем вы говорите!*) — и подвела их к нему, он пошел танцевать с одной из них. Анна А(лексеевна) подвела другую к его Соседу, а сама воротилась на свое место и слышала, как Андрей Дмитриевич, Гуссарский офицер с крашенными усиками¹⁹, говорил с Сестрою: «Tu es folle, Antoinette! Tu fais causer tout le monde dans la salle!» (*Ты с ума сошла, Антуанетта! Ты заставляешь всех в зале судачить о себе!*) «Laisse-moi faire, mon cher ami, je suis en âge de raison» (*Позволь мне, друг мой, поступать так, как я нахожу нужным. Я уже достигла сознательного возраста*).

«Mais songe donc qu'on dit...» (*Но подумай, что будут говорить...*).

«Et mon Dieu! laisse les dire et ne te mêle pas de mes affaires, il y a longtemps que je suis fille majeure» (*Да Бог мой! Пусть себе говорят, не вмешивайся в мои дела. Я уже давно совершеннолетняя*).

Михайл Иванович воротился, и Андрей Дмитриевич отошел с недовольным видом. Кончилась мазурка, глаза Антонины Дмитриевны блистали радостью, она была почти хороша. Михайл Иванович хотел было сесть на пустой стул подле нея, но Княгиня, его Тетка, позвала его: «Помилуй, Мишель! что с тобою? Не ужели ты хочешь смеяться над Блудовой? ведь у нея двое братьев, а меньшей такой забияка!»²⁰

«Смеяться над ней, тетушка! Мне над ней смеяться? да вы не знаете, как я ея почитаю, как я ея люблю...»

«Ах, ради Бога, Michel! не говори таких глупостей».

«Право, тетушка, не знаю, почему Вы вечно сердитесь, когда я хочу жениться?»

«Нет, право, это уж было бы нестерпимо; пожалуй, женись на ком хочешь, согласишься только отстать от этой несносной **basbleu**, и я обещаю тебе, что сегодня же, как ворочусь домой, уговорю отца твоего позволить тебе жениться на ком угодно, кроме *cette horrible pédante qui joue la supériorité sur tout l'univers qui est une méchante langue, qui fait l'originale et qui s'est rendue si complètement ridicule ce soir que l'idée d'une nièce de cette espèce me donne le frisson*» (*этой ужасной педантки, разыгрывающей превосходство над всем и вся, с ее злым языком и претензией на оригинальность, ставшей таким посмешищем в этот вечер, что при мысли о подобной племяннице у меня мороз по коже пробегает*).

«Тетушка, не заставляйте меня забыть почтение, которое я к Вам должен иметь, или сказать...» — он крепко стиснул губы и ушел в другую комнату. Антонина Дмитриевна следовала за ним глазами и предложила Аннете походить по комнатам.

«Я так давно не танцевала, — сказала она, как бы извиняясь за желание проходиться, — что эта мазурка бросила меня в ужасный жар». В самом деле у нея щеки горели. Оне пошли под руку в другую гостинную: Барон Икскуль²¹ подошел к Аннет и начал что-то болтать, но Аннет почувствовала, что рука, которая лежала на ее руке задрожала и Михайл Иванович почти шепотом сказал: «Антонина Д(митриевна), Je suis décidé, ce soir même je ris que tout — Cela ne peut pas durer comme cela» (*Я решил, сегодня же вечером я испытаю свой жребий. Это не может так продолжаться*), — и пропал.

Антонина Д(митриевна) скоро нашла, что в этой комнате еще жарче, пошли в другую, в третью, воротились в залу — Антонина Д(митриевна) все что-то искала, а Михайла Ивановича нигде не было. Подошел Виктор Балабин, он ни на вершок не вырос, но немного потолстел и как будто под этой тяжестью еще скривились ноги его.

«Знаете ли, Mlle Bloudoff, — сказал он, — что Ваша приятельница Mlle Alexandrina Voeukoff, говорят, нынче воротилась из Дерпта?»

— «Нет, я не знала».

— «Il paraît qu'elle vous boude! Aussi quelle trahison que d'enlever les adorateurs de ses amies» (*Кажется, она на вас дуется. Какое коварство — отбивать поклонников у своих подруг!*).

— «La plaisanterie peut être très bonne, mais je ne vous comprends pas» (*Возможно, ваша шутка очень остра, но я вас не понимаю*).

— «Est-ce vrai que Mlle Voyekoff et Michel +++ se sont tout a fait brouillés à Derpat? Il y avait là un autre prétendant, un M. Krudner qui a autrefois servi au Preobrajensky» (*Но правда ли, что м-ль Воейкова и Мишель +++ окончательно повздорили в Дерпте? Там был другой претендент, некий г-н Крюднер, служивший прежде в Преображенском²²*).

Антонина Дмитриевна еще больше смешалась: «Je ne crois rien de tout ce que vous nous contez la, mais je suis persuadée qu'il n'y a jamais eu rien de sérieux entre Alexandrine et Mr +++ . Il lui a fait la cour comme il la fait a tout le monde, voila tout» (*Я этим вашим сказкам не верю, но я убеждена, что между Александрин и господином +++ никогда ничего серьезного не было. Он ухаживал за ней не более чем за другими, вот и все*).

— «Je ne dispute pas, ⟨нрзб⟩ vous devez en être mieux instruites» (*Не стану спорить, вы, должно быть, об этом лучше осведомлены*). И улыбаясь значительно, он отошел.

«Il est toujours le même insupportable fat qu'autrefois!» (*Он все такой же несносный фат, каким был всегда*) — вскричала Ант(онина) Д(мириевна) с досадой. Лидия пришла сказать ей, что пора ехать и посмотрела, улыбаясь, на Аннету, которая тоже улыбнулась.

Два дни после ранее обыкновенного поутру Анна Алексеевна получила следующую записку, наскоро написанную: «Ma chère Annette, ma bonne, ma charmante amie, enfin je puis vous tout dire, vous tout raconter. Je suis si heureuse! de grâce venez vite! Qu'avez-vous dû penser tout ce temps de votre pauvre Antoinette! Mais maintenant je n'ai plus rien à vous cacher! Venez donc, je vous attend et vous trouverez **du monde** chez nous. Venez!» (*Моя дорогая Аннета, добрая моя, милая моя подруга, наконец я могу вам все сказать, все поведать. Я так счастлива! Ради бога, приезжайте скорее! Что должны вы были думать все это время о вашей*

бедной Антуанетте! Но теперь мне нечего от вас скрывать! Приезжайте же, я вас жду, и вы найдете у нас некое общество. Приезжайте).

«Скорее закладывать карету», — вскричала Анна Алексеевна и в нетерпении то мяла бумагу, то снова перечитывала ее. «Куда как понятны записки влюбленных», — подумала она и, припевая refrain (*припев*) «**Пришла твоя пора!**» — села в карету. Она посмотрела на дом, подъезжая к нему. Лидия, с красными от слез глазами, но с улыбкой удовольствия стояла у окошка и разговаривала со старою Княгинею. У дверей стояла прекрасная шегольская колязочка, в передней военная шинель и несколько дамских салопов. Антонина Дмитриевна выбежала к ней в прихожую. «A vous, Annette que vous m'avez crue folle ou au moins bien ridicule hier, mais j'avais besoin de parler à part et longuement à Michel et je n'ai pas trouvé de meilleur moyen que de danser avec lui, je sais que j'étais la risée de toute la ville et qu'on m'accuse d'enlever un adorateur à mon amie, j'en ai bien souffert toute cette longue nuit blanche que j'ai passée car même à présent je ne suis pas indifférente à d'aussi indignes soupçons. Mais il a bien fallu en passer par là pour raccommo-der deux fous qui allaient faire leur propre malheur dans un moment de dépit. Venez donc» (*А вы, Аннета, какой безумной, или, скорее, смешной могли вы считать меня вчера, но мне был необходим серьезный разговор с Мишелем наедине, и я не нашла для этого более удобного случая, чем во время танца с ним. Я знаю, в глазах всего света я была смешной, и меня обвиняют в том, что я отбиваю поклонников у своей подруги. Я мучилась от этого долгую бессонную ночь напролет, поскольку даже сейчас мне безразличны такие недостойные подозрения. Но через это надо было пройти, чтобы примирить двух безумцев, которые готовы были стать навеки несчастными из-за минутной размолвки. Входите же*). И Annette увидела, что она все это время ошибалась, и приехала на помолвку Михайла Ивановича с Сашею Воейковой. Замешательства Антонины Дмитриевны теперь объяснились, она еще не потеряла дурную привычку **краснеть за других**, а похудела от того, что почти все лето была больна.

«Видишь, Андрюша, что я знаю, что делаю?»

«Ах! Antoinette, что теперь на тебя выдумают? скажут, что тебе не удалось только отбить жениха у Саши», — отвечал печально Гуссар.

«Ну, пусть их говорят», — сказала Антонина Д(митриевна) вздохнув, — **Мирская молва — морская волна**, ты знаешь», — прибавила она, улыбаясь, но слеза навернулась в ее глазах, и она крепко пожала руку брата.

Аннет это заметила и, увидев, что философия Антонины Д(митриевны) не дошла до той степени, чтобы совершенно быть равнодушною к общему мнению, она хотела ее развеселить и сказала:

«Помнишь ли 1-ое Апреля 1834-го Года — ведь ты нехотя сыграла надо мной ту же **штучку** (как сказал бы Емелиан) ²³.

Долг платежем красен²⁴.

Да что у меня за память! еще помню ролю Надиньки!²⁵»

В эту минуту вошла прекрасная молодая женщина с Гуссарским офицером. «Да вот и Алинской²⁶», сказала Лидия. «К счастью, все, что сегодня случилось, не **Комедия**», — прибавила Антонина Дмитриевна, развеселясь опять при воспоминании всех прошедших проказов.

Примечания

¹ Сочинение гр. Антонины Дмитриевны Блудовой, являющееся продолжением написанных А. А. Олениной «*Varientes Небылицы, которая может сбыться*»; этим объясняется помета автора «Начато Аннетой. Окончено мной». Рукопись представляет собою самодельную тетрадь в одну восьмую листа с водяными знаками «1834», «АО» и орнаментальной филигранью; сброшюрована при помощи голубой шелковой ленты (РО РНБ, ф. 542, е. х. 937). До настоящего времени авторами рукописи ошибочно считались Анна Алексеевна Оленина и Лидия Дмитриевна Блудова.

² **Рафаелеву ручку** — намек на стихотворение А. С. Пушкина «Ес глаза», где А. А. Оленина сравнивается с «ангелом Рафаэля».

³ **Озябла маленькая ножка,
Развился локон золотой**

— перефразированные строки из стихотворения А. С. Пушкина «Город пышный, город бедный...» («Бродит маленькая ножка, // Вьется локон золотой»). См. Приложение.

⁴ ...с **Полетикою** — Полетика Петр Иванович (15.08.1778—26.01.1849), чиновник Коллегии иностранных дел, посланник (с 1817) в Филадельфии, тайный советник; литератор, член общества «Арзамас». С 1825 г. и до смерти жил в Петербурге.

⁵ **Поди сюда (нрзб)** — вероятно, прозвище Ф. К. В. Криденера (см. «Биль», примеч. № 13), по мнению А. А. Олениной «*годящегося весьма на посылки*»; он включен в комический список тех, с кем, якобы, кокетничает в 1842 г. Анна Алексеевна: Д. П. Волконский (см. «Биль», примеч. № 7), пятидесятишестилетний Ф. Ф. Вигель, семидесятичетырехлетний И. И. Крылов, шестидесятичетырехлетний П. И. Полетика, пятидесятипятилетний П. Л. Шиллинг).

⁶ ...**бедный +++** — речь идет о муже Анны Алексеевны.

⁷ ...**только первый час, а мазурку уже начали** — Мазурка знаменовала собою кульминацию бала. См.: Лотман Ю. М. Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин». Комментарий. Л., 1983, с. 86—89.

⁸ **флигель-адъютант** — младшее свитское звание для штаб- и обер-офицеров армии и флота.

⁹ **камер-юнкер** — младшее придворное звание; в 1826 г. был установлен комплект камер-юнкеров из 36 человек.

¹⁰ ...**посмотрите на Софью Николаевну К(арамзину)**. Как она тяжело летит в мазурке уж не пташкой, а каким-то вороном — см. Дневник, примечание № 290.

¹¹ ...**Браницкой** — о ком именно идет речь, установить не удалось.

¹² ...в **Графиню Литту (Sophie R(нрзб))** — возможно, имеется в виду жена гр. Модильяни-Луиджи Литта, с 1831 г. секретаря австрийского посольства.

¹³ ...**то в Воейкову (Alexandrine)** — Воейкова Александра Александровна (1817—1893), дочь известного поэта, критика и журналиста Александра Федоровича Воейкова (1777—1839) и Александры Андреевны Воейковой, рожденной Протасовой (1795—1829), племянницы В. А. Жуковского.

¹⁴ ...**то в Захаржевскую** — по-видимому, речь идет о Елене Павловне Донец-Захаржевской, рожденной гр. Тизенгаузен (1804—1890). По словам ее племянника кн. С. М. Волконского, «la tante Lili» была «в молодости поразительно хороша, сохранила до старости величественную осанку и походку статуи командора». (Волконский С. М., кн. Разговора. СПб, 1912, с. 159).

¹⁵ ...в **Царском Селе с ума сходил от Белосельской** — по-видимому, речь идет о кн. Елене Павловне Белосельской-Белозерской, рожденной Бибиковой (1812—1888), падчерице А. Х. Бенкендорфа, жене кн. Эспера Александровича Белосельского-Белозерского (1802—1846).

¹⁶ ...**принуждена отвечать на вопрос: «Oui ou non?» (Да или нет?)** — речь идет об одной «из фигур мазурки: к кавалеру (или даме) подводят двух дам (или кавалеров) с предложением выбрать (...) В некоторых случаях выбор был сопряжен с угадыванием качеств, загаданных танцорами». (См.: Лотман Ю. М. Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин». Комментарий. Л., 1983, с. 86—89).

¹⁷ ...**откуда ему виднее было свою Машу** — речь идет о предполагаемой жене гр. Ф. Д. Алопеуса.

¹⁸ ...**выбрала двух дам, дала им имена** — см. примечание № 16.

¹⁹ **Андрей Дмитриевич Гуссарский офицер с крашенными усиками** — речь идет о гр. Андреасе Дмитриевиче Блудове (30.03.1817—1.04.1885). По окончании Петербургского университета гр. А. Д. Блудов вступил в военную службу; в 1848 г. определен в ведомство министерства иностранных дел. Скончался в Брюсселе в должности посланника.

²⁰ ...**ведь у нея двое братьев, а меньшей такой забияка!** — «меньшим» братом гр. А. Д. Блудовой был гр. Вадим Дмитриевич Блудов (р. в 1819).

²¹ **Барон Иксуль** — по-видимому, речь идет о бароне Александре Карловиче Иксуле (10.11.1805—21.04.1880). По окончании Царско-сельского лицея (выпускник IV курса, 1826) барон А. К. Иксуль служил переводчиком в канцелярии Главного морского штаба. Камер-юнкер, впоследствии камергер. Почетный вольный общник Академии художеств (1832).

²² г-н Крюднер, служивший прежде в Преображенском ...другой претендент, некий г-н Крюднер — См. «Быль», примеч. № 13. В 1842 г. Ф. К. В.Криденер служил капитаном в Л.-гв. Преображенском полку.

²³ ...штучку, как сказал бы Емелиан — реминисценция из комедии «Хороша и умна, и дурна и глупа»:

Емельян. (...) У меня в голове есть одна штучка-с!

²⁴ «Долг платежем красен!» — реплика Наденьки из комедии «Хороша и умна, и дурна и глупа».

²⁵ Еще помню ролю Надиньки — речь идет о роли Наденьки из комедии «Хороша и умна, и дурна и глупа». Рукописный текст этой роли сохранился в архиве Олениных (РО РНБ, ф. 542, с. х. 892).

²⁶ В эту минуту вошла прекрасная молодая женщина с Гуссарским офицером. «Да вот и Алинской» — речь идет о гр. Ф. Д. Алопеусе, исполнителе роли Алинского в комедии «Хороша и умна, и дурна и глупа».

Шуточный договор между членами приютинского кружка

Лета от Рождества Христова 1834-го Ноября 7-го дня.

Мы нижепоименованные обещались и клялись Г-же Статской Советнице Александре Княж-Андреевой дочери жене Олениной и ея Супругу Алексею Алексееву сыну Оленину, что буде мы еще будем обретаться в живых, то непременно и неизменно чрез 19 лет 6 месяцев и 8 дней, т. е. будущего 1854-го года Маия 15-го дня, приедем или придем или иным образом прибудем в Мызу так называемую Приютино¹ или замок, если таковой будет построен, для учинения разных плясок и забав; а если, паче чаяния (чего впрочем Боже упаси), кто не в силах будет в оных забавах и плясках участвовать, то представляется оным лицам требовать приличного угощения яствами и питием, с уговором, особенно женскому полу, не быть под-чефе² в чем и подписуемся на обороте: **Анна Блудова**, фрейлина **Оленина**, **Д.Блудов** за незнанием грамоте поставил крестик +, фрейлина **А.Блудова**, фрейлина **Лидия Блудова**, барон **Бенкстери**³, граф **Федор Алопеус**, **Валериан Савельев**.

Сие условие в домовый г. Оленина конторе явлено и в книжку под №11112-м записано. Ноября 8 дня 1834 года.

Конторщик **Никифор Трусов**⁴.

Примечания

Рукопись хранится в РО РНБ, ф. 542, №949. Договор написан на листе бумаги с водяным бордюром и таким же вензелем «А. О.» Под текстом договора собственноручные подписи участвовавших и 8 сургучных печатей с гербами подписавшихся. Договор составлен на четвертый день после окончания А. А. Олениной вариантов «Небылицы».

¹ ...непрерывно и неизменно чрез 19 лет 6 месяцев и 8 дней, т. е. будущего 1854-го года **Маия 15-го дня, приедем или придем или иным образом прибудем в Мызу так называемую Приютино** — этому намерению не суждено было сбыться: в марте 1841 г. Приютино было продано надворному советнику доктору Ф. М. Адамсу.

² ...«**под-чефе**» — От франц. *échaufé* — разгоряченный, возбужденный. В первой публикации вместо слова «под-чефе» П. М. Устимович оставил пропуск.

³ ...**барон Бенкстерн** — Вероятно, кто-то из родственников гр. Федора Давыдовича Алопеуса, мать которого была рожденная баронесса Бенкстерн. П. М. Устимович прочел фамилию «Бенкстерн» как «Встенрик» и от комментариев воздержался.

⁴ **Конторщик Никифор Трусов** — Трусов Никифор Александрович (р. ок. 1813), конторщик домово́й конторы, из крепостных Касимовской вотчины Олениных в Рязанской губернии (см. «Таблицу о всех имениях на 1834-й год»: РО РНБ, ф. 542, е. х. 611).

III

Беглый взгляд или быстрый взор на Приютино в военном отношении¹

1. Местное положение. Всему свету известно, что Приютино лежит в древней Ингерманландии, а ныне Шлюшинском уезде², при реке Лубье и обширном озере, именуемом прудом и наполненным карасями; таковое многоводное положение весьма способствует развитию морских сил Приютина, о чем будет говорено ниже.

Местное положение Приютина весьма выгодно в военном отношении, ибо сама природа заботилась об охранении границ его от вторжений врагов. Широкий и глубокий пруд составляет превосходное естественное препятствие с Запада; с Юга лежит дремучий лес (что за конюшнею и фруктовым садом), не только непроходимый для неприятельских войск и его Артиллерии, но даже столь опасный, что сами Приютинцы (жители Приютина), собирая там грибы и обдирая березы, должны надевать галоши и поднимать платье почти до колена; с Севера и Востока река Лубья, быстрая и сердитая, со многими омутами, отделяет Приютино от земель Рябовских, бывших при покойном Властелине союзными³, но сделавшимися враждебными при влиянии новой политики новаго претендента, называемаго *Garde-Chasse (егермейстер)*⁴. Сие обозрение границ ясно показывает, что огражденное вокруг естественными препятствиями Приютино и при малых средствах может быть неодолимо, но предусмотрительные властители сей земли имеют важныя живыя силы в помощь природе, что увидим ниже.

2. Военные силы. Удивительное и вместе с тем восхитительное разнообразие господствует в составе военных сил Приютина; рассмотрим все по порядку.

а) Сухопутное войско. Постоянно содержимое на военном положении войско составляет Иван пастух⁵, имеющий всегда при себе ружье; в случае же опасности, все Приютинцы, хотя и мирно занимающиеся своими домашними работами, но в душе воинственные и искусные в битве, — исправно вооруженные палками и иным смертоносным оружием, могут дать сильный отпор дерзкому, если он осмелится выстрелами пугать соловьев (как это случилось в 1835 г.) или похищать колеса от кузницы (как это случилось в 1834 г.), и отбить охоту к подобным незаконным действиям.

б) Артиллерия. Будучи сам Артиллеристом, я обратил особенное внимание при обозрении сей части в Приютине, и должен признаться, что кроме похвалы, ничего не могу сказать о сем предмете. Артиллерия состоит из трех чугунных орудий 7-золотникового калибра⁶, на чугунных же лафетах, столь оригинальных и новых (?) в своем составе, что их нельзя отнести ни к одной из принятых в Европе систем Грибоваля, Вальера и Кангрева⁷. Хотя должно признаться, что в прошедшем 1835 году при осмотре сих орудий оказалось, что они покрыты довольно толстым слоем ржавчины (окись чугуна) и что у двух затравки заржавели и засосались, но опустивши сии орудия и с лафетами в котел со щелоком (сей важный процесс произвел повар Сенька⁸) и пробивши затравки булавкой с помощью уксуса, — артиллерия снова пришла в цветущее состояние.

в) Флот. Морская сила состоит из ялика 2-х-весельного, могущего поднять до 10 человек, в том числе одного у руля и одного на носу; флот сей постоянно плавает на водах пруда, ибо река Лубья не судоходна, по причине больших порогов около Оранжереи. Сей флот плавает под белым флагом, в среднем щите коего из незабудок шифр А. А. О.⁹; всякой иной флаг признается иностранным. Обыкновенно ялик употребляется для прогулок и ловли Карасей, но в минуту опасности, поставив на носу одно из вышереченных орудий, он может выдержать морскую битву (чему и был пример в 1834 году, когда Мирза Джафар¹⁰ на плотине, что у острова Кроликов, хотел овладеть Приютинским флотом), тем более,

что Приютинцы не только отличные воины на суше, но и отважные моряки.

d) Кавалерия. По неимению больших ровных и открытых пространств в пределах Приютина, кавалерия постоянно не содержится; есть, правда, Азинька и Бахус, и если их оседлать и посадить на них кого-нибудь, то составитя довольно порядочной кавалерийский отряд.

Итак, вы сами можете усмотреть, что в помощь природе Приютино может тотчас же двинуть весьма соразмерная военная сила во всех родах.

3. Крепости. Искусство также не мало способствовало в усилении Приютина. На берегу пруда под березою лежит крепостца¹¹, называемая батареею, расположенная с большим искусством, с большими крутостями и широкими рвами, — она покровительствует воде пруда и усиливает действия флота; крепостца сия разрушена и артиллерия хранится в особом и секретном месте, где всякий любопытный может ее видеть во всякое время. Также Кузница, возвышенное место по ту сторону пруда, представляет превосходный передовой наблюдательный пост.

Заключение. Описавши в подробности, или лучше сказать, бегло взглянув на Приютино в военном отношении, предоставляю моим читателям судить о силах и способах сей страны и средствах столь огромных и ужасных, что я с своей стороны считаю Приютино решительно непобедимым, — тем более, что на случай блокады магазины под ведением Генерал-Кригс-Комиссара Алены Кирилловны¹² наполнены огромными запасами, даже на несколько дней.

Артиллерист.

Примечания

¹ Рукопись хранится в РО РНБ, ф. 542, е. х. 969. По сходству черка можно утверждать, что очерк написан В. А. Савельевым (р. ок. 1814), произведенным в артиллерийские офицеры в 1833 или 1834 г. На основании данных текста рукопись датируется предположительно 1839 г.

² ...в древней Ингерманландии, а ныне Шлюшинском уезде — Ингерманландия (Ингрия или Ижорская земля) — страна по берегам Невы и побережью Финского залива некогда сплошь заселенная финскими народностями и входившая в состав Вотской или Водской пятины Новгородской. В 17 в. по Столбовскому миру (1617 г.) отошла шведам. После завоевания этих земель Петром I начала формироваться новая Ингерманландская губерния, куда входили территории образовавшихся позднее Эстляндской, Петербургской, Новгородской, Тверской, Псковской, Олонецкой и Ярославской губерний.

Шлюшинский уезд — простречное название Шлиссельбургского уезда Санкт-Петербургской губернии.

³ ...при покойном Властелине — Всеволод Андреевич Всеволожский умер в конце 1836 года.

⁴ ...называемого *Garde-Chasse* — имеется в виду, очевидно, сын В. А. Всеволожского, Никита Всеволодович Всеволожский (17.02.1799—28.07.1862), состоявший с 25 марта 1839 г. в должности егермейстера, а с 15 апреля 1841 г. заведовавший придворной охотой. Поскольку в упоминающиеся ниже инициалы Анны Алексеевны («А. А. О.») входит еще ее девичья фамилия, «Беглый взгляд...» был сочинен до ее замужества, т. е. до 16 марта 1840 г. Вероятнее всего, «Беглый взгляд...» был составлен в Приютине; если под «новым претендентом» на роль «властелина» «земель Рябовских» подразумевается действительно Н. В. Всеволожский, то датировка «Беглого взгляда...» определяется дачным сезоном 1839 г.

Ошибочное прочтение П. М. Устимовичем при первой публикации «Беглого взгляда...» слова *Garde-Chasse* («*Garde-Choise*») повлекло за собой бессмысленный перевод, данный в книге Л. В. Тимофеева «В кругу друзей и муз»: «отборный гвардеец».

⁶ ...Иван-пастух... — Иванов Иван (р. ок. 1790), крепостной Олениных из села Богородского Клинского уезда Московской губернии (см. «Таблицу о всех имениях на 1834-й год»: РО РНБ, ф. 542, е. х. 611).

⁷ ...7-золотникового калибра — Во времена гладкоствольной артиллерии калибр выражался весом ядер, соответствующих диаметру каналов. Золотник равен 1/96 фунта, т. е. 4,266 г; таким образом, ядро семизолотникового калибра весило около 30 г.

⁸ ...систем Грибовали, Вальера и Кангрева — Грибоваль Жан-Батист (1715—1789) — французский артиллерист, разработавший систему полевой артиллерии, просуществовавшую без изменения до первой четверти 19 века; Вальер Жан (1667—1759) — французский артиллерийский генерал: ввел во Франции правильную систему орудий, утя главные данные устройства и калибры; Конгрев Уильям (1772—

1828) — английский артиллерист, полковник; работал над пороховыми ракетами и их боевым применением.

⁹ **...повар Сенька...** — Кирилин Семен Евстафьевич (р. ок. 1817), крепостной Олениных родом из Салаура Касимовского уезда Рязанской губернии (см. «Таблицу о всех имениях на 1834-й год»: РО РНБ, ф. 542, е. х. 611).

¹⁰ **...плавает под белым флагом, в среднем щите коего из незабудок шифр А. А. О.** — по-видимому, таким флагом служит носовой платок Анны Алексеевны Олениной.

¹¹ **...Мирза Джафар** — См. Дневник, примеч. № 254.

¹² **...лежит под березою крепостца** — Изображена на акварели неизвестного художника из собрания Государственного литературного музея и на картине С.Щедрина (?) «Вид с пастухами и стадом», представляющей собой вид Приютина (ГРМ).

¹³ **...Генерал-Кригс-Комиссара Алены Кирилловны** — Кригс-комиссар — в 1711—1864 гг. военный чиновник, ведающий денежным и вешевым довольствием войск. Генерал-кригс-комиссар заведовал всей хозяйственной и административной частью в армии и преследовал нарушения интересов казны. Этим должны определяться и функции Алены Кирилловны. Однако в «Таблице о всех имениях на 1834-й год» (РО РНБ, ф. 542, е. х. 611) Алена Кирилловна не упоминается; «казначеем» же назван Иван Кондратьевич Эсин (р. ок. 1784), крепостной из Салаура, которого Ф. А. Оом именует «старшим буфетчиком: «Когда он ⟨кн. П. М. Волконский⟩ приезжал к обеду, старший буфетчик Иван Кондратьев с особенною торжественностью являлся и провозглашал свое обычное: «Кушать поставили» (Оом Ф. А. Ук. соч., с. 8)

ПРИЛОЖЕНИЕ II

СТИХИ,
посвященные
Анне Алексеевне Олениной

Первая попытка свести воедино все стихотворные посвящения Анне Алексеевне Олениной была предпринята П. М. Устимовичем еще в 1890 году. Его очерк «Анна Алексеевна Андрo» в журнале «Русская старина» № 8 сопровождался списком «стихотворений различных наших поэтов, относящихся к Анне Алексеевне». В него вошли 9 стихотворений Пушкина, 7 стихотворений Н. И. Гнедича, 3 стихотворения И. И. Козлова. Здесь впервые были напечатаны стихи из альбома А. А. Олениной, предоставленного, как и другие ее бумаги, в распоряжение публикатора ее дочерью Антониной Федоровной Уваровой в 1889 г. Часть этого архива, к сожалению, исчезла. Главную утрату представляет альбом, где находились списки многих уже известных стихотворений с комментариями, сделанные рукою самой Анны Алексеевны. Уцелевшая часть хранится в Рукописном отделе Российской Национальной Библиотеки в Санкт-Петербурге. Ею мы воспользовались при подготовке настоящего издания. Нами были также учтены существенные изменения и дополнения, внесенные в оленинскую пушкиниану обстоятельными исследованиями Т. Г. Цявловской и В. Б. Сандомирской (см. Цявловская Т. Г., ук. соч.; Сандомирская В. Б. Рабочая тетрадь Пушкина 1828—1833 гг. (ПД № 838). (История заполнения). — Пушкин. Исследования и материалы. Т. X, Л., 1982. С. 238—271; Сандомирская В. Б. Стихотворения Пушкина «(А.Олениной)» и «Е. Н. Ушаковой. (В альбом)». К вопросу о двух редакциях. — Пушкин. Исследования и материалы. Т. XI, Л., 1983. С. 66—75).

I

И. А. КРЫЛОВ

О взаимоотношениях И. А. Крылова с семьей Олениных написано много (см. в кн.: И. А. Крылов в воспоминаниях современников. Серия литературных мемуаров. М., 1982). К Анне Алексеевне

И. А. Крылов питал трогательную привязанность, о которой мы можем судить, в частности, по его письму, выдержанному в столь при-
сушей ему добродушно-иронической манере: «Вы ее не узнаете, —
писал баснописец об Анне Олениной 1 февраля 1827 г. ее сестре Вар-
варе в Рим. — Она прелестна, мила и любезна, и если б постоянство
не была моя добродетель особенная, то едва ли бы я вам не изме-
нил; но не бойтесь, обожатель в 57 лет бывает очень постоянен».
(Ук. соч., с. 82) В свою очередь, Анна Алексеевна поверяла
И. А. Крылову свои сердечные тайны и советовалась по поводу за-
мужества. Басня «Ягненок» была написана И. А. Крыловым для Ан-
ны Алексеевны в ее детстве.

Ягненок

Как часто я слыхал такое рассужденье:
«По мне пускай что хочешь говорят,
Лишь был бы я в душе не виноват!»
Нет; надобно еще уменье,
Коль хочешь в людях ты себя не погубить
И добрую наружность сохранить.
Красавицы! вам знать всего нужнее,
Что слава добрая вам лучше всех прикрас
И что она у вас
Весеннего цветка нежнее.
Как часто и душа и совесть в вас чиста;
Но лишний взгляд, словцо, одна неосторожность
Язвить злословью вас дает возможность —
И ваша слава уж не та.
Ужели не глядеть? Ужель не улыбаться?
Не то я говорю; но только всякий шаг
Вы свой должны обдумать так,
Чтоб было не к чему злословью и придраться.

Анюточка, мой друг!
Я для тебя и для твоих подруг
Придумал басенку. Пока еще ребенком,
Ты вытверди ее; не ныне, так вперед

С нее сберешь ты плод.
Послушай, что случилось с Ягненком.
Поставь свою ты куклу в уголок:
Рассказ мой будет краток.
Ягненок сдуру,
Надевши волчью шкуру,
Пошел по стаду в ней гулять:
Ягненок лишь хотел пощеголять;
Но псы, увидевши повесу,
Подумали, что волк пришел из лесу,
Вскочили, кинулись к нему, свалили с ног
И, прежде чем опомниться он мог,
Чуть по клочкам его не расхватали.
По счастью, пастухи, узнав, его отбили,
Но побывать у псов не шутка на зубах:
Бедняжка от такой тревоги
Насилу доволол в овчарню ноги;
А там он стал хиреть, потом совсем зачах,
И простонал весь век свой без умолка.
А если бы Ягненок был умен:
И мысли бы боялся он
Похожим быть на волка.

Текст приводится по изданию: Крылов И. А. Стихотворения. «Библиотека поэта» (большая серия). Л., 1954. Впервые в «Баснях» 1819 г. В пометах В. А. Олениной на томе басен Крылова «содержится указание на то, что басня «Ягненок» написана «сестре Анете». См. в кн.: Литературный архив, издаваемый П. А. Картавовым, СПб., 1902. С. 75.

II

Н. И. Гнедич

Как и друг его, И. А. Крылов, Н. И. Гнедич знал и любил Анну Алексеевну с младенчества и нередко, по собственным его словам, «забавлял иль сказкою, иль шуткой». С этой порой связан трагикомический эпизод, рассказанный сыном А. Ф. Фурман, Ф. А. Оомом: «В это

время как-то за обедом, дочь Олениных Анна Алексеевна, тогда еще ребенок, вдруг, ко всеобщему удивлению, смотря на Гнедича, с сожалением вскрикнула: «Бедный Н. И., ведь он кривенький». Елисавета Марковна, сделав дочери выговор, спросила ее: кто мог ей это сказать? Малютка промолчала, но вместо ее отвечал только что взятый из деревни и стоявший за стулом казачок: «Кто сказал? Вестимо, барышня (т. е. моя матушка) при мне говорили сегодня утром, что они (Гнедич) кривые; да и вправду они одноглазые». (Оом Ф. А. Ук. соч., с. 9). По-видимому, Н. И. Гнедич перенес это с привычным стоицизмом, и его привязанность к маленькой правдолюбнице не была поколеблена ее простодушной прямоотой. Его стихи, адресованные уже «барышне Анете», носят ярко выраженный мадригальный, порою несколько преувеличенно-восторженный характер. Любопытно отметить при этом, что Н. И. Гнедич, с колыбели Анету «на руках носивший», не знал толком дня ее рождения (11 августа), путая его с именинами, которые Анна Алексеевна отмечала 3 февраля:

Я поздравляю вас, поздравьте вы меня,
Мы оба родились теперешнего дня,
Какое счастье для нашего поэта!...
Рожденьем с вами он не разнится и днем!

Впрочем, то же можно сказать и о Крылове: «Сегодня мы празднуем рождение вашей сестрицы Анны Алексеевны», — писал он 1 февраля 1827 г. В. А. Олениной.

1

Анете О(лениной). В альбом.

Жила, была...
Но нет, пора прошла,
Как были вы Анеточкой-малюткой,
Как вас я забавлял иль сказкою, иль шуткой.
Дни детства протекли;
Вы расцвели;
Вы не Анеточка, вы барышня Анета:
Не сказкой, истиной пора ваш ум питать.
Внимайте ж голосу питомца Муз, поэта;
Он будет истину вещать:

Вы очень умная и милая Анета!
О, будьте ею навсегда!
Блестайте, как теперь наследственным богатством,
И сердца добротой, и разума приятством.
И если я когда,
В страны далекия заброшенный судьбою,
Опять предстану вам, старик седой, с клюкою,
Пускай найду вас тем, чем ныне нахожу:
И гордостью семьи и радостью света;
Пускай и старец я, увидев вас, скажу:
Ах, здравствуй, умная и милая Анета!

Стихотворение не имеет датировки. Печатается по тексту издания сочинений Н. И. Гнедича 1884 г. Судя по содержанию, это первое стихотворение Гнедича, посвященное превратившейся в «барышню» Анне Алексеевне; по-видимому, оно было написано в середине 1820-х (до 1827) гг., когда появилось следующее, озаглавленное «А(нне) А(лексеевне) О(лениной)». (В альбом 1827 г.):

2

А(нне) А(лексеевне) О(лениной)
(В альбом 1827 г.)

И новый год и альбом новый!
А что еще милей владелице его!
Какой предмет прелестный для того,
Кто Музами любим, с душой всегда готовой
На впечатления прекрасного всего,
Их так легко изображает!
Кто, записной поэт, гармонией стихов
Красавиц нежный слух и звуком сладких слов
Так сердцу сладостно ласкает!
Я, отставной поэт, парнасский инвалид,
Служитель истины суровой,
Что новое могу вписать в ваш альбом новый?
Что вы полны приятностей Харит? —

Не новость: зеркало вам то же говорит.
Что милы вы, умны? — Но и в чертогах царских,
И в теремах боярских,
Где вы блистаете умом и красотой,
То ж самое жужжит гостей веселый рой, —
Итак, и в истинах нисколько вам не льстивых,
Я упрежден; все слышали вы их,
И, может быть, из уст любезников младых
И более меня красноречивых. —
Остались мне для вас желания одни,
Но верьте, искренны и пламенны они:
Цветите вы, как роза молодая
Под небом голубым безоблачного мая:
Неувядаемой и в самых поздних днях
Душевной красотой пленяйте взоры света;
И хоть забудете вы о моих стихах,
Но помните меня, вас часто на руках
Носившаго поэта.

Печатается по изданию сочинений Н. И. Гнедича 1884 г. П. М. Устимович сообщает, что видел это стихотворение в одном из альбомов А. А. Олениной, переписанное ее рукой, и сопровождаемое пометой «1827 г. генв. 3 дня». Ниже следовала шутливая реплика кн. С. Г. Голицына, также записанная рукой Анны Алексеевны:

Позвольте нам, мамзель Аннет,
Просить, чтоб вы нас полюбили,
Ведь не один же Гнедич, нет,
Мы все вас на руках носили.

Кн. Сергей Голицын

Рукою Анны Алексеевны в тот же альбом было переписано еще одно стихотворение, которое, по осторожному предположению П. М. Устимовича, также принадлежит перу Н. И. Гнедича. «Быть может, — деликатно замечает публикатор, — это стихотворение переписано Анною Алексеевною по памяти, — на это указывает некоторая шероховатость стиха». Последнее предположение П. М. Устимовича представляется нам несомненным; этот мадригал неузнаваемо искажен при переписке:

Что вам я пел, как следует поэту,
 Вы это приняли, как барышне должно;
 И оба правы мы —
 Я также льстец, обманщик,
 Как вы не умная, не милая Анета.
 Не в том я каюсь, что в альбом сказал,
 А в том, что как сказал я:
 Стыжусь моих стихов,
 Когда читаю ваши!

Об авторстве Н. И. Гнедича, по верному замечанию П. М. Устимовича, свидетельствует стих «Как вы не умная, не милая Анета», в котором нетрудно угадать аллюзию на мадригал «Анете О(лениной). В альбом» (ср. его последнюю строку: «Ах, здравствуй, умная и милая Анета!») — но и ничего более. Однако этот явно поврежденный текст содержит недвусмысленную ссылку на поэтический ответ Н. И. Гнедичу, данный Анной Алексеевной на его альбомное посвящение и содержащий упрек в неискренности. Эти кокетливые («как барышне должно») стихотворные инвективы Анны Алексеевны в адрес галантного («как следует поэту») Н. И. Гнедича были обнаружены нами в ее архиве (РО РНБ, ф. 542, е. х. 941, л. 1):

Я думала всегда
 Что дружба с лестью не знакома
 Что только истина одна
 Ужиться с милою могла
 Я думала что друг
 Мне на листке всю правду скажет
 Не ужели ошиблась я
 И что носивши на руках меня
 Друг и поэт **меня*** обманет

Таким образом стихи Н. И. Гнедича «А(нне) А(лексеевне) О(лениной)». (В альбом 1827 г.), ее ответ «Я думала всегда...» и основательно искаженное гнедичевское «Что вам я пел, как следует поэту...» представляют собою своего рода поэтический диалог.

---

* Выделено А. А. Олениной

К А(нне) А(лексеевне) О(лениной)

При получении ею в подарок китайского веера

Китайский веер мил, но дар, не нужный вам:
Иные барышни к былым их красотам
Манят Зефиоров веерами;
Зефиры к вам летят охотно сами,
Как пчелы на цветы:
Зефиры — слуги красоты.

П. М. Устимович приводит под заглавием «Ответ» вариант этого стихотворения, находившийся в том же альбоме:

Вы позволяете поэту молодому
Стихами с вами говорить,
Позвольте же и мне, больному и седому
Певцу, вам правду объявить;
Китайский веер мил, и вам поэт любезен;
Но дар его — едва ли вам полезен,
К чему он служит вам?...
Иные барышни к былым их красотам
Манят зефиоров веерами;
Зефиры к вам летят охотно сами,
Как пчелы на цветки,
Зефиры, знают все, в прекрасном знатоки.

Н. Гнедич

История создания этого стихотворения, по словам П. М. Устимовича, такова: «Один из знакомых Анны Алексеевны, некто Соломирский, привез из Китая веер, причем обратился к ней по этому поводу с плохими стихами. Гнедич, в ответ на стихи Соломирского, и написал это стихотворение». Публикатор сообщает, что стихотворение Соломирского также находилось в альбоме, переписанное рукою Анны Алексеевны. Автором его несомненно был поэт-дилетант Владимир Дмитриевич Соломирский (1802—13.05.1881), побочный сын Дмитрия Павловича Татищева, артиллерийский офицер, в 1832 г. губернский секретарь, камер-юнкер, состоявший при Департаменте уделов. В начале 30-х годов он путешествовал по Сибири и Китаю

вместе с П. Л. Шиллингом фон Канштадтом, откуда, очевидно, и привез в подарок А. А. Олениной китайский всер. Точной даты возвращения В. Д. Соломирского из Китая мы не знаем; однако, исходя из того, что П. Л. Шиллинг отправился в путешествие в начале 1830 г., а Н. И. Гнедич умер 3 февраля 1833 г., можно с уверенностью утверждать, что стихотворение «Вы позволяете поэту молодому...» написано не ранее конца 1830 и не позднее начала 1833 гг.; предположительно оно может быть датировано 1832 г., когда завершилась китайская миссия бар. П. Л. Шиллинга.

5 *К кающейся грешнице*

Когда б все грешницы подобны были вам
И так же каялися мило, —
От них для петербургских дам
В раю б тесненько было.
Я знаю при дворе и вы не негрешны;
Я слышал, фрейлины вас часто осуждают,
Что слишком милы вы, любезны и умны;
Но фрейлины одне (причину впрочем знают)
Любезных сих грехов друг дружке не прощают.
Не слушайте их, скажу тихонько вам.
Грешите каждый день, не каюсь иерею,
Веселостью ума, любезностью своею, —
И будьте, по своим пленительным грехам,
Вы первой грешницей меж петербургских дам!

(1827)

Дата «1827» указана в издании 1884 года. Согласно П. М. Устимовичу, приводимый ниже вариант этого стихотворения, переписанный рукою Анны Алексеевны в том же альбоме, был помечен «Одесса 1828»: эти стихи были написаны Гнедичем во время его поездки на юг для поправления здоровья:

Из письма

Когда б все грешницы подобны были вам
И также каялися мило,
Для многих **преподобных** дам
От них в раю тесненько б было.
Я знаю, при дворе и вы не негрешны,
Я слышал, фрейлины вас тяжко осуждают,
Что слишком милы вы, любезны и умны.
Но фрейлины одне (причину, впрочем, знают)
Любезных сих грехов друг дружке не прощают;
Не слушайтесь их, я смело молвлю вам:
Грешите каждый раз, не каясь иерею,
Веселостью ума, любезностью своею,
И будьте по таким пленительным грехам
Вы первой грешницей меж петербургских дам.

6

3-го февраля 1828 г.

Из фрейлин лучшая Оленина Анета!
Я поздравляю вас, поздравьте вы меня,
Мы оба родились теперешнего дня,
Какое счастье для вашего поэта!...
Рождением с вами он не разнится и днем!
И хоть должны бы нас поразнить наши лета,
Но разницы большой, по чести, нет ни в чем
Меж мной и вами:
Есть... не великая... будь сказано меж нами,
Как между розой и грибом.

Гнедич

Эти стихи, переписанные рукою Анны Алексеевны, были найдены в одном из ее альбомов и опубликованы П. М. Устимовичем. Написаны ко дню именин А. А. Олениной — 3 февраля, который Гнедич ошибочно называет ее днем рождения (11 августа). День рождения самого Гнедича был действительно 3 февраля.

*Анне Алексеевне Олениной**Февр. 4-го 1832 г.*

В шуму сегодняшних веселых поздравлений,
 Желаний дружеских, блестящих приношений,
 И сей смиренный вам привет
 Вас дружба старая принять усердно просит.
 Быть может, вам его в последний раз приносит
 Полуразрушенный поэт.
 Его страдание лишило
 Всех благ, которые счастливят наш сей свет;
 Но сердце в нем весь пламень сохранило
 Тех чувств, которые так привлекают нас
 К тому, что греками халос именовалось;
 Так в нем, пока оно в груди моей осталось,
 В нем много кой чего останется для вас.

Н. Гнедич

Опубликовано П. М. Устимовичем с примечанием: «Автограф этого стихотворения находится в бумагах Анны Алексеевны. Написано стихотворение рукою Гнедича на четвертушке бумаги, в правом углу которой находится фабричное клеймо с орлом». Халос (halos, греч.; лат. согопа) — светлый венец (вокруг солнца или луны).

Стихотворение написано ко дню именин Анны Алексеевны Олениной — 3 февраля. Предчувствие не обмануло поэта: 3 февраля следующего — 1833 года — он скончался.

III

И. И. Козлов

Об И. И. Козлове см. Дневник, примеч. № 66.

*К А. А. Олениной**(При посылке элегии к Тирзе)*

Любви и жизни на расцвете
 Вся прелесть радости земной

Тебя пленяет в шумном свете
Своею радужной мечтой;

И если звук волнений страстных
И сердца горестный напев
Встревожит мир долин прекрасных
И нежный хор блестящих дев, —

Не сетуй; но, услыша пенье
Разбитых бурею пловцов,
Благослови уединенье
Твоих Приютинских лесов!

Впервые в издании 1828 года; П. М. Устимович ошибочно приводит это стихотворение как неопубликованное. Список стихотворения находился в том же альбоме А. А. Олениной, наряду со всеми приведенными выше стихотворениями Н. И. Гнедича; список датирован 8 июля 1828 г. Здесь же находился список стихотворения «К Тирзе» с пометой «посвящено Анне Алексеевне Олениной». Оба стихотворения печатаются по тексту Полного собрания стихотворений И. И. Козлова («Библиотека поэта», большая серия, Л., 1960):

К Тирзе
(А. А. Олениной)

К чему вам, струны, радость петь?
Звучите мне тоской мятежной!
Как мне веселое терпеть?
Боюсь, не верю песне нежной.
Она любви пролетным сном
Звучит обманутой надеждой.
Как вспомнить, думать мне о том,
Что я теперь и что был прежде?
Чей голос в струны радость лил,
Той нет, — и нет очарованья!
Один напев теперь мне мил:
Надгробный стон и вопль страданья;
В нем отзыв наших вместе дней.
С тех пор, как ты уж прахом стала,

Нестройство для души моей
То, в чем гармония бывала.
Все тихо: но и в тишине
Слух ловит песни незабвенной;
Невольно слышен голос мне
Давно молчанью обреченный.
Смятенный дух тревожит он:
Засну ли — сонного пленяет;
Тоска ль отгонит дивный сон —
Напев с мечтой не улетает.
Мечтою Тирзу навсегда
Любви оставила могила.
В волнах дрожавшая звезда
Блеск нежный от земли склонила.
Но кто во мраке грозных туч
Проходит жизни путь ужасный,
Тот ищет все звезды прекрасной,
Ему бросавшей светлый луч.

⟨1828⟩

Впервые опубликовано в издании 1828 года. Является вольным переводом стихотворения Байрона «Away, away, ye notes of woe!».».

IV

А. С. Пушкин

«Как бы ни были сложны и порой тяжелы для Пушкина отношения его к Олениной, — писала Т. Г. Цявловская, — она была центральным образом его лирики 1828 года и (...) она вдохновила поэта на создание одного из самых больших циклов любовных стихотворений за всю его жизнь».

1

[Увы! Язык любви болтливый,
Язык неполный (?) и простой,
Своею прозой нерадивой

Тебе докучен, ангел мой.
Но сладок уху милой девы
Честолюбивый Аполлон.
[Ей милы] мерные напевы,
[Ей сладок] рифмы гордый звон.]
Тебя страшит любви признание,
Письмо любви ты разорвешь,
Но стихотворное посланье
С улыбкой нежною прочтешь.
Благословен же будь отныне
Судьбою вверенный мне дар.
Доселе <в> жизненной пустыне,
[Во мне питая сердца] жар,
Мне навлекал одно гоненье.
< >
[Иль клевету, иль] заточенье,
И редко хладную хвалу.

Стихотворение не завершено. Под текстом помета: «9 мая 1828. Море. Ол(енина). Дау». В этот день состоялось путешествие в Кронштадт Олениных, Пушкина и английского художника Джорджа Доу (8.02.1781—15.10.1829 н. с.), отбывающего на родину. При жизни Пушкина напечатано не было. 1—12 строки опубликованы Анненковым в «Материалах для биографии А. С. Пушкина» («Сочинения Пушкина», изд. П. В. Анненкова, т. I, 1855, с. 337—338) Полнее опубликовано В. Е. Якушкиным в описании рукописей Пушкина в журнале «Русская старина» в 1884 (июль, с. 39—40)

2

To Dawe, Esq-r

Зачем твой дивный карандаш
Рисует мой арапский профиль?
Хоть ты векам его предашь,
Его освищет Мефистофель.

Рисуй Олениной черты.
В жару сердечных вдохновений,

Лишь юности и красоты
Поклонником быть должен гений.

Стихотворение написано около (не ранее) 9 мая 1828 г. Обращение к Джорджу Доу (см. выше) автору многочисленных портретов русских военачальников для «Военной галереи» Зимнего дворца, портрета А. Н. Оленина и не дошедшего до нас рисованного с натуры портрета Пушкина. Впервые напечатано в альманахе «Северные Цветы на 1829 год». Автограф не сохранился. Фамилия А. А. Олениной в альманахе обозначена первой буквой и раскрыта в первом издании сочинений Пушкина под редакцией Геннади, т. 1, 1859, с. 377.

Поездки в Кронштадт 9 и 25 мая 1828 г. остались для поэта наиболее ярким, хотя и грустным воспоминанием о поре его увлечения Анной Олениной. Путешествие 25 мая было для Пушкина особенно памятно. Л. В. Тимофеев уже отмечал, что в 1829 г. «25 мая, накануне дня своего рождения и в годовщину поездки вместе с Олениными в Кронштадт, в дорожной тетради он рисует профиль Алексея Николаевича» (Тимофеев Л. В. Ук. соч., с. 201—202). Через год, получив согласие Н. И. Гончаровой на брак с ее дочерью, Пушкин набросал 13 мая 1830 г. отрывок «Участь моя решена. Я женюсь». Но и в этом отрывке, внушенном ему влюбленностью в Наталью Николаевну, мы находим отзвуки пушкинского увлечения Анной Олениной: он вновь вспоминает о поездке в Кронштадт 25 мая 1828 г. Все это заставляет с особым вниманием отнестись к тому странному совпадению, что три из четырех достоверно известных нам поездок Пушкина в Кронштадт были приурочены к дню его рождения: вечером 26 мая 1833 г. Пушкин отправился в Кронштадт провожать отплывающих поутру за границу С. Д. Киселева, Н. Л. Соллогуб и семейство Абамелек, а в день своего рождения в 1834 г. поэт сопровождал на пироскафе до Кронштадта С. Н. Карамзину, отправлявшуюся с семьей Мещерских в Италию.

Не были ли путешествия 1833 и 1834 гг. посвящены воспоминаниям о майских поездках в Кронштадт в 1828 г.? Воспоминания не раз побуждали поэта к путешествиям; Н. О. Пушкина писала в 1830 г. дочери о ее старшем брате: «Вообрази, он совершил этим летом сентиментальное путешествие в Захарово, совершенно один, единственно чтобы увидеть место, где он провел несколько лет своего детства» (Письма С. Л. и Н. О. Пушкиных к их дочери О. С. Павлишевой. 1828—1835. СПб, 1993, с. 75—76). Магия дат всегда имела власть над думами поэта; возможно, за всеми этими проходами скрывались такие же «сентиментальные путешествия». По меткому выражению В. Э. Вацуро, в поздние годы Пушкину был свойствен принцип «вы-

шивания новых узоров по старой канве», применявшийся им сознательно и даже заостренно-полемиически. Вернуться к прошлому, чтобы поверить им настоящее — не затем ли отправлялся Пушкин в Кронштадт 26 мая в 1833 и в 1834 гг.?

3
Ее глаза

Она мила — скажу меж нами —
Придворных витязей гроза,
И можно с южными звездами
Сравнить, особенно стихами,
Ее черкесские глаза.
Она владеет ими смело,
Они горят огня живей;
Но, сам признайся, то ли дело
Глаза Олениной моей!
Какой задумчивый в них гений,
И сколько детской простоты,
И сколько томных выражений,
И сколько неги и мечты!...
Потупит их с улыбкой Леля —
В них скромных граций торжество;
Поднимет — ангел Рафаэля
Так созерцает божество.

Датируется Т. Г. Цявловской первой половиной (после 5-го) мая 1828 г. Стихотворение является ответом на стихи П. А. Вяземского «Южные звезды, черные очи...», обращенного к А. О. Смирновой-Россет и написанного 5 мая 1828 г. (список стихотворения Вяземского хранится в архиве Олениной: РО РНБ, ф. 542, е. х. 958). П. А. Устинович сообщает, что в альбоме А. А. Олениной находилось переписанное ее рукой стихотворение «Ее глаза», озаглавленное «Ответ» (на стихотворение кн. П. А. Вяземского «Черные очи»), где второй стих читался: «Твоя Розетти егоза» с примечанием под текстом: «смягчено», «Придворных витязей гроза». Впервые напечатано, без ведома и согласия Пушкина, М. А. Бестужевым-Рюминым в альманахе «Северная Звезда», 1829, с. 161—162, с произвольным заглавием («К приятелю,

сравнившего глаза одной девицы с южными звездами»), произвольным раскрытием имени в 9 стихе («Глаза Элодии моей!») и с подписью «Ап» (в копии, неизвестной руки, в альбоме А. А. Олениной подпись расшифровывалась: «Арап Пушкин»). Более при жизни А. С. Пушкина не печаталось. Фамилии Вяземского в подзаголовке и Олениной в 9 стихе раскрыты в первом издании сочинений Пушкина под редакцией Геннади, 1859.

4

Ты и вы

Пустое вы сердечным ты
Она обмолвясь заменила,
И все счастливые мечты
В душе влюбленной возбудила.
Пред ней задумчиво стою,
Свести очей с нее нет силы;
И говорю ей: как вы милы!
И мыслю: как тебя люблю!

Датируется, согласно помете в черновом автографе, 23 мая 1828 года. П. М. Устимович сообщает, что в альбоме А. А. Олениной находился список стихотворения, сделанный ее рукою и сопровождаемый ее примечанием: «Анна Алексеевна Оленина ошиблась, говоря Пушкину ты, и на другое воскресенье он привез эти стихи». Пушкин гостил у Олениных 20 мая, в воскресенье (см. Предисловие, гл. «Red Rowet», с. 12); Вяземский, заставший поэта в Приютине, обратил внимание на его восторженное настроение. День счастливой обмолвки Анны Алексеевны Пушкин записал в своей тетради: «20 мая 1828 При(ютино)». Далее следует текст стихотворения «Ты и вы», датированный 23 мая. В воскресенье 27 мая стихи были вручены адресату.

Впервые напечатано Пушкиным в альманахе «Северные Цветы на 1829 год».

5

Кобылица молодая,
Честь кавказского тавра,
Что ты мчишься, удаляя?

И тебе пришла пора;
Не косись пугливым оком,
Ног на воздух не мечи,
В поле гладком и широком
Своенравно не скачи.
Погоди: тебя заставлю
Я смириться подо мной:
В мерный круг твой бег направлю
Укороченной уздой.

Датируется, согласно помете в автографе, 6 июня 1828 г. На обороте листа с черновым автографом (озаглавленном «Подражание Анакрсону [Кобыл(ица)]]» поэт изобразил Анну Оленину. Напомним, что незадолго до этого, вероятно, 18 мая (см. Дневник, примеч. № 85), Пушкин заявил друзьям: »...с девчонкой уж я слажу».

Впервые напечатано в альманахе «Северные Цветы на 1829 год».

6

Не пой, красавица, при мне
Ты песен Грузии печальной:
Напоминают мне оне
Другую жизнь и берег дальный.

Увы! напоминают мне
Твои жестокие напевы
И степь, и ночь — и при луне
Черты далекой, бедной девы...

Я призрак милый, роковой,
Тебя увидев, забываю;
Но ты поешь — и предо мной
Его я вновь воображаю.

Не пой, красавица, при мне
Ты песен Грузии печальной:
Напоминают мне оне
Другую жизнь и берег дальный.

Датируется, согласно помете в автографе, 12 июня 1828 г. Предположение о том, что это стихотворение адресовано А. А. Олениной, высказано впервые М. А. Цявловским при публикации автографа (См. его работу «Два автографа Пушкина». М., 1914). «Утверждать с несомненностью это мы не можем, — оговорил свое предположение публикатор, — потому что у нас нет свидетельств, что Анна Алексеевна Оленина пела». Ознакомившись с дневником А. А. Олениной в парижском его издании, Т. Г. Цявловская пришла к заключению, что «недостававшее звено» для принятия гипотезы М. А. Цявловского найдено: в дневнике говорится об уроках пения, которые давал Олениной Глинка, об участии ее в исполнении («хором и soli») трио Гайдна и т. д. Как уже говорилось выше (см. Дневник, примеч. 23), М. И. Глинка указывает в своих записках, «тему грузинской песни, на которую вскоре потом А. С. Пушкин написал романс «Не пой, волшебница, при мне», сообщил ему А. С. Грибоедов.

Впервые напечатано в альманахе «Северные Цветы на 1829 год».

7

Предчувствие

Снова тучи надо мною
Собралися в тишине;
Рок завистливый бедою
Угрожает снова мне...
Сохраню ль к судьбе презренье?
Понесу ль навстречу ей
Непреклонность и терпенье
Гордой юности моей?

Бурной жизнью утомленный,
Равнодушно бури жду:
Может быть, еще спасенный,
Снова пристань я найду..
Но предчувствуя разлуку,
Неизбежный, грозный час,
Сжать твою, мой ангел, руку
Я спешу в последний раз.

Ангел кроткий, безмятежный,
Тихо молви мне: прости,
Опечалься: взор свой нежный
Подыми иль опусти;
И твое воспоминанье
Заменит душе моей
Силу, гордость, упованье
И отвагу юных дней.

Стихотворение создавалось под впечатлением первого вызова по поводу «Гавриилиады» и может быть датировано, по мнению В. Б. Сандомирской, временем между первым и вторым допросом: 3—19 августа 1828 года (см. Предисловие, примеч. № 36). В первом четверостишии заключительной строфы звучит мотив, созвучный стихотворению «Ее глаза»: «Потупит их с улыбкой Леся — В них скромных граций торжество; Поднимет — ангел Рафаэля Так созерцает божество».

Возможно, отзвук пушкинского «Предчувствия» можно услышать в наброске «Я возмужал среди печальных бурь»: он служит своего рода продолжением темы «Предчувствия».

Я возмужал [среди] печальных бурь,
И дней моих поток, так долго мутный,
[Теперь утих] [дремотою минутной]
И отразил небесную лазурь.

[Надолго ли?... а кажется прошли
Дни мрачных бурь, дни горьких искушений]

В Академическом издании Пушкина набросок «Я возмужал среди печальных бурь» датируется предположительно январем — апрелем; датировка принадлежит Т. Г. Цявловской. Однако в позднейшей своей статье Т. Г. Цявловская пересмотрела эту датировку (Цявловская Т. Г. Дни рождения поэта. — «Пушкинский праздник», 30 мая — 6 июня 1974 г. с. 16), решительно приблизив ее к дню рождения поэта 26 мая 1834 г.; напомним, что в этот день Пушкин предпринял очередную поездку в Кронштадт — быть может, с намерением переосмыслить события шестилетней давности. Скрытую связь между поездками в Кронштадт 25 мая 1828 и 26 мая 1834 подтверждает автореминисценция из «Предчувствия» («...36-ой год бурной моей жизни») в письме, написанном Пушкиным жене наутро после поездки в Кронштадт, 27 мая 1834 (XV, 154).

Вы избалованы природой,
 Она пристрастна к вам была,
 И наша страстная хвала
 Вам кажется докучной модой.
 Вы сами знаете давно,
 Что вас хвалить не мудрено.
 [Что ваши взоры — сердцу жалы]
 Что ваши ножки — очень малы,
 Что вы чувствительны, остры,
 Что вы умны, что вы добры,
 Что можно вас любить сердечно, —
 Но вы не знаете, конечно,
 Что и болтливая молва
 Порою правды не умалит,
 Что иногда и сердце хвалит,
 Хоть и кружится голова.

В. Б. Сандомирская на основе графического анализа черновика приходит к выводу, что стихотворение написано между 3 и 11 августа 1828 г. Судя по его мадригальному характеру, оно предназначалось для вручения Анне Алексеевне в день ее рождения, но передано адресату не было. Начальные строки посвящения А. А. Олениной были использованы Пушкиным в стихотворении 1829 г., обращенном к Е. Н. Ушаковой (см.: Сандомирская В. Б. Стихотворения Пушкина «(А. Олениной)» и «Е. Н. Ушаковой. (В альбом)». К вопросу о двух редакциях. — Пушкин. Исследования и материалы, т. XI. С. 66—75). Печатается по тексту, приводимому В. Б. Сандомирской. Вероятно, 11 августа 1828 г., в день рождения Анны Алексеевны, и у поэта, и у виновницы торжества оказалось достаточно поводов для досады друг на друга. «Он влюблен в Закревскую и все об ней толкует, чтоб заставить меня ревновать», — заметила Анна Алексеевна. В свою очередь, от внимания Пушкина не ускользнуло, конечно, то предпочтение, которое оказывала Анна Алексеевна «милому Алексею Петровичу Чечурину», «любезному герою сего дня», «победившему всех женщин, восхитившему всех мужчин и посмеявшемуся над многими» (см. дневниковую запись от 13 августа 1828 г.). По-видимому, успехи А. П. Чечурина не располагали Пушкина к вручению мадригалов.

Город пышный, город бедный,
 Дух неволи, стройный вид,
 Свод небес зелено-бледный,
 Скука, холод и гранит —
 Все же мне вас жаль немножко,
 Потому что здесь порой
 Ходит маленькая ножка,
 Вьется локон золотой.

Датируется 1828 г., предположительно второй половиной октября (около 19-го). Автограф не сохранился. Впервые напечатано в альманахе «Северные Цветы на 1829 год».

Для современников не было тайной, чья «маленькая ножка», чей «локон золотой» вдохновили Пушкина на создание этого стихотворения.

В сочинении А. Д. Блудовой «Mon Roman» (1834 г.), где автор пытается заглянуть в будущее (действие в этом произведении перенесено в 1842 г.), изображается возвращение А. А. Олениной с прогулки. Замерзшая и промокшая, она садится перед камином; полуразвитые волосы Аннеты падают на «**Рафаелеву ручку**» (эта аллюзия на пушкинское стихотворение «Ее глаза» подчеркнута А. Д. Блудовой), а воображаемый голос шепчет ей:

«Озябла маленькая ножка
 Развился локон золотой».

(*РО РНБ, ф. 542, е. х. 937, лл. 2—2 об.*)

«Город пышный, город бедный...» написано до отъезда поэта из Петербурга в Малинники, тверское имение Вульфов, куда он отправился 19 октября. Заметим, что несколькими днями ранее, 9—16 октября, на полях черновика «Полтавы» Пушкин чертит в задумчивости имя Анны Алексеевны в сочетании со своей фамилией (см. Предисловие, примеч. № 35); однако теперь все это зачеркивается. Вероятно, Пушкин осознает уже несбыточность своих надежд на союз с Анной Олениной: в противном случае он не исчез бы с ее горизонта на три месяца. Поэт вернулся из Малинников в Петербург 18 января 1829 г.; Анны Алексеевны в столице не было: она гостила в Москве и возвратилась домой лишь в конце февраля или начале марта. Но 9 марта в

Москву отправился Пушкин; в апреле он сделал предложение Н. Н. Гончаровой. По весьма правдоподобию предположению Т. Г. Цявловской, А. А. Оленина и в Москве не скрывала своего возмущения нескромными высказываниями Пушкина на ее счет; как полагала исследовательница, это могло стать известно Пушкину через сестер Ушаковых. В незавершенном «Романе в письмах», набросанном осенью 1829 г. (21 октября — 1 ноября) это предположение находит косвенное подтверждение: «Часто удивлялся (я) тупости понятия или нечистоте воображения дам, впрочем очень любезных. Часто сам(ую) тонк(ую) шутку, самое поэтическое приветствие они принимают или за нахальную эпиграмму или (за) неблагопристойную плоскость. В таком случае холодный вид ими принимаемый так убийственно отвратителен, что самая пылкая любовь против него не устоит. Это испытал я с Еленой ***, в которую я был влюблен без памяти. Я сказал ей какую-то нежность; она приняла ее за грубость и пожаловалась на меня своей приятельнице. Это меня вовсе разочаровало». (VIII, 1, 55—56) «Разочарование» Пушкина не замедлило вылиться в злые строки, посвященные Олениным в черновиках к Восьмой главе «Евгения Онегина», к работе над которой поэт приступил 24 декабря 1829 г.:

Annette Olenine тут была

*

[Тут] Лиза была
Уж так [жеманна], так мала!
Так бестолкова, так писклива
[Что вся была в отца и мать]

*

[Тут Лиза вошла]
Уж так горбата, так смела

*

Так неопрятна [писклива]
Что поневоле каждый гость
Предполагал (в ней ум и злость)
и др.

В эти же дни Пушкин вычеркнул Олениных из списка лиц, которым следовало доставить к новому (1830) году его визитные карточки. Однако через две недели после этого он нанес Олениным весьма экстравагантный визит: 12 января 1830 г. Пушкин, одетый в черное домино и маску, посетил их в компании ряженых. «Мы очень позабавились, — записала в своем дневнике участница этих шалостей гр. Д. Ф. Фикельмон, — хотя маменька и Пушкин были тотчас же узнаны {...}». (А. С. Пушкин в воспоминаниях современников». Т. II, М., 1985, с. 151). «Своей, несомненно, точной записью Фикельмон задала нам нелегкую загадку, — заметил Н. А. Раевский в своей книге «Портреты заговорили». — Впрочем, разгадка, быть может, в том и заключается, что Пушкин был замаскирован. Отказываться от интересной поездки не хотелось. Надеялся, что не узнают, но ошибся». (Раевский Н. А. Портреты заговорили. Алма-Ата, 1974, с. 224). Как бы то ни было, лед взаимного отчуждения был, очевидно, сломан — иначе в альбоме Анны Алексеевны не появились бы новые пушкинские автографы. В предисловии к парижскому изданию «Дневника» Ольга Николаевна Оом сообщает, что А. А. Оленина оставила ей альбом, «в котором, среди других автографов Пушкин в 1829 г. вписал стихи «Я вас любил...»

Я вас любил: любовь еще, быть может,
В душе моей угасла не совсем;
Но пусть она вас больше не тревожит;
Я не хочу печалить вас ничем.

Я вас любил безмолвно, безнадежно,
То робостью, то ревностью томим;
Я вас любил так искренно, так нежно,
Как дай вам бог любимой быть другим.

«Под текстом этого стихотворения, — свидетельствует О. Н. Оом, — он в 1833 г. сделал приписку: «plusqueparfait — давно прошедшее. 1833». Завещая мне этот альбом, Анна Алексеевна выразила желание, чтобы этот автограф с позднейшей припиской не был предан гласности. В тайнике своей души сохранила она причину этого пожелания: было ли это простое сожаление о прошлом, или затронуту женское самолюбие, мне неизвестно, но желание Анны Алексеевны я исполнила и автограф не сделался достоянием печати. Теперь же, когда прошло более ста лет со времени создания Пушкиным этого чудного стихотворения и после того, как столь многое изменилось в нашей жизни, я думаю, что то значение, которое Анной Алексеевной придавалось пометке Пушкина, уже утратилось. Решаясь огласить эти лишь мне из-

вестные слова Пушкина, думаю внести ценный вклад в Пушкинскую литературу для тех, кто благоговейно относится к малейшей мысли нашего великого поэта. На обратной стороне листа находился другой автограф Пушкина «Что в имени тебе моем?» (Оом О. Н. Ук. соч., с. XXXIX — XL.). Пушкинское «Я вас любил...» датируется 1829 г., не позднее ноября: оно было напечатано Пушкиным в альманахе «Северные Цветы на 1830 год». Автограф его не сохранился.

Стихотворение «Что в имени тебе моем?..» посвящено Каролине Собаньской; за неделю до визита Пушкина к Олениным в компании ряженных, оно было вписано поэтом 5 января 1830 г. в альбом К. Собаньской в ответ на ее просьбу оставить там свое имя:

Что в имени тебе моем?
Оно умрет, как шум печальный
Волны, плеснувшей в берег дальный,
Как звук ночной в лесу глухом.

Оно на памятном листке
Оставит мертвый след, подобный
Узору надписи надгробной
На непонятном языке.

Что в нем? Забытое давно
В волненьях новых и мятежных,
Твоей душе не даст оно
Воспоминаний чистых, нежных.

Но в день печали, в тишине,
Произнеси его тоскуя,
Скажи: есть память обо мне,
Есть в мире сердце, где живу я....

Это стихотворение датируется концом декабря 1829—5 января 1830 года согласно помете К. Собаньской в автографе. Напечатано Пушкиным впервые в «Литературной Газете», 1830, т. 1, № 20 от 6 апреля. Как и когда появились стихотворения «Я вас любил...» и «Что в имени тебе моем...» в альбоме Анны Олениной? По мнению Т. Г. Цявловской, дата «1829», выставленная, как сообщает О. Н. Оом, под стихотворением «Я вас любил...» в альбоме А. А. Олениной, «говорит скорее о времени создания стихотворения, чем о времени вписывания его в альбом. Иначе стояла бы точная дата, как это обычно делал Пушкин в альбомах. Поэтому, может быть, случилось это и позднее, т. е. в начале 1830 года. Именно так должно было быть со стихотворением «Что в имени тебе моем...»

Написанное, по свидетельству самого Пушкина, в 1829 году (очевидно, в декабре), оно было записано в альбом Собаньской 5 января 1830 года. Олениной же, естественно, еще позднее». Предположение Т. Г. Цявловской о времени, когда Пушкин записал свои стихотворения в альбом А. А. Олениной, выделено нами: оно тем любопытнее, что статья Т. Г. Цявловской вышла в свет задолго до того, как были опубликованы дневниковые записи гр. Д. Ф. Фикельмон, содержащие сведения о визите Пушкина к Олениным 12 января 1830 г. Возможно, именно в этот день поэт вписал в альбом Анны Алексеевны свои произведения: они переводили в новую плоскость их отношения, зашедшие в тупик взаимной недоброжелательности. Пушкинская любовь объявлялась достоянием прошлого, а ее идеализация давала пути к достойному отступлению на исходные позиции обеим сторонам. Словом, если 1828 год прошел под знаком мадригала, а 1829 — под знаком эпиграммы, то 1830 год открывался элегией. 4 марта 1830 г. Пушкин надолго покинул Петербург; он возвратился в столицу только в августе, после помолвки с Н. Н. Гончаровой. Нет сомнения, что поэт не раз встречался после этого с Олениными в свете, однако единственным памятником посещения Пушкиным их дома остается приписка, оставленная Пушкиным, по словам О. Н. Оом, под стихотворением «Я вас любил...»: «plusque-parfait — давно прошедшее. 1833». Возможно, эта приписка появилась в альбоме А. А. Олениной после смерти Н. И. Гнедича: 6 февраля 1833 г. Пушкин участвовал в его похоронах вместе с Олениными, И. А. Крыловым, кн. П. А. Вяземским и П. А. Плетневым — помянуть усопшего должны были, скорее всего, у Олениных. Альбом с пушкинскими автографами сохранился в семейном архиве О. Н. Оом до 1917 года.

V

М. Е. Лобанов

О Лобанове Михаиле Евстафьевиче см. Дневник, примеч. № 73.

*Гвоздика
в Январе 1837 года*

Средь зимних вьюг, в тени, в сугробах снежных
Цветут, — не диво ли? — прелестные цветы,

Чтобы вплестись в венок для милой красоты,
И аромат разлить своих листочков нежных.

И что в отчизне бурь милей сего убранства!
Букет среди зимы прекраснейших гвоздик
Поставит хоть каких ботаников в тупик,
Да он же и символ любви и постоянства.

Цветите ж в честь красе, из вас веночик свившей,
На диво милых дев пленительным очам,
На зло завистливым морозам и снегам,
И в память на пиру сей жизни отгостившей.

Счастливая чета над вами умилится,
Задумается лесь и ветренность вздохнет,
А я — взглянул на вас... Тоска меня гнетет,
И горьких слез поток из глаз моих струится.

М. Лобанов
Января 15 дня
1837 года

Печатается по беловому автографу, хранящемуся в архиве Олениных (РО РНБ, ф. 542, е. х. 965). Написано на двойном листе. На первой странице надпись: «Анне Алексеевне Олениной». Здесь же хранится и черновой автограф стихотворения, также датированный 15 января 1837 г. (РО РНБ, ф. 777, е. х. 2535, л. 67).

«Гвоздика» на языке цветов, словарь которого приводит в своем дневнике А. А. Оленина, обозначала и любовь, и верность при любых испытаниях. Стихотворение М. Е. Лобанова — это подношение Анне Алексеевне и дань памяти Александре Антоновне Лобановой, рожденной Бороцци, «на пиру сей жизни отгостившей»: первая жена поэта умерла в сентябре 1836 года. Супруги прожили вместе ровно 20 лет; посаженной матерью на их свадьбе в октябре 1816 г. была Е. М. Оленина. М. Ф. Каменская вспоминала в своих записках, что соседом ее по даче был «Михаил Астафьевич Лобанов, бывший в то время учителем русского языка великой княгини Александры Федоровны, с женою своею Александрой Антоновною, прелестной женщиной (...). У этой четы детей не было, было три собачки, которых

муж и жена любили как родных детей. (...) Михаил Астафьевич Лобанов в манерах был нежен до приторности, говорил тихо и сладко. Лицом был похож на легавую собаку и даже на ходу поводил носом, точно все что-то нюхал... Меня и мою ровесницу, дочь Вольферта Гетиньку, яростно ненавидел: из боязни, чтобы мы не сорвали у него цветов, гонял нас от своего сада хворостинами и метлами... А ведь после, когда бедная Александра Антоновна умерла, а мы обе выросли, он сватался за обеих, и на бедной Гетиньке даже женился. Как, подумаешь, времена-то переходчивы! (Каменская М. Ф. Воспоминания. М., 1991, с. 69—70).

VI

М. Ю. Лермонтов

М. Ю. Лермонтов мог быть введен в дом Олениных многочисленными общими закомыми, в числе которых следует назвать его сослуживцев по Л.-гв. Гусарскому полку гр. Ф. Д. Алопеуса и Ф. А. Андро; достоверно известному визиту Лермонтова к Олениным в день рождения Анны Алексеевны 11 августа 1839 г. предшествовали ее встречи с поэтом в Павловске у кн. М. А. Щербатовой и у С. Н. Карамзиной (см. В. А. Мануйлов. Лермонтов и Карамзины. В сб.: М. Ю. Лермонтов. Исследования и материалы. Л., 1979).

⟨А. А. Олениной⟩

Ах! Анна Алексевна,
Какой счастливый день!
Судьба моя плачевна,
Я здесь стою, как пень.

И что сказать не знаю,
А мне кричат: «Plus vite!» *⟨Живей⟩*.
Я счастья вам желаю
Et je vous felicite. *⟨И я вас поздравляю⟩*.

Экспромт, вписанный 11 августа 1839 года в альбом А. А. Олениной по поводу ее дня рождения. Автограф не сохранился. В архиве

Олениных находится список, сделанный неизвестной рукой, с припиской Варвары Алексеевны Олениной: «Приветствие большого гусарского офицера и поэта г. Лермонтова Анне Алексеевне Олениной в ее альбом». Печатается по тексту Собрания сочинений М. Ю. Лермонтова в 4-х томах. Т. I. М.-Л., АН СССР. 1961, с. 451.

VII

А. К. Мейендорф

Об авторе, бар. Александре Казимировиче Мейендорфе, см. Дневник, примеч. № 17.

А. К. Мейендорф был человеком предприимчивым, склонным к реформаторским проектам, но непрактичным, и проекты его большей частью оказывались неудачными, что и послужило материалом для двух эпиграмм С. А. Соболевского: «Везомый парой, а не паром, Москву изъездил Мейендорф...» и «Ханыков был на Кавказе...», где рифмой к титулу «барон» становится определение «многовральный пустозвон» (см.: Русский архив, 1884, кн. III, с. 350—351). Воспетые таким образом качества не мешали, однако, А. К. Мейендорфу пользоваться общей симпатией. Гр. А. Д. Блудова вспоминала его «со всегда поднятой головой, *comme s'il humait l'air* (как будто он жадно втягивает воздух), с особенной походкой как-то немного раскачиваясь, с добродушной улыбкою, с готовностью всякому протянуть руку помощи, если не дружбы. Любопытный, деятельный и веселый, он всюду собирал новости и щедро расточал их потом, не справляясь об их истине, так что никто, кажется, больше его не рассказывал небывальщины, хотя он не лгал и не выдумывал. Он был добрый и приветливый до бесконечности...» (Русский архив, 1873, кн. II, стлб. 2078—2079). В 1828 г., когда Анна Алексеевна начинает вести свой дневник, «рыжий Мейендорф», как звали его в свете, еще не женат и не служит. С Анной Олениной его связывают теплые дружеские отношения; в разговоре с И. А. Крыловым (см. дневниковую запись от 17 июля 1828 г.) она утверждает даже, что готова была бы выйти за Мейендорфа замуж, хотя и не влюблена в него.

А⟨нне⟩ О⟨ленино⟩й

Auch ich war in Arcadien geboren.

Schiller

(И я в Аркадии родился.

Шиллер)

И я в Приютине бывал
И красных дней там наслаждался,
Анюту свет еще не знал,
А я уж ею любовался.

И песни, игры, дерской ум,
И шалости и дикий шум,
Все было наслажденьем нам,
Все вспоминаньем дышит там.

Оно туда нас привлекает,
Туда, где Анна всех пленяет,
Там снова мы обрящем* с ней
И беззаботность прежних дней
И прежних дней забавы.
И дружбе станем петь во славу:

И я в Приютине бывал,
И красных дней там наслаждался,
Кого я другом там познал,
Так другом мне навек остался.

R. S. V. P. . en vers!!.

---

* ⟨Примечание А. К. Мейендорфа:⟩ Ce mot en honneur du père — Slavon-antique — on a eu beaucoup de mal à le trouver ⟨*Это слово в угоду бабушке — старославянское. Найти его было очень трудно.*⟩

Внизу, под текстом, карандашом приписано: «Farce écrite par Alexandre Meindorf à Приютино» (*Шутка, написанная Александром Мейендорфом в Приютине*). Стихотворение, как явствует из текста дневника, написано в первое воскресенье июня после выезда Олениных на дачу в 1829 г. В воскресенье 2 июня они еще оставались в городе, и шутка А. К. Мейендорфа, очевидно, должна быть датирована 9 июня 1829 г. Эпиграф взят из стихотворения Шиллера «Отречение» (1784). Печатается по автографу, хранящемуся в РО РНБ (ф. 542, е. х. 948). Первые восемь строчек были опубликованы Л. В. Тимофеевым в следующем контексте: «Не желая отстать в излишнии своих чувств от известных поэтов, пишу ей и многие ее сверстники — друзья дома. В день рождения Анны они преподнесли ей шуточный адрес и стихотворение». Последнее утверждение является домыслом.

VIII Неизвестный автор

*Стихи по случаю назначения
Анны Алексеевны
фрейлиною двора*

Раздавайтесь шум и клики,
Будет пир у нас великий,
Грянемте Ура! (bis)

К нам Приютина царевна
Едет Анна Алексевна,
Фрейлина двора (bis)

Немцы плачут, немки стонут
И Добраны чуть не тонут
В пролитых слезах (bis)

Опершись на карабины,
Национальные дружины
Воют на часах! (bis)

На волынках виртуозы
Разыграли ей сквозь слезы
Жалкий полонез (bis)

И рисуясь вокруг террасы,
Отставные Гверильясы
Пляшут Экосез (bis)

Но мы немцев уничтожим,
Мы без них проздравить можем
Фрейлины приезд (bis)

Зажигайтесь же букеты,
Разлетайтесь ракеты
Выше самых звезд (bis)

Начинайся пир великий,
Раздавайтесь шум и клики,
Грянемте Ура! (bis)

И да здравствует царевна,
Наша Анна Алексевна,
Фрейлина двора. (bis)

Опубликовано впервые П. М. Устиновичем со следующим примечанием: «Стихи написаны на четвертушке бумаги с клеймом **Н** неизвестною рукою, крупным, не женским почерком; чье это стихотворение — неизвестно».

Анна Алексеевна была назначена фрейлиной высочайшим указом, данным придворной конторе 30 августа 1825 г.: «Девуц графиню Марию Эльмпт, Анну Оленину, Екатерину Карамзину и Марию Баранову всемиловивейше пожаловали Мы во фрейлины к Их Императорским Величествам Государыням Императрицам» (Санкт-Петербургские Сенатские ведомости, 1825, № 37 от 12 сентября, с. 694; сообщено И. Х. Речицким). Первое появление при дворе становилось для юной фрейлины серьезным испытанием. В незавершенном «Романе нашего времени», над которым А. А. Оленина работала в 1831 г., этому ответственному экзамену посвящено несколько строк несомненно автобиографического характера, связанных с участием одной из героинь романа, фрейлины Алины Тумановой, в церемонии императорского выхода 26 ноября в день ордена св. Георгия: «Выход обык-

новенно бывает очень занимателен, но вряд ли для той, которая в первой раз является на нем. Как страшно ей переходить этот длинный концертной зал, наполненной военными всех чинов и лет. Она идет, опустя голову, и знает, что уже лице ея, наряд и походка — все предметом толков молодых людей и что она проходит мимо их как жертва для насмешек и злословия. Добравшись до зала, где собираются штат дамы, фрейлины, Совет, камер геры, камер юнкеры и почетные чины, ей предстоит новое испытание: все лорнеты устремлены на нее, все друг друга спрашивают ея фамилию; это новая фрейлина, и это одно умножает любопытство: ея взгляд, малейшее движение — все замечено, и щастлива она, естли нравится многим, а то избави Боже.

Все девушки осматривают ея с головы до ног, однако удаляются и в первой раз (она) никогда не допускается в *intimité* (*доверительные отношения*) их круга, но за то как только познакомится, то стараются загладить первой свой холодной прием своим милым обращением». (РО РНБ, ф. 542, е. х. 935, л. 23—23 об.)

По-видимому, успешно выдержанному испытанию — первому появлению новоиспеченной фрейлины Анны Олениной при дворе — и посвящено стихотворение «Раздавайтесь шум и клики...»

Уточненный нами текст печатается по автографу, хранящемуся в архиве Олениных в РО РНБ (ф. 542, е. х. 948).

IX

Неизвестный автор

Милостивая Государыня Анна Алексеевна!

Так как делать вам добро,
Знаю, очень натурально,
Так как вы за ваш бюро
Сесть готовитесь формально
И уж точите перо;
То пока его чернило
Влагой черной не смочило
Я сажусь вам сам писать,
Чтоб благую вашу шутку,
На короткую минутку,
С вашей ручкой придержать.
Ваше сердце захотело

Совершить благое дело; — — —
Сделайте его вполне:
Что писать Почтамтской буке?
Сердце Бук знакомо мне:
Хорошо как Бука в скуке;
Буку шутка насмешит,
И за милое посланье,
Ваше выполняя желанье
Зятя в Харьков поместит.

Если ж надо ждать отказа?...
Не мудрен заглазный нет!
Не сердитесь за совет:
Знаю я больших два глаза,
Посмотреть бы я хотел
Как их милого приказа
Не исполнить Бука смел?

Ваше сердце захотело
Сотворить благое дело:
Сделайте его вполне!
(Да стихи простите мне).

Это шутивное послание (РО РНБ, ф. 542, е. х. 948, л. 8), не имеющее подписи и даты, носит явно не альбомный характер: автор просит Анну Алексеевну о каком-то одолжении. Из текста следует, что сочинитель — близкий знакомый Олениной и зять некоего высокопоставленного почтамтского чиновника («Почтамтской Буки»), от которого зависит поездка или назначение в Харьков. Кто является автором этого комического прошения, мы можем только предполагать. Возможно, под «Почтамтским Букой» подразумевается один из братьев Булгаковых — Константин Яковлевич или Александр Яковлевич, Петербургский и Московский почтдиректоры. Зятем А. Я. Булгакова (23.11.1781—04.1863), мужем его старшей дочери Екатерины (р. 1.03.1811) был (с 1835 г.) полковник Л.-гв. Гусарского полка Павел Дмитриевич Соломирский, по прозвищу «толстый гусар», участник описанного в дневнике похищения Ольги Павловны Строгановой (см. о нем Дневник, примеч. № 237); брат В. Д. Соломирского (см. о нем выше). Однако зятем мог быть назван и другой свойственник (муж сестры или золовки): автор этой стихотворной шутки остается неизвестным.

ТЕКСТОЛОГИЧЕСКИЙ КОММЕНТАРИЙ

Н. А. Казакова

Русский язык А. А. Олениной

Дневник Анны Олениной — не просто документальное повествование о жизни юной девушки, но прежде всего памятник русской культуры, в котором несомненную ценность представляют и фактографическая его сторона, и образ мыслей и чувств героини, и ее язык.

В последнее время проявилась новая тенденция в издании памятников, намеченная Ю. М. Лотманом и Б. А. Успенским, издателями «Писем русского путешественника» Н. М. Карамзина, которые сформулировали и обосновали принципы издания старинных текстов, позволяющие ощутить прелесть подлинника. Однако, отмечая принципиально экспериментальный характер языка Карамзина, они призвали к сугубо индивидуальному подходу к литературным памятникам, требующим «в каждом отдельном случае поисков оптимальных решений» (Ю. М. Лотман, Б. А. Успенский. Текстологические принципы издания — В кн.: Н. М. Карамзин. Письма русского путешественника — Л., Наука, 1984, с. 524).

Дневник Анны Олениной несет отпечаток яркой индивидуальности автора: это касается не только стиля, но и правописания. Анна Алексеевна, владевшая грамматикой не лучше, но и не хуже многих своих просвещенных современников, в основном пишет так, как произносит: ее письмо, за редкими исключениями, последовательно фонетическое. Именно этим обусловлены многие отступления от правил: твердые «ж» и «ш» (жызьнь, хорошый), мягкое «ч» (вечность, чудесный), «щ» вме-

сто «сч» и «жч» (шастье, мущина), «жж» вместо «зж» (выежжать), отсутствие «ь» в неопределенной форме глаголов (могу нравится, покорица) и др.

Однако в соответствии с историческим принципом письма, она оставляет церковнославянские окончания прилагательных родительного падежа (миллой — милаго), «зс» предпочитает «сс» (разсудок, рассказывать, разстроенный), вместо «э» в начале слов употребляет «е» (етот, еполеты).

Дневник пестрит и явными ошибками, последовательность которых наводит на мысль о гиперизме — быть может, именно в этих случаях Анна Алексеевна полагала, что она применяет некое правило (наградил, призрок, глота, Коромзин). Часты забавные искажения слов (бокембарды, компримент), фамилии (в отличие от имен) могут писаться с прописной буквы (коромзин, вяземской).

Своеобразна и пунктуация Дневника: предложения Анны Алексеевны представляют собой довольно большие периоды, ограниченные либо точками, либо заглавной буквой нового предложения. Изредка в тексте встречаются двоеточия и точки с запятой; запятые, практически, не ставятся, т. к. контекст вполне достаточен для понимания Анной Алексеевной смысла написанного. Прямая речь обозначается, как правило, кавычками в начале или конце ее, но может и не выделяться вовсе, поскольку фонетически кавычки ничего не выражают. Знак «, —» не употребляется, как, впрочем, и тире.

В Дневнике не только слитно пишутся энклитики (безслез) и проклитики (знаетеще), но возникают и целые цепочки соединенных слов (ткань которую вы следуететонкаидля гордых глаз ваших неприметна), что тоже характерно для фонетического письма: в русском языке, как языке со свободным ударением, словесное ударение не определяет границу слова. Нанизывание слов встречается прежде всего в тех записях Анны Алексеевны, в которых ее пером водит чувство. Например, рассказывая об Алексее Чечурине, который на время занял ее душу и воображение, она торопливо пишет: «Он удивительно ловок; стреляет из лука ездит верхом прелестно точит кует полируетплетет корзинки вяжет узелки и пр. вседелает судовольствием и хотя незнаетпо

Французски но очень учен для того края пишет читает и переводит по Монгольски. Он не знает ещелюби и с чистою душою не понимая чего хочет сам ищет любви и потому бед. С какою чувствительностью принял он совет мой беречься молодых модных людей он почти заплакал отошолот меня и selv угол когда же на другой день я спросила его что отсердцали он меня оставил то он сказал с пылкою вырзительностью вынепоняли меня я слишком чувствовал: не находил слов и еще прибавив несколько выржений остоновился и сказал Дурак я признался в том в чем никогдане хотел признаться».

Когда же верх одерживает рассудок, почерк Анны Алексеевны становится аккуратным, ошибки встречаются реже. Вот, например, запись, посвященная Пушкину: «Бог даровав ему Гений единственной ненаградил его привлекательною наружностью. Лице его было выразительно конечно но некоторая злоба и насмешливость затьмевала тот ум которой виден был в голубых или лучше сказать стеклянных глазах его. Арапской профиль заимствованный от поколения матери не укрощал лица его да и прибавте к тому ужасные бокембарды разстрепанные волосы ногти как когти маленькой рост жеманство в манерах дерской взор на женщин которых он отличал своей любовью странность нрава природного и принужденного и неограниченное самолюбие вот все достоинства. телесные и душевные которые свет придавал Русскому Поэту 19 столетия».

Свою задачу издатели Дневника Анны Олениной видели в том, чтобы сохранить стилистическое своеобразие авторского языка, а также передать наиболее характерные особенности орфографии и пунктуации подлинника, подвергнув текст небольшой модернизации в соответствии с ныне принятыми нормами. В Дневнике последовательно исключаются «ѣ» и «ѡ», «е» в начале слова заменяется на «э», после «ж» и «ш» пишется «и», в неопределенной форме глаголов ставится «ь», «ч» и «ц» употребляются без «ь». Разделение слов в предложении соответствует современным требованиям. Однако сохраняются церковнославянские окончания родительного падежа (большаго, Всевышняго), окончание «ой» в именительном падеже прилагательных мужского рода единственного числа (арапской профиль), «зс» вместо «сс» (разсудок), «ш» вместо «сч» и «жч» (шас-

тие, мушина), «жж» вместо «зж», «тт» вместо «дт», а также характерное для Анны Алексеевны написание слов (советывала, танцовала, клавикорты, французинька, Папинька, Маминька). Сохраняя в неприкосновенности стиль автора и его речевые периоды, издатели, ориентируясь на смысловое членение текста, лишь расставили запятые и, только в тех случаях, когда это было совершенно необходимо, — редкие двоеточия, точки с запятой и тире, опираясь на современные правила.

Если читателям Дневника Анны Олениной удастся ощутить аромат прошедшего, замыслы издателей можно будет считать осуществленными.

М. В. Арсентьева

Французский язык А. А. Олениной

Часть дневника А. А. Олениной, написанная по-французски, представляет собой яркую иллюстрацию фонетического письма. Наряду со страницами, выведенными красивым почерком, демонстрирующими безупречное знание французского языка и свидетельствующими о сосредоточенном настроении их автора, в дневнике встречаются страницы, размашистая скоропись которых говорит о волнении пишущей героини.

Именно на подобных листах можно видеть многообразие графических способов изображения одного и того же звука, явление гиперкоррекции и проявление экономии грамматических средств.

Приведем некоторые примеры. Так, в определенных позициях буквы s, c, t и сочетание sc передают один и тот же звук [s], поэтому в тексте можно встретить:

indessi вместо indécis
sivilisation вместо civilisation
discution вместо discussion
assaciné вместо assassiné
il c'est fait вместо il s'est fait
convalecence вместо convalescence

В другой позиции буква «с» передает тот же звук, что и сочетание «qu», поэтому у А. А. Олениной читаем:

il abdica вместо il abdiqua
il revendica вместо il revendiqua
le cantième вместо le quantième

Звук [i] может передаваться двумя буквами «i» и «y». В дневнике вместо *physionomie* пишется *phisionomie*, вместо *style* — *stile*, вместо *réristyle* — *réristile*. Ярким примером фонетического письма является написание формы будущего времени *Futur Simple* глаголов I группы с гласной основой:

il se marira вместо il se mariera

Звук [ɛ] тоже имеет несколько графических изображений. В Журнале встречается: *héritiaire* вместо *héritière*.

Носовой звук [ã] может изображаться следующими сочетаниями *en, em, an, am*. У А. А. Олениной встречаем: *avanture* вместо *aventure*, *trenquille* вместо *tranquille*, *contante* вместо *contente*.

Особый случай представляют собой произносимые буквы в конце слова *t, d, s, e*. Так, на одной странице А. А. Оленина трижды пишет слово «гений» и каждый раз по-новому: *géné, génis, génie*.

С произносимыми буквами «e» и «s» тесно связан грамматический вопрос согласования причастий в роде и числе с подлежащим в случае глаголов, спрягающихся с «être», а также в пассивной форме, и с местоимением — прямым дополнением, стоящим перед глаголом:

pous pous sommes vu вместо vus
la campagne a été mal conçu вместо conçu

Однако, согласование непременно делается А. А. Олениной в тех случаях, когда оно влияет на фонетическую форму слова например:

Varne n'est pas encore prise.

Кроме того, с вопросом о произносимых конечных согласных и гласных связано явление гиперкоррекции. У большинства глаголов III-ей группы в 3-ем лице ед.числа в *Passé Simple* имеется окончание — произносимая буква «t». В качестве примера гиперкоррекции в тексте дневника можно привести глаголы, в которых по аналогии с глаголами типа

partir — il partit, vouloir — il voulut, А. А. Оленина приписывает к окончанию непроизносимую букву «t» : il cédat, elle vat.

К явлению гиперкоррекции можно отнести удвоение согласных:

consollation вместо consolation

allors вместо alors

raconter вместо raconter

Относительно удвоенных согласных следует отметить следующее: линия, проведенная над согласной, означает, что данная буква удваивается. А. А. Оленина неизменно пользуется этим знаком для удвоения «m», «n», реже «g»: hom̄e, fem̄e, com̄e, dom̄e, sāfiere.

Встречается, однако, и явление противоположное, заключающееся в отсутствии необходимого удвоения согласных:

sale вместо salle

В связи с этим следует указать еще на один принцип фонетического письма, который можно было бы назвать принципом экономии, или принципом избыточной информации. Например, достаточно одного указания на грамматическую категорию рода в одном из нескольких прилагательных, характеризующих одно и то же имя существительное, поэтому А. А. Оленина пишет:

quel belle rivièr̄e вместо quelle belle rivièr̄e

Сигналом о женском роде прилагательного служит форма «belle» в сравнении с формой мужского рода «beau», указание же на род другого прилагательного является уже избыточной информацией. Ту же экономию грамматических средств в выражении категории числа видим в сочетании ces allemand вместо ces allemands. Непроизносимая флексия «s» у существительного является избыточной информацией при наличии «связывания» (liaison) между детерминативом «ces» во множественном числе и существительным, начинающимся с гласной.

Часто для написания того или иного слова А. А. Оленина использует его омоним, а точнее омофон, например:

vert «зеленый» вместо «стекло» verre

vers союз «к» вместо «зеленый» vert

court «короткий» вместо «двор» cour

Омофоны смешиваются и в некоторых глагольных формах, например, 3-ем лице единственного и множественного числа в *Imparfait*, что вполне оправдано с точки зрения фонетического письма, так как окончания *-ait* и *-aient* произносятся одинаково:

ils garantissait вместо *ils garantissaient*

Однако А. А. Оленина нередко использует форму 1-го лица единственного числа *Imparfait* для выражения законченно-го действия *Passé Simple*:

je me retournais вместо *je me retournai*

Подобное смешение временных форм можно объяснить тем, что *Passé Simple* не употребляется в разговорной речи, а следовательно, фонематическое различие флексий *-ais* и *-ai* не столь очевидно.

Обращает на себя внимание и правописание имен собственных. Имя графа Виельгорского, например, встречается в трех транскрипциях:

Vielhorsky, Wielhorsky, Welhorsky.

Забавно выглядят имена, написанные наполовину по-русски, наполовину по-французски: *Vacilevsky, Фиге, Грыбаедов.*

Звук [s] неизменно передается с помощью буквы «с» в отличие от принятой транскрипции:

Kiceleff вместо *Kisseleff*

Brouciloff вместо *Brousiloff*

Наконец, следует также отметить практически полное отсутствие диакритических знаков.

Для придания дневнику формы, поддающейся незатрудненному чтению, в рукописный текст внесены некоторые поправки. Исправлению прежде всего подлежали написанные в соответствии с принципами фонетического письма слова, орфография которых (или однокоренных с ними слов) правильна в другом месте текста. Например, *fuiait* исправлено на *fuyait*, так как существительное *fuyard* написано правильно. Во французском языке существуют два схожих по звучанию и функции суффикса абстрактных существительных *-ence* и *-ance*. Существительные с этими суффиксами образуются от соответствующих прилагательных на *-ent* и *-ant* и выражают качество. Пра-

вописание подобных слов вызывает трудность и в современном языке. А. А. Оленина не всегда уверена в написании таких слов. Встречается верная орфография, например, souffrance, imprudence, espérance. Но, как правило, А. А. Оленина отдает «предпочтение» суффиксам -ant и -ance. Она пишет:

inconsequance вместо inconséquence

impertinance вместо impertinence

indifferant вместо indifférent

Полностью сохранена орфография существительных с суффиксом -ment во множественном числе. Такое правописание было нормой во французском языке XVIII века:

detachemens вместо détachements

regimens вместо régiments

changemens вместо changements

sentimens вместо sentiments

С суффиксом — ent:

parens вместо parents

accidens вместо accidents

С суффиксом -ant:

effrayans вместо effrayants

charmans вместо charmants

Сохранена орфография глаголов типа connoitre вместо connaitre, прилагательного foible вместо faible, что встречалось во французском языке XVIII века.

Сохранены заглавные буквы везде, где А. А. Оленина их пожелала написать, ибо этим графическим способом она выделяла слова, которым хотела придать особую значимость.

Оставлено несколько устаревших форм спряжения в Passé Composé глагола s'en aller: Il s'est en alle вместо Il s'en est allé. Не исправлялись единичные неверные употребления наклонения и времени, например, будущее время после «si» условного.

Дневник А. А. Олениной является интересным памятником культуры, дающим современному читателю представление о том, как говорили и писали по-французски в русском обществе первой половины XIX века.

СПИСОК ИМЕН

- Абамелек 317
Аббас-Мирза 129, 208, 209
Авдулины 27
Адам Е.А. 207
Адам, рожд. Полторацкая 121, 207
Адамс Ф.М. 50, 177, 295
Александр I Павлович 14, 164, 195, 199, 202, 205
Александр Николаевич 201, 220, 233
Александра Федоровна 50, 109, 110, 179, 180, 190, 193, 201, 329
Алексей митрополит 229, 239
Алена Кирилловна 298, 300
Алопеус А.Д. 159, 160, 222, 273
Алопеус Д.М. 222, 251, 273
Алопеус Ф.Д. 249, 253, 254, 258, 259, 260, 261, 262, 263, 264, 266, 267, 273, 275, 276, 277, 279, 280, 285, 290, 292, 293, 294, 295, 330
Альнаскарлов, мичман – см. Пушкин А. С. 14
Амур (казак) 71
Амур (монгол) 71, 85
Анакреонт 320
Ангулемский, герцог 151, 217
Андерсон Т. 110, 125, 202
Андерсон, няня 202
Андро А.Ф., в замужестве Уварова 39, 41, 51, 277
Андро М.Ф. 38
Андро С.Ф. 39
Андро Ф.А. 38, 39, 41, 50, 51, 188, 189, 196, 219, 232, 277, 280, 330
Андро Ф.Ф. 39
Анна Антоновна 76, 119, 122, 171, 181
Анненков П.В. 316
Арендт 170

Аронсон М. 44
Архаров И.П. 234, 235, 243, 244
Архарова Е.А., в девичестве Щепотьева 244
Архарова Е.А., рожд. Римская-Корсакова 229, 234, 235, 236, 239, 243,
244
Архарова М.И., в замужестве Посникова 235, 244
Аткинсон В.Я. 134, 213, 215
Аткинсон Е.Ф. 213, 215
Аткинсонова 134
Аткинсон 265, 279
Б., генерал 76
Б., Софья 86, 91, 92
Байрон Дж. 315
Бакунин А.П. 179
Бакунин П.П. 179
Бакунина 37, 73
Бакунина Е.А., рожд. Саблукова. 73, 178
Бакунина Е.П. 179
Балабин В. 287
Балабин Е.П. 250, 251, 262, 274, 278
Балабин И.П. 250, 274
Балабин П.И. 222, 274
Балабина Е.П. 178
Балабина П.-В.О., рожд. Пари 159, 222, 274
Балугьянские 170
Баранов М. 334
Баратынский Е.А. 105, 162, 173, 195
Барклай де Толли М.Б. 211
Бартнев П.И. 46, 175, 176, 196
Батюшков К.Н. 65, 66, 98, 166, 168, 222, 232
Батюшков П.Н. 134, 215
Батюшков С.А. 168
Батюшкова Ю.Н., в замужестве Зиновьева 221
Баяуста 237
Белобородов И.Н. 235, 243, 244
Белосельская-Белозерская Е.П., рожд. Бибилова 235, 292
Белосельская-Белозерская З.А., см. Волконская З.А. 108, 233
Белосельский-Белозерский Э.А. 292
Бенкендорф А.Х. 21, 50, 164, 167, 180, 181, 188, 274, 292
Бенкендорф М.А. 274

Бенкстерн Ж.И. 222, 273, 295
Бенкстерн, барон 253, 275, 294, 295
Берже А. П. 208, 209
Беррийская М.-К.-Ф.-Л герцогиня 154, 219
Беррийский Ш.-Ф. герцог 151, 217, 219
Бестужев А.А. 19, 174
Бестужев М.А. 186
Бестужев Н.А. 19, 174
Бестужев-Рюмин М.А. 174, 318
Бестужев-Рюмин М.П. 19
Бибиков 109, 201
Блудов А.Д. 286, 289, 290, 292
Блудов В.Д. 292
Блудов Д.Н. 41, 222, 232, 272, 275, 277, 294
Блудова А.А., урожд. кж. Шербатова 222, 253, 270, 271, 275, 294
Блудова А.Д. 35, 36, 42, 50, 160, 178, 205, 222, 245, 247, 249, 251, 253, 256, 258, 261, 262, 263, 264, 266, 267, 269, 270, 271, 272, 275, 276, 278, 280, 281, 283, 284, 285, 286, 287, 288, 289, 290, 291, 292, 294, 324, 331
Блудова Л.Д. 35, 42, 160, 178, 222, 247, 249, 251, 253, 256, 257, 258, 267, 269, 270, 272, 275, 276, 284, 288, 289, 290, 291, 294
Блудовы 41, 160, 232, 253, 271, 275, 281, 285
Богучаров М. 184
Бонч-Бруевич В.Д. 5, 9
Бордосский, герцог 35, 151, 154, 156, 217, 218, 219
Боровкова-Майкова М.С. 48
Бороздин К.М. 166
Браницкая 284, 292
Бреверн А.И. 131, 210
Бренская – см. Оленина А.А. 22
Бригген фон дер 164
Бродский Н.Л. 44
Брусилов Н.П. 134, 135, 211, 343
Брюллов А.П. 178
Брюллов К.П. 42, 184, 211, 232, 241, 242, 244
Брюллов Ф.П. 211
Брянский – Пушкин 23
Будберг 134, 212
Буйницкий 19
Булгаков А.Я. 336

Булгаков К.Я. 336
Булгакова Е.А., в замужестве Соломирская 210
Бурбоны 151, 217
Бурцов И.Г. 164, 174
Буяльский И.В. 241
Бяконт Ф.А. 239
В... Феодор 250, 274
Вальер Ж. 297, 299
Варнек А.Г. 171, 244
Васильев Л. 165
Васильевская Е.Е. 15, 33, 34, 67, 73, 74, 77, 79, 80, 82, 115, 117, 134, 170, 179, 181, 343
Васильевский А.А. 77, 134, 171, 181, 343
Васильевский Д.Е. 77, 170, 181
Васильевский С.В. 77, 170, 171, 181
Васильчиков А.В. 235, 244
Васильчиков И.В. 179
Васильчиков, домовладелец 193
Васильчикова А.И., урожд. Архарова 37, 235, 244
Васильчикова Е. 37
Васильчикова С. 37, 158, 159, 160
Васильчикова Т.В., гр. 37, 73, 179, 262, 278
Вацуро В.Э. 317
Веджвуд Дж. 279
Веригин А.И. 188
Вигель Ф.Ф. 11, 44, 205, 270, 280, 283, 291
Виельгорская С.Д., рожд. Матюшкина 201
Виельгорский Матвей Ю. 34, 109, 112, 115, 117, 120, 121, 122, 125, 128, 129, 134, 135, 201, 205, 206, 207, 343
Виельгорский Михаил Ю. 201
Виельгорский Ю.М. 201
Витгенштейн П.Х. 183, 188
Войков А.Ф. 292
Войкова А.Александровна 284, 288, 289, 292
Войкова А.Андреевна 292
Войде 51
Волконская А.А. 191
Волконская А.Н., рожд. кж. Репнина 242
Волконская А.П. 100, 105, 107, 110, 193, 195, 197, 198, 199, 202
Волконская А.С., в замужестве Дмитриева-Мамонова 227, 238

Волконская Е.П., рожд. Макулова 199
Волконская Е. С. (за П.Л.Ермоловым) ош.: Мухановым 227, 238
Волконская З.А., рожд. Белосельская-Белозерская 108, 199, 233, 243
Волконская М.А., рожд. Бенкендорф 199
Волконская М.Н. 174
Волконская М.П., рожд. Кикина 199
Волконская М.С., в замужестве Римская-Корсакова 227, 228, 234, 235, 238, 239
Волконская Н.С., в замужестве Хрушова 227, 238
Волконская С.Г. 107, 122, 177, 193, 197, 198, 199, 207, 233, 238, 243, 272
Волконская С.С. 227, 238
Волконские 228, 238
Волконский Г.П. 199, 250, 251, 257, 273
Волконский Г.С. 194, 226, 227, 229, 233, 237, 238, 239, 242
Волконский Д.П. 199, 249, 250, 251, 253, 254, 257, 258, 272, 273, 275, 283, 291
Волконский М.П. 199
Волконский Никита Г. 199, 226, 238, 243
Волконский Николай Г. 181
Волконский П.М. 107, 108, 162, 167, 193, 198, 199, 233, 243, 272, 300
Волконский С.Г. 19, 174, 194, 198, 226, 233, 238, 242, 243
Волконский С.М. 292
Волконский С.Ф. 237
Волконский 134
Вольский С.Ф. 103, 194
Вольтер 182, 330
Вопальер Д. де ла, маркиза 51
Воронихин А.Н. 210
Воронцов Илларион И. 198
Воронцов Иван И. 107, 198
Воронцов М.С. 90, 162, 188, 189, 200
Воронцов Р.И., гр. 239
Воронцов С.Р. 189
Воронцова А.К., рожд. Нарышкина 198
Воронцова Е.Ф., рожд. Сенявина 189
Воронцова И.И., рожд. Измайлова 198
Воронцова, рожд. баронесса де Пойни 198
Всеволожские 280
Всеволожский В.А. 170, 215, 216, 296, 298

Всеволожский М.В. 296, 298
Вульфы 182, 324
Вюртембергский, герцог 119, 216
Вяземская В.Ф. 21, 189, 204, 218
Вяземская Е. 109
Вяземская Е.В.. рожд. Васильчикова 201
Вяземская Е.Н. 201
Вяземский Н.Г. 201
Вяземский П.А. 21, 22, 24, 25, 26, 27, 28, 29, 38, 40, 42, 48, 67, 75, 164,
165, 169, 170, 171, 173, 179, 183, 189, 191, 195, 196, 197, 200, 202, 204,
218, 232, 274, 318, 319, 328
Г. m-lle 87
Гагарин Г.Г. 50
Гагарин П.Г. 20, 23, 153, 162, 206, 218
Гальберг Е.В., рожд. Демут-Малиновская 212
Гальберг С.И. 42, 134, 195, 211, 212
Гампельн К. 19, 134, 214
Гарбинская С.А. 5
Гейден (Гайдн) 74, 179, 321
Геккерн 50
Геннади 317, 319
Георгиевский Г.П. 45
Гиллельсон М.И. 44
Глинка М.И. 37, 41, 66, 71, 95, 121, 168, 169, 170, 182, 192, 203, 207,
232, 321
Глинка Ф.Н. 46, 214
Гнедич Н.И. 13, 15, 18, 19, 30, 45, 46, 166, 168, 170, 180, 192, 207, 214,
222, 232, 241, 244, 303, 305, 306, 307, 308, 309, 310, 311, 312, 313,
314, 328
Гоггер Е.В. 168
Голицын Г.С. 168
Голицын П.А. 159, 219, 220
Голицын С.Г., кн. (Фирс) 25, 29, 30, 33, 37, 66, 71, 73, 74, 80, 81, 82,
95, 111, 112, 165, 168, 169, 177, 182, 183, 203, 204, 274, 308, 343
Голицын С.И. 177
Голицын С.М. 179
Голицына А.П. 191
Голицына В.С., рожд. Кагульская (Сергеева) 159, 219, 220
Голицына Е.В. рожд. Преклонская 177
Голицына Е.И., рожд. Соллогуб 168

Голицына З.П., в замужестве Щербатова 159, 220
Голицына Н.П. 176, 210, 274, 275
Голицына П.А. 220
Голицына П.С. 73, 177
Голицын В.П. (Рябчик) 96, 169, 191, 192
Голицыны 168
Головин 159, 222
Гонзаго П. 177
Гончарова Н.И. 317
Гончарова Н.Н. 210, 317, 324, 328
Греч Н.И. 212
Грибоваль Ж.-Б. 297, 299
Грибоедов А.С. 24, 31, 40, 67, 321, 343, 165, 169, 170, 208
Гумбольдт А.Ф.Г. фон 37, 41, 111, 203, 232
Гурко 105
Гурко В.Д. 196
Гурко В.О. 196
Гурко Л.О. 196
Гурко Т.А., рожд. баронесса Корф 196
Даль В.И. 278
Дама А.-Я.-М. де, барон (Дамас М.И.) 35, 45, 151, 152, 174, 175, 217
Дама А. де, гр. 31, 35, 151, 152, 153, 154, 155, 156, 218, 219
Дамето Ж. 249, 251, 257, 272, 273, 278
Датчев Виктор 49
Дашкова Е.Р., кн 229, 239
Дельвиг А.А. 207
Демидов Павел Г. 210
Демидов Петр Г. 210
Демут-Малиновский В.И. 212
Державин Г.Р. 213, 278, 241, 260
Дзержановская А. 51
Дибич И.И. 9, 30, 90, 188, 189
Дивов Н.А. 290
Дивова З.С., рожд. Кагульская (Сергеева) 159, 220
Дмитриев-Мамонов Ф.И. 227, 238
Дмитрий Иванович кн., по прозвищу Донской, 239
Довре Ф.Ф. 196
Догадкина, девица – см. Оленина А.А. 13
Долгонос. г-н – см. Оленин А.А. 13
Долгоруков И.А. 174

Долгоруков П.В. 238
Долгорукова Наталия – героиня Рылеева 176
Домрачевева А.Т. 249, 254, 258, 264, 265, 268, 272, 275, 278, 280
Домрачев Т.И. 272
Дорвард Квентин – см. Чечурин А.П. 98
Доу Дж. 23, 172, 316, 317
Дубельт Л.В. 165
Дубенская В.М. 221
Дурново Д.Н. 90, 187, 196
Дурново М.Н., рожд.Демидова 30, 90, 106, 107, 187, 196, 197
Дурново Н.Д. 90, 187, 196
Дурново П.Д. 34, 106, 107, 134, 194, 196, 197
Екатерина I 205
Екатерина II Алексеевна 215, 229, 230, 239, 241
Екатерина Павловна, вел. кн. 277
Елена Павловна 163
Елизавета Алексеевна 47, 190, 199, 334
Елизавета Петровна 221
Ермак 184
Ермолаев А.И. 63, 122, 166, 170, 181
Ермолаев Д.П. 15
Ермолов П.Л. 238
Жихарев С.П. 211
Жомини А.Г., в замужестве Зиновьева 221
Жуковский В.А. 14, 46, 83, 84, 292
Закревская 162, 173, 323
Закревская А.Ф. 27, 28, 48, 71
Закревский А.А. 173
Залусский И.Б. 187
Замойские 243
Замойский 234, 243
Захаржевская (Донец-Захаржевская) Е.П., рожд. Тизенгаузен 284, 292
Звегинцов В.В. 8, 9
Звегинцов В.Н. 6, 8, 9
Звегинцов Н.А. 9
Зильберштейн И.С. 6, 8, 9
Зиновьев В.Н. 221
Зиновьев Н.В. 220, 221
Зиновьев С.В. 159, 160, 221
Зотов Р.М. 44

Зубов А.Н. 191
Зубов Н.А. 191
Зубова 95, 115
Зубова Н.П., рожд. Щербатова 22, 191
Зубовы 95
Иванов А.А. 171
Иванов И. 297, 299
Иванов И.А. 16, 17, 247
Иванов Н.К. 121, 207
Ивановский А.А. 174
Иксуль А.К., барон 287, 292
Инзов 14
Иоанн VI Антонович 239
Кагульская Е.С. (Сергеева), в замужестве Мещерская 220
Каленберг Д.Н. 238
Каменская М.Ф. 206, 329, 330
Канкрин Е.Ф. 215
Канкрин Е.З., рожд. Муравьева 134, 215
Кант И. 36
Карамзин Н.М. 83, 221, 232, 241, 337
Карамзина Е.И., рожд. Протасова 221
Карамзина Е.Н. — см. Мещерская Е.Н. 334
Карамзина С.Н. 27, 159, 160, 221, 284, 291, 317, 330
Карамзины 330
Карл X 150, 151, 216
Картавов П.А. 305
Керн А.П. 14, 37, 46, 179, 182, 190, 192, 207
Кибальник С.А. 214
Кикина М.П. 272
Кипренский О.А. 19, 42, 52, 237
Кириллин С.Е. 297, 300
Киселев Д.И. 163
Киселев Н.Д. 24, 27, 31, 32, 33, 34, 59, 63, 64, 66, 82, 103, 104, 105, 115,
117, 165, 166, 168, 183, 184, 194, 274, 343
Киселев П.Д. 82, 168, 183, 184
Киселев С.Д. 317
Киселева П.П., урожд. кж. Урусова 163
Клеопатра 182
Ключевский В.О. 11, 44, 240, 241
Козлов И.И. 75, 84, 85, 180, 184, 185, 206, 303, 313, 314

Козлова А.И. 115, 206
Козлова С.А., рожд. Давыдова 206
Кокоткин С.А. 109, 202
Колодин И.Ф. 177
Колошин П.И. 174
Колошины 164
Комаровская А.Е. 112, 205
Комаровская С.В., рожд. Веневитинова 204
Комаровский Е.Е. 112, 204
Коминг 132, 134, 211
Конгрев У. 297, 299
Кондаков С.Н. 179
Коновницын П.П. 15, 47, 216
Константин Павлович 164
Корвин-Коссаковский С.О. 107, 108, 109, 110, 197, 198
Корнилович А.О. 174
Корсакова С.А., в замужестве Голицына 192
Коханева М.Ф. 19, 121, 207, 249, 257, 258, 264, 265, 272, 277
Краевский А.П. 19, 63, 73, 74, 78, 79, 80, 117, 134, 168
Красовский А.И. 34, 134, 135, 212
Крылов И.А. 13, 14, 18, 23, 32, 34, 37, 41, 42, 44, 46, 61, 63, 134, 135, 154, 232, 244, 247, 283, 291, 303, 304, 305, 306, 328, 331, 162, 167, 181, 183, 211, 216, 222
Крюгер Ф. 20
Крюднер – (Криденер Ф.К.В.) 250, 273, 288, 291, 293
Кунин В.В. 48
Купер Ф. 172
Куракин, кн. 159, 222
Курбский 176
Кутайсов П.И. 183
Кутайсова П.П., рожд. кж. Лопухина 81, 182
Кутузов М.И. 21, 171, 211
Кушелев Г.Г. 107, 182, 199, 202, 205
Кушелева А. 109
Кушелева Е.Д., рожд. Васильчикова 199, 205
Кушелева Л.И. рожд. Безбородко 182
Кушелев-Безбородко А.Г. 78, 107, 109, 182, 198, 201
Кушелевы 115, 205
Лаваль А.Г., рожд. Козицкая 106, 197
Лаваль А.И. 41, 109, 110, 197, 198

Лаваль И.С. 197
Лавали 206
Лазнинский Фома 243
Ламартин А.М.Л. де 57, 165
Ландышева М. 49, 50
Ландышева Катерина Петровна 49
Ланжерон А.Ф. 50, 51, 277
Ланская Н.Ф., рожд. Петрово-Соловово 210
Ланской А.П. 131, 210
Ланской П.П. 210
Ларошжаклен А.-О.-Ж. дю Вержье, маркиз де 153, 218
Лацис А. 48
Леяков А. 186
Ленивина, девица – см. Оленина В.А. 13
Лентягинов, г-н – см. Крылов И.А. 13
Лепарский С.Р. 186
Лермонтов М.Ю. 36, 164, 210, 211, 330, 331
Лисенко 134, 214
Литта, графиня 284, 292
Лихтенштейн Ф. 50
Лобанов М.Е. 44, 167, 181, 244, 328, 329, 330
Лобанова А.А., рожд. Бороши 181, 329, 330
Лобанова, рожд. Вольферт 330
Лобанова-Ростовская А.Г., рожд. гр. Кушелева 109, 110, 202
Лобанова-Ростовская А.Н., рожд. Салтыкова 111, 162, 202
Лобанова-Ростовская С.П., рожд. Лопухина 163, 171
Лобанов-Ростовский А.А. 202
Лобанов-Ростовский А.Я. 8, 20, 30, 56, 67, 100, 101, 108, 109, 111, 162, 163, 171, 193, 194, 200
Лобанов-Ростовский Д.А. 163
Лобанов-Ростовский Н.А. 163
Лобанов-Ростовский П.А. 163, 171
Лобанов-Ростовский Я.И. 162
Лобановы 77
Лобкович Ф. 159, 222
Лонгинов Н.М. 134, 211
Лопухин П.В. 198
Лопухин П.П. 107, 197, 198
Лопухина Е.Н., рожд. Шетнева 178
Лопухина Ж.И., рожд. Бенкстерн, в первом браке Алопеус 198

Лотман Ю.М. 291, 292, 337
Лувель П. 217
Лудольфы 50
Львов А.С. 181
Львов И.С. 77, 96, 98, 99, 134, 181
Львов Н.А. 213, 231, 241
Львов Н.С. 181
Львов П.С. 181
Львов С.Д. 181, 216
Львова Т.П. 181, 216
Людовик XVIII 35, 51, 150
Ляпунов П. 277
Мамед-шах 209
Мамонов-Дмитриев – см. Дмитриев-Мамонов Ф.И. 227
Мануйлов В.А. 221, 330
Мария Александровна 201
Мария Федоровна 100, 103, 190, 193, 194, 202, 208, 215, 334
Марков А.Н. 273
Мартос И.П. 211
Маша 126
Медведева Н.И. 275
Медем 170
Мейендорф А.К. 10, 32, 63, 77, 117, 121, 124, 127, 167, 331, 332, 333
Мейендорф Г. 124, 125, 127, 128, 129, 134, 135
Мейендорф Е.К. 208
Мейендорф, г-жа 50
Мейендорфы 117, 127
Мельская Адель 49
Меншиков А.Д. 188
Меншиков А.С. 9, 30, 90, 188, 189
Меркулов 165
Мертваго В.М. 196, 272
Мертваго Д.Б. 272
Мертваго Н.Д. 249, 251, 272
Мещерская Е.Н. 22
Мещерские 179, 317
Мирза Джафар – см. Топчибашев 297, 300
Мирза-Сале (Мирза-Салех) 31, 129, 209
Мирович В. 239
Михаил Павлович 163, 191

Мицкевич А. 24, 25, 48, 165, 168, 176, 232
Моргенштерн 159
Мороховец Е.А. 165
Морошкин М. 215
Мортемар К.Л.-В. 109, 200
Мошарский А. 171
Муравьев А.М. 19, 174
Муравьев А.Н. 19, 87, 175, 186
Муравьев З.М. 215
Муравьев Н.М. 19, 174
Муравьев Н.Н. 186, 200
Муравьева А.Г. 174, 186
Муравьева А.М., рожд. Мордвинова 186
Муравьева Е.К., рожд. Поссе 215
Муравьев-Апостол И.И. 19
Муравьев-Апостол М.И. 19, 45, 174
Муравьев-Апостол С.И. 15, 19, 174
Мусин-Пушкин А.И. 166
Муханов Н.А. 25
Муханов 227
Нам Джоги Алан 44
Наполеон 45, 217
Наумов 7, 45
Наумов Н.П. 191
Нашокин П.В. 188
Нелединская-Мелецкая Н.Н. 220
Нессельроде К.В. 166
Никитенко А.В. 212
Николай I Павлович 41, 70, 100, 103, 152, 172, 180, 186, 187, 188, 190,
193, 194, 201, 202, 203, 207, 218, 219, 220, 232
Никольс К.В. 193
Новосильцев Н.Н. 170
Оболенский Е.П., кн. 19, 47, 174, 175
Одоевский В.Ф. 241
Озеров И.П. 159, 221
Оленин А.А. (брат) 10, 13, 16, 17, 19, 24, 25, 26, 30, 35, 38, 56, 76, 87,
93, 119, 120, 128, 132, 152, 154, 158, 163, 164, 165, 169, 174, 175, 180,
190, 204, 206, 218, 247, 294
Оленин А.А. (племянник) 23

Оленин А.Н. 7, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 16, 17, 18, 19, 26, 28, 33, 36, 38, 39, 41, 43, 44, 45, 46, 47, 56, 63, 73, 76, 87, 93, 97, 100, 103, 104, 124, 129, 166, 167, 168, 170, 171, 174, 175, 176, 177, 178, 179, 180, 181, 184, 186, 187, 190, 192, 193, 194, 196, 198, 199, 207, 208, 211, 212, 213, 215, 217, 218, 240, 241, 242, 244, 247, 276, 317

Оленин Александр Алексеевич 237

Оленин Алексей П. 216

Оленин Г.Н. 15, 39, 47, 105, 119, 125, 126, 129, 174, 175, 181, 195, 196, 208, 209, 211, 241

Оленин Е.П. 195, 216

Оленин Н.А. 10, 12, 19, 45, 163, 174, 175, 217

Оленин Н.М. 195

Оленин Н.П. 216, 237

Оленин Н.Я. 226, 227, 228, 237

Оленин П.А. 10, 12, 15, 16, 19, 30, 35, 38, 45, 47, 50, 51, 119, 135, 152, 153, 167, 173, 174, 175, 176, 177, 181, 188, 195, 196, 208, 216, 218

Оленин С.П. 216

Оленина А. С., р. Волконская 226, 227, 228, 234, 235, 236, 237, 238

Оленина А.Г. 241

Оленина Александра Андреевна 163, 164, 294

Оленина В.А. 10, 12, 13, 15, 16, 19, 34, 39, 42, 46, 47, 72, 77, 105, 106, 109, 112, 119, 122, 123, 124, 125, 126, 129, 135, 167, 174, 175, 180, 181, 184, 186, 187, 190, 192, 195, 205, 207, 208, 211, 213, 241, 242, 275, 280, 304, 305, 306, 331

Оленина В.Н. 95, 190, 228, 239, 240

Оленина Е.М. 8, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 16, 18, 19, 21, 27, 29, 33, 34, 38, 46, 72, 76, 78, 81, 87, 93, 96, 106, 107, 111, 113, 117, 125, 126, 134, 144, 152, 155, 163, 166, 167, 171, 175, 177, 178, 181, 182, 183, 190, 192, 195, 196, 205, 207, 211, 213, 217, 218, 240, 242, 247, 272, 277, 306, 329

Оленина Е.П. 47, 176

Оленина Е.П., рожд. Савельева 178

Оленина М.С. 153, 154, 159, 177, 181, 216, 218

Оленина О.Г. 106, 119, 122, 125, 126, 207, 208

Оленина П.Я. 168

Оленина С.Н. 95, 190, 228, 239, 240

Оленина Т.П. 216

Оленины 50, 134, 162, 166, 168, 169, 170, 172, 173, 174, 175, 176, 177, 178, 180, 181, 182, 184, 186, 187, 188, 190, 192, 196, 197, 199, 203, 205, 206, 212, 213, 214, 215, 217, 218, 239, 244, 247, 248, 272, 275, 278, 280, 293, 295, 299, 300, 303, 316, 317, 319, 328, 329, 330, 333, 335

Оом А.А. 166
Оом А.Ф. – см. Фурман А.Ф. 32, 36, 42, 46, 51, 52, 59, 60, 305, 166,
168, 207
Оом О.Н. 5, 6, 7, 9, 35, 36, 39, 41, 51, 52, 279, 326, 327, 328, 166, 168,
170, 172, 177, 179, 180, 181, 193, 196, 207, 211, 212, 214, 220
Оом Ф.А. 300, 305, 306, 178, 190, 207, 214
Оом Ф.Ф. 9, 51, 52, 166
Орлеанский герцог 151
Орловский Б.И. 211
Оссиан 177
Павел I Петрович 183, 193
Павлищева О.С. 317
Панин А.Н. 107, 111, 198, 203
Панин Н.П. 198, 202
Панина А.Н. 200, 202
Панина А.С., рожд. Толстая 109, 200
Панина В.Н. 111, 203
Панина С.В., рожд. Орлова 198, 202, 203
Панина С.Н. 203
Панины 109, 111
Паскевич И.Ф. 9, 30, 34, 39, 90, 189, 273
Перовский В.А. 188
Перолава, герцог – см. Дамето Ж. 257, 258
Перро Ш. 279
Пестели 174
Пестель П.И. 174
Петр I 188, 205
Пикар М. 45
Плетнев П.А. 22, 328
Плещей Александр 239
Плещеев 14
Плещеевы 41, 229, 232, 239
Плинке В.Ф. 193
Полетика П.И. 283, 291
Поливанова 170
Полторацкая А.А. 15, 185, 243, 278
Полторацкая А.М. 171
Полторацкая В.Д., рожд. Киселева 27, 32, 33, 56, 59, 60, 63, 64, 67, 81,
82, 103, 110, 163, 165, 183, 194
Полторацкая Е.И., рожд. Вульф 190

Полторацкая С.Б. 185, 247, 276
Полторацкая Т.М., рожд.Бакунина 163
Полторацкий 134
Полторацкий А.А. 179, 182
Полторацкий А.М. 163, 171, 183
Полторацкий Б. 247
Полторацкий В.А. 165
Полторацкий К.В. 185
Полторацкий М.А. 27, 56, 163
Полторацкий П.М. 190
Посников З.Н. 235, 244
Посникова М.И., рожд. Архарова 235
Потоцкая Е.Кс., рожд. Браницкая 209
Потоцкая Ю., рожд. Мнишек 209
Потоцкий С.С. 129, 209
Потоцкий С.Ф. 209
Прийма Ф.Я. 44
Приютин, г-н – см. Гнедич Н.И.
Пугачев Е.И. 235, 243, 244
Пушкин А.С. 5, 9, 13, 14, 15, 19, 20, 21, 22, 23, 24, 25, 26, 27, 28, 29,
31, 32, 33, 36, 37, 40, 42, 44, 46, 47, 48, 50, 56, 63, 64, 66, 67, 69, 70,
71, 75, 70, 81, 82, 95, 163, 164, 165, 169, 170, 171, 172, 173, 175, 179,
182, 183, 184, 188, 190, 192, 193, 194, 195, 204, 206, 207, 212, 218, 232,
237, 243, 244, 273, 274, 291, 292, 303, 315, 316, 317, 318, 319, 320,
321, 322, 323, 324, 325, 326, 327, 328, 339
Пушкин Л.С. 168
Пушкин С.Л. 317
Пушкина Н.О. 317
Пыляев М.И. 171, 215, 216
Радзивилл, графиня 170
Радзивилл Л.Л. 201
Радзивилл С. 172
Раевская А.М., в замужестве Звегинцова 9
Раевский Н.А. 326
Раевский Н.Н. 9
Разумовский А.К. 206, 275
Раупах 197
Рафаэль Санти 282, 291, 318, 322
Ревентлов 159
Рейсер С.А. 44

Ремизов 184
Репнин В.Н. 73, 74, 79, 80, 104, 115, 144, 159, 178, 195, 233
Репнин Н.В., кн. 233, 237, 242
Репнина А.Н., в замужестве Волконская 42, 78, 107, 181, 182, 194, 198
Репнина В.Н. 100, 115, 206
Репнина Д.Н., в замужестве бар. Каленберг 242
Репнина П.Н., в замужестве кн. Голицына 242
Репнина-Волконская А.Н., в замужестве гр. Кушелева-Безбородко 108, 195, 201
Репнина-Волконская В.А., рожд. Разумовская 194, 195
Репнина-Волконская В.Н. 193, 195
Репнина-Волконская Е.Н. в замужестве Кривцова 195
Репнин-Волконский Н.Г. 178, 194, 233, 242
Репнины 104, 110, 115
Речицкий И.Х. 334
Рикорд 25
Римский-Корсаков А.В. 227, 238, 239
Римский-Корсаков А.М. 239
Роллен Ш. 83, 184
Россини Дж. 182
Руджери-Ладерки А.Н., гр. 52
Румянцев П.А. 237
Румянцев С.П. 220
Руссо Ж.-Ж. 36
Рылеев К.Ф. 8, 72, 76, 175, 176, 180, 184, 187
Савельев В.А. 245, 248, 249, 258, 268, 273, 277, 279, 280, 294, 297, 298
Салтыковы 209
Сандомирская В.Б. 48, 303, 322, 323
Сараженович Е.Г. 177
Свербеев Д.Н. 17, 47, 164, 211
Свиньин П.П. 134, 213
Свиньина Н.А., рожд. Майкова 214
Северин А.И. 15, 166
Семенова Е.С. 14
Сент-Альдегонд В. де 109, 200
Сент-Альдегонд К.Ф. де 200
Сенявин 25, 213
Серчевский Е. 168
Сиверс 110
Сиверс Е.К. 202

Сиверс Э., рожд. фон Крюденер 202
Симонетти-Камподонио А. 134, 215
Симпсон М. 190
Симпсон Р. 190
Скарятин В.Я. 50, 210
Скопин-Шуйский 277
Скотт В. 173, 192
Слепцов А. 177
Слепцов Н.С. 19, 73, 74, 79, 80, 177
Смирнов В.П. 219
Смирнов Н.М. 220
Смирнов П.П. 159, 220
Смирнова-Россет А.О. 172, 179, 184, 197, 204, 220, 221, 318
Собаньская К. 327, 328
Соболевский С.А. 331
Сократ 213
Соллогуб А.И. 235, 244
Соллогуб В.А. 44, 169, 235, 244
Соллогуб Л.А. 244
Соллогуб Н.Л. 317
Соллогуб С.И., рожд. Архарова 235, 244
Солнцев Ф.Г. 44, 50, 51, 179, 192, 203, 222, 240, 247, 272, 273, 277
Соломирский В.Д. 310, 311, 336
Соломирский П.Д. 131, 210, 336
Сонцов П.И. 7, 106, 196
Сонцова Е.Н., рожд. Оленина 196
Сосницкий И.И. 14
Сперанская Э., рожд. Стевенс 199
Сперанский М.М. 199
Стакельберг С.Г. 208
Сталь фон Гольштейн Н.А. 9
Сталь фон Гольштейн С.Ф., рожд. Андро 9
Старов И.Е. 210
Стасов В.В. 44, 213
Стасов В.П. 134, 213
Стояновский Н.И. 44, 229, 240
Строганов А.П. 176, 212
Строганов П.А. 176, 177, 216
Строганова Е.Г., баронесса 207
Строганова М.Я. 176

Строганова О.П. (в замужестве Ферзен) 72, 105, 130, 131, 177, 195, 209, 210, 211, 234, 135, 336
Строганова С.В., рожд. Голицына 131, 176, 177
Строгановы 212
Стюарт М. 173
Суворов А.А. 203
Суворов А.В. 227, 237, 239
Сухарев А.Д. 134, 175, 185
Сухарева А.М. 7, 32, 71, 85, 134, 174, 175, 185
Сухарева Н.А. 85, 185
Сытин И.Д. (Сытина И.Д. фонд) 8
Татищев Д.П. 210, 310
Татищев С.Н., гр. 45
Татищев, посланник в Вене 195
Татищева Н.А., в первом браке Колтовская, рожд. Турчанинова 210
Тизенгаузен Е.Ф. 50, 179
Тизенгаузен Ф.И. 172
Тизенгаузен-Хитрова – см. Хитрово Е.М. 67, 171
Тимофеев 165
Тимофеев Л.В. 44, 175, 178, 211, 248, 272, 299, 317
Титов В.П. 112, 115, 117, 132, 134, 204
Толстой В.С. 200
Толстой гр., ген. от инф. 192
Толстой Ф.П. 44
Томашевский Б.В. 44
Тон К.А. 134, 211
Топчибашев Мирза Джафар 134, 214
Торвальдсен Б. 211
Трубецкая А.А., рожд. Нелидова 159, 211
Трубецкая Е.И. 174
Трубецкой Н.П. 221
Трубецкой С.П., кн 19, 45, 174
Трусов Н.А. 294, 295
Тургенев А.И. 27, 164, 168, 171
Тургенев Н.И. 164, 174
Уваров А.А. 51
Уваров А.С. 278
Уваров С.С. 11, 44, 222, 272, 275
Уварова А.С. 50, 249, 251, 253, 272, 274, 275
Уварова А.Ф. 303

Уварова Е.А., рожд гр. Разумовская 50, 253, 275
Уварова Н.С. 50, 274
Урусов 95
Урусов А.М. 191, 201
Урусов Александр А. 191
Урусов Андрей А. 191
Урусов Г.А. 191
Урусов И.А. 191
Урусов М.А. 191
Урусов Н.А. 191
Урусов Павел А. 272, 191
Урусов Петр А. 272, 191
Урусова Е.П., рожд. Татищева 191, 201
Урусова С.А., в замужестве Радзивилл 109, 201
Успенский Б.А. 337
Устимович П.М. 40, 43, 46, 50, 51, 52, 248, 295, 299, 303, 308, 309, 310,
311, 312, 313, 314, 318, 319, 334, 190
Уткин Н.И. 232, 241, 242
Ушакова Е.Н. 303, 323
Ушаковы 325
Файбисович В.М. 44
Фатх-Али 208, 209
Ферзен Е.Ф., рожд. фон Раух 210
Ферзен П.К. 130, 131, 209, 210
Ферзен П.П. 210
Ферзен С.П. 210
Фикельмон Д.Ф. 129, 209, 326, 328
Фикельмон Ш.-Л. 50, 209, 222
Фихте 36
Фишер Ф.Б. 117, 134
Фишеры 121
Фонтон Ф.П. 204
Франциск (Франсуа) I Неаполитанский 219
Фредерикс А.П., баронесса 273
Фридриц И. 167
Фрикке Л. 193
Фролова-Багреева Е.М. 7, 107, 108, 109, 198, 199
Фролов-Багреев А.А. 199
Фурман Е.И., рожд. Энгель 166
Фурман Ф.А. 166

Ханыков 331
Хитрово А.Н. 109, 201
Хитрово Е.М. 20, 50, 172, 179, 209
Хитрово Н.Ф. 171
Хитровы 37, 73
Хмельницкий Н.И. 14
Хованская С.С. 109, 202
Хозрев-Мирза 31, 129, 208, 209
Хрептович Е.И. 204
Хрушов А.И. 227, 238
Цейдлер И.Б. 85, 174, 181
Цявловская Т.Г. 69, 22, 26, 48, 50, 170, 172, 177, 180, 191, 303, 315, 318, 321, 322, 325, 327, 328
Цявловский М.А. 46, 321
Чаадаев П.Я. 164, 174
Черейский Л.А. 191, 192
Чернышев Г.И. 200
Чернышев З.Г. 19, 109, 169, 174, 200
Чернышева Е.А., рожд. Теплова 201
Чернышева Е.П., рожд. Квашнина-Самарина 200
Чечурин А.П. 7, 30, 32, 33, 71, 73, 74, 76, 77, 78, 82, 83, 84, 85, 86, 87, 91, 92, 93, 94, 95, 96, 97, 98, 99, 173, 174, 175, 180, 181, 185, 186, 192, 219, 323, 338
Шармуа Ф.-Б. (Ф.Ф.) 134, 214
Шаховская З.П. кн., во втором браке Уткина 185
Шебуев В.К. 178
Шевич Д.И. 277
Шевич Е.И. 276, 222
Шевич И.И. 277
Шевич Л.Д. — см. Блудова Л.Д.
Шевич С.И. 277
Шепелев Л.Е. 206
Шиллер И.Ф. 10, 332, 333
Шиллинг фон Канштадт П.Л. 25, 26, 134, 283, 291, 311, 212
Шипов С.П. 205
Шишкина 257, 277
Шлиппенбах Р.В., в замужестве Озерова 221
Штейнбок Е.А., рожд. Дьякова 213
Штейнбок Е.И. 213
Штейнбок Я.Ф. 134, 213

Штерич Е.П. 29, 33, 81, 182
Штерич С.И. 182
Штоль Л. 117, 206
Шубин В.Ф. 44
Шу-Карнов 208
Щедрин С.Ф. 232, 241, 242, 300
Щедрин Ф.Ф. 171
Щербатов И.Д. кн. 15
Щербатов Н.А. 220
Щербатова М.А. 221, 330
Эльмпт А.И., рожд. фон Баранов, в первом браке Будберг 163
Эльмпт М.Ф. 26, 41, 56, 67, 334, 163
Эльмпт Ф.И. 163
Энгель Е.К. 166
Энгель Ф.И. 166
Эсин И.К. 300
Юсупова 22
Языков Д.И. 134, 212, 213
Языков Н.М. 212
Якушкин В.Е. 316
Ярцева Л.В., в замужестве Суворова 30, 111, 112, 203, 204
Язевич А.Г. 243
David, m-lle 16
Forrester 110, 202
Helene 93, 190, 202
Mary 93, 95, 98, 99, 190
Red Rover (Red Rower) – см. Пушкин А.С. 20, 27, 48, 71, 172, 319
Roland Graeme 71, 173
William 93, 110, 190, 202
Quentin Durward 98, 192

СОДЕРЖАНИЕ

Судьба дневника Анны Олениной	5
Предисловие. <i>В. М. Файбисович</i>	10
<i>А. А. Оленина</i> . ДНЕВНИК	53
<i>А. А. Оленина (А. А. Андрo)</i> . ВОСПОМИНАНИЯ	223

Приложение I

<i>А. А. Оленина, А. Д. Блудова,</i> <i>В. А. Савельев и др.</i> Литературные шалости	245
--	-----

Приложение II

Стихи, посвященные Анне Алексеевне Олениной	301
Текстологический комментарий	337
Список имен	345

А. А. Оленина.

Дневник. Воспоминания / Вст. статья В. М. Файбисовича. Сост., подг. текста, комм. Л. Г. Агамалян, В. М. Файбисовича, Н. А. Казаковой, М. В. Арсентьевой. — СПб., Академический проект, 1999 — 367 с. (Пушкинская библиотека, т. 9)

ISBN 5-7331-0150-4

Впервые публикуется в полном, некорректированном виде замечательный документ пушкинской эпохи — дневник Анны Алексеевны Олениной, а также ее воспоминания и литературные опыты, воссоздающие дух этого времени, рассказывающие о многих выдающихся деятелях Золотого века русской культуры, о повседневных заботах, переживаниях, страданиях и забавах молодых людей 1820—1830 гг.

Особый раздел книги занимают стихи, посвященные хозяйке Приютина, в том числе знаменитые пушкинские стихотворения, написанные поэтом в период его сватовства на Appette. Издание сохраняет все особенности авторской орфографии, подробно прокомментировано, снабжено большим количеством иллюстраций.

Анна Алексеевна Оленина
ДНЕВНИК. ВОСПОМИНАНИЯ

Художник Ю. С. Александров
Художественный редактор В. Г. Бахтин
Корректор О. И. Абрамович
Технический редактор А. Ю. Шмарцев

ЛР №066191 от 27.11.98

Подписано в печать 22.04.1999. Формат 70×100/32
Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура Times.
Усл. п. л. 15,6. Уч. изд. п. л. 16,1.
Тираж 3000 экз. Заказ № 3212

Гуманитарное агентство “Академический проект”
199034, Санкт-Петербург, наб. Макарова, 4

Отпечатано с готовых диапозитивов
в Академической типографии “Наука” РАН
199034, Санкт-Петербург, 9 линия, 12